

В.П. Пугачев
А.И.Соловьев

ВВЕДЕНИЕ

В

ПОЛИТОЛОГИЮ

Издание третье, переработанное и дополненное

*Рекомендовано Государственным комитетом РФ
по высшему образованию в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
2000

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена, а в наши дни особенно, политика оказывает важное, порою судьбоносное влияние на жизнь отдельных людей и целых народов. Она неразрывно связана с самыми глубокими основами человеческой цивилизации. Как отмечал еще в V в. до н.э. величайший ум античности Аристотель, политика коренится в природе человека как социального существа, способного полноценно жить лишь в коллективе, обществе и «обреченного» взаимодействовать с другими людьми.

Политические знания и культура нужны сегодня любому человеку, независимо от его профессиональной принадлежности, поскольку, живя в обществе, он неизбежно должен взаимодействовать с другими людьми и государством. Без обладания такими знаниями личность рискует стать разменной монетой в политической игре, превратиться в объект манипулирования и порабощения со стороны более активных в политическом отношении сил.

Массовая политическая грамотность граждан необходима и всему обществу, ибо предохраняет его от деспотизма и тирании, от антигуманных и экономически неэффективных форм государственной и общественной организации. Поэтому сознательное формирование политической культуры как искусства совместного цивилизованного проживания людей в государстве — забота всего современного общества, важное условие его благополучия. Как отмечает руководитель Академии политического образования ФРГ Т. Майер, «там, где политическое образование отличается постоянством, непрерывностью и охватывает все социальные слои, оно не всегда обращает на себя большое общественное внимание. Ненужным же оно не будет никогда».

И если в государствах с прочно укоренившимися в сознании масс демократическими традициями и эффективными институтами контроля за правительством и другими властями часть граждан может позволить себе некоторую аполитичность, то в странах, недавно переживших авторитарные или даже тоталитарные, диктаторские режимы, массовое отстранение от политики чревато тяжелыми социальными последствиями. Демократический строй не может утвердиться и быть эффективным без соответствующей политической культуры населения. **Демократия предполагает превращение** человека в источник власти, вершителя судеб своей страны и международной политики. И хотя в условиях демократического государства далеко не каждый индивид оказывает реальное воздействие на принятие политических решений, именно от сознательности выбора и активности большинства граждан зависит учет в государственной политике интересов различных групп населения, компетентность и ответственность правящих элит.

Способность граждан к принятию рациональных решений, участию в политике не формируется стихийно, а обретается в ходе систематического приобретения ими соответствующих знаний и опыта. Сегодня во всех

индустриально развитых демократических странах существуют специальные институты политического образования, помогающие решать эти задачи. Деятельность таких учреждений не могут заменить средства массовой политической коммуникации — телевидение, радио, газеты, дающие обычно лишь поверхностную картину событий и предполагающие умение граждан самостоятельно, критически анализировать получаемую информацию.

Практическое осуществление политико-просветительской деятельности в современном мире выходит за рамки национально-государственных границ. Так, страны Европейского Союза координируют усилия в области политического просвещения для формирования у своих граждан чувства западноевропейской идентичности, принадлежности к общей родине — Западной Европе, к новому межгосударственному объединению. Тем самым укрепляется субъективная, личностно-мотивационная основа западноевропейской интеграции.

Демократическое политическое образование базируется на признании основных гуманистических ценностей и прежде всего свободы и достоинства каждой личности, ее естественных, неотъемлемых прав. Оно помогает гражданину правильно оценить соответствующий общественный строй, осознать свои место и роль в государстве, права и обязанности. Главная его цель — научить человека адекватно ориентироваться в сложном и противоречивом современном мире, представлять и защищать свои интересы, уважая интересы и права других людей, коллективно решать общие проблемы. Оно направлено также на формирование у граждан уважения к демократическому порядку и обеспечивающим его, государственным и общественным институтам, ибо без твердого политического порядка свобода отдельной личности не может быть реальной.

Демократическое политическое образование призвано придать политике человеческое измерение, сдерживать проявления в политических действиях эгоцентрической мотивации, нетерпимости и эмоциональной неуравновешенности, а также идеологического классового или националистического иррационализма, нередко выступающего под флагом борьбы за тотальную рационализацию общества. Одна из его первейших задач — выработка у граждан устойчивого иммунитета или, по крайней мере, взвешенного, критического отношения к различного рода радикалистским идеологиям, враждебным демократическому строю и стремящимся навязать обществу ту или иную социальную утопию.

В странах с недавним тоталитарным прошлым, охваченных глубоким кризисом, опасность разрушительного воздействия новых радикалистских идеологий весьма велика. Отсутствие у населения устойчивой демократической культуры, твердых ориентаций на общечеловеческие ценности, посткоммунистическая массовая ментальность, дополняемые полунищенским существованием широких слоев населения, острыми социальными и национальными конфликтами, могут привести и уже приводят многих людей в

объятия новых, прежде всего националистических и религиозно-экстремистских идеологий, господство которых не менее разрушительно, чем воздействие официального марксизма.

Конечно, ни в одной стране мира политическое образование не свободно полностью от идеологического содержания, так как оно, выполняя функцию интеграции, объединения общества, в той или иной форме обосновывает и защищает общенациональные интересы и ценности, ограничивает эгоистические и партикуляристские тенденции и тем самым охраняет социальную систему от распада. Однако в демократическом обществе, в отличие от тоталитарного государства, где политическое образование сводится к внедрению в массовое сознание официальной идеологии, оно опирается в первую очередь на общечеловеческие ценности, базируется на принципах **деидеологизации, департизации и добровольности.**

Деидеологизация означает отказ от всяких официальных идеологий, идейно-теоретический плюрализм, свободное соревнование идейных платформ и ценностей. Департизация предполагает отказ от монополизации руководства политическим образованием одной партией, его базирование на гуманистическом ценностном консенсусе, равноправное участие в его организации и осуществлении всех (в том числе оппозиционных) партий и общественных объединений. Добровольность гарантирует свободу выбора идей и убеждений, хотя и не исключает обязательности усвоения политических знаний молодежью, а также теми категориями служащих, для которых политическая образованность выступает необходимым элементом профессиональной компетентности: руководителей государственных служб и учреждений, учителей, работников СМИ и т.п. Учет этих принципов, гарантирующих демократический характер политического образования, особенно необходим в странах, переживших времена тотальной политической обработки населения.

Овладение гражданами основами политической науки и демократической культуры — одно из важнейших условий успеха политических и общественных реформ в России и других постсоциалистических государствах. Известно, что любые социальные перемены начинаются прежде всего с сознания людей.

Переход от командной экономики к рыночному хозяйствованию и от авторитарной политической системы к правовому государству требует коренных изменений в политической культуре населения, формирования массового менталитета, адекватного рыночной экономике и плюралистической демократии. Демократическое политическое образование способно в значительной мере ускорить этот процесс.

В нашем обществе оно призвано выполнять ряд конструктивных функций и прежде всего помогать людям вырабатывать рационалистический и демократический менталитет, усваивать ценности и нормы демократической политической культуры, формировать такие качества, как политическая толерантность (терпимость), готовность к компромиссу и партнерству,

стремление к консенсусу, умение цивилизованно и институционализированно (в рамках закона и с помощью демократических институтов) выражать и защищать свои интересы, предотвращать или же относительно безболезненно разрешать социальные конфликты, укреплять российскую общенациональную идентичность, патриотизм и государственность. Развитие демократического политического сознания способствует также упрочению у населения чувства гражданского долга, ответственности перед обществом и государством, ограничивает влияние политического радикализма и экстремизма.

Особенно необходимы политические знания и навыки молодому поколению, отличающемуся большим радикализмом суждений и действий, повышенной восприимчивостью к различного рода утопическим идеологиям и демагогическим призывам.

Цель настоящего учебника — ознакомить студентов и всех интересующихся политической проблематикой с основами современной политической науки и демократической культуры. Оно ориентировано на реальные потребности России и других постсоциалистических стран в политическом просвещении граждан. Авторы стремились ознакомить читателя с основами современной политической теории и в то же время сконцентрировать внимание на наиболее актуальных для российских условий проблемах: демократизация и модернизация общества, правовое социальное государство, выборы, гуманистические, ненасильственные начала в политике, цивилизованное участие в ней граждан и т.д.

Авторы выражают признательность Гуманитарному российскому фонду (проект № 96-03-04275А) за содействие в доработке этой книги.

Раздел I

ПРЕДМЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Глава 1

ЧТО ТАКОЕ ПОЛИТИКА?

Политология, как следует уже из самого названия, — это наука о политике. Поэтому наличие правильных и ясных представлений о политике — первейшее условие глубокого осознания предмета политологии, ее особенностей и содержания.

§ 1. Понятие политики

Многообразие определений политики
--

«Политика» — одно из наиболее распространенных и многозначных слов в русском языке, да и во многих других языках мира. В повседневной жизни политикой часто называют всякую целенаправленную деятельность, будь то деятельность руководителя государства, партии или фирмы или даже отношение жены к своему мужу, подчиненное определенной цели. Под политикой понимают также искусство возможного, а нередко характеризуют ее как «грязное дело».

Такой разброс обыденных представлений о политике связан не только с недостаточно четкими, ограниченными или просто ошибочными знаниями о ней различных людей, но в первую очередь со сложностью, многогранностью, богатством проявлений этого феномена.

Научные трактовки термина «политика» отличаются от повседневных представлений строгой логической аргументацией, обобщенностью и систематизацией, хотя и не исключают некоторой противоречивости мнений.

Разнообразные научные определения политики могут быть систематизированы и подразделены на несколько групп, каждая из которых внутренне дифференцирована. Критериями выделения таких групп служат используемые для характеристики политики общие исследовательские подходы: социологический, субстанциальный (выясняющий материю, основу явления) и системный, а также акцентированные в определениях политики ее важнейшие конституирующие качества и функции в обществе. В соответствии с этими подходами можно выделить **три группы определений политики: социологические, субстанциальные и научно сконструированные, связанные со специфической интерпретацией политики.**

Группа социологических трактовок политики. Экономические дефиниции

Социологические определения политики, основываясь на социологическом подходе, характеризуют ее через другие общественные явления: экономику, социальные группы, право, мораль, культуру, религию. В соответствии с отражаемой сферой общества их можно подразделить на экономические, стратификационные (социальные), правовые, этические (нормативные) и т.д.

Экономические определения политики, наиболее ярко представленные в марксизме и других концепциях экономического детерминизма, характеризуют политику как надстройку над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики, ее потребностей и интересов. Политика как специфическая область общественной жизни в этом случае утрачивает свою самостоятельность, сохраняя лишь относительную, ограниченную автономию. В целом же она определяется объективными экономическими законами, не зависящими от воли политических акторов (субъектов).

Определения политики в духе экономического детерминизма подчеркивают лишь один из важнейших источников политики. Обычно они гипертрофируют влияние экономических потребностей на политику, недооценивают ее самостоятельность. Опыт истории, и прежде всего более чем 70-летнее существование командно-административного социализма, свидетельствует, что не только экономика оказывает сильное влияние на политику, но и последняя может выступать по отношению к экономике командной, главенствующей силой. Поэтому с точки зрения науки представляется более плодотворным рассматривать взаимоотношение экономики и политики как взаимодействие равнозначных и равноправных областей общественной жизни.

Стратификационные и правовые дефиниции политики

Важной составной частью **социологических** определений политики являются ее стратификационные дефиниции. Они трактуют политику как соперничество определенных общественных групп: классов и наций (марксизм) или заинтересованных групп — за реализацию своих интересов с помощью власти (А. Бенгли, Д. Трумэн и другие). Если марксистские трактовки политики как борьбы между классами в современном мире во многом утратили свое влияние, то теория заинтересованных групп получила широкое распространение и развитие, и в частности она представлена в плюралистических концепциях демократии, трактующих политику в современном демократическом

государстве как соперничество разнообразных заинтересованных групп, обеспечивающее баланс, равновесие общественных интересов.

В истории политической мысли, в том числе и среди современных теоретиков, достаточно широко представлены **правовые** концепции политики. Они считают политику, государство производными от права и прежде всего от естественных прав человека, которые лежат в основе публичного права, законов и деятельности государства. Яркий пример правовой концепции политики — ее контрактивистские («общественного договора») теории, представленные такими видными мыслителями, как Спиноза, Гоббс, Локк, Руссо, Кант. Суть этих теорий состоит в трактовке политики и прежде всего государства как специализированной деятельности по охране присущих каждому человеку от рождения фундаментальных прав: на жизнь, свободу, безопасность, собственность и т.д.

В современной научной литературе широко представлены и противоположные правовым концепциям политики теории. Они рассматривают право как порождение политики, важнейшее средство ее реализации, инструмент создания стабильного политического порядка. Право непосредственно создается государством и основано на политической воле и государственной целесообразности.

В политологии до сих пор остается спорным вопрос «связано ли право лишь исключительно с существованием государства или ему органично присущи некоторые черты (и особенно принцип справедливости), которые вытекают из догосударственного права и предшествуют государственному праву».

Этические определения

Правовая трактовка политики непосредственно примыкает к ее этическим (нормативным, ценностным) дефинициям. Это ярко проявляется в концепциях, признающих догосударственное существование естественного права в форме моральных принципов человеческого сообщества. В целом же нормативные понятия политики — важное направление ее социологической трактовки. Используемый в них нормативный подход предполагает рассмотрение политики исходя из идеалов, ценностей, целей и норм, которые она должна реализовать. Анализируемая под этим углом зрения политика представляет собой **деятельность, направленную на достижение общего блага**. Ее высшей ценностью является общее благо, включающее такие более частные ценности, как справедливость, мир, свобода и др., целью — служение этому общему благу, нормами — конкретные правила, законы, ведущие к его достижению.

Нормативная трактовка политики возникла в глубокой древности. Так, еще Аристотель считал политику высшей формой жизнедеятельности человека, поскольку через нее во взаимоотношениях между людьми утверждается справедливость и достигается благо каждого. «Справедливость, — писал он, —

еще в 1515 г. характеризовал политику как «совокупность средств, которые необходимы для того, чтобы прийти к власти, удерживаться у власти и полезно использовать ее <...> Итак, политика есть обращение с властью, заданное обстоятельствами и зависящее от могущества властителя или народа, а также от текущих ситуаций».

**Институциональные
и антропологические
трактовки политики**

«Властные» определения политики отражают ее сущность, важнейшее конституирующее качество. Они конкретизируются и дополняются с помощью **институциональных** дефиниций. Последние характеризуют политику через организации, институты, в которых воплощается и материализуется власть, и прежде всего через важнейший институт — государство. Политика предстает в этом случае как «участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства».

Некоторые из институциональных дефиниций политики отмечают возросшую роль в ней негосударственных институтов и прежде всего партий. Так, вождь Коммунистической партии Китая Мао Цзедун, отражая главенствующую роль компартии в социалистическом государстве, определял политику как «исходный пункт всех практических действий революционной партии. Она выражается в процессе этих действий и их результатах».

Если «властные» и институциональные трактовки политики видят ее основу во власти и ее носителях-организациях, то **антропологические** определения пытаются отразить ее более глубокий источник, коренящийся в природе человека. С этой точки зрения, **политика — форма цивилизованного общения людей на основе права, способ коллективного существования человека**. Обоснование антропологического понимания политики дал еще Аристотель. Он считал, что человек — существо политическое, поскольку он — существо коллективное. Нормальная жизнь человека, удовлетворение его многообразных потребностей и обретение счастья возможны только при общении с другими людьми. Высшей, по сравнению с семьей или селением, формой такого общения и выступает политика. Ее превосходство над предполитическим общением состоит в том, что она представляет собой общение в государстве свободных и равных людей по нормам права, воплощающего справедливость, одинаковое отношение ко всем гражданам. С помощью политики, государства в общении людей достигается гармония.

Современные антропологические концепции политики разделяют не все идеи Аристотеля, однако, как и он, считают политику органически присущей человеческому роду, укорененной в коллективной природе человека, его индивидуальной свободе, в общественном разделении труда и вытекающем из этого сложном и противоречивом взаимодействии индивидов.

**Конфликтно-консенсусные
определения**

Антропологические трактовки политики значительно обогащаются и дополняются ее конфликтно-консенсусными дефинициями.

«Политическая теория, — пишет известный французский политолог Морис Дюверже, — колеблется между двумя драматическими противостоящими интерпретациями политики. В соответствии с одной политика является конфликтом, борьбой, в которой те, кто обладает властью, обеспечивают себе контроль над обществом и получение благ. В соответствии с другой точкой зрения политика представляет из себя попытку осуществить правление порядка и справедливости <...> означает обеспечение интеграции всех граждан в сообщество».

Конфликтные дефиниции политики акцентируют внимание на противоречиях, которые лежат в основе политики, определяют ее динамику. С точки зрения таких противоречий политика рассматривается как **деятельность по насильственному и мирному разрешению конфликтов**. Хотя общую окраску политике придает конфликт, она обычно невозможна без определенного консенсуса, согласия ее участников, основанного на их общей заинтересованности в общественном порядке, на признании правомерности власти и необходимости подчинения закону и т.п.

Особенно важна роль консенсуса, объединяющего политических субъектов фактора в демократическом государстве, где предотвращение и разрешение конфликтов осуществляется на базе признания подавляющим большинством граждан таких основополагающих ценностей, как свобода личности, права человека, воля большинства, а также автономия и право на собственное мнение меньшинства. Как отмечает известный американский политолог С. Ф. Хантингтон, при полном отсутствии социальных конфликтов нет политики, а при полном отсутствии социального консенсуса, общественной гармонии невозможны политические институты.

**Политика как отношения
«друзей» — «врагов»**

Специфическую интерпретацию и развитие конфликтно-консенсусные трактовки политики получили у видного немецкого политолога Карла Шмитта. Нередко его концепцию политики

рассматривают как самостоятельное, оригинальное направление в понимании «политического». Согласно К. Шмитту, политика не имеет собственной основы, субстрата. «"Политическое" способно черпать свою силу из различных областей общественной жизни, из религиозных, экономических, нравственных и других противоречий. Оно характеризует не какую-то собственную, специфическую сферу жизнедеятельности, но только **степень интенсивности объединения (ассоциации) или разъединения (диссоциации) людей**, мотивы которых могут быть религиозными, национальными (в этническом или культурном смысле),

экономическими или другими и в различные времена вызывают различные соединения или разъединения».

Политическое качество возникает в результате «уплотнения» общественных противоречий, их осознания как отношений «друзей» — «врагов». Враг — это кто-то «чужой», представляющий угрозу данному субъекту или его интересам, друг же — это союзник, помощник в достижении целей.

К. Шмитт придает отношениям «друг» — «враг» конституирующее, создающее политику значение, оставляя в тени объективные основы политической дифференциации людей. На наш взгляд, его концепция хорошо объясняет субъективное переживание политики, ее эмоциональную мотивацию. Однако отношения «друзья» — «враги» — это лишь один из важнейших аспектов политики, далеко не охватывающий всего ее содержания.

Группа научно сконструированных трактовок политики. Деятельностные, телеологические и системные определения

Динамический, процессуальный характер политики раскрывают ее деятельностные определения. Они характеризуют политику как **процесс подготовки, принятия и практической реализации обязательных для всего общества решений**. Такая интерпретация политики позволяет проанализировать важнейшие стадии ее осуществления. К таким стадиям относятся: определение целей политики, принятие решений; организация масс и мобилизация ресурсов для реализации этих целей; регулирование политической деятельности; контроль за ней; анализ полученных результатов и определение новых целей политики. Деятельностная интерпретация политики широко используется, в частности, в теории политических решений.

Она применяется также в **телеологических** трактовках политики, рассматривающих ее как **деятельность по эффективному достижению коллективных целей**. Как писал патриарх американской социологии Т. Парсонс, политика представляет собой совокупность «способов организации определенных элементов тотальной системы в соответствии с одной из ее фундаментальных функций, а именно эффективного коллективного действия для достижения общих целей».

В телеологических дефинициях политики подчеркиваются два ее конституирующих момента: **коллективная природа** деятельности (причем это деятельность крупных социальных групп: классов, наций, государств и т.п.) и **сознательный, целенаправленный характер**. В политике частные цели индивидов «вырастают» до общегосударственных.

Телеологические определения политики, как это видно из характеристики, данной Парсонсом, широко используются в рамках системного анализа

общества. С **системной** точки зрения политика является **относительно самостоятельной системой, сложным социальным организмом, целостностью, отграниченной от окружающей среды — остальных областей общества — и находящейся с ней в непрерывном взаимодействии.** Политическая система заботится о самосохранении и призвана удовлетворять целый ряд общественных потребностей, важнейшая из которых интеграция общества.

Системная интерпретация политики получила детальное обоснование и развитие в разнообразных теориях политических систем, первыми и наиболее значительными из которых были концепции американских политологов Д. Истона и Г. Алмонда.

Рассмотренные выше трактовки политики не исчерпывают всего многообразия ее определений, хотя и отражают важнейшие из них. Такое обилие научных характеристик объясняется прежде всего сложностью политики, богатством ее содержания, многообразием свойств и общественных функций. Обобщая различные дефиниции, можно определить политику как **деятельность социальных групп и индивидов по артикуляции (осознанию и представлению) своих противоречивых коллективных интересов, выработке обязательных для всего общества решений, осуществляемых с помощью государственной власти.**

§ 2. Структура и функции политики

Формы, содержание и процесс политики

Политика существует в различных ипостасях (формах) — в виде мышления, речи и поведения людей. Она имеет сложное строение. В научной литературе выделяются различные аспекты и составные части политики. Одно из наиболее широко распространенных препарирований (делений) политики — разграничение в ней формы, содержания и процесса (отношений).

Форма политики — это ее организационная структура, институты (в том числе и система правовых и организационных норм), придающие ей устойчивость, стабильность и позволяющие регулировать политическое поведение людей.

Форма политики реально воплощается в государстве, партиях и группах интересов (ассоциациях и движениях), а также в законах, политических и правовых нормах.

Содержание политики выражается в ее целях и ценностях, в проблемах, которые она решает, в мотивах и механизмах принятия политических решений.

В политическом **процессе** отражается сложный, многосубъектный и конфликтный характер политической деятельности, ее проявление как отношений различных социальных групп, организаций и индивидов.

**Полити (polity)- ,
полиси (policy)- и
политикс
(politics)-исследования**

В английском языке, а также в американской и мировой политической науке в целом для обозначения различных сторон политики используются три самостоятельных термина: «polity» («полити», или «полития»), «policy» («полиси») и «politics» («политикс»). Эти понятия примерно соответствуют форме политики, ее содержанию и политическому процессу. **Полития** означает политическую организацию того или иного общества, государство в широком смысле этого слова, т. е. как совокупность всех граждан страны, весь механизм осуществления власти. Иными словами, это политический строй, политический порядок в единстве составляющих его институтов и норм.

Полиси в узком значении этого слова характеризует содержание, образ действий власти, правительства, технологию принятия политических решений. Полиси-исследования, как одно из направлений политической науки, стремятся выяснить, как, почему и с каким эффектом политические инстанции принимают обязательные для всех решения по распределению дефицитных ценностей и благ, какие социальные последствия и реакцию вызывают эти решения.

В широком значении понятие «полиси» относится не только к действиям центральной власти, но и к способу поведения, принятия решений других политических акторов: партий, профсоюзов и т.д. **Политике** — это политика, рассматриваемая с точки зрения возникновения и разрешения в ней конфликтов. Политикс-анализ занимается субъектами, претендующими на власть или стремящимися повлиять на политические решения: партиями, общественными организациями, средствами массовой информации (СМИ), заинтересованными группами и т.д., а также конфликтующими интересами, идеологиями, целями и ценностями, насильственными и мирными способами разрешения конфликтов. Полити (форма), полиси (содержание) и политике (процесс) нередко называют измерениями политики, отражающими ее важнейшие аспекты.

**Элементы и уровни
политики**

Форма, содержание и процесс не исчерпывают строение политики. В качестве ее относительно самостоятельных **элементов** можно выделить 1) политическое сознание, включающее внутренний мир, менталитет, ценностные ориентации и установки индивидов, а также политические взгляды и теории; 2) нормативные идеи: программы и избирательные платформы политических партий, целевые установки групп

интересов, политико-правовые нормы; 3) институты власти и борьбы за нее; 4) отношения властвования — господства и подчинения, а также политической борьбы и сотрудничества.

Если попытаться перечислить конкретные составные части политики, то в качестве таковых можно назвать политические взгляды, идеи, теории, программы, ценностные ориентации, установки, стереотипы и т.п., обычаи и традиции, образцы поведения, общественное мнение, специфический политический язык, психологию людей, государство, партии, группы интересов и движения, законы, права человека и другие политические и политико-правовые нормы, отношения власти и по поводу власти, политических лидеров, элиты, группировки и т.д.

Помимо составных частей и элементов в политике иногда выделяют **три уровня ее существования**. Первый, собственно политический, макроуровень, характеризует государство как целое, публичную принудительную власть, ее устройство и функционирование в центре и на местах. Второй, микроуровень, политики охватывает отдельные организации: партии, профсоюзы, корпорации, фирмы и т.п. Здесь, как и в государстве в целом, также обнаруживаются внутренние явления и процессы, свойственные большой политике: выдвижение и реализация коллективных целей, принятие решений, распределение должностей и благ, применение санкций, соперничество индивидов и групп за власть, конфликты интересов и т.д. Третий, мегауровень, политики относится к деятельности международных организаций: ООН, НАТО, ЕЭС и т.п.

Первый из этих уровней занимает центральное место и характеризует суть политики. Второй и третий уровни имеют подчиненное значение.

Функции политики

С общегосударственным, макроуровнем, политики обычно связывают ее основные функции в обществе. Они характеризуют важнейшие направления воздействия политики на общество. К ним относятся:

— поддержание и укрепление целостности общества как сложно дифференцированной социальной системы, обеспечение общественного порядка и организованности;

— разработка целей всего общества и составляющих его коллективных субъектов, организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление;

— авторитарное, обязательное для всех распределение дефицитных ценностей и благ;

— предотвращение и регулирование групповых конфликтов; — конституирование сложных социальных субъектов (коммуникационная функция). Суть этой функции достаточно полно описывает английский политолог Р. Н. Берки: «Политика предполагает: выявление смысла существования общности; определение общих интересов всех субъектов

политики, т.е. участников данной общности; выработку приемлемых для всех субъектов правил поведения; распределение функций и ролей между субъектами или выработку правил, по которым субъекты самостоятельно распределяют роли и политические функции; наконец, создание общепонятных для всех субъектов языков (вербального и символического), способных обеспечить эффективное взаимодействие и взаимопонимание между всеми участниками данного сообщества».

Кроме этих, присущих в большей или меньшей степени любому обществу задач, политика выполняет и ряд специфических для определенных типов социальных систем функций. Это — поддержание классового или социального господства; защита основополагающих прав человека; привлечение граждан к управлению государственными и общественными делами; обеспечение социальной справедливости и общего блага и др.

Достаточно детально вопрос о функциях политики разработан в системном анализе. Так, один из основоположников теории политических систем Г. Алмонд выделяет две основополагающие группы функций: функции «ввода» — воздействия общества на политику — и функции «вывода» — влияния политической системы на общество. К функциям «ввода» относятся: политическая социализация и привлечение граждан к участию в политике; артикуляция интересов; агрегирование интересов. К функциям «вывода» — разработка норм (законов); их применение; контроль за их соблюдением.

Многообразие функций политики свидетельствует о ее глубоком проникновении в общество, распространении на весьма различные социальные явления. Какова же область распространения политики и существуют ли пределы ее проникновения в общество?

§ 3. Границы политики в обществе

О б л а с т ь р а с п р о с т р а н е н и я

Ответ на вопрос о распространенности политики в обществе прямо зависит от ее трактовки, а также от конкретных типов общественных и политических систем. Из широкого понимания политики как любой деятельности и поведения, связанных с властью, авторитетом, организацией и управлением (Г. Лассуэлл, Г. Вассерман и др.), логически следует, что она проникает во все области общественной жизни: экономику, культуру, религию, науку, спорт и т.д. Как пишет известный американский политолог Роберт Даль, к политическим ассоциациям принадлежат не только такие организации, как государство и партии, но также профсоюзы, частные клубы, деловые предприятия, религиозные организации, группы граждан, дикие племена, кланы и даже отдельные семьи.

Еще более широкий взгляд на сферу распространения политики выражает американский политолог Д. Хелд. Трактую политику как «борьбу за организацию человеческих возможностей», он утверждает, что она является «составным элементом всей человеческой жизни, неотъемлемым вектором, измерением производства и воспроизводства общества», а не только деятельностью правительства.

Представляется, что приведенные выше трактовки политики отмечают ее важнейшие социальные индикаторы (показатели); власть, авторитет (хотя авторитет нередко рассматривают как одно из свойств, атрибутов власти), организацию, управление. В то же время широкая трактовка политики таит в себе опасность затемнения ее особенностей, растворения среди близких к политике по своей природе явлений — власти, социальной организации, управления, изучение которых — предмет специальных наук, соответственно: социологии власти, социологии организации, теории управления.

Более конкретно критерии и границы политики определяет М. Вебер. Он пишет: «Ассоциация может быть названа политической, если выполнение ее распоряжений постоянно осуществляется на определенной территории под угрозой или с применением принуждения со стороны административного органа».

Таким образом, Вебер ограничивает критерии политического **постоянством** власти, ее распространением на определенную территорию, наличием специальных **органов принуждения**. Нетрудно заметить, что политика связывается Вебером с общегосударственным (макро-) уровнем ее функционирования.

Подвижность границ политики
--

Отмеченные выше индикаторы (критерии) политики отражают ее статику, важнейшие постоянно воспроизводимые черты. В то же время политика достаточна динамична, изменчива, подвижна. Она распространяется на многие экономические, культурные и другие общественные явления, причем порою, казалось бы, даже на сугубо личные, интимные области. Так, например, в начале 90-х гг. в Польше, ФРГ и некоторых других странах острые политические дискуссии и противоборство вызвал вопрос о запрете абортов.

Почти любая общественная проблема может стать политической в том случае, если, по мнению политических лидеров, она затрагивает интересы всего общества и требует обязательных для всех граждан решений. **Политика — это инструмент сознательного саморегулирования общества.** Поэтому она может распространяться на самые различные общественные явления, как на те, которые требуют постоянного властного регулирования (например, охрана безопасности граждан, общественного порядка, развитие международных связей и т.д.), так и на те, которые временно приобретают политическую значимость (например, государственная помощь населению в случае стихийных бедствий).

Охватывая многие экономические, культурные, религиозные и другие явления, политика не подменяет их, а придает им особый аспект — делает их объектом воздействия публичной власти. Одна и та же общественная ассоциация нередко имеет и политический, и экономический, и культурный, и религиозный аспекты. Так, например, промышленная корпорация, занимающаяся экономической деятельностью, создающая материальные ценности, в то же время может оказывать финансовую и иную поддержку определенной политической партии и субсидировать культурный или научный фонд.

Многоаспектность различных общественных объединений объясняется в конечном счете многообразием качеств и социальных ролей человека, который есть одновременно существо и экономическое — производитель и потребитель материальных ценностей, и политическое — гражданин государства, член партии или другой ассоциации, и социальное — представитель социальной группы, и культурное — носитель определенных идей, ценностных ориентаций и традиций, и религиозное — приверженец определенных религиозных верований или атеист.

Широкое проникновение политики в общество не означает, что она не имеет границ, пределов. В мировой социально-политической мысли по этому вопросу существуют различные точки зрения. Наиболее типичные из них — тоталитарные, анархистские, либеральные и кейнсианские воззрения.

Тоталитарная и анархистская трактовки политики

Тоталитарные концепции устраняют всякие ограничения политического воздействия, исходят из всеобъемлющей, тотальной политизации общества, политического командования экономикой, культурой, наукой и т.д. В тоталитарных моделях политика непосредственно управляет всеми другими сферами, фактически упраздняет гражданское общество, автономию частной жизни.

Анархистские концепции являются антиподом тоталитаризма. Они отождествляют политику, всякую организованную власть с насилием, подавлением личности и стремятся заменить ее самоуправлением, добровольным объединением снизу доверху свободных суверенных людей, сохраняющих свободу выхода из ассоциации. Получив значительное распространение в XIX в., анархизм впоследствии утратил существенное влияние на интеллектуальную и политическую жизнь, не сумев доказать практическую реализуемость своих идей.

Либерализм и кейнсианство

Более умеренную, по сравнению с тоталитаризмом и анархизмом, позицию по отношению к политике и ее влиянию на общество занимают либерализм и кейнсианство. Классический либерализм разделяет общественную систему на

государство и гражданское общество — неконтролируемую государством частную хозяйственную, культурную, семейную, религиозную и иную, в том числе политическую, жизнь.

Государство создается свободными гражданами для выполнения вполне определенных, ограниченных целей — охраны общественного порядка, гарантий безопасности, свободы и других фундаментальных прав личности, а также для обеспечения благоприятных условий хозяйствования и общения людей. Оно не вмешивается в дела гражданского общества и выполняет роль «ночного сторожа» — охранника личной и общественной безопасности и порядка. Сфера политики ограничена. Она не распространяется на дела гражданского общества.

Либеральное ограничение функций государства и политики еще более усиливает либертариизм, считающий задачей любого государства только обеспечение свободы и защиту индивида от физического насилия.

Либеральные взгляды, господствовавшие на Западе в XVIII— XIX вв., были подвергнуты существенному пересмотру в 30-е гг. нынешнего столетия (а частично и значительно раньше) Д.М. Кейнсом и получили название **«кейнсианство»**. Суть этой концепции состоит в отказе от классических либеральных взглядов на капитализм как на саморегулирующееся общество и в обосновании необходимости взятия правительством ответственности за благополучие всей социальной системы, всех ее элементов. Это предполагает, в свою очередь, возможность вмешательства государства в экономику, сферу социального обеспечения, занятости, трудовые и другие общественные отношения. **Кейнсианские взгляды на роль государства и политики преобладают в современных постиндустриальных демократиях и служат, в частности, теоретическим обоснованием социального государства** (см. главу 14).

Выступая за регулятивную роль политики по отношению ко всему обществу, кейнсианство и близкие к нему современные теории признают, в отличие от тоталитаризма, определенные границы политического вмешательства. Важнейшие из таких границ — разнообразные права человека, а также принципы рыночной экономики, нарушение которых могло бы подорвать систему частного предпринимательства. В современных постиндустриальных государствах по этим вопросам обычно существует общественный консенсус, хотя в своей идеологии консерваторы больше тяготеют к классическому либерализму или даже к либертариизму, социал-демократы же и близкие к ним партии — к широкому использованию государственного регулирования в целях обеспечения социальной стабильности, укрепления социальной справедливости и расширения участия граждан в политике.

В целом же важнейшая роль политики по отношению к обществу не подвергается сомнению. Во всех индустриально развитых демократических странах мира она является объектом широких научных исследований и массового изучения.

Глава 2

ПОЛИТОЛОГИЯ КАК ТЕОРИЯ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Люди осознают политику двумя главными способами: через обыденные взгляды, получаемые в повседневном практическом опыте, и через научное знание, являющееся результатом исследовательской деятельности.

Обыденные, несистематизированные представления о политике существуют на протяжении многих тысячелетий. В той или иной форме они присущи каждому человеку и составляют неотъемлемый элемент массового политического сознания. Отражая преимущественно внешнюю, практическую сторону политических явлений, обыденные знания могут быть как истинными, так и ложными. В целом же они не отражают глубоко и всесторонне действительность и поэтому не могут служить надежным ориентиром человека в мире политики. Все это призвана обеспечивать политическая наука и ее изучение. Что же она собой представляет, когда и как возникла и какие познавательные способы и средства использует? 23

§ 1. Возникновение и предмет политологии

Зарождение политической науки

На протяжении длительного исторического периода политическая наука была органично вплетена в единую ткань обыденных политических представлений, религиозных и философски-этических взглядов. Исторически первой формой осмысления политики была ее **религиозно-мифологическая** трактовка. Судя по сохранившимся источникам, во II—I тысячелетиях до н.э. у всех древних народов господствовали представления о божественном происхождении власти и общественно-политического строя и сами эти представления передавались обычно в форме мифов.

Примерно с середины I тысячелетия до н.э. наметилась тенденция рационализации политических взглядов, появляются первые политические категории и дефиниции, а затем и целые концепции, носящие философско-этическую форму. Тем самым закладывается основа собственно теоретических исследований политики. Этот процесс связан прежде всего с трудами Конфуция, Платона и Аристотеля.

Аристотель трактует политическую науку как высшую из всех наук, поскольку она учит людей жить по законам справедливости и права и имеет своей целью общее благо. В работе «Политика», полной житейской и политической мудрости, он писал: «Желанно, разумеется, и [благо] одного человека, но прекраснее и божественней благо народа и государства».

Для своих политических выводов и в частности классификации государств этот выдающийся мыслитель использовал огромный фактический материал — результаты конкретных исследований 158 городов-государств — полисов. Учитывая огромные заслуги Аристотеля в развитии политической мысли, его нередко называют родоначальником, отцом политической науки. Однако это не совсем так, поскольку становление политологии — длительный процесс, в котором соседствуют истина и заблуждение, глубокие проникновения в сущность политических явлений и поверхностные, исторически ограниченные и прямо ошибочные суждения, например утверждение Аристотеля о неполитичности рабов по своей природе.

Политические исследования Аристотеля, как и его предшественников, еще не выделились в самостоятельную дисциплину и были неразрывно переплетены с философскими и этическими идеями. Впоследствии политическая мысль постепенно освобождается от религиозного влияния и философско-этической формы. Так, произведения Цицерона «О республике» и «О законах» уже не содержат каких-либо общеполитических или религиозных рассуждений.

Наиболее четко размежевание политической науки, философии и этики осуществил в XVI в. Н. Макиавелли. Он выделил политические исследования в качестве самостоятельного научного направления, уподобил политические процессы природным явлениям, поставил в центр анализа проблемы государства и власти, разработал целый комплекс методов борьбы за власть. Его творчество не только ознаменовало крупный шаг на пути превращения политологии в самостоятельную науку, но и способствовало сближению теории и практики, подчинению политических исследований решению реальных задач борьбы за власть и ее удержание.

Свое дальнейшее развитие политическая наука получила в трудах Гоббса, Локка, Монтескье, Руссо, Мэдисона, Берка, Мил-ля, Токвиля, Маркса, Энгельса, Ленина и других мыслителей.

Политология как самостоятельная дисциплина

Несмотря на наличие достаточно широких политических исследований, вплоть до второй половины XIX в. политология развивалась без самостоятельной дисциплинарной оформленности, главным образом как учение о государстве и политико-философская теория. С этим связаны трудности в определении времени завершения процесса ее формирования. Некоторые ученые считают формальным началом политологии как самостоятельной науки образование в первой половине XIX в. правовой школы в Германии, другие же — преимущественно американские авторы — датируют ее возникновение второй половиной XIX в. и связывают прежде всего с именем Френсиса Лейбера, который в 1857 г. начал читать в Колумбийском университете курс лекций по политической теории и создал необходимые условия для открытия

там же в 1880 г. сменившим его Джоном Берджессом высшей школы политической науки.

В последующие годы в Америке создается целая сеть политологических учебных и научных институтов, что позволило учредить в 1903 г. Американскую ассоциацию политических наук, насчитывающую сегодня свыше 16 тысяч членов.

В конце XIX — начале XX в. сам термин «политическая наука» получает признание и распространение и в Европе. В 1896 г. один из виднейших европейских политологов и социологов итальянец Г. Моска называет свой ставший позднее классическим труд «Элементы политической науки».

В начале XX в. процесс выделения политологии в самостоятельную академическую дисциплину в основном завершается. Развитию политических исследований заметно способствовало создание в 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО Международной ассоциации политической науки, которая продолжает свою плодотворную деятельность и сегодня.

Политическая наука в России

В России политическая мысль имеет длительную историю и содержит много интересных и оригинальных идей. Современный облик политические исследования приобретают здесь в конце XIX — начале XX в. Заметный вклад в мировую политическую науку внесли М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, М.Я. Острогорский и ряд других исследователей, а также марксистские теоретики В.И. Ленин, Г.В. Плеханов и другие.

Бурное развитие политической науки было сильно заторможено, а во многих направлениях и прервано после большевистской революции 1917 г. Политология стала трактоваться как лженаука, буржуазная наука и т.п. Робкие попытки создания «марксистско-ленинской политической науки» и активизации политических исследований успеха не имели. Отдельные политические проблемы анализировались в организационных рамках исторического материализма, научного коммунизма, истории КПСС, теории государства и права и некоторых других сильно идеологизированных дисциплин. Однако их познавательные, эвристические возможности были ограничены догмами официального марксизма и общим положением обществоведения как служанки власти.

Отношение к политологии начало меняться лишь во второй половине 80-х гг. Сегодня, несмотря на многочисленные трудности, она постепенно занимает подобающее ей место в системе обществензнания, оказывает все более заметное влияние на практическую политику, строительство демократической государственности. Что же более конкретно представляет собой политическая наука?

**Дискуссии о предмете политологии.
Политология — одна**

Политология, как следует из буквального перевода самого этого слова, — наука о политике. Такая ее общая трактовка обычно не вызывает особых возражений, хотя вопрос о том, в каком объеме политология изучает политику, является

дискуссионным. Исследователи трактуют эту проблему по-разному:

1. Политология — наука, традиционно занимающаяся исследованием государства, партий и других институтов, осуществляющих власть в обществе или воздействующих на нее, а также ряда других политических явлений. Как это отражено в англоамериканском «Словаре политического анализа», к нынешнему этапу развития ее предметное содержание значительно расширилось и обычно включает «управление на национальном и местном уровнях; сравнительный или межстрановой (crossnational) анализ; политику и политическое поведение; публичное право и судебно-правовое поведение; политическую теорию; публично-административную деятельность (public administration) и организационное поведение; международные отношения». В этом случае политология — дисциплина, однопорядковая с политической социологией, политической философией, политической психологией и т.п., т.е. одна из наук о политике.

Главным аргументом в пользу такой позиции является ссылка на естественно сложившуюся в ходе истории дифференциацию наук, на междисциплинарное разделение труда. Действительно, в силу различных причин традиционно главным объектом изучения политической науки были государство, его устройство и деятельность, а также другие политические организации.

Затем предмет ее расширился за счет политических явлений, не исследуемых другими науками: политических процессов, политического поведения, политических систем и т.д. Однако такое спонтанное расширение предмета политологии нередко противоречит научной логике и не позволяет ответить на вопрос, почему, помимо традиционных для нее политических институтов, она включает в свой предмет одни политические явления, например поведение, и не включает другие, например стереотипы, установки и т.п.

Кроме того, существенным недостатком трактовки политологии как сравнительно частной науки о политике является логически следующее из такого подхода фактическое отрицание общей науки о политике, интегрирующей все политические знания в единую систему. Вероятно в силу отмеченных слабостей, эта (первая) позиция в последние годы утрачивает свое влияние, особенно в Европе.

2. Политология — единая наука о политике. Однако она включает не все знания об этой сфере общественной жизни, а лишь те, которые опираются на строго научные, преимущественно эмпирические методы. В

**Политология —
точная наука**

содержание политической науки не входят такие общетеоретические дисциплины, опирающиеся на нормативный, ценностный подход, как политическая философия, политическая этика, история политических идей и некоторые другие. Эта точка зрения представлена сторонниками бихевиоризма, о котором более подробно речь пойдет ниже. Бихевиористы отрицают подлинную научность предшествующих политических теорий и уподобляют политологию естественным наукам, основанным на точных эмпирических, математических, кибернетических и тому подобных методах.

В 60-х гг. нынешнего века радикально настроенные политологи-бихевиористы вообще противопоставляли политическую науку политической теории, под которой понималась «отрасль, занимающаяся политической этикой и историей политических идей». Современные сторонники бихевиоризма обычно не столь категоричны в отрицании политической теории. Однако и они признают в качестве научных лишь эмпирико-аналитические концепции, построенные на базе конкретных, эмпирических фактов и верифицируемых (проверяемых на опыте) гипотез. При этом отрицаются связанные с ценностным подходом нормативные теории, исследующие сущность и смысл существования государства и общества, разрабатывающие политические идеалы и пути их реализации, а также историко-диалектические концепции, занимающиеся критическим анализом общества, раскрытием лежащих в основе политики противоречий и закономерностей.

Логическим следствием бихевиористской позиции является разделение политических знаний на две части: на **нормативные** знания, связанные с ценностями и оценками, требованиями и пожеланиями, и на строго **научные** знания, основанные на фактах. Такой подход подвергается критике за противопоставление двух этих видов знаний и за отлучение нормативных теорий от науки. Как: показывает история, хотя нормативные и эмпирические знания имеют большую специфику, их полный разрыв губителен для общественной науки, поскольку обрекает ее на дегуманизацию, отход от жгучих проблем человечества и вырождение в малозначимые абстракции.

Политология — весь комплекс знаний о политике

3. Политология — общая, интегральная наука о политике во всех ее проявлениях, включающая весь комплекс наук о политике и ее взаимоотношениях с человеком и обществом: политическую философию, политическую социологию, политическую психологию, теорию политических институтов и прежде всего государства и права и т.д. Понимаемая в этом значении, политология аналогична экономической науке, социологии, философии и другим интегральным наукам, объединяющим соответствующие комплексы знаний о тех или иных сферах жизнедеятельности.

Достоинством широкой трактовки политической науки является не только простота понимания, прямое соответствие категории «политология» значению этого термина — общая наука о политике, но прежде всего ориентация на интеграцию самых различных политических знаний и тем самым на получение целостной картины исследуемых объектов. Научная позиция, рассматривающая политологию как общую, единую и вместе с тем внутренне дифференцированную науку о политике, находит все более широкое мировое признание, что, в частности, получило отражение в употреблении термина «политическая наука» в единственном числе в названии всемирной организации политологов — «Международная ассоциация политической науки».

Итак, политология представляет собой **единую, интегральную науку о политике, ее взаимодействии с личностью и обществом**. Дать более конкретное общее определение этой науки практически невозможно. Это вызвано прежде всего чрезвычайной многозначностью термина «политика», возможностью различных способов ее описания, а также дискуссионностью представлений о предмете политологии. Учитывая все это, некоторые авторы предлагают вообще отказаться от попыток дать этой науке общепризнанное определение.

§ 2. Структура политической науки

Являясь единой по своей сути наукой, политология внутренне дифференцирована и включает целый ряд более частных дисциплин, отражающих отдельные аспекты, стороны политики и ее взаимоотношение с обществом. Как считает немецкий ученый П. Ноак, политическая наука складывается из четырех важнейших дисциплин: политической философии, или политической теории; учения о политических институтах; политической социологии; теории международной политики.

Кроме названных этим автором политических наук, их перечень может быть дополнен историей политических учений, политической антропологией, политической психологией, политической географией, политической экологией, политической астрологией и т.п.

Науки о самой политике

Несколько условно все политические науки можно разделить на две группы: дисциплины, изучающие непосредственно саму политику, и науки, исследующие ее взаимосвязь с остальным миром. К первым относятся политическая философия (в той мере, в которой она изучает природу политики и ее общие законы), учение о политических институтах, теория международной политики, политическая история; ко вторым — политическая социология, политическая психология, политическая география и др. Что же представляют собой важнейшие из этих наук?

Политическая философия — отрасль знаний, изучающая политику как целое, ее природу, значение для человека, взаимоотношения между личностью, обществом и государственной властью и разрабатывающая идеалы и нормативные принципы политического устройства, а также общие критерии оценки политики. Она стремится ответить на вопросы, почему и зачем существуют те или иные политические явления и каковыми они должны быть.

Предмет политической философии можно разделить на три группы явлений. Во-первых, это политические ценности, критерии оценки реальной политики с точки зрения морали, интересов крупных общественных групп или всего человечества. В этой области исследований создаются нормативные теории, даются этические оценки политическим институтам и процессам, разрабатываются идеалы и цели, а также важнейшие пути их достижения.

Во-вторых, предметом политической философии являются наиболее глубокие основы политики. В отличие от эмпирических наук, опирающихся на частные наблюдаемые факты и верифицируемые гипотезы, политико-философские знания основываются на теоретических рациональных изысканиях, обобщениях глобального исторического опыта, логических рассуждениях, хотя и не исключают анализ конкретных фактов.

В-третьих, эта наука анализирует способы и средства познания политики, определяет смысл политических категорий, например таких из них, как власть, свобода, равенство, справедливость, государство, права человека, политическое поведение и т.д. Без опоры на такие категории в конечном счете невозможны и эмпирические политические исследования.

Таким образом, политическая философия служит общей методологической базой политических исследований, определяет смысл различных концепций, выявляет универсальные принципы и законы во взаимоотношениях человека, общества и власти, соотношение рационального и иррационального в политике, ее нравственные критерии и мотивационную основу, определяет границы и принципы государственной власти и т.п. Политическая философия была исторически первой формой существования политической науки. Философские знания составляют ядро мировоззрения человека и политической культуры общества.

Учение о политических институтах представлено в первую очередь теориями политической организации общества, государства и права, политических партий и других институтов. В рамках этого учения имеется множество относительно самостоятельных дисциплин. Так, например, учение о государстве и праве помимо общей теории государства включает целый комплекс юридических дисциплин. Политические институты, традиционно стоявшие в центре политических исследований, и сегодня занимают в них одно из важнейших мест.

Теория международной политики — область политических исследований, предмет которой — международные организации и объединения

(ООН, НАТО, ОБСЕ, Социнтерн, «Международная амнистия» и т.п.), внешнеполитическая деятельность государств, партий и общественных движений, международные отношения. Она изучает также проблемы войны и мира, предотвращения и урегулирования международных конфликтов, формирования нового мирового порядка.

Политическая история изучает политические теории, взгляды, институты и события в их хронологической последовательности и связях друг с другом. Вся человеческая история в определенном смысле — это прошлая политика. Без знания истории невозможно понять и предвидеть будущее. Поэтому любые значительные политические исследования так или иначе предполагают обращение к политической истории.

Пограничные политологические

Эту группу составляют науки, занимающие промежуточное положение между политологией и другими науками. Важнейшей из них является **политическая социология** -наука о взаимодействии между политикой и обществом, между социальным строем и политическими институтами и процессами. Она выясняет влияние остальной, неполитической части общества и всей социальной системы на политику, а также ее обратное воздействие на свою окружающую среду. Эта наука занимает промежуточное положение между политологией и социологией, примыкает как к одной, так и к другой из этих дисциплин. Она выделяется среди других наук о политике прежде всего социологическим подходом к исследованию своего предмета, требующим выяснения зависимости политики от общества, социальной детерминированности политических явлений.

Политическая социология использует как макросоциологический подход, предполагающий выяснение социальных основ власти, влияния конфликтов между социальными группами на политические процессы и т.п., так и микросоциологический метод, суть которого состоит в рассмотрении конкретных политических институтов как социальных организаций, в анализе их формальной и неформальной структур, методов руководства и т.д.

Политическая психология изучает субъективные механизмы политического поведения, влияние на него сознания и подсознания, эмоций и воли человека, его убеждений, ценностных ориентаций и установок. Эта наука рассматривает человеческое поведение как процесс и результат взаимодействия индивида со средой, при котором действия личности определяются как характером внешнего воздействия, так и особенностями их восприятия и осознания субъектом, который и является непосредственным предметом психологического анализа.

Политико-психологические исследования особенно широко применяются при изучении электорального и иного политического поведения, политического

лидерства, политической социализации, политического конфликта и сотрудничества. Относительно самостоятельным направлением этой науки является политический психоанализ, представленный в трудах З.Фрейда, Б.Буллита, Г.Лассуэлла, Э.Фромма и других.

Политическая антропология изучает зависимость политики от родовых качеств человека: биологических, интеллектуальных, социальных, культурных, религиозных и др., а также обратное влияние политического строя на личность. Эта наука уделяет большое внимание исследованию элементов политики в примитивных этнических сообществах с родоплеменным строем.

Политическая география исследует взаимосвязь политических процессов с их пространственным положением (например в зависимости от близости к океану, к сильным государствам и т.п.), территориальными, экономико-географическими, климатическими и другими природными факторами.

Политическая астрология занимается выяснением влияния космоса, расположения звездных светил, солнечной активности, фаз Луны и т.д. на политические события и политическое поведение. Хотя многие выводы этой дисциплины носят гипотетический или даже весьма сомнительный характер, отдельные ее положения, например влияние солнечной активности на массовое политическое поведение, политическую активность, заслуживают внимательного учета в практической политике, особенно в кризисных ситуациях.

Реальные политические исследования обычно полидисциплинарны и не укладываются в рамки отдельных политических наук. Так, например, если мы хотим получить глубокие разносторонние знания о политической партии, то должны изучить социальный и демографический состав партии и ее электората (предмет политической социологии), ее формальные организационные структуры, устройство и нормы функционирования (теория политических институтов), психологию политических лидеров и членов (политическая психология), историю возникновения и партийные традиции (политическая история) и некоторые другие аспекты.

Отдельные политические науки обычно различаются не только по предмету, характеризующему, что, какой аспект политики изучается, но и по парадигмам и особенно методам исследования.

§ 3. Методы политической науки

Парадигмы политической мысли

Для обобщенной характеристики специфических подходов к анализу и объяснению политики нередко используется понятие парадигмы. Парадигма — это специфическая логическая, мыслительная модель, определяющие способы восприятия и интерпретации действительности.

В истории политической мысли использовались различные общие парадигмы и прежде всего теологическая (религиозная), натуралистическая, социальная, рационально-критическая.

Теологическая парадигма базируется на сверхъестественном объяснении государственной власти, видит ее истоки в Божественной воле и религиозных кодексах (святых писаниях, заветах пророков и т.п.). **Натуралистическая парадигма** ориентирует на рассмотрение человека как части природы и объяснение политики природной средой: географическими факторами, биологической конструкцией, врожденными психическими свойствами и т.д. **Социальная парадигма** по существу совпадает с социологическим подходом и истолковывает политику через влияние на нее других сфер общества: экономики, социальной структуры, права, культуры и т.д. **Рационально-критическая парадигма** ориентирует на раскрытие внутренней природы политики, ее важнейших элементов и их взаимодействие, на выявление лежащих в основе динамики политической жизни конфликтов и т.п.

Понятие парадигмы отражает связь политической мысли с типами мирозерцания, с общими философскими картинами мира, господствовавшими в те или иные исторические эпохи. Как писал М. Вебер, «не интересы (материальные и идеальные), не идеи непосредственно господствуют над поведением человека, но «картины мира», которые создавались «идеями». Они, как стрелочники, очень часто определяли пути, по которым динамика интересов продвигала дальше [человеческое] действие».

Воплощаемые в парадигмах различные картины мира на протяжении человеческой истории задавали общие параметры и границы развития политической мысли. Однако в отличие от методов политологии не все парадигмы политической мысли являются научными, некоторые из них ориентируют на ложный путь объяснения политических явлений.

Общие методы политологии

Разнообразные методы, применяемые политической наукой, позволяют глубже и всестороннее познать ее предмет. Они представляют собой приемы, способы изучения политики. Какие же методы использует политология?

В принципе это могут быть любые методы, применяемые наукой. Однако на деле не все приемы и способы исследования имеют для политологии одинаковую значимость. Наиболее важные и часто используемые ею методы можно подразделить на **три группы**. Первая — общие методы исследования политики (нередко их называют подходами). Они отличаются непосредственной направленностью на изучаемый объект и либо дают его специфическую интерпретацию (например, системный и деятельностный подходы), либо

ориентируют на особый подход к нему (сравнительный и исторический методы). Каковы же важнейшие подходы этой группы и в чем их смысл?

Социологический подход предполагает выяснение зависимости политики от общества, социальной обусловленности политических явлений, в том числе влияния на политическую систему экономических отношений, социальной структуры, идеологии и культуры. В своих крайних, жестко детерминистских формах социологический подход широко представлен в марксистских трактовках политики как надстройки над экономическим базисом, как отношений между классами, нациями и государствами (В.И. Ленин). Этот метод ярко выражен и в теории заинтересованных групп А. Бентли, рассматривающей политику как сферу соперничества разнообразных общественных групп, преследующих собственные интересы.

Социологический метод по праву занимает одно из центральных мест в социологической науке, во многом определяет специфику политической социологии. Одним из его широко распространенных, более частных проявлений выступает **культурологический подход**, ориентирующий на выявление зависимости политических процессов от политической культуры.

Традиционно с глубокой древности политическая мысль базировалась на **нормативном**, или **нормативно-ценностном**, подходе, который не утратил своей значимости и в наши дни. Он предполагает выяснение значения политических явлений для общества и личности, их оценку с точки зрения общего блага, справедливости, свободы, уважения человеческого достоинства и других ценностей. Этот подход ориентирует на разработку идеала политического устройства и путей его практического воплощения. Он требует исходить из должного и желаемого, из этических ценностей и норм и в соответствии с ними строить политическое поведение и институты.

Нормативный подход подвергается критике за идеализацию политической действительности, оторванность от реальности, умозрительность многих построенных на его основе политических проектов и конструкций. Его определенная слабость проявляется в релятивности, относительности ценностных суждений, их зависимости от мировоззрения, социального положения и индивидуальных особенностей людей. И все же, несмотря на некоторую ограниченность, этот подход необходим для политической науки, поскольку он придает политике этическое, человеческое измерение, вносит в нее нравственное начало.

В отличие от нормативного, **функциональный** подход требует изучения зависимостей между политическими явлениями, обнаруживающихся в опыте, например, взаимосвязей уровня экономического развития и политического строя, степени урбанизации населения и его политической активности, избирательной системы и количества партий и т.п. Этот метод предполагает абстрагирование от этической оценки политики и ориентацию лишь на факты и логику. Одним из первых функциональный метод в политологии широко

использовал Н. Макиавелли, провозгласивший отказ от религиозных догм и этических ценностей при изучении политики, необходимость анализа реальной жизни во всей ее противоречивости. Специфическим развитием и качественным обогащением функционалистских установок выступает **бихевиористский** подход, который будет специально рассмотрен в следующем параграфе.

К функционалистски, позитивистски ориентированным методам примыкает **структурно-функциональный анализ**. Он предполагает рассмотрение политики как некоторой целостности, системы, обладающей сложной структурой, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции (роли), направленные на удовлетворение соответствующих потребностей системы. Деятельность элементов системы как бы запрограммирована ее структурной организацией, непосредственно занимаемыми ими (людьми, институтами) позициями и выполняемыми ролями (президентов, министров, граждан и т.п.). Структурно-функциональный метод широко использовали К. Маркс, Т. Парсонс и многие другие известные социологи и политологи. Он выступает в качестве одного из принципов системного анализа.

Системный подход к политике впервые был детально разработан в 50—60-х гг. нынешнего века известными американскими учеными Т. Парсонсом и особенно Д. Истоном. Суть этого метода состоит в рассмотрении политики как целостного, сложно организованного организма, как саморегулирующегося механизма, находящегося в непрерывном взаимодействии с окружающей средой через вход (воспринимающий требования граждан, их поддержку или неодобрение) и выход (принятые политические решения и действия) системы. Политической системе принадлежит верховная власть в обществе. Она стремится к самосохранению и выполняет, по Д. Истону, две важнейшие функции: 1) распределение ценностей и ресурсов; 2) обеспечение принятия гражданами распределительных решений в качестве обязательных. (Более подробно применение системного метода в политологии освещается в главе 10.) За сравнительно ограниченный срок системный подход к политике показал свою конструктивность и представлен в разнообразных теориях политических систем.

Вплоть до начала XX в. в политической науке наряду с нормативным методом господствовал **институциональный** подход, и сегодня занимающий в ней приоритетные позиции. Он ориентирует на изучение институтов, с помощью которых осуществляется политическая деятельность: государства, партий, других организаций и объединений, права, правительственных программ и других регуляторов политической деятельности.

Не менее древнюю, чем институциональный метод, историю имеет **антропологический** подход, проявившийся еще у Аристотеля в его видении истоков политики в коллективной сущности человека. Этот подход требует изучения обусловленности политики не социальными факторами, а природой

рода человеческого, присущими каждому индивиду потребностями (в пище, одежде, жилище, безопасности, свободном существовании, общении, духовном развитии и др.). Сегодня он исходит прежде всего из таких принципов, как 1) постоянство, инвариантность фундаментальных родовых качеств человека как существа биологического, социального и разумного (духовного), изначально обладающего свободой; 2) универсальность человека, единства человеческого рода и, независимо от этнических, расовых, социальных, географических и иных различий, равноправия всех людей; 3) неотъемлемость естественных, основополагающих прав человека, их приоритета по отношению к принципам устройства, законам и деятельности государства.

Применительно к исследованию реальных политических действий антропологический подход требует не ограничиваться изучением влияния социальной среды или разумной, рациональной мотивации, но выявлять и иррациональные, инстинктивные, биологические и другие мотивы политического поведения, обусловленные человеческой природой и наиболее ярко проявлявшиеся еще в первобытных обществах.

Определенное сходство с антропологическим методом в требованиях исходить в политических исследованиях из человека имеет **психологический** подход. Однако в отличие от антропологизма он имеет в виду не человека вообще как представителя рода, а конкретного индивидуума, что предполагает, конечно, и учет его родовых качеств, социального окружения и особенностей индивидуального развития.

Психологический метод ориентирован на изучение субъективных механизмов политического поведения, индивидуальных качеств, черт характера, а также типичных механизмов психологических мотиваций. Этот подход зародился в глубокой древности. Так, еще Конфуций рекомендовал правителям Китая учитывать в своем поведении психологическую реакцию подданных для обеспечения их доверия и послушания. Заметный вклад в разработку психологии властвования внес Н. Макиавелли, особенно в работе «Государь».

Современный психологический подход многовариантен. Одно из центральных мест в нем занимает **психоанализ**, основы которого разработал З. Фрейд. Психоанализ ставит в центр психологических исследований бессознательные психические процессы и мотивации. Он исходит из того, что острые аффективные переживания человека не исчезают из психики, а вытесняются в сферу бессознательного и продолжают оказывать активное воздействие на политическое поведение. На основе психоанализа возможно объяснение различных типов политического поведения, в частности авторитарного типа личности, стремящегося с помощью приобретения власти к преодолению чувства собственной неполноценности, различного рода комплексов, внутреннего напряжения.

Психологический подход не претендует на исключительность и позволяет выявить один из важнейших аспектов политической жизни. Его специфическим

развитием выступает **социально-психологический** метод, ориентирующий на изучение зависимости политического поведения индивидов от их включенности в социальные группы и различных параметров последних, а также на исследование психологических характеристик групп (малых групп, толпы, этносов, классов) и т.д.

Динамическую картину политики дает **деятельностный подход**. Он предполагает рассмотрение ее как специфического вида живой и овеществленной деятельности, как циклического процесса, имеющего последовательные стадии, этапы: определение целей деятельности, принятие решений; организация масс и мобилизация ресурсов на их осуществление; регулирование деятельности; учет и контроль за реализацией целей; анализ полученных результатов и постановка новых целей и задач.

Деятельностный подход служит методологической базой теории политических решений. Рассмотренная под этим углом зрения политика выступает как процесс подготовки, принятия и реализации обязательных для всего общества решений. С использованием деятельностного подхода связана и трактовка политики как специфической формы управления обществом.

Своеобразным развитием и конкретизацией деятельностного метода является **критически-диалектический** метод. Он ориентирует на критический анализ политики, выявление ее внутренних противоречий, конфликтов как источника ее самодвижения, движущей силы политических изменений. Критически-диалектический метод широко используется в марксистском анализе политики, в неомарксизме (И. Хабермас, Т. Адорно и др.), в лево-либеральной и социал-демократической мысли, а также в целом ряде других идейно-политических течений.

Плодотворность этого метода признается по существу всеми сторонниками плюралистической организации общества, ибо плюрализм основывается на принципе противоречий, конкурентного соперничества многообразных идей, ценностных ориентаций, политических, экономических и культурных институтов, индивидов и групп. Критически-диалектический метод является ведущим в такой важной социологической и политологической дисциплине, как конфликтология.

Широкое распространение в современной политологии получил **сравнительный (компаративистский)** подход. Он использовался уже в античном мире Платоном, Аристотелем и другими мыслителями. Этот метод предполагает сопоставление однотипных политических явлений, к примеру, политических систем, партий, различных способов реализации одних и тех же политических функций и т.д. с целью выявления их общих черт и специфики, нахождения наиболее эффективных форм политической организации или оптимальных путей решения задач.

Применение сравнительного метода расширяет кругозор исследователя, способствует плодотворному использованию опыта других стран и народов,

позволяет учиться на чужих ошибках и избавляет от необходимости «изобретать велосипеды» в государственном строительстве. Творческое, с учетом специфики страны использование этого метода особенно актуально для современной российской политологии в условиях реформирования общества и государства. На компаративистском методе базируется специальная отрасль политических знаний и исследований — сравнительная политология.

К числу традиционных и фундаментальных методов политической науки принадлежит **субстанциальный** (от слова «субстанция» — первооснова, материя), или **онтологический**, подход. Он требует выявления и исследования первоосновы, составляющей специфическую качественную определенность политики. Такой первоосновой обычно считают власть, отношения господства и подчинения в их многообразных проявлениях или деление общества на «друзей» и «врагов» (К. Шмитт). Среди огромного количества определений политики явно доминируют ее характеристики через власть и господство.

С давних пор в политологии и других науках используется **исторический подход**. Он требует хронологической фиксации политических событий и фактов, их исследования во временном развитии, выявления связи настоящего, прошлого и будущего. Этот метод преобладает в исторических науках. Он хорошо известен и едва ли нуждается в специальных комментариях.

Общелогические и эмпирические методы

Использование всех названных и некоторых других методов первой группы позволяет дать разнообразные всесторонние характеристики политической реальности. Однако арсенал познавательных средств политологии не исчерпывается общими методами исследования политики. Он включает и **вторую группу** методов, которые относятся не к исследованию политических объектов, а непосредственно к организации и процедуре познавательного процесса. Их иногда называют **общелогическими методами**.

Учитывая, что эти познавательные средства не дают специфической картины политики и принадлежат не только политологии, но и науке в целом, можно ограничиться их кратким перечислением. В данную группу методов входят индукция и дедукция, анализ и синтез, сочетание исторического и логического анализа, моделирование, мысленный эксперимент, математические, кибернетические, прогностические и другие подобные методы.

Третью группу познавательных средств политологии составляют методы эмпирических исследований, получения первичной информации о политических фактах. Они, как и уже рассмотренная группа, прямо не отражают специфику политологии и в основном заимствованы ею из конкретной социологии, кибернетики и некоторых других наук. К этим методам относятся: использование статистики, в первую очередь электоральной; анализ документов; анкетный опрос; лабораторные эксперименты; деловые игры, особенно

плодотворные при принятии политических решений; наблюдение, осуществляемое исследователем, являющимся непосредственным участником реальных политических событий, или наблюдение за поведением людей, находящихся в условиях экспериментальной ситуации, и др. Наиболее широкое применение эмпирические методы находят в прикладной политологии.

§ 4. Прикладная политология

Роль бихевиоризма в развитии эмпирического
--

В XX в. из всех методов наибольшее влияние на развитие политологии, придание ей современного научного облика оказал бихевиоризм. Не случайно с его использованием связывают революцию в политологии и общественных науках в целом, которая произошла в 50-х гг. нашего столетия, хотя по существу началась гораздо раньше и происходила под влиянием позитивизма и неопозитивизма. Их специфическим выражением и развитием и явился бихевиоризм. Он представляет собой не просто метод, но целое методологическое направление в общественных науках и академическое движение.

Бихевиоризм возник в американской психологии в конце XIX в. и быстро распространился на многие общественные науки, где получил специфическое выражение. Он исходит из идеи единства науки, которое обусловлено прежде всего наличием у человека лишь одного способа познания мира — его постижения через непосредственно наблюдаемый опыт, систематизируемый по законам логики. Познание действительности требует не абстрактного мыслительного понимания, а обнаружения и анализа реальных фактов. Отражающие эти факты научные утверждения и выводы должны быть интерсубъективны, т. е. доступны для проверки другим исследователям, которые, используя определенные процедуры, могут получить те же результаты. Научные теории выводятся из гипотез, обобщающих эмпирические факты.

Важнейшие из принципов научности теории — верификация (проверка опытом) и эксплицитность. Последняя означает ясность используемых категорий и концепций, их операционализируемость, т. е. сводимость к верифицируемым высказываниям, опирающимся на эмпирические факты.

Кредо бихевиоризма — политология должна изучать непосредственно наблюдаемое (вербальное, словесное и практическое, осознанное и мотивируемое подсознанием) политическое поведение людей при помощи строго научных, эмпирических методов. Конституирующими началами этого подхода в политологии выступают следующие парадигмы:

— личностное измерение политики. Коллективные, групповые действия людей так или иначе восходят к поведению конкретных личностей, являющихся главным объектом политического исследования. Ученый-политолог обязан ориентироваться на точный анализ явно наблюдаемых феноменов индивидуального и группового поведения;

— доминирование психологических мотивов в политическом поведении. Эти мотивы, конечно, могут быть социально обусловлены, хотя далеко не всегда внешне детерминированы и могут иметь специфическую индивидуальную природу;

— разграничение фактов и ценностей, освобождение науки от ценностных суждений. Ценности и оценки могут быть объектом, но не результатом исследования. Они являются предпосылкой научного анализа, поскольку определяют выбор его объекта и цели исследования. Однако в процессе познания ученый должен быть свободен от личной пристрастности и общественных запросов и руководствоваться лишь фактами и логикой. Его задача — выявление закономерностей и объяснение событий, но он не должен давать им оценку и практические рекомендации о том, что следует делать (это положение является объектом острой критики);

— использование в политологии методов и достижений других наук, в том числе естественных. Такое использование правомерно, поскольку модели (образцы) поведения людей часто сходны в различных ситуациях и областях деятельности, например поведение служащего промышленной корпорации и государственного чиновника;

— квантификация, количественное выражение и измерение политических явлений. Это открывает перед политологией широкие возможности в использовании математических и других точных методов, статистических данных, результатов анкетных и других опросов, компьютерной техники.

После второй мировой войны бихевиористский подход стал знаменем направления в политологии, выступающего за превращение ее в строго научную дисциплину. Он стимулировал широкое применение методов конкретной социологии: наблюдения, изучения статистических материалов и документов, анкетного исследования, опроса, лабораторных экспериментов и др. Все это создало необходимые предпосылки для развития нового уровня политологических исследований — прикладной политологии.

Отличительные черты и социальное назначение прикладной политологии

В современной политической науке существуют два основных уровня исследований: теоретический и прикладной.

В таком ее строении отражается ориентация этой отрасли знаний на решение практических политических задач. Политические концепции, как правило, имеют ту или иную практическую направленность. Даже политические воззрения древних были прямо связаны со стремлением усовершенствовать государственное правление, воспитать законопослушных граждан, повысить авторитет власть предержащих.

Со временем в политических исследованиях наряду с абстрактными, теоретическими представлениями, достаточно дистанцированными от конкретной действительности, выкристаллизовались знания, которые были

непосредственно сфокусированы на изучении и решении практических коллизий политической жизни. Они и составили область прикладной политологии.

Этот уровень (направление) политической науки отличает особый характер рассмотрения изучаемых проблем. Если, к примеру, политическая теория относится к политике как к специфической сфере общественной жизни, с присущими ей противоречиями, закономерностями и т.д., то для прикладной политологии она представляет собой реальное пересечение волевых устремлений государственных институтов, партий, движений, групп интересов и иных субъектов.

Иными словами, главный предмет прикладной политологии — конкретная ситуация во всем богатстве ее связей и отношений. В силу этого область ее интересов значительно уже, чем у теоретической политологии, и по преимуществу связана с различными аспектами деятельности определенных государств, партий, заинтересованных групп и граждан, причем рассматриваемых в конкретном временном контексте. Поэтому в прикладной политологии используются далеко не все теоретические выводы и положения политической науки. Так, например, философские вопросы о сущности власти, демократии, критериях политического развития и т.п., как правило, находятся за рамками ее предмета.

В то же время прикладные исследования активно используют те выводы и положения, которые снижают уровень неопределенности теоретических данных и раскрывают отличительные особенности отдельных политических систем, свойств правящей и оппозиционной элит, характеризуют фазы и этапы решений и т.д. и тем самым помогают лучше разобраться в текущей политической ситуации. Поскольку же в политических событиях и ситуациях проявляется действие множества самых разнообразных факторов, то в сфере прикладных исследований значительно ярче проявляется **междисциплинарный** характер политологического знания, отражающий воздействие на реальные события психологических, экономических, культурных, религиозных, географических и других детерминант.

Существенным отличием прикладных политологических исследований является и то, что их конечным продуктом являются не абстрактные общие положения, в равной степени применимые для характеристики многих однотипных политических явлений, а практические советы и рекомендации конкретным участникам политического процесса, доказательства преимуществ определенных способов и приемов действий, важные параметры и описания состояния и характера политических событий, краткосрочные прогнозы развития ситуации в определенных областях жизни.

Рекомендательные по своему характеру выводы и обобщения обычно адресуются лицам, обладающим властными полномочиями в сфере управления и непосредственно определяющим реальную политику.

Выводы прикладной политологии могут быть также направлены на подкрепление (или разрушение) типичных установок общественного мнения в целях сохранения (или нарушения) политической стабильности или на придание тем или иным политическим процессам заданной направленности. Так, в ряде западных стран нередко используются публикации результатов социологических опросов непосредственно перед выборами для того, чтобы склонить симпатии колеблющихся граждан в пользу определенной партии или кандидата. Рекомендации прикладной политологии формулируются, как правило, в соответствии с законом, но иногда они и нарушают его.

Субъектами, разработчиками прикладной политологии являются не столько теоретики, сколько аналитики, эксперты, советники политических деятелей, работники партийных аппаратов, пиермены (специалисты по политической рекламе, налаживанию отношений с общественностью) и другие лица, которые чаще всего непосредственно связаны с выработкой политической линии лидеров или целых органов управления, с принятием властных решений.

Во многих странах существуют специальные аналитические центры, экспертные советы и прочие структуры, где вырабатываются рекомендации по принятию тех или иных политических решений, подготавливаются соответствующие материалы, справки, документы для звеньев государственного управления, партий, групп давления и т.д. В современном мире существуют и организации, решающие подобные задачи на уровне международных отношений.

Проверенные практикой выводы прикладной политологии зачастую служат основанием для соответствующих теоретических обобщений, для формулировки положений теоретической политологии. Так, например, моделирование последствий ядерных конфликтов в современных условиях сыграло существенную роль в обосновании тезиса о невозможности использования военной силы для достижения ряда политических целей, в частности целей геополитических.

Таким образом, прикладная политология является составной частью и одновременно специфическим уровнем политической науки, непосредственно сфокусированным на решении практических задач. Ее основное назначение состоит в формулировании конкретных рекомендаций и краткосрочных прогнозов определенным политическим субъектам в целях повышения эффективности их деятельности.

Методы прикладной политологии

Необходимая база данных для изучения политических проблем и выработки соответствующих рекомендаций формируется на основании применения определенных методов политологических исследований. Как составная часть политической науки прикладная политология опирается на те же общенаучные подходы и принципы анализа, что и теоретические исследования. Однако доминирующую

роль здесь играют средства микрополитического анализа, где господствуют индуктивные методы, основывающиеся на изучении частных, единичных явлений.

К таким методам относится прежде всего **наблюдение** событий. Оно может проводиться в форме «открытой» констатации фактов (отслеживание конкретных событий и долговременных последствий тех или иных решений) и в форме «включенного наблюдения» (когда исследователь в течение определенного времени либо находится внутри изучаемой группы — например руководства партии, либо «погружается» в какую-нибудь конкретную ситуацию — скажем, в атмосферу проведения переговоров). При любом из этих вариантов получаемая информация должна быть достоверной, не зависимой от пристрастий наблюдателя, что на практике достижимо далеко не всегда, поскольку не только в политике, но и в науке о ней действуют живые люди со своими интересами, симпатиями и антипатиями.

Важный метод прикладной политологии — **контент-анализ**. Он предполагает целенаправленное изучение определенных документов (конституций, правовых актов, кодексов, программ, инструкций) или же других непосредственных носителей информации: книг, картин, кинофильмов, лозунгов и т.п. Этот метод опирается на широкое применение компьютерных технологий, что позволяет в результате индексирования ключевых слов подсчитать частоту их использования и выбрать информацию из весьма значительных по объему текстов.

Широко используется в прикладной политологии метод **опроса** прямых или косвенных участников политических событий, а также экспертов, способных дать профессиональный анализ ситуации. Выявление, обобщение и систематизация информации могут осуществляться через интервьюирование отдельных граждан или путем проведения массовых анкетных или других опросов. Возможность широкого использования при этом математических методов повышает достоверность данных, а значит и научную обоснованность политических прогнозов и рекомендаций.

Игровые методы предполагают предварительное конструирование ситуации, имитацию того или иного варианта развития процесса, конфликта и т.д. Это позволяет разработать различные модели действий управленческих структур, распределить роли участников событий, уточнить характер их поведения и взаимоотношения между ними. Такого рода приемы дают возможность предсказать варианты изменения ситуации, подготовить управленческий персонал к принятию решений в неординарных ситуациях, находить качественно важные звенья и противоречия в соответствующих процессах.

В прикладной политологии широко применяются и более частные методы исследований, например **фактор-анализ**, сводящий множество эмпирических данных к основным, определяющим; использование **когнитивных карт** — матриц, в которых фиксируются типичные реакции лидеров (или других лиц) на

кризисные ситуации, образцы их действий в стабильных условиях, биографические данные и прочая информация, помогающая прогнозировать их будущее поведение; **конфигуративные** исследования, использующие сравнительный анализ для выявления специфических признаков политических объектов; **биографический** анализ и др.

Результаты сравнительных исследований в области прикладной политологии способствуют выработке определенных теоретических единиц анализа политической реальности, т.е. моделей изучения той или иной ситуации, конфликта или другого процесса. Такие модели, предусматривающие, например, действия правительства в условиях международного кризиса или комплекс мероприятий по организации предвыборной кампании, позволяют добиваться всесторонней характеристики политических процессов, учитывать неизбежные фазы и этапы их развития, своевременно замечать наиболее опасные зоны и кризисные моменты.

Основные сферы применения

Прикладные политологические исследования, как правило, связаны с такими сторонами действительности,

которые обладают устойчивой практической значимостью для государственной политики. Возможности этой дисциплины используются для разработки программ деятельности правительства в области здравоохранения, социальной, национальной и оборонной политики и т.п. Прикладные исследования уточняют текущие и перспективные цели, распределение полномочий между различными государственными органами, прогнозируют качественные изменения политической ситуации.

Важная сфера их использования — определение путей предотвращения или разрешения социальных конфликтов и достижения необходимого обществу консенсуса. Такие исследования разрабатывают технологии разрешения кризисов, позволяющие находить согласие между их участниками и обеспечивать управляемость конфликтными ситуациями.

Близки к кругу вопросов, связанных с управлением конфликтами, проблемы ведения переговоров. Переговорный процесс как сфера применения прикладных политологических исследований требует выработки «технологии торга», которая, со своей стороны, предполагает определение приемов и способов взаимодействия сторон. В рамках вырабатываемых здесь моделей формулируются рекомендации действующим лицам относительно стиля их поведения в отношениях с аутсайдером или, напротив, с заведомо более сильным оппонентом, определяются приемы, позволяющие добиваться большего взаимопонимания с оппонентом и снижать жесткость, ригидность его позиции, устанавливаются правила информирования участников переговоров и т.д.

Одной из самых разработанных и распространенных сфер применения прикладной политологии является проведение избирательных кампаний. Эта дисциплина формулирует рекомендации по характеру финансирования избирательных кампаний, выбору важнейших тем для ведения предвыборной борьбы, помогает определить время, оптимальное для начала развертывания агитационно-пропагандистской кампании, и т.д.

Еще одна специфическая сфера применения прикладных исследований — выработка и принятие политических решений. Здесь прикладная политология разрабатывает критерии выделения политически значимых общественных проблем, обеспечивает необходимую информацию, формулирует варианты принятия альтернативных решений, меры по нейтрализации действий оппонентов и т.д.

Функционально прикладная и теоретическая политология взаимно дополняют и обогащают друг друга, составляя единое целое. Развитость обеих этих отраслей политической науки — важная предпосылка цивилизованности и эффективности политики, гуманистической ориентации.

Раздел II

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИКИ

Глава 3

ГУМАНИЗМ ПОЛИТИКИ

Изучение политики служит не только абстрактно-познавательной задаче — получению адекватных знаний об этой сфере, обеспечению понимания сути политических процессов, расширению интеллектуального кругозора личности. В современном демократическом обществе оно подчинено также решению более грандиозной, надперсональной задачи — приданию политике гуманистической ориентации, использованию ее в интересах личности, общества и всего человечества. Насколько это возможно? Что это такое — «очеловечивание» политики?

§ 1. Политическое проявление гуманизма

Понятие гуманизма

Наиболее полно и ярко служение политики и любой другой общественной деятельности личности, обществу и всему человечеству отражает принцип гуманизма. Он предполагает отношение к человеку как к высшей ценности, уважение достоинства каждой личности, ее права на жизнь, свободное развитие, реализацию своих способностей и стремления к счастью. Гуманизм предполагает признание всех основополагающих прав человека, утверждает благо личности как высший критерий оценки любой общественной деятельности.

Это универсальный, планетарный принцип. Он не разделяет людей по национальному, классовому, религиозному, кровнородственному или

какому-нибудь другому подобному принципу и требует равно уважительного отношения к любому представителю человеческого рода, а также оказания помощи слабым или страдающим от бедствий людям, например беженцам, голодающим.

Гуманизм в политике выражается в формах ее организации, целях и содержании, а также в средствах политической деятельности. В современных условиях наиболее гуманной формой организации политики является демократическая политическая система, базирующаяся на признании свободы и равноправия всех граждан, подконтрольности власти населению, уважении достоинства и прав человека (см. гл. II).

Применительно к целям и содержанию политики гуманизм проявляется в ее направленности на реализацию интересов человека, повышение благосостояния и улучшение условий жизни населения, укрепление социальной справедливости и мира в государстве и на планете в целом. С этой точки зрения наиболее гуманной является политика, обеспечивающая наилучшие условия для удовлетворения потребностей и свободного развития личности.

Гуманизм в средствах проявляется в устранении наиболее жестоких, варварских форм политического противоборства: войн, применения оружия массового уничтожения: ядерного, химического, бактериологического, экологического и т.п., в запрете пыток и других средств, разрушающих личность или унижающих человеческое достоинство, а также в отказе от духовного насилия — манипулирования сознанием и поведением людей с помощью специальных методов обмана. Кроме того, гуманизм проявляется в сочетании в политике целей и средств в соответствии с выдвинутым И. Кантом императивом (требованием, нравственным законом) — человек должен рассматриваться другими людьми лишь как цель, а не средство.

Принцип гуманизма имеет как внутригосударственное, так и международное содержание. На международной арене он проявляется в борьбе за мир и его упрочение, в создании международных отношений и мирового порядка, основанных на справедливости и уважении к человеку. Это предполагает, в частности, признание права народа на свободный выбор государственного и общественного строя, на независимость и создание самостоятельного государства, равноправие государств, невмешательство во внутренние дела друг друга, отказ от применения силы для разрешения спорных межгосударственных вопросов, развитие взаимовыгодного сотрудничества и укрепление дружбы между народами и т.д. Важнейшие гуманистические ориентиры внутренней и внешней политики государств нашли свое выражение и юридическое закрепление в ряде документов, принятых ООН, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и некоторыми другими международными организациями.

В современных условиях гуманизм характеризует не только сферу непосредственных взаимоотношений между людьми, но и отношение человека к

природе. Природа всегда была необходимым условием существования человека, одним из важнейших факторов, опосредующих отношения между людьми и, в частности, между различными поколениями. Однако в предшествующие века деятельность человека не была столь разрушительной, не принимала глобальных, планетарных масштабов. Во второй половине нынешнего столетия стала реальной угрозой экологической катастрофы человечества в обозримом будущем. Экологическая политика, основанная на разумном, бережном отношении к природе, обрела статус важнейшего гуманистического, нравственного требования, поскольку превратилась в необходимое условие не только дальнейшего развития цивилизации, но и самого существования человеческого рода, его выживания. В экологической политике сегодня проявляется забота как о реально живущих людях, так и о будущих поколениях.

В современном сложно организованном, противоречивом обществе с его обостряющимися глобальными проблемами, достижениями научно-технического прогресса, способными и улучшать жизнь людей, и одновременно разрушать основы человеческой цивилизации, сфера гуманизма расширяется. Из благородного дела, которым занималось ранее лишь преимущественно гражданское общество — область частных, частных взаимоотношений людей, — гуманизм переходит в ранг государственной и даже мировой политики. У человеческого рода больше не существует альтернативы гуманистической политике, ибо в противном случае ситуация чревата глобальной планетарной катастрофой, дегенерацией или даже гибелью всего человечества. Насколько же реальная политика восприимчива к требованиям гуманизма и, вообще, совместимы ли политика и гуманизм?

Мораль как воплощение гуманизма
--

Гуманизм, выражаемый в форме идей человеколюбия, с древних времен оказывал реальное воздействие на общество и политику прежде всего через нравственность, мораль (в русском языке эти термины обычно употребляются как синонимы) и право. Идеи гуманизма составляют ядро, общечеловеческое содержание морали. Воплощаясь в нравственном сознании и получая положительную нравственную оценку, они становятся ориентирами и регуляторами деятельности людей, а некоторые из них затем получают юридическое закрепление в праве.

Мораль — особая, специфическая сфера общественной жизни, включающая сознание, нормы и реальное поведение людей, основанная на оценке любых поступков и действий с точки зрения идеалов добра (блага) и зла, справедливости и несправедливости и других подобных критериев и идеалов,

Мораль предполагает оценку общественных явлений не с индивидуальной, а с коллективной и, в первую очередь, с общечеловеческой точки зрения. Хотя существует и мораль групповая, например сословная, классовая, профессиональная и т.п., однако обычно она либо выступает как специфическое

выражение и преломление общечеловеческих нравственных принципов (например моральный кодекс врачей), либо является проявлением глубокого социального раскола общества (мораль рабов и мораль рабовладельцев, плебса и аристократии), либо представляет собой вырождение, дегенерацию нравственности («воровская мораль»), либо свидетельствует о низком уровне нравственного развития общности, не поднявшейся до осознания своей принадлежности ко всему роду человеческому («мораль» племени людоедов, хотя в этом случае правильнее говорить лишь об обычаях и нравах как о зачатке морали).

Мораль основывается на определенном понимании смысла существования, цели и предназначения человека. Она не утилитарна для отдельных индивидов. Соблюдение ее норм и требований не сулит им какой-нибудь непосредственной личной выгоды или пользы. Нравственное поведение отличается бескорыстностью, высокогуманной мотивацией.

В то же время мораль утилитарна для всего человечества. Она — условие сохранения человеческого рода, поскольку отражает многовековой опыт человеческого общения и фиксирует те требования, выполнение которых необходимо обществу и всему человечеству. В моральном сознании эти требования становятся убеждениями, связываются с эмоциями и волей, становятся внутренними критериями оценки личностью мотивов, целей, содержания и результатов собственного поведения, а также действий других людей. Как показывает опыт истории, аморализм приводит в конце концов не только к разрушению личности, но и к деградации всего общества.

Основные нравственные ценности абсолютны. Они не выводятся из каких-либо других, более высоких экономических, политических или других ценностей. Их высший статус определяется ценностью самого человека, всего человеческого рода.

Мораль характеризует достаточно высокий уровень развития индивидуального сознания, способность человека к опосредованной собственным внутренним миром духовной мотивации своего поведения и к самоконтролю. В отличие от права и политики, нравственность для своей реализации не нуждается в специальном аппарате наказаний или в материальных ценностях, как этого требует экономическая регуляция. Хотя безнравственное поведение не исключает определенных санкций со стороны общества или окружающих (осуждения, остракизма и т.п.), в целом влияние морали основывается на внутренних, психологических механизмах самоконтроля личности, важнейшим из которых является совесть.

Совесть как верховный судья нравственного политического поведения

Совесть — это эмоциональное переживание ответственности человека перед самим собой, другими людьми, обществом, всем человечеством, Богом. Она — проводник гуманизма в глубинах человеческой души и в реальном поведении

индивида. Она — внутренний судья человека, обеспечивающий самоконтроль личности во всех ситуациях и особенно там, где политический и общественный контроль затруднен или невозможен.

Совесь составляет наиболее глубокую интимную, неповторимо личностную основу человека. Руководствуясь ею, индивид оценивает весь остальной мир, в том числе и свое поведение, от своего собственного имени, с позиций внутреннего «я». Сообразуясь с совестью, вырабатывается гуманное поведение личности.

Совесь превращает индивида из стадного животного или высокоразумной машины, работа в Человека. Религиозные мыслители нередко называют ее Божьей искрой в душах людей, позволяющей им осознать самих себя и свою ответственность перед людьми и Высшим Разумом. Человек с разрушенной нравственной саморегуляцией, лишенный угрызений совести, превращается в асоциальное, опасное для общества и других людей существо. Не случайно Гитлер, проводя человеконенавистническую политику национал-социализма, убеждал своих солдат в том, что он освобождает их от болезни, называемой совестью.

Совесь, соединенная с долгом и другими нравственными механизмами регуляции поведения людей, выступает наиболее надежным гарантом гуманизма политики. Поэтому развитая нравственная культура общества — необходимое условие демократического политического строя.

Особенности морали как важнейшей сферы гуманистической регуляции действий человека в обществе, ее коллективный, общечеловеческий характер, абсолютный, универсальный и высший статус нравственных ценностей, внутриличностные, духовно-психологические механизмы ее влияния — все это важно учитывать **при** рассмотрении взаимоотношений морали и политики.

§ 2. Мораль и политика: общее и специфическое

Ф у н к ц и о н а л ь н а я о б щ н о с т ь п о л и т и к и и
--

Мораль и политика как специализирующиеся на регуляции поведения людей секторы общества имеют и общие черты, и отличия. Обе этих сферы вырастают из единого источника — противоречия между индивидуальностью и уникальностью человека — с одной стороны, и его коллективной природой, «обреченностью» жить в обществе, невозможностью быть счастливым и даже просто существовать, быть человеком без других людей — со стороны другой.

Рост разнообразных потребностей, опережающий возможности их удовлетворения, порождает у индивида целый ряд искушений получать блага за счет других людей и природы, создавая тем самым угрозу как отдельным личностям, так и всему человеческому роду. Таких искушений у человека достаточно много. Это — искушение богатством и потребительством,

обретением все более многочисленных и дорогостоящих материальных благ; искушение возможностью повелевать другими людьми, поработать их и господствовать над природой, не считаясь с ее законами; искушение похотью — гипертрофированные сексуальные потребности, опустошающие личность и вызывающие борьбу за обладание объектами сексуальных наслаждений.

Все эти искушения создают опасность вырождения рода человеческого и отдельных людей. Еще Аристотель осознавал это. «Без добродетели, — писал он, — человек становится самым нечестивым и самым диким существом, а в отношении к половому наслаждению и к пище он хуже тогда всякого животного».

Мораль удерживает человека от опасных для него искушений, способствует разрешению противоречий между индивидом и всей общностью. На заре цивилизации небольшие человеческие коллективы (род, племя) могли обойтись без политики, регулируя взаимодействие людей и обеспечивая общественный порядок с помощью обычаев, традиций, различного рода табу и вырастающей на основе всего этого морали, а также таких естественноисторических институтов социального контроля, как семья и община. Преобладание неполитического регулирования в обществе предполагало социальное равенство (а следовательно, низкий уровень конфликтности), сравнительную немногочисленность общностей людей и весьма простые формы их взаимодействия.

Со временем, с возникновением сложных социальных общностей, традиционные ритуально-нравственные формы регулирования поведения людей оказались недостаточными. Развитие производства и углубление разделения труда, обострение социальных конфликтов, усложнение общества, в том числе форм взаимодействия людей, появление новых общих дел, ослабление традиционных родовых форм социального контроля — все это привело к возникновению политики как особого института и вида деятельности, регулирующего поведение людей с помощью специального аппарата принуждения.

Таким образом, главные общественные функции морали и политики совпадают. Политика, как и мораль, имеет основание претендовать на защиту общего блага и социальной справедливости, хотя очень часто она далека от выполнения этих гуманных задач. Политика возникает вследствие регулятивной недостаточности морали, как ее специфическое дополнение. Не случайно, отражая этот факт, мыслители древности рассматривали политику как одну из ветвей этики. Разделение политики и морали и учений о них впервые произвел лишь в конце XV — начале XVI в. Николо Макиавелли.

Политика выступает как бы формой объективации, внешнего выражения и материализации механизмов нравственного самоконтроля. Так, например, характерную для морали функцию угрызений совести здесь выполняет суд,

формализовавший критерии своих оценок в виде права и предусматривающий определенные санкции за нарушение установленных норм.

Различия между политикой и моралью

Несмотря на элементы общности политика имеет и принципиальные отличия от морали. Важнейшим из них является конфликтность политики. Как уже отмечалось, политика представляет собой деятельность, направленную на разрешение групповых социальных конфликтов, затрагивающих все общество и требующих применения власти. Мораль же характеризует повседневные индивидуальные отношения между людьми, частным случаем которых являются конфликты, обычно не достигающие политической остроты.

Непосредственным источником политики являются экономические и другие насущные **интересы** людей, причем в первую очередь интересы крупных социальных групп: наций, классов, слоев и т.п. Непосредственным же источником морали выступают общечеловеческие, а также другие коллективные ценности, следование которым не сулит индивидуальной личной выгоды. Поэтому соперничество моральных и политических мотивов поведения — это борьба духовных ценностей и непосредственных, прежде всего материальных, личных интересов.

Многие императивы морали носят характер идеалов, с которыми следует соотносить свои действия, но которых в реальной жизни едва ли кому-нибудь удастся достичь. Так, например, вряд ли можно найти человека, который за всю свою жизнь ни разу не солгал, говорил лишь одну правду или в соответствии с христианскими нравственными заповедями возлюбил каждого своего ближнего как самого себя.

Отступления от морали — общераспространенное явление. «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!» — обратился Христос к толпе, пытавшейся строго судить блудницу, и никто из людей не поднял руку, посчитав себя безгрешным.

В отличие от **абстрактно-нормативного** характера нравственных императивов, требования политики **конкретны** и обычно облечены в форму законов, нарушение которых влечет за собой реальные наказания.

Политика направлена вовне и **целесообразна**, т.е. ориентирована на достижение определенных целей, результатов. Мораль же оценивает **субъективное, внутреннее переживание** поступков. Для нее важны не столько достигнутые результаты, сколько сам поступок, его мотивы, средства и цели, независимо от того, достигнуты они или нет.

Мораль всегда **индивидуальна**, ее субъект и ответчик — отдельный человек, делающий свой нравственный выбор. Политика же носит групповой, **коллективный** характер. В ней индивид выступает как часть или представитель

класса, нации, партии и т.п. Его личная ответственность как бы растворяется в коллективных решениях и действиях.

Политика **ситуативна**. Ориентируясь на успех, она призвана учитывать реальную ситуацию, все факторы, способные повлиять на достижение целей. Моральные же требования в своей основе **универсальны** и, как правило, независимы от конкретной обстановки.

Важнейшей отличительной особенностью политики является также **опора на силу**, использование принудительных санкций за невыполнение требований. Политика, писал М. Бебер, «оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие».

Мораль же в принципе осуждает насилие и опирается главным образом на «санкции» совести. Собственная совесть, особенно если она не развита, может простить человеку даже преступления. Политика же карает не только противников и нарушителей, но нередко и невинных, вызывая у людей страх.

Отмеченные выше особенности политики по отношению к морали свидетельствуют об автономности этих сфер жизнедеятельности и дают основания для различных толкований вопроса о совместимости политики и морали.

§ 3. Возможна ли нравственная политика?

Основные воззрения на взаимоотношение нравственности и политики.

В мировой социальной жизни выделить четыре главных подхода к взаимоотношению политики и морали. Исторически первым из них является **морализаторский** подход. Выражаемый в крайней форме — в форме морального абсолютизма, — этот подход означает, что политика должна не только иметь высоконравственные цели (общее благо, справедливость и т.п.), но и при любых обстоятельствах не нарушать нравственные принципы (правдивость, благожелательность к людям, честность и т.п.), используя при этом лишь нравственно допустимые средства.

Морализаторский подход к политике, господствовавший в общественной мысли вплоть до Нового времени, не утратил своего значения и в XX в. Известный русский религиозный философ В.С. Соловьев писал: «Как нравственность христианская имеет в виду осуществление царства Божия внутри отдельного человека, так христианская политика должна готовить пришествие царства Божия для всего человечества как целого, состоящего из больших частей — народов, племен и государств».

Освобожденный от крайностей, морализаторский подход к политике представлен, в частности, в идеологии христианско-демократического движения — одного из наиболее влиятельных политических движений современного мира. Такой подход, понимаемый как нравственный ориентир субъектов

политики, их стремление сделать ее нравственной, учитывая при этом социальные реальности, способствует гуманизации политики. В то же время жизнь показала, что попытки полностью подчинить политику нравственности в духе морального абсолютизма обрекают ее на неэффективность и тем самым компрометируют и мораль, и политику.

Политика вне морали

Гипертрофированным отражением различий политики и морали является подход к их взаимоотношению, отделяющий эти две области общественной жизни друг от друга. Согласно этому (второму) подходу, политика и мораль **автономны** и не должны вмешиваться в компетенции друг друга. Мораль — это дело гражданского общества, личной ответственности, политика же — область противоборства групповых интересов, свободная от нравственности.

Родоначальником таких взглядов многие считают Макиавелли. Действительно, этот выдающийся мыслитель, как уже отмечалось, освободил исследование политики от религиозного и этического контроля, поставил в центр политического анализа проблему эффективности политики, способов и средств достижения целей. В своей знаменитой работе «Государь» (1532) он утверждал, что политика должна учитывать конкретное состояние общественных нравов, в том числе нравственную испорченность людей. Человек, желающий всегда делать добро, при безнравственном окружении ничего не добьется, не будучи реалистом, и погибнет. Поэтому если в народе не развиты гражданские добродетели и в обществе нарастает анархия, то ради спасения государства и порядка государь вправе использовать любые, в том числе и безнравственные средства. В частной же жизни он обязан руководствоваться общепринятыми нормами морали.

Макиавелли, таким образом, сохраняет мораль как регулятор частной жизни политиков, а также как благородную цель, оправдывающую безнравственные способы ее достижения. Поэтому было бы неверно считать его апологетом полного отрыва политики от морали. Такой отрыв в большей степени характерен для большевистских вождей России. «Морали в политике нет, а есть только целесообразность» — говорил В. И. Ленин.

Попытки освободить политику от нравственных оценок, поставить ее по ту сторону добра и зла, как правило, предпринимаются для того, чтобы оправдать антигуманные действия или, по крайней мере, вывести политику из-под критики. На самом же деле они ведут к вмешательству политики в область морали и к ее разрушению.

Политика — это зло?

Игнорирование политикой нравственных ценностей делает ее аморальной. В реальной жизни безнравственность политики — широко распространенное явление. Это служит основанием для трактовки политики и

морали как непримиримых **противоположностей** — добра (морали) и зла (политики). Это третья точка зрения на их соотношение.

Наиболее негативно оценивает политику анархизм. Политика и ее главный носитель — государство, писал отец русского анархизма М.А. Бакунин, «именно и значит насилие, господство посредством насилия, замаскированного и откровенного». Зло, продолжал он, коренится в самой природе политики — во власти. «Кто облечен властью, тот по неизменному социологическому закону непременно сделается притеснителем и угнетателем общества». При чем власть развращает не только ее обладателей, но и тех, кто вынужден ей покоряться.

Близкой к анархизму общей оценки политики придерживается марксизм. Он трактует политику как неизбежное в условиях существования эксплуатации, классов и социального неравенства зло, область насилия. Однако это зло все же необходимо использовать пролетариату для свержения эксплуататоров, подавления их сопротивления и построения неполитического коммунистического общества, основанного на социальном равенстве, общественном самоуправлении и свободе личности.

Негативные оценки политики можно найти и у либеральных мыслителей. Так, известный русский философ Н.А. Бердяев писал: «У меня отвращение к «политике», которая есть самая зловещая форма объективации человеческого существования, выбрасывание его вовне. Она всегда основана на лжи. <...> Политика в значительной степени есть фикция, владеющая людьми, паразитарный нарост, высасывающий кровь из людей».

Почему же у многих создается впечатление о политике как о «грязном», аморальном занятии? Причины этого — не только в заблуждениях людей, но и в реальных чертах конкретной политики, а также в особенностях политики вообще.

Почему политика кажется «грязным делом»?

Можно выделить целый ряд причин, объясняющих кажущуюся, а очень часто и реальную аморальность политики. К ним относятся:

1. Уже упомянутые свойства власти распоряжаться материальными и духовными благами, судьбами людей. Это дает высокий престиж ее обладателям, влечет к государственной «кормушке» жаждущих личной славы и обогащения. Обладающий властью часто испытывает соблазн использовать ее в корыстных целях, а зависящий от нее чувствует почтение к сильным мира сего, стремление угодить, польстить начальству и т.п. Развращающее воздействие власти на управляющих и управляемых нарастает по мере ее концентрации и усиления бесконтрольности. Как говорил известный английский историк лорд Д. Актон, «всякая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

В силу этих особенностей власти для обеспечения гуманной направленности политики, предотвращения различного рода злоупотреблений

общество нуждается в эффективной системе отбора не только компетентной, но и нравственной политической элиты, в обеспечении действенного контроля за власть имущими.

2. Органическая связь политики с насущными интересами людей. Как отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, «"идея" неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от "интереса"». Это в полной мере можно отнести и к нравственным идеям, большинство из которых по силе мотивации практического поведения обычно уступает материальным интересам. В политике реальные, прагматические интересы традиционно стояли на первом плане, оправдывая хитрость, ложь, убийства и другие безнравственные поступки. Как сострил по этому поводу один из послов английского короля Якова I, политик — «это вежливый человек, который должен лгать в интересах своего государства». И хотя коллизии между политикой и нравственностью возникают далеко не всегда, в случае появления таких противоречий они чаще разрешаются в пользу интересов.

3. Обобщенность, безличность, представительность и опосредованность осуществления политических решений, облегчающие отступление от морали. Политические решения обычно принимаются от имени партии, народа, нации, класса и т.п. и касаются не конкретных личностей, а достаточно общих социальных групп и объединений. Те, кто принимает решения, как правило, их непосредственно не исполняют и часто не видят и не чувствуют негативных последствий своей политики. Принять общее решение, например о ликвидации целого эксплуататорского класса, в моральном отношении значительно легче, чем самому уничтожить хотя бы одного его представителя.

Очевидно, что идеолог красного террора Ленин, будучи человеком достаточно воспитанным и просвещенным, вряд ли сам смог бы убить невинного человека из числа привилегированных классов, выходцем из которых был и он сам. Однако, действуя как политик, он отдавал приказы о взятии и расстрелах заложников, советовал для массового наступления на войска генерала Юденича поставить впереди пулеметов тысячи мирных «буржуев», распорядился сжечь целый город Баку в случае его захвата британскими или турецкими войсками.

4. Влияние на политику групповых ценностей и групповой морали, часто противоречащих общечеловеческим основам нравственности. Попытки создать новую, классовую мораль, отличную от традиционной нравственности, были предприняты в странах бюрократического социализма. «Наша нравственность, — говорил Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».

Противопоставление групповых интересов и ценностей общечеловеческой нравственности, подчинение морали политике на деле означает разрушение всякой морали. Яркий пример вырождения морали — пропаганда в СССР как

геройского поступка политического доноса пионера Павлика Морозова на своего отца.

Негативное влияние групповых ценностей и интересов на нравственность политиков и политики имеет место и в демократических странах, где политические лидеры обычно предпочитают не выносить сор из собственной партийной или правительственной избы, часто утаивают неблагоприятные факты. Некоторые из них при этом сознательно «пачкают руки», оправдывая свои безнравственные поступки как благородную личную жертву ради общего дела.

5. Мультипликационный эффект политических злоупотреблений. Он заключается в том, что аморальные действия в высших эшелонах власти имеют свойство умножаться, нарастать подобно катящемуся вниз снежному кому. Реально это проявляется в том, что аморальный высший руководитель обычно стремится освободиться от честных работников или сделать их своими сообщниками, окружает себя удобными людьми, которые, в свою очередь, также плодят себе подобное окружение.

Мультипликационный эффект злоупотреблений ведет к закрытости и вырождению правящей элиты. Его проявления особенно велики в жестко централизованных политических структурах со слабо развитыми автономией частей и контролем снизу. В России последних лет такой эффект проявился, в частности, в массовом распространении коррупции.

6. Ориентация политики на эффективность, достижение цели. Как уже отмечалось, политические организации и движения создаются для реализации определенных целей. Пути и средства их достижения имеют для членов организация второстепенное значение, что облегчает возможность использования руководителями безнравственных средств. Именно за результативность руководство несет ответственность перед членами организаций и электоратом. Средства же и способы получения результатов мало кого интересуют и обычно остаются в тени.

7. Конфликтность политики, ее функционирование как отношений друзей (союзников) — врагов (соперников), повышающие эмоциональную враждебность или, по меньшей мере, напряженность между субъектами политики. Врагам же или соперникам, как известно, очень редко стремятся делать добро, а это — важное требование нравственности.

8. Публичность политики, внимание к ней со стороны общества, а также более высокие нравственные требования, предъявляемые гражданами к политическим лидерам. Политика затрагивает интересы многих людей. Поэтому ее главные творцы на виду у общества. Их считают не только наиболее компетентными, но и лучшими, достойными доверия людьми.

Политики оцениваются гражданами прежде всего в двух главных качествах: деловых (компетентность, энергичность, умение руководить людьми) и человеческих, нравственных (порядочность, справедливость, забота о людях, готовность защищать их интересы). Из-за повышенной общественной значи-

мости деятельности политиков объектом общественных суждений является не только их профессиональная, но и личная жизнь. При этом судят политиков обычно более строго, чем рядовых граждан. Так, например, в США уже немало претендентов в президенты и парламентарии поплатились политической карьерой за недоплату налогов или за то, что когда-то имели любовниц и это стало достоянием общественности. В отношении рядовых граждан такие факты почти ни у кого не вызывают особого осуждения.

Таким образом, реальная политика, как видно из сказанного выше, очень часто бывает далека от нравственности и считается многими «грязным делом». Однако полностью оторваться от морали политика не может, ибо это рано или поздно ведет к компрометации самой политики и деградации всего общества. Осознание этого, равно как и претензия на реализм проявляются в следующем, **четвертом**, подходе к взаимоотношению политики и морали.

Компромиссный подход к соотношению политики и морали. Этика ответственности и этика убеждений М.Вебера

Этот (четвертый) подход сегодня преобладает среди ученых и политиков. Он исходит из признания необходимости воздействия нравственности на политику, учитывающего специфику последней.

Один из важнейших обоснователей компромиссного подхода — Вебер. Он считал, что не следует полностью разделять этику и политику, хотя необходимо внимательно учитывать особенности последней. Не может существовать единого нравственного кодекса, одинаково применимого к деловым и сексуальным, к служебным и семейным отношениям, к друзьям и конкурентам и т.п. Поэтому этика должна учитывать особенности политики, главной из которых является применение насилия. «Именно специфическое средство **легитимного насилия** <...> в руках человеческих союзов, — писал он, — и обуславливает особенность всех этических проблем политики».

Эта особенность делает для политики невозможным следование, например, евангельской заповеди не противиться злу насилием. Политик в силу своих профессиональных занятий должен бороться со злом, в противном случае он несет ответственность за его победу.

Для того чтобы очертить границу влияния нравственности на политику, Вебер разделяет мораль на этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений означает неотступное следование нравственным принципам, независимо от того, к каким результатам это приведет, не считаясь с затратами и жертвами.

Этика ответственности, напротив, предполагает учет конкретной обстановки, ориентацию политики в первую очередь на ее последствия, внутреннюю ответственность политиков за те результаты своих действий, которые можно предвидеть, готовность предотвратить большее зло, в том числе

и с помощью зла меньшего. Соотношение этики ответственности и этики убеждений в реальных действиях должен определять сам политик.

Эти идеи Вебера о соотношении морали и политики получили достаточно широкое распространение. Несмотря на свою кажущуюся реалистичность они имеют ряд слабостей. Прежде всего Вебер фактически сводит политику к легитимному использованию насильственных средств, ограничивая тем самым возможности влияния нравственности на политику. Однако задачи политики, особенно в современных демократических государствах, намного сложнее, чем применение насилия. При решении целого ряда политических вопросов использование или угроза применения насилия могут лишь повредить делу. Без гражданской ответственности, готовности к компромиссам, солидарности и кооперации политических акторов невозможно современное правовое государство. Выход содержания политики за пределы сферы применения насилия позволяет более широко использовать в ней нравственные ценности.

**Институционализация
нравственных
требований**

Веберовское понимание соотношения морали и политики по существу освобождает политиков от закрепленной в конкретных институциональных нормах нравственной ответственности перед другими людьми и обществом, поскольку решение вопроса о следовании нравственным принципам и применении средств для реализации политических целей оставляется на усмотрение самих политиков. Однако очевидно, что многие стоящие у кормила власти люди вообще не задумываются о безнравственности своих действий. Поэтому оставлять моральную сторону политики без правового и общественного контроля — значит поощрять безнравственность в политике.

Институционализация нравственных требований представляет собой их закрепление в нормах политических организаций и прежде всего в праве, что предполагает определенные санкции за нарушение моральных принципов. Такое институциональное закрепление морали — одно из важнейших условий гуманизации политики. Институты могут как стимулировать нравственность в политике, так и препятствовать ее влиянию. Как отмечает Б. Сутор (ФРГ), для гуманизации политики и укрепления нравственности лучшим является не тот строй, «который предъявляет к своим гражданам более высокие или даже наивысшие моральные требования. На самом деле лучше тот строй, который прежде всего отвечает человеческому характеру в его обычной амбивалентности: дурным наклонностям людей ставит необходимые ограничения, но в то же время открывает максимально возможный простор для права и воли людей осуществлять саморазвитие, для их способности к добру».

Для своей эффективности политические институты должны быть рассчитаны не на святых, морально совершенных людей, а на обычных граждан. Они призваны способствовать обычным людям в выражении их

интересов, защите прав и выполнении обязанностей, побуждать их соблюдать приемлемые для всех «правила игры» — государственные законы, обеспечивающие сочетание индивидуальной пользы с благом всего общества.

В современном мире центральным направлением институционализации нравственных требований к политике являются права человека. В соответствии с документами, принятыми мировым сообществом, они выступают универсальным критерием оценки гуманности политики, ее человеческого измерения.

В целом же влияние нравственности на политику может и должно осуществляться по ряду направлений. Это — постановка нравственных целей, выбор адекватных им и реальной ситуации методов и средств, учет в процессе деятельности моральных принципов, обеспечение эффективности политики. Конечно, выполнение всех этих требований в реальной политике — весьма сложная задача. На практике ее гуманность зависит не столько от провозглашаемых целей, сколько от методов и средств, используемых в процессе их достижения.

Глава 4

ЦЕЛИ, МЕТОДЫ И СРЕДСТВА В ПОЛИТИКЕ

§ 1. Соотношение целей и средств в политике

Что такое цели и средства в политике?

Политика по своей сути является целеполагающей деятельностью. Это означает, что она возникает и осуществляется ради определенных целей. Цель, средство и результат — основные компоненты политической и любой другой деятельности. Цель представляет собой выработанный человеческим мышлением идеальный результат, ради которого осуществляется деятельность и который служит ее внутренним побудительным мотивом. Она выполняет в политической деятельности организующую и мотивационную функции.

Цели политики внутренне противоречивы и разнообразны. Ее общая цель в социальной системе — интеграция внутренне дифференцированного общества, увязывание конфликтующих частных устремлений граждан с общей целью всего общества. Гарантией гармоничного сочетания частных и общих целей призвано служить государство.

Еще Платон, по существу, выявил эту высшую цель политики. В своем произведении «Политик» он писал: это «царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей».

Достаточно ясная общая цель политики трудно реализуется на деле, поскольку предполагает нахождение приемлемой для всех сторон меры сочетания конфликтующих интересов общественных групп, обладающих неравными ресурсами и возможностями политического влияния и преследующих в политике в первую очередь свои эгоистические интересы. Поэтому было бы утопичным ожидать гуманизации политики от простого увещевания ее субъектов помнить о благе своих соперников и всего общества. Более эффективно повлиять на конкурирующие частные интересы и цели, обуздать групповой эгоизм можно с помощью воздействия на средства и методы политики. Средства политики представляют собой инструменты, орудия практического осуществления целей, превращения идеальных мотивов в реальные действия. «Средства» и «методы» политики — близкие понятия. Средства — это конкретные факторы влияния ее субъектов на объекты: пропагандистские кампании, забастовки, вооруженные действия, электоральная борьба и т.д. Методы политики обычно характеризуют способы воздействия ее средств. К ним относятся прежде всего насильственный и ненасильственный методы, принуждение и убеждение.

Вопрос о влиянии целей и средств на результаты и нравственную оценку политики издавна является предметом горячих споров. Среди различных воззрений на этот счет можно выделить три основных: 1) нравственный характер политики определяется ее целью; 2) приоритетное влияние на нравственную значимость политики оказывают используемые средства; 3) как цель, так и средства одинаково важны для придания политике гуманного характера, и они должны быть соизмеримы друг с другом и с конкретной ситуацией.

Цель оправдывает средства

Широко известными приверженцами **первого**, «целедоминирующего» подхода были Макиавелли (больше как теоретик) и Ленин (преимущественно как практик). Оба они оправдывали использование безнравственных средств для достижения благородных целей. И все же наиболее детальное теоретическое обоснование и практическое воплощение тезис «цель оправдывает средства» получил у иезуитов.

Католический орден иезуитов, основанный в 1534 г. в Париже, существует и сегодня. Это воинствующая организация, использующая любые средства для утверждения своей веры. Орден построен на жестком централизме, железной дисциплине, обязательном взаимном шпионаже.

Идеологи иезуитов разработали специальную систему доказательств морального оправдания своего права на безнравственные действия — ложь, интриги, клятвопреступления, подлог, заговор, убийства и т.п. Как утверждали, в частности, главные моралисты ордена Г. Безенбаум (1600—1688), а затем Ла-гуори (1696—1787), нравственность поступков считается доказанной

ссылкой на церковный авторитет и обеспечивается с помощью ряда специальных приемов. Так, с помощью «мысленной оговорки» — произнесенной в уме приставки «не» («поп») — морально оправдывается любое клятвопреступление, нарушение обещаний, присяги и т.п. В целом же любой поступок становится моральным, если он продиктован нравственно оправданной целью.

Теоретики этого ордена создали целую систему иезуитской морали, построенной на оправдании любого преступления (в том числе и развязывания ядерной войны) высокой религиозно-нравственной целью.

В столь откровенно выраженной, как у иезуитов, форме тезис «цель оправдывает средства» встречается довольно редко. Однако, облеченная в более мягкие и привлекательные одежды, эта формула имеет широчайшее применение в политике и очень часто служит для прикрытия аморальных политических действий.

Обычно никто даже из самых одиозных политиков не признается в полной безнравственности своих целей. Все величайшие политические преступления — войны, массовый террор, кровавые революции и т.п. — прикрывались великими с точки зрения их творцов целями, сулящими благо если не всему человечеству, то, по крайней мере, своей нации или классу.

Многие века в общественной мысли преобладало мнение, что для достижения благородной, нравственной цели допустимы и не совсем нравственные средства, например использование лжи. Так, на устроенном в 1780 г. Берлинской Академией конкурсе его победителем был признан Фредерик Кастильон. На вопрос: «Полезно ли для народа обманывать его, либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных заблуждениях?» он ответил: «Учитывая существующий моральный и культурный уровень народа, обман его либо же оставление его в неведении относительно намерений, целей и поступков власть имущих является морально правильным при условии, что действительно служит причиной его счастья».

Ложь, утаивание информации, манипулирование сознанием людей широко распространены в мире современной политики и считаются многими людьми вполне допустимыми средствами политического противоборства. Хотя в целом наука и общественное мнение сегодня относятся к этому отрицательно.

Средства доминируют над целью

Второй, «средстводоминирующий» подход к соотношению целей и средств политики, исходящий из нравственного приоритета средств над целью, представлен в первую очередь идеологами ненасилия в политике. Так, один из виднейших представителей этого движения, лидер национально-освободительной борьбы Индии Махатма Ганди (1869—1948) считал, что уровень развития общества определяется в первую очередь моральным совершенством людей. Нравственность же воплощается в реальность прежде всего через

используемые в политике средства. Именно средства выражают нравственную волю человека. Средства имеют приоритет над целями и являются главным нравственным критерием политики, ее человеческим измерением.

Соизмеримость целей и средств

Третий, «компромиссный» подход к соотношению целей и средств политики пытается избежать крайностей, учесть нравственную значимость как целей, так и средств. В реальной политике каждый из этих компонентов играет собственную, весьма важную роль. Всякая политика начинается с цели. Цель объединяет все действия и их результаты в единую систему, фактически предопределяет объект политического воздействия, противников и союзников.

Очевидно, что если, например, политическая партия ставит целью устранение частной собственности и капитализма, то вряд ли она может рассчитывать на симпатии слоя предпринимателей и крупных собственников даже тогда, когда она ограничивается ненасильственными средствами борьбы. В лучшем случае эти слои будут терпимо относиться к такой партии и то обычно до тех пор, пока не возникнет реальная угроза их интересам и ценностям.

В конечном счете эффективное, ведущее к цели использование любых, в том числе ненасильственных, средств в политике вызывает противодействие противников. Не случайно такие виднейшие представители ненасильственных движений, как М. Ганди и Мартин Лютер Кинг (проповедник, борец за расовое равноправие в США), пали от рук убийц.

Важное влияние цель оказывает не только на результат политической деятельности, но и на выбор средств. Сами политические цели имеют иерархическую структуру и делятся на конечные и промежуточные, краткосрочные и перспективные, общие и частные. Именно промежуточные цели оказывают наибольшее воздействие на выбор методов и средств политической борьбы.

Так, например, на развязывание гражданской войны в России после прихода большевиков к власти повлияла не их конечная цель — построение коммунизма, а прежде всего промежуточная цель — ликвидация в короткий срок частнособственнических классов, а также упорство в достижении этой цели, нежелание отказаться от нее или хотя бы отодвинуть сроки ее осуществления. Хотя, конечно, непосредственной причиной гражданской войны явилось прежде всего использование насильственного метода борьбы.

Между целями и средствами (в том числе и методами, характеризующими использование средств) существует взаимовлияние. С одной стороны, цель и условия ее реализации во многом предопределяют используемые средства, с другой — средства, непосредственно влияя на достигнутый результат, определяют реалистичность или утопичность цели, ее изменение или вообще отказ от цели. Причем причиной несовпадения целей и результатов политики

может быть как утопичная цель, так и неадекватные ей и обстоятельствам средства. В целом же, будучи выбранными для реализации цели, именно средства оказывают непосредственное влияние на результаты политики.

Достаточно убедительную трактовку общего соотношения целей и средств в политике с точки зрения ее нравственной оценки дает Н. А. Бердяев: «Цель уходит в отвлеченную даль, средства же остаются непосредственной реальностью <...> Когда применяют злые, противоположные целям средства, то до цели никогда не доходят, все заменяют средствами и о целях забывают, или они превращаются в чистую риторику <...> Цель имеет смысл лишь в том случае, если ее начать осуществлять сейчас же, тут».

Опыт коммунистического движения подтверждает истинность такого подхода к соотношению целей и средств в политике. Великая гуманная цель — освобождение людей труда от эксплуатации и угнетения, построение общества, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», — в результате применения взявшими власть коммунистами тотального насилия против всех несогласных привела их к прямо противоположным результатам.

**Пути разрешения
противоречий между
целями и средствами**

Несмотря на негативное влияние на политику безнравственных действий, в некоторых ситуациях полный отказ от них может иметь еще худшие последствия. Противоречия между целями и средствами политики существуют реально и не всегда могут разрешаться за счет отказа от целей из-за опасения применения сомнительных в нравственном отношении средств.

Разрешение таких противоречий может быть найдено в процессе нравственного соизмерения целей и средств политики. Известно, что нравственные ценности имеют иерархическую структуру. Одни из них — более значимы, чем другие. Так, например, пожертвовать жизнью ради спасения других людей — несравненно более нравственный поступок, чем пожертвовать для бедных небольшую часть своего дохода. Точно так же и безнравственные дела существенно различаются на шкале моральных ценностей: одно дело — убийство человека и совсем другое — безобидное лукавство.

Применительно к политике это означает, что в ней бывают ситуации, когда человек должен действовать по принципу меньшего зла, подобно врачу, утаивающему от больного губительную или вредную для него правду. Еще Платон в проекте своего совершенного государства оправдывал применение лжи в «лечебных» для народа целях. «Правителям, — писал он, — потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману — ради пользы тех, кто им подвластен. <...> Подобные вещи полезны в виде лечебного средства».

«Лечебность» безнравственных средств в политике в целом сомнительна. Единожды солгав в благих намерениях, человек намного легче делает это вторично. С каждым разом у него усиливается соблазн безнравственных

действий. Длительное же применение безнравственных средств в политике разлагающе действует как на самих лидеров, так и на их сторонников, подрывает доверие и у оппонентов, и у союзников и в конечном счете не только ведет к нравственной деградации людей, использующих такие средства, но и ставит под сомнение эффективность проводимой ими политики.

Не все мыслители прошлого были столь решительны, как, например, Платон или Макиавелли, в оправдании применения в политике лжи во спасение. Так, выдающийся философ-гуманист Иммануил Кант, в целом отрицательно относясь ко всякому обману, советовал политикам избегать ситуаций, в которых ложь более нравственна, чем правда.

Современная наука не может определить, какие средства являются нравственными и эффективными применительно ко всем случаям практики, но она в состоянии установить гуманистические пределы в использовании средств для достижения определенных политических целей. Так, например, наукой убедительно доказано, а историей практически подтверждено, что в современных демократических государствах использование политического террора или вооруженных восстаний для достижения групповых интересов или даже самых прекрасных и благородных целей не только безнравственно, но и преступно перед обществом. Точно так же в современных условиях нравственно недопустимо использование ядерного или других видов оружия массового уничтожения для решения спорных международных вопросов.

Все это свидетельствует о том, что для реализации политических целей приемлемы далеко не любые средства. От тех целей, достигнуть которые можно лишь с помощью явно антигуманных действий, следует отказаться. Наиболее несовместимы с нравственностью насильственные средства.

§ 2. Насилие и ненасилие в политике

Понятие и историческая роль —насилия

Политика издавна связывается или даже отождествляется с насилием. Как уже отмечалось, ее важнейшим отличительным признаком является применение организованного насилия. Легальное политическое насилие на своей территории осуществляет лишь государство, хотя его могут применять и другие субъекты политики: партии, террористические организации, группы или отдельные личности.

Насилие представляет собой преднамеренное действие, направленное на уничтожение человека (или других живых существ) или нанесение ему ущерба и осуществляемое вопреки его воле. Насилие может быть физическим, экономическим, психологическим и др. Применительно к политике, говоря о насилии, обычно имеют в виду физическое насилие (или ненасилие) как средство ее осуществления.

Политическое насилие отличается от других форм не только физическим принуждением и возможностью быстро лишить человека свободы, жизни или нанести ему непоправимые телесные повреждения, но также организованностью, широтой, систематичностью и эффективностью применения. В относительно спокойные, мирные времена его осуществляют специально подготовленные для этого люди, обладающие оружием и другими средствами принуждения, объединенные жесткой организационной дисциплиной и централизованным управлением, хотя в периоды восстаний и гражданских войн круг субъектов насилия значительно расширяется за счет непрофессионалов.

Насилие — неотъемлемая сторона всей человеческой истории. В политической и общественной мысли встречаются самые различные, в том числе прямо противоположные оценки роли насилия в истории. Некоторые ученые, например Евгений Дюринг, приписывали ему решающую роль в общественном развитии, сломе старого и утверждении нового.

Близкую к такой оценке насилия позицию занимает марксизм. Он рассматривает насилие как «повивальную бабку истории» (К. Маркс), как неотъемлемый атрибут классового общества. Согласно марксизму, на протяжении всего существования частнособственнического общества движущей силой истории является классовая борьба, высшим проявлением которой выступает политическое насилие. С ликвидацией классов из жизни общества постепенно исчезнет и социальное насилие. Попытки на практике реализовать марксистские идеи обернулись для человечества эскалацией социального насилия, огромными людскими потерями и страданиями, но так и не привели к безнасиельственному миру.

Негативную оценку социальной роли всякого насилия дают пацифисты и сторонники ненасильственных действий (о них речь пойдет ниже). В целом же в общественном сознании, в том числе среди ученых и политиков, преобладает отношение к насилию как к неизбежному злу, вытекающему либо из природного несовершенства человека (или его «первородного греха»), либо из несовершенства социальных отношений.

Насилие, мораль и эффективность политики

Неразрывно связанное с политикой организованное насилие издавна считается средством, наиболее трудно совместимым с нравственностью, связанным с «дьявольскими силами» (Макс Вебер). «Не убий» — одна из важнейших библейских заповедей. В число нравственных образцов христианского поведения входят также непротивление злу насилием и любовь к врагу своему, хотя эти принципы носят характер скорее нравственных идеалов святой жизни, чем требований, предъявляемых к обычным людям.

Оцениваемое в целом, в общей форме насилие — антипод гуманизма и нравственности, ибо означает действия, направленные против человека или его

достоинства. Систематическое применение насилия разрушает нравственные основы общества, совместной жизни людей — солидарность, доверие, правовые отношения и т.п. В то же время вследствие несовершенства прежде всего самого человека, а также форм его коллективной жизни общество не может полностью устранить из своей жизни всякое насилие и вынуждено в целях его ограничения и пресечения использовать силу.

Проявление насилия и его масштабы определяются многими причинами: экономическим и социальным устройством, остротой общественных конфликтов и традициями их разрешения, политической и нравственной культурой населения и т.д. На протяжении многих веков насилие выступало важнейшим способом разрешения острых социальных противоречий, их оборотной стороной, особенно в отношениях между народами. Политикам, не обладающим нравственной культурой, гуманными убеждениями, оно кажется наиболее эффективным и соблазнительным методом достижения своих целей, поскольку способно физически устранить противника. Как говорил Сталин, отдавая распоряжения об уничтожении неугодных ему людей, «есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы».

Однако эффективность политического насилия чаще всего является иллюзией. Насилие, применяемое одной стороной, как правило, вызывает адекватное противодействие, ужесточает сопротивление противника, масштабы и ожесточенность конфликта, ведет к эскалации насилия и в конечном счете приводит к неожиданно высоким для его инициаторов людским потерям и материальным затратам. Победа же, если она достигается, как правило, имеет слишком высокую цену.

В истории широкое применение насилия оказывало губительное воздействие не только на отдельных людей, но и на целые нации. Многие народы (например проживавшие на территории нынешней Прибалтики пруссы) прекратили свое существование в результате жестоких войн и физического истребления. Насилие оказывает и косвенное разрушительное влияние на общество, уничтожая его лучших представителей и подрывая генофонд нации. Как отмечал еще в 1922 г. известный русский социолог Питирим Сорокин, «судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из нее прекрасное общество». Оценивая ущерб России от недавних мировой и гражданской войн, он продолжал: войны «всегда были орудием отрицательной селекции, производящей отбор «шиворот-навыворот», т.е. убивающей лучшие элементы населения и оставляющей жить и плодиться худшие, т.е. людей второго и третьего сорта. И в данном случае у нас погибли преимущественно элементы: а) наиболее здоровые биологически, б) трудоспособные энергетически, в) более волевые, одаренные, морально и умственно развитые психологически».

Еще более тяжелый урон генофонду русской нации нанесли сталинские репрессии и вторая мировая война. Новая мировая война, если она будет развязана, может привести к уничтожению или деградации всего человеческого рода. Все это свидетельствует о том, что в целом насилие не только безнравственно, но и губительно для общества. И все же обойтись без него пока еще человечеству не удастся.

Право на насилие

Важнейшим фактором, непосредственно влияющим на размеры, формы проявления и общественную оценку социального насилия как внутри отдельных стран, так и в отношениях между ними, является характер политического строя: авторитарный, тоталитарный или демократический. Первые два типа государств — авторитарные и тоталитарные — наделяют власть, высшее руководство неограниченным правом на государственное принуждение, **демократия же признает источником законного принуждения лишь народ и его представителей.** Учитывая социальные реальности, гуманизм (и мораль) допускает применение насилия лишь в качестве ответной или превентивной меры по отношению к уголовным преступникам, террористам, злостным нарушителям законов и т.п.

С глубокой древности виднейшие мыслители-гуманисты считали неотъемлемым право народа на ответное насилие — оборонительные, справедливые войны и восстания против тиранов. «Во всех положениях и состояниях, — писал родоначальник либерализма Джон Локк, — лучшее средство против силы произвола — это противодействовать ей силой же. Применение силы без полномочий всегда ставит того, кто ее применяет, в состояние войны как агрессора и дает право поступать с ним соответствующим образом».

Обращение к силе Локк, а также другие либеральные мыслители считали правомерным и нравственным в том случае, если монарх или избранное правительство не оправдывают доверия народа, нарушают естественные, присущие человеку от рождения права на жизнь, свободу, собственность и др., узурпируют власть и порабащают граждан, жестоко расправляясь с непослушными. В этом случае власть сама ставит себя в состояние войны с народом и узаконивает тем самым его естественное право на восстание против тирании.

В соответствии с этими идеями конституции демократических государств обычно признают законным и нравственным право народа на применение силы, сопротивление против тех, кто пытается насильственно устранить демократический порядок. Однако в конституционном государстве это право действует лишь тогда, когда государственные органы оказываются неспособными противостоять попытке переворота законными средствами.

Демократический строй создает важнейшие предпосылки для ограничения насилия, разрешения конфликтов мирными, ненасильственными средствами. Это достигается прежде всего в результате признания равенства прав всех

граждан на управление государством, выражение и защиту своих интересов. В условиях демократии каждая общественная группа имеет возможность свободно выражать и отстаивать свое мнение, добиваться признания его справедливым и принятия парламентом или правительством.

В демократическом правовом государстве само насилие должно быть легитимным, признанным народом и ограниченным правом. Так, в статье 20 (пункт 2) Основного Закона ФРГ говорится: «Всякое государственное насилие исходит от народа. Оно осуществляется с выражаемого на выборах согласия народа особыми органами законодательной и исполнительной власти и правосудия» и в пределах закона.

В конце XX в. с распространением ядерного и других видов оружия массового уничтожения не только обострилась антигуманная сущность социального насилия, но и появились благоприятные условия для его дальнейшего ограничения. Это связано с распространением идеалов гуманизма: мира, свободы, демократии, прав человека и др. в современном мире, а также с крахом большинства авторитарных и тоталитарных режимов, непосредственно опирающихся на насилие.

Религиозные истоки ненасилия

Уже многие века лучшие умы человечества озабочены проблемой устранения насилия из политической и общественной жизни. Впервые идеи ненасилия зародились в глубокой древности в недрах религиозной мысли — в буддизме, индуизме, конфуцианстве, иудаизме, христианстве и некоторых других религиях. В дохристианских культурах ненасилие понималось преимущественно как безропотное подчинение божественной, природной и общественной необходимости (в том числе власти), терпимость ко всему живому, непричинение вреда окружающему миру, стремление к добру, ориентация человека в первую очередь на религиозно-нравственные ценности. В некоторых религиях, например буддизме и иудаизме, законность самой власти рассматривалась в зависимости от ее соответствия нравственным законам.

Христианство внесло в концепцию ненасилия идеи самопожертвования и любви к ближнему, а также вдохновило верующих на одно из первых в истории массовое применение ненасильственных действий. Имеется в виду непротивление гонениям со стороны властей, вызванным отказом христиан поклоняться римским императорам и официальным богам.

Христианство оказало решающее влияние на восприятие и развитие идей ненасилия в европейской цивилизации (что, конечно, не исключает влияния и других источников, в частности древнегреческой философии стоицизма). Не случайно некоторые исследователи называют первым идеологом и пророком ненасилия, реально воплотившим его в своих действиях, Иисуса Христа, добровольно взошедшего на Голгофу и принявшего мучения ради спасения человечества.

Политика ненасилия имеет глубокие религиозно-нравственные основы. Одну из важнейших идей философии ненасилия — отрицание насилия, непроведение зла насильем — можно найти в заповедях Христа из Нагорной проповеди: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку <...> Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены; прощайте и прощены будете» (Лк. 6.27-6.37).

Обоснование политики ненасилия не ограничивается непроведением зла. Философия ненасилия предполагает активную позицию и действия, основанные на верховенстве духовно-нравственной власти над властью политической в соответствии со словами апостола Павла: «Следует Бога больше слушать, чем людей».

Христианские идеи ненасилия пытались воплотить в жизнь разнообразные религиозные течения и секты. Они стали одной из важнейших целей европейского Реформаторства, были полностью приняты к действию движением квакеров, а в России сектой духовных христиан — духоборов. Эта достаточно массовая секта за оппозицию официальному православию, неподчинение властям и отказ от несения военной службы подверглась гонениям со стороны правительства и в конце XIX в. переселилась в Канаду, где проживает и сегодня.

Развитие теории и практики ненасилия

Большой вклад в концепцию ненасилия внесли крупнейшие русские писатели и философы, особенно Л. Н. Толстой, который создал целое учение о непроведении зла насильем и стремился воплотить его в жизнь, в том числе личным примером, а также Ф. М. Достоевский, пытавшийся решить в своих произведениях проблему нравственной недопустимости насилия. В Америке виднейшим представителем идей ненасилия, обосновавшим использование ненасильственных действий в политике применительно к конституционному государству, был известный писатель и философ Генри Торо (1817—1862).

Новый этап в развитии концепции ненасилия и особенно в ее внедрении в реальную массовую политику связан с именем Махатмы Ганди. С помощью созданного им Индийского Национального Конгресса он успешно воплотил в жизнь целостную стратегию ненасильственной политической борьбы, получившую название «сатьяграхи» (в буквальном переводе — упорство в истине). Эта стратегия была основана на объединении и вовлечении в освободительное движение широких народных масс, независимо от их классовой или кастовой принадлежности и осуществлялась исключительно методами ненасилия в основном в двух формах — отказа от сотрудничества с колониальной администрацией и гражданского неповиновения. Несотрудничество выражалось в бойкоте правительственных учреждений и

учебных заведений, отказе от титулов и званий, пожалованных английскими властями, организации мирных шествий и демонстраций.

Гражданское неповиновение проявлялось в игнорировании законов и распоряжений колониальной администрации, в проведении политических забастовок и харталов (прекращение деловой активности, закрытие торговых заведений и т.п.), неуплате налогов. Во взаимоотношении с колониальными властями использовалась тактика мирных переговоров, компромиссов и поиска консенсуса.

О с о б е н н о с т и ненасильственной политики
--

Суть концепции ненасилия в политике заключается в отказе от применения силы при разрешении конфликтов и в урегулировании спорных вопросов на основе принципов гуманизма и нравственности. Она рассчитана на действие более высоких мотивов человеческого поведения, чем страх перед физическим наказанием или экономическими санкциями, — на силу духа, нравственной убежденности, героического примера. Основой насилия, — пишет политолог Д. Фейхи, — является власть ненависти или, по крайней мере, страха, в отличие от ненасилия, основой которого служит сила бесстрашия и любви. Ненасилие «не ранит, не разрушает и не убивает, как физическое оружие, а исцеляет, объединяет и содействует сближению судеб угнетенного и угнетателя».

Ненасилие в политике традиционно служило специфическим средством воздействия на власть снизу. Его обычно применяют люди, не обладающие средствами насилия или крупными экономическими ресурсами влияния. Хотя история знает случаи участия в ненасильственных действиях и служащих аппарата принуждения, например полицейских, как это было, в частности, во время освободительной борьбы в Индии. Очень часто ненасильственный метод борьбы используют социальные, национальные и иные меньшинства для того, чтобы обратить внимание властей и общественности на бедственность своего положения. Ненасилие занимает центральное место среди средств влияния экологических движений, например движения «Гринпис».

Ненасильственные методы учитывают особенности общественной субстанции — наличие у объектов их воздействия нравственного сознания, совести и разума. Именно к ним апеллирует ненасилие. Если бы в обществе действовали лишь разумные, но бесчувственные машины, роботы, то всякое ненасилие было бы бессмысленным. Эффективность ненасилия основана на использовании внутренних механизмов мотивации поведения и прежде всего совести, а также общественного мнения, его авторитета и влияния.

Философия ненасилия утверждает верховенство личности, ее духовно-нравственного мира по отношению к власти. Она исходит из того, что внутренний голос совести выше законов государства. «Неужели гражданин должен, хотя бы на миг или в малейшей степени, передавать свою совесть в

руки законодателя? — писал Генри Торо. — К чему тогда каждому человеку совесть? <...> Мы должны быть сперва людьми, а потом уж подданными правительства. Желательно воспитывать уважение не столько к закону, сколько к справедливости».

Философия политического ненасилия существенно отличается от пацифизма, пассивного созерцания зла, непротивления насилию. Она предполагает активные действия, не только вербальные, словесные, но и практические, однако при этом не должно быть никакого физического воздействия (т.е. воздействия на тело человека) или ограничения свободы его пространственного передвижения (заключения под стражу, в тюрьму). Хотя в определенных условиях средством ненасильственного воздействия может быть отказ от выполнения своих служебных или иных обязанностей, сознательное воздержание от тех или иных действий.

Ненасильственные действия

Концепция ненасилия претворяется в жизнь с помощью ненасильственных действий. Сам этот термин — «ненасильственные действия» — употребляется как в широком, так и в узком значениях. Ненасильственные действия в широком смысле — любая политическая активность (или умышленная пассивность), исключая насилие. Исходя из широкого значения данного термина, все политические действия делятся на насильственные и ненасильственные.

В узком значении понятие «ненасильственные действия» включает не всякую ненасильственную деятельность, а лишь ту, которая направлена против властей и связана с гражданским неповиновением, с нарушением буквы или духа закона или административных норм (например неуход из служебных зданий после завершения рабочей смены). Понимаемые в этом смысле ненасильственные действия отличаются от осуществляемых в соответствии с законом демократических способов политического соперничества: организационно-партийной и пропагандистской работы, избирательных кампаний, парламентской борьбы и т.п. В научной литературе понятие «ненасильственные действия» обычно употребляется в узком смысле, хотя это создает и определенные неудобства, связанные с несоответствием значения данной категории ее дословной трактовке в русском языке.

Способы (средства) ненасильственных действий разнообразны. Многие из них применялись уже в глубокой древности. Так, еще в 494 г. до н.э., чтобы заставить правителей Рима выполнить свои требования, проживавшие там плебеи оставили работу и покинули город.

В России ненасильственные способы политической борьбы — стачки, демонстрации, народные собрания и др. — широко использовались в 1905—1906 гг. с целью заставить самодержавие учредить парламент. Их результатом стал созыв Государственной Думы.

В современном мире арсенал ненасильственных способов политической борьбы чрезвычайно разнообразен. Американская исследовательница проблем насилия Джин Шарп в своей получившей широкую известность книге «Политика ненасильственных действий» (1973) описывает 198 ненасильственных способов борьбы. Это — публичные выступления, заявления, письма протеста или поддержки, выставление лозунгов, депутации, пикетирование, надоедание официальным лицам, остракизм отдельных людей, забастовки, ненасильственная оккупация зданий, невыполнение законов, чрезмерная загрузка административной системы и т.д.

Ненасильственные способы борьбы в правовом государстве

Все эти и многие другие способы ненасильственных действий этически нейтральны и могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях. В последнем случае они прямо противоречат гуманистическому духу и сути концепции насилия. Нравственная направленность ненасильственных средств политики во многом зависит от характера общественного строя. В авторитарных и тоталитарных государствах, не позволяющих гражданам свободно выражать свои требования, использование ненасильственных средств борьбы служит, как правило, нравственным целям.

Установление в обществе демократии в значительной степени устраняет почву не только для применения социального насилия, но и для ненасильственных средств политической борьбы. По своему замыслу демократия базируется на идеях социальной и особенно политической справедливости — запрете нелегитимного насилия, признании свободы личности, равенства прав граждан на управление государством и т.д. В условиях демократии каждому предоставляется формально равная возможность открыто и на законных основаниях выражать и защищать свои интересы и мнение с помощью специально предназначенных для этого институтов: выборов в государственные органы, участия в деятельности партий, групп интересов и т.д.

Взамен предоставления каждому гражданину таких прав и тем самым реализации важнейших принципов политической справедливости правовое государство требует от личности выполнения определенного минимума нравственных обязанностей. Как пишет немецкий ученый Иосиф Изензее, «этический минимум, который гражданин должен вносить в демократию, является как бы «спортивным» поведением: признание правил игры честного политического соревнования и готовность, в случае чего, признать свое поражение».

Иными словами, правовое государство требует определенного уровня нравственного развития общества, предполагающего уважение достоинства и равенства прав каждого человека, готовность предъявлять к себе такие же

нравственные требования, как к другим, законопослушание и ответственность перед обществом за использование предоставляемой свободы.

Эти этические требования в полной мере касаются и ненасильственных средств политического влияния, многие из которых нравственно амбивалентны, т.е. могут использоваться в прямо противоположных целях. Так, например, в первые годы посткоммунистической России ряд категорий работников, обладающих относительно высокой организованностью и важнейшими ресурсами экономического влияния (шахтеры, авиадиспетчеры и др.), в условиях общего снижения уровня жизни населения приобрели себе с помощью забастовочной борьбы (ненасильственного действия) целый ряд экономических и социальных привилегий, оплачиваемых за счет бюджетных средств, предназначенных для других категорий работников и пенсионеров. Забастовки такого рода движимы групповыми эгоистическими интересами. Они противоречат социальной справедливости и являются средством экономического насилия, шантажа и вымогательства.

Вместе с тем происходившие примерно в тот же период забастовки ряда социально ущемляемых общественных групп (учителей, врачей и т.д.) были вполне справедливыми, не только по методу борьбы, но и по характеру требований соответствовали идеалам ненасилия.

В зависимости от конкретной ситуации противоположную с точки зрения нравственности оценку могут носить и кампании гражданского неповиновения. Они предполагают неисполнение законов и распоряжений властей, а нередко включают активные действия, нарушающие нормальную работу транспорта или других общественных и государственных служб и учреждений. Такие действия, особенно когда они не влекут за собой серьезного наказания, по существу есть нарушение нравственного обязательства уважать закон как демократически выраженную или легитимированную волю большинства. Они противоречат также принципу равноправия всех граждан, поскольку участники гражданского неповиновения претендуют на особое право нарушать по своему усмотрению правила политического поведения, соблюдаемые остальными людьми.

Таким образом, при оценке с точки зрения идеала демократического правового государства не только насильственные, но и нарушающие закон ненасильственные средства политической борьбы аморальны (хотя последние безнравственны в меньшей мере). Однако реальная политическая жизнь современных государств весьма далека от демократических идеалов и изобилует законами и, особенно, практическими действиями властей, противоречащими социальной справедливости и морали в целом. Недостаточная эффективность институтов демократического волеизъявления, бюрократизация государственного аппарата, коррумпированность, консерватизм и бездушие должностных лиц и чиновников и многие другие факторы не всегда позволяют гражданам выразить свои справедливые требования или своевременно обратить внимание общественности и властей на острейшие общественные проблемы. Поэтому в

таких условиях применение ненасильственных действий (в том числе гражданского неповиновения), мотивированных не групповыми эгоистическими интересами, а заботой о благе других людей или безопасности всего человечества, вполне соответствует философии ненасилия и способствует гуманизации политики.

Несмотря на то, что ненасильственные средства могут использоваться не только в нравственных, но и в безнравственных целях, в целом их применение несравненно гуманнее, чем использование насилия. Их широкое внедрение в политику за счет вытеснения из нее насилия было бы огромным шагом на пути ее очеловечивания. В последние десятилетия такой процесс, несмотря на свою противоречивость, становится заметным политическим явлением. На международной арене он проявляется, в частности, в стремлении к созданию нового мирового порядка, основанного на неприменении силы для разрешения спорных вопросов и на равноправном сотрудничестве государств. В современном мире ограничение и исключение насилия из жизни общества стало общей задачей многих религиозных и светских движений, международных институтов, демократических партий и других объединений.

Как отмечается в «Заявлении о ненасилии» конференции ЮНЕСКО (1986 г.), современная наука доказала, что война или какая-нибудь другая насильственная деятельность не запрограммирована генетически в человеческой природе. Биологическая конструкция человека не обрекает его на насилие и войны. «Как "войны начинаются в умах людей", так и мир начинается в наших умах. Тот вид, который изобрел войну, способен изобрести и мир. Ответственность лежит на каждом из нас».

Глава 5

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Понятие и история прав человека

Права человека во взаимоотношениях государства, общества и личности

Ориентация политики на интересы людей, живущих в обществе, ее очеловечивание осуществляются с помощью определенных принципов, воплощающих гуманистические ценности во взаимоотношениях между индивидом, обществом и государством. Такой специфической конкретизацией гуманистических представлений применительно к миру политики являются права человека. **Они представляют собой принципы, нормы взаимоотношений между людьми и государством, обеспечивающие индивиду возможность действовать по своему усмотрению (эту часть прав обычно называют свободами) или получать определенные блага (это — собственно права).**

Проблема прав человека, выражаемая в той или иной форме, сопутствует всей истории человечества. Права человека представляют собой один из способов трактовки и практического решения вопроса взаимоотношений человека и той общности, в которой он проживает и официальным представителем которой выступает власть. Они утверждают в этих взаимоотношениях свободу и достоинство личности, ее высший ценностный статус.

Возможны четыре основных способа взаимоотношений индивидов с властью: тоталитарный, патриархальный, индивидуалистический и партиципаторный (участия). Первая, **тоталитарная** модель таких взаимоотношений исходит из отождествления общества и государства, из безусловного приоритета целого над частью и полного подчинения индивида государству. **Она исключает саму постановку проблемы прав человека**, поскольку индивид рассматривается здесь как органическая, неразрывная частичка целого, как винтик в сложном государственном механизме, управляемый из центра.

Патриархальный тип взаимоотношений индивида и власти предполагает сложную иерархию прав и обязанностей людей, неравенство их положения в отношениях власти. Он делит общество на различные сословия и группы, низшие из которых политически бесправны, высшие же обладают максимальными властными полномочиями, главным источником и распределителем которых является авторитарный правитель (монарх, диктатор и т.п.), венчающий пирамиду власти. (Более подробно проблемы авторитарной и тоталитарной власти рассматриваются в гл. 10.)

Индивидуалистический способ взаимоотношений личности и власти основан на приоритете индивида в отношениях с государством. Наиболее ярко он представлен в либерализме, который исходит из того, что свободная личность есть конечный источник всякой власти в обществе, в том числе и самого государства. Последнее является результатом соглашения, договора свободных индивидов. Оно подконтрольно народу и призвано выполнять лишь строго ограниченные функции — обеспечение безопасности и свободы граждан, поддержание общественного порядка, некоторые другие.

Взаимоотношения индивида и власти во внеполитических сферах и пути утверждения в них свободы и достоинства личности либерализмом вообще не рассматриваются. В результате сама проблема прав человека ставится главным образом в форме **ограждающих от посягательств власти прав**, т. е. узко и ограниченно.

В современной политической науке преобладает третий, **пар-тиципаторный** подход к взаимоотношениям индивида и власти. Он лишен крайностей и не рассматривает личность как изолированного, независимого от общества индивида, вынужденного в союзе с себе подобными создать

государство и подчиняться ему в определенных вопросах, а исходит из неразрывности и противоречивости взаимоотношений между личностью, обществом и государством. В этом случае сама проблема прав человека усматривается не только и не столько в ограждении индивида от государственного вмешательства, а в **использовании государства в целях создания наилучших условий свободного существования и развития личности.**

Все четыре рассмотренных выше способа взаимоотношений индивида и власти в большей или меньшей степени представлены в истории человечества. Они составляют ту систему координат, в которой осознается и оценивается сама проблема прав человека.

Идеи прав человека в античности
--

На заре человечества в условиях родоплеменного строя проблема прав человека не стояла и не могла стоять, так как в то время не было отчужденной от индивидов власти, а значит и необходимости утверждать и защищать во властных отношениях ценность личности, ее свободу. Кроме того, «средний» человек догосударственной и раннегосударственной эпохи еще не обладал развитым самосознанием и индивидуальностью, руководствовался в отношениях с государством прежде всего вековыми традициями, не отделял себя от рода, общины, селения и государства, обычно с покорностью воспринимал свое положение в общественной иерархии, даже если это было положение раба.

Само возникновение проблемы прав человека неразрывно связано с развитием общества, государства и человеческой индивидуальности. Не случайно впервые идеи прав личности возникают лишь у немногих материально обеспеченных мыслителей, обладающих развитым самосознанием и чувством собственного достоинства. Исторически первой формой осмысления и утверждения индивидуального достоинства и автономии личности по отношению к власти стали идеи **естественного права**, возникшие в первом тысячелетии до н.э.

Впервые эти идеи встречаются у древнегреческих философов-софистов: Ликофрона, Антифона, Алкидама и других в VI—V вв. до н.э. Они утверждали, что все люди равны от рождения и имеют одинаковые, обусловленные природой права. Само же государство Ликофрон трактовал как результат общественного договора. Идею договорного происхождения государства и равенства всех людей перед небом отстаивал в V в. до н.э. китайский философ Мо-Цзы.

Значительный вклад в концепцию прав человека внес Аристотель. Он защищал права, присущие человеку от рождения, и прежде всего его право на частную собственность. Это право коренится в самой природе человека и основывается на его любви к самому себе. Аристотель высказал ряд идей, близких к современной концепции прав человека. Так, он не только признавал права гражданина государства, но и различал естественное и условное,

позитивное право, а также считал, что естественное право должно служить образцом для права условного, которое, в свою очередь, более изменчиво и является результатом деятельности властей и соглашений между людьми. Эта идея верховенства естественного права над законами государства получила свое развитие в современных теориях прав человека, в том числе в концепции правового государства.

Автономия, достоинство и равенство индивидов во взаимоотношениях с властью и другими людьми распространялись философами Древней Греции и Древнего Рима главным образом лишь на свободных граждан, но не на рабов, которые, как считал Аристотель, самой природой наделены качествами, предназначенными для подчинения и исполнения указаний господина. Среди античных сторонников естественного права лишь стоики провозгласили лозунг равенства людей по природе, независимо от пола, национальности и социального положения, поскольку все люди созданы космосом и над всеми «равно тяготеет судьба».

Выдающийся вклад в массовое распространение гуманистических ценностей, лежащих в основе концепции прав человека, внесло христианство. Оно придало гуманистическим идеям высший ценностный статус, соединив их с религиозно-нравственными ценностями. Христианство обращается к внутреннему миру человека, его свободному выбору веры и ценностных ориентаций и тем самым способствует развитию человеческой индивидуальности. Оно требует уважения каждого человека как творения, наделенного душой и созданного Богом по своему образу и подобию. Божественное происхождение обуславливает принципиальное равенство и свободу всех людей. Кроме того, вдохновляющим примером уважения и любви к человеку служит поступок Бога, сознательно обречшего Своего Сына на мучительные страдания на кресте ради спасения человечества. Проповеди Христа также обращаются в первую очередь к униженным и оскорбленным, подчеркивают равенство всех людей в их высшем, духовном измерении — в отношении к Богу.

Гуманистические идеи христианства, выступая в качестве нравственных регуляторов поведения людей, оказали огромное влияние на все последующее развитие Старого Света. И все же они не нашли политико-институционального признания и воплощения в реальных государственно-правовых нормах. В эпоху феодализма получили распространение принципы взаимоотношения между индивидом и властью, унаследованные от античного общества и германских обычаев и смягченные патриархальной и христианской моралью.

Отношения между индивидом и властью представляли собой сложную общественную иерархию прав и обязанностей. Человек, в соответствии с местом, занимаемым на социальной лестнице, был обязан выполнять указания своего господина (сюзерена) и в то же время мог рассчитывать на его покровительство и защиту, а также на послушание подданных (если они существовали), неся перед ними, в свою очередь, определенные обязанности.

В целом же во времена феодализма идея равенства от рождения естественных прав всех людей или хотя бы правового равенства всех свободных граждан была отвергнута. Сами же права трактовались как **привилегии, дарованные подданным монархом или сюзереном**. Каждое из сословий имело специфические права, которые сокращались по мере снижения по лестнице общественной иерархии.

Либеральная трактовка прав человека
--

В период феодализма идеи естественного права не были полностью забыты. Нередко они использовались для обоснования справедливости восстаний против угнетателей, посягающих на традиционные народные вольности. Свое воскрешение, либеральное переосмысление и развитие эти идеи получили в XVII—XVIII вв. в трудах выдающихся мыслителей либерализма и Просвещения.

Виднейшие представители либерализма — Локк, Монтескье, Руссо, Кант, Джефферсон, Смит, Милль, Бентам и другие — по существу заложили основы современного понимания прав человека. Они обосновали понимание фундаментальных прав человека на жизнь, свободу и собственность, сопротивление угнетению и некоторых других как **естественных, неотъемлемых** (неотчуждаемых) и **священных** императивов и норм взаимоотношений между людьми и властью.

При этом естественность прав означает, что они присущи индивиду от рождения вследствие его принадлежности к роду человеческому; неотъемлемость (неотчуждаемость) отражает их имманентность индивиду как живому существу (без наличия которых он не может проявить свои человеческие качества), а также как свойственность человеку вообще, независимо от времени и пространства, в котором он существует (вследствие этого права человека могут служить общим критерием гуманистической оценки любых государств, существовавших в истории); священность характеризует высочайшее уважение и почитаемость прав человека, их высший ценностный статус в иерархии общественных ценностей.

Историческая заслуга Просвещения в вопросе о правах человека состоит не только в их теоретическом обосновании как гуманистических целей человечества, но и в нахождении важнейших способов их практического осуществления. К ним относятся прежде всего принципы народного суверенитета и разделения властей. Первый из них, разработанный в первую очередь Локком и Руссо, означает подчиненность власти индивидам, добровольно объединившимся в народ (общество) и обладающим правом на расторжение «общественного договора» и свержение власти в том случае, если она посягает на фундаментальные права человека на жизнь, свободу и собственность. Второй принцип, гарантирующий индивидуальные свободы, — разделение законодательной, исполнительной и судебной властей. Первым его

сформулировал в современной форме Шарль Монтескье в 1748 г. Этот принцип и сегодня является важнейшим инструментом, ограждающим личность от злоупотреблений и притеснений со стороны власти.

Впервые либеральная концепция прав человека нашла систематизированное юридическое выражение в 1776 г. в Вирджинской декларации, положенной в основу Билля о правах конституции США, принятого в 1791 г. В 1789 г. основополагающие права — свобода личности, права на собственность, безопасность и сопротивление угнетению — были конституционно закреплены во французской Декларации прав человека и гражданина. Эти выдающиеся политико-правовые акты не утратили актуальности и сегодня, хотя, конечно же, нынешние представления о правах человека намного богаче по содержанию.

Борьба за социальные права

Либеральные права, постепенно получившие государственное признание в Америке и Европе с конца XVIII в., отвечали в первую очередь интересам буржуазного класса, прямо заинтересованного в отмене феодальных привилегий и сословных ограничений, в устранении государственных запретов на производственную и торгово-предпринимательскую деятельность, в обуздании государства и его подчинении своему контролю с помощью силы денег.

Как писал один из видных теоретиков либерализма Бенжамин Констан, «деньги есть самое опасное оружие деспотизма, вместе с тем и самая крепкая узда для него <...> В наши дни частные граждане сильнее политических властей: богатство есть сила вездесущая, более соотносимая со всеми интересами и оттого гораздо более реальная, вызывающая большее послушание. Власти угрожают, богатство вознаграждает; от властей можно ускользнуть, обманув их; чтобы добиться милости богатства, ему нужно служить».

Политический либерализм, подчинив права человека силе денег, показал тем самым свою ограниченность. Примерно до 20-х гг. XX в. в большинстве буржуазно-демократических стран низшие слои общества и женщины не имели избирательных прав. Затруднено было практическое использование провозглашенных в конституциях прав неимуществами, так как это требовало необходимых знаний, времени и материальных затрат. Вне государственного внимания оставались экономические и социальные условия свободы личности.

Сама постановка проблемы прав человека в классическом либерализме носит узкий, ограниченный характер. Права охватывают лишь одну сферу взаимоотношений индивидов и государства — их взаимодействие как физических лиц, обладающих собственностью. Права человека обеспечивают гражданам личную безопасность, ограждают их частную (экономическую, семейную, религиозную и иную) жизнь от нежелательного вмешательства со стороны других людей и государства, а также позволяют собственникам контролировать власть посредством избрания ее представителей. При этом вне

поля зрения государства остается сфера экономических, культурных и других отношений между людьми и соответствующие виды власти: экономическая, духовно-информационная и др., которые отдаются на откуп собственникам.

Либеральное решение проблемы прав человека хотя и оградило граждан от государственного произвола, однако не защитило их от эксплуатации и деспотизма собственников, не привело к социальному освобождению всех членов общества. Развязав руки буржуазии и создав благоприятные условия для промышленной революции и утверждения капитализма, оно в то же время увеличило социальное неравенство и обострило классовые конфликты. Оказалось, что отсутствие всяких ограничений в использовании гражданских прав делает их привилегией меньшинства. Это породило массовый протест рабочего класса и других низших слоев общества, требовавших принятия законов, создающих социальные условия свободы и уважения человеческого достоинства неимущих граждан и ограничивающих власть собственников.

Впервые требования дополнить либеральные права правами социальными были обоснованы и выдвинуты в первой половине XIX в. чартистским движением рабочих Англии. В своей программе, разработанной в 1839 г., чартисты выступили за эволюционный путь к социализму, не отрицающий либеральные права, в том числе частную собственность, но требующий справедливой, полной оплаты труда и равноправного участия рабочих в управлении государством.

Социальные права и социальная демократия, защищающие личность в производственной сфере и обеспечивающие достойные условия ее существования, являются одним из важнейших лозунгов социалистического движения. Многие из этих прав (право на труд, отдых, образование и др.) впервые были конституционно закреплены в СССР и других странах марксистского социализма, хотя здесь их провозглашение сопровождалось нарушением традиционных либеральных прав. Это привело в конечном счете к нарастанию в обществе различных социальных привилегий, уравниловке в оплате труда, снижению его эффективности, массовому распространению психологии социального иждивенчества, низкому уровню благосостояния большинства граждан.

В странах Запада социальные права граждан получили юридическое признание главным образом после второй мировой войны. В 1948 г. важнейшие из них — право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, достойный уровень жизни и др. — были включены во Всеобщую декларацию прав человека, принятую Генеральной Ассамблеей ООН. Это дало толчок для закрепления социальных прав в конституциях или законах целого ряда государств. Во второй половине XX в. в индустриально развитых странах создались благоприятные материальные возможности для их реализации. За последние тридцать лет стоимость валового продукта, созданного человечеством; выросла с 1,7 триллиона долларов до примерно 15 триллионов. Это приблизительно соответствует всему богатству, произведенному на Земле за последние две тысячи лет, и позволяет удовлетворять важнейшие материальные потребности всех граждан.

**Индивидуальные потребности
как источник прав человека**

Статус и авторитет прав человека в государстве во многом связаны с трактовкой их источника. Просвещение утвердило в качестве решающего критерия определения естественных прав личности человеческий разум. Тем самым оно попыталось найти им земную основу. Сегодня политологи различной мировоззренческой ориентации по-разному оценивают конечный источник прав человека. Одни видят его в естественной человеческой природе, в конституирующих человеческий род основополагающих потребностях — в поддержании жизни, в безопасности, свободе от насилия и социально неоправданных ограничений, уважении человеческого достоинства, духовном развитии и т.д.

Другие же возводят наиболее высокие из прав к душе, Богу. «Свобода человеческой личности, — писал Бердяев, — не может быть дана обществом и не может по своему истоку и признаку зависеть от него — она принадлежит человеку как духовному существу <...> Неотъемлемые права, устанавливающие границы власти общества над человеком, определяются не природой, а духом. Это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает».

Обе эти трактовки конечного источника прав человека укладываются в рамки одного, естественноисторического подхода к правам человека. Противоречия между ними невелики и устраняются в том случае, если лежащую в их основе природу человека трактуют не как сводимую к его животным, биологическим качествам, а имеющую божественное происхождение. Более существенные отличия в этом вопросе, а также в понимании прав человека в целом связаны с позитивистским и марксистским подходами к их интерпретации.

Основные подходы к правам человека

Апелляция философов-просветителей к разуму как высшему судье в вопросе об определении прав человека послужила основанием для **трех основных подходов** в их трактовке, получивших широкое распространение в XX в. Первый из них, **естественно-исторический** подход ограничивает роль разума главным образом лишь осознанием объективно существующих естественных человеческих прав. Наследуя либеральную традицию, он исходит из того, что фундаментальные права личности имеют внесударственное и внеюридическое происхождение. Государство может либо уважать и гарантировать их, либо нарушать и подавлять, но отнять у человека присущие ему от рождения естественные права оно не может.

Хотя конкретное содержание и объем прав изменяются и расширяются по мере развития общества, сами фундаментальные права остаются неизменными, отражая постоянство основополагающих качеств человеческого рода. Как базовые моральные принципы и требования права человека существуют независимо от социально-классовой структуры и конкретных этапов развития общества, от законодательных норм. Имея для человека высший ценностный статус, они выступают источником гуманности законов, внешним критерием, универсальной мерой оценки любого политического и общественного строя.

Второй, **позитивистский (или юридическо-позитивистский)** подход базируется на трактовке государства как реального воплощения общественного разума и отрицании всякого внесударственного происхождения прав человека. Утверждается рациональная самооценочность права, его независимость от экономических и социальных предпосылок. Источником и гарантом права считается государство. Право и закон не имеют существенных различий. Права личности не выделяются из общей системы права и не имеют верховенства по

отношению к законам государства. Сами права граждан изменяются в зависимости от государственной целесообразности и возможностей общества.

Третий из наиболее распространенных подходов к правам человека, **марксистский**, разделяет прагматическую установку позитивизма, подчиняя ее государственной целесообразности. Однако марксизм исходит не из рациональной самооценки права, а из его социально-экономической и прежде всего классовой детерминации. Право понимается как возведенная в закон воля господствующего класса. При этом сама постановка вопроса о правах индивида становится излишней вследствие трактовки личности как совокупности общественных отношений, продукта определенного общественного строя.

В странах, объявивших марксизм своей официальной идеологией, права личности юридически признавались, однако на деле трактовались сродни феодализму, т.е. **как блага, предоставляемые и дозируемые партией и государством в зависимости от их соответствия произвольно трактуемым классовым и общенародным интересам.** Независимых институтов контроля за соблюдением прав человека не существовало.

В целом же марксизм, и особенно ленинизм и сталинизм, отрицают общечеловеческую природу права, подменяют общечеловеческие ценности моралью, основанной на классовой, партийной целесообразности. Это учение исходит из заведомой непротиворечивости, гармоничности отношений общества и личности в коммунистической формации, из отмирания государства и права, а значит и ненужности института прав человека. Несмотря на слабую совместимость с самой идеей прав человека марксизм и претендующие на его реализацию социалистические страны внесли немалый вклад в обоснование и утверждение социальных прав личности.

§ 2. Важнейшие права личности и проблема их реализации в современном мире

**Типология прав человека.
Негативные и позитивные
права**

В наши дни для большинства стран права человека являются высшей ценностью, признанной мировым сообществом. Сам термин «права человека» употребляется как в широком, так и в узком смыслах. **В узком значении** — это только те права, которые не предоставляются, а лишь охраняются и гарантируются государством, действуют независимо от их конституционного закрепления и государственных границ. К ним относятся равенство всех людей перед законом, право на жизнь и телесную неприкосновенность, уважение человеческого достоинства, свобода от произвольного, незаконного ареста или задержания, свобода веры и совести, право родителей на воспитание детей, право на сопротивление угнетателям и др.

В широком значении права человека включают весь обширнейший комплекс прав и свобод личности, их различные виды.

Современная типология прав человека достаточно разнообразна. Наиболее общей их классификацией является деление всех прав на **негативные** (свободы) и **позитивные**. Такое разграничение прав основано на различии в них негативного и позитивного аспектов свободы. Как известно, в негативном значении свобода понимается как отсутствие принуждения, ограничений по отношению к личности, возможность действовать по своему усмотрению, в позитивном — как свобода выбора, а главное, как способность человека к достижению поставленных целей, проявлению способностей и индивидуальному развитию в целом.

В соответствии с таким пониманием свободы **негативные права** определяют обязанности государства и других людей воздерживаться от тех или иных действий по отношению к индивиду. Они предохраняют личность от нежелательных, нарушающих ее свободу вмешательств и ограничений. Эти права считаются основополагающими, абсолютными. Их осуществление не зависит от ресурсов государства, -уровня социально-экономического развития страны. Негативные права составляют фундамент индивидуальной свободы. Почти все либеральные права имеют характер негативного права.

Типичным примером юридической фиксации этой группы прав и в целом негативного (и либерального) подхода к правам человека является Билль о правах конституции США. Так, его первая статья гласит: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений». Термин «не должен» содержится почти во всех статьях (кроме одной) этого документа. Практически все содержание Билля о правах направлено на ограждение личности от всякого рода несправедливых и нежелательных посягательств со стороны правительства.

В отличие от негативных прав, **позитивные права** фиксируют обязанности государства, лиц и организаций предоставлять гражданину те или иные блага, осуществлять определенные действия. Характер позитивного права носят все социальные права. Это, например, право на социальное вспомоществование, образование, охрану здоровья, достойный уровень жизни и т.п. Реализовать эти права гораздо труднее, чем права негативные, так как ничего не делать гораздо легче, чем что-то делать или предоставлять каждому гражданину. Осуществление позитивных прав невозможно без наличия у государства достаточных ресурсов. Их конкретное наполнение прямо зависит от богатства страны и демократичности ее политической системы. В случае ограниченности ресурсов позитивные права могут гарантировать гражданам лишь «равенство в нищете», как это имело место во многих странах административного социализма.

Гражданские и политические права

Более конкретной и широко распространенной классификацией прав личности по сравнению с их делением на негативные и позитивные является их подразделение в соответствии со сферами реализации на **гражданские (личные), политические, экономические, социальные (в узком значении этого слова), культурные и экологические.**

Гражданские (личные) права — это естественные, основополагающие, неотъемлемые права человека, имеющие в основном характер негативного права. Их не следует путать с правами гражданина, которые охватывают весь комплекс прав, обеспечиваемых государством лицам, имеющим гражданство. Гражданские права производны от естественного права на жизнь и свободу, которым от рождения обладает каждый человек, и призваны гарантировать индивидуальную автономию и свободу, защищать личность от произвола со стороны власти и других людей. Эти права позволяют человеку сохранять индивидуальность, быть самим собой в отношениях с другими людьми и государством. К гражданским правам обычно относят право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право на защиту чести и доброго имени, на справедливый, независимый и публичный суд, предполагающий защиту обвиняемого, на тайну переписки, телефонных, телеграфных и иных сообщений, свободу передвижения и выбора места жительства, в том числе право покидать любое государство, включая собственное, и возвращаться в свою страну, и др.

В конституциях многих государств гражданские права обычно объединяют в одну группу с правами политическими. Основанием для этого служит преимущественно негативный характер тех и других, а также направленность обоих видов этих прав на обеспечение свободы личности в ее индивидуальном и общественном проявлениях.

Политические права определяют возможности активного участия граждан в управлении государством и в общественной жизни. К ним относятся право человека на гражданство, избирательные права, свобода союзов и ассоциаций, демонстраций и собраний, право на информацию, свобода слова, мнений, в том числе свобода печати, радио и телевидения, свобода совести и некоторые другие.

В СССР и других коммунистических государствах длительное время господствовал разрешительный подход к политическим правам, который по существу сводил их на нет, требуя согласия властей на их реализацию. Для того же чтобы эти права можно было свободно реализовать, их предоставление должно носить преимущественно регистрационный характер, т.е. условием их реализации должно быть не предварительное разрешение властей, а лишь

уведомление гражданами соответствующих органов и учет их предписаний по обеспечению законности и общественного порядка.

Экономические права

К гражданским и политическим правам непосредственно примыкают права экономические. Они связаны с обеспечением свободного распоряжения индивидами предметами потребления и основными факторами хозяйственной деятельности: условиями производства и рабочей силой: Вплоть до середины XX в. важнейшие из этих прав — права частной собственности, предпринимательства и свободного распоряжения рабочей силой — обычно рассматривались как основополагающие гражданские права. В современных юридических документах эти права чаще называют экономическими и выделяют в относительно самостоятельную группу, однопорядковую с правами гражданскими, политическими и т.п.

Особое место среди экономических прав занимает право частной собственности. В странах Запада и в России до октября 1917 г. это право рассматривалось как одно из первейших для существования гражданского общества и обеспечения индивидуальной свободы. В коммунистических же государствах оно вообще отрицалось, сводилось к праву личной собственности на предметы индивидуального потребления. Однако опыт всех без исключения стран показал, что запрет частной собственности противоестествен для человека. Он подрывает мотивацию добросовестного инициативного труда, порождает массовую хозяйственную безответственность и социальное иждивенчество, ведет к тоталитарной дегуманизации общества и к разрушению самой человеческой личности. Индивид, лишенный не контролируемой государством среды обитания, средств производства, возможностей проявить предприимчивость, попадает в тотальную зависимость от власти, лишается свободы и индивидуальности.

Кроме того, отсутствие права собственности обрекает большинство граждан на бедность и нищету, поскольку без законодательного признания и фактического осуществления этого права невозможна эффективная рыночная экономика. Именно частная собственность является тем мельчайшим кирпичиком, из которых складывается все сложное здание современного хозяйственного механизма, в том числе и различные виды групповой собственности: кооперативной, акционерной и т.д.

В то же время опыт истории свидетельствует о необходимости **ограничения** права частной собственности, впрочем, как почти любого другого права. Потребности экономического развития, рост демократического движения народных масс привели к существенным изменениям самой трактовки частной собственности, к ее социализации, постановке под контроль государства. Сегодня мало кто настаивает на **абсолютном** характере частной собственности.

Отошел на задний план, хотя в целом и сохранился, принцип **неприкосновенности собственности**. В законодательствах ФРГ, Франции, Италии и целого ряда других государств устанавливаются допустимые пределы частной собственности, говорится о ее использовании в интересах общества. Введение такого рода ограничений никак не означает отрицания фундаментального характера права частной собственности. Для посткоммунистических стран, в том числе для России, нахождение оптимальных форм его практического осуществления в интересах личности и общества имеет поистине ключевое значение для успеха политики реформирования.

Социальные, культурные и экологические права

Гражданские, политические и экономические права нередко называют правами либеральными или же **правами первого поколения**. Все они носят характер преимущественно негативного права, ограждающего свободу личности от посягательств власти и других людей и нуждающихся лишь в охране со стороны государства.

К правам второго поколения относят социальные (в широком значении этого термина) права. Они призваны обеспечить материальные условия свободы и достойную жизнь каждому человеку. Их специфика состоит прежде всего в том, что реализация этой группы прав большинством населения еще не полностью обеспечивается конституционным закреплением и государственной охраной, а требует создания целого комплекса материальных благ.

К правам второго поколения относятся собственно социальные, культурные и экологические. Все вместе они определяют обязанности государства гарантировать каждому человеку достойные условия существования, минимум материальных благ и услуг, необходимый для поддержания человеческого достоинства, нормального удовлетворения первичных потребностей и духовного развития, здоровую окружающую среду. При этом **социальные** права связаны с обеспечением каждому человеку достойного уровня жизни и социальной защищенности. Это права на социальное обеспечение, жилище, труд, охрану здоровья, образование и т.п.

Культурные права призваны гарантировать духовное развитие человека. Они включают право на образование, доступ к культурным ценностям, свободу художественного и технического творчества, преподавания и некоторые другие. **Экологические** права — это права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями.

Коллективные права. Права, народов и права человека

Права человека носят характер индивидуального права. Однако существует и коллективное право. Субъекты его разнообразны. Это семьи, производственные коллективы, сексуальные или национальные меньшинства и т.д. В последнее десятилетие в связи с активизацией националистических движений особую остроту приобрел вопрос о соотношении прав народов (наций) на самоопределение с основополагающими правами человека. Во многих новых государствах, образовавшихся после распада СССР, Югославии и некоторых других многонациональных коммунистических стран, получение народами национально-государственной независимости стало использоваться правящими элитами для разжигания национальной ненависти, политической дискриминации и массового нарушения прав граждан некоренной национальности. Такие действия несовместимы с принципами демократии и гуманизма и осуждаются международным сообществом.

Права человека и права народов призваны взаимно дополнять друг друга. Причем права человека являются в этом взаимоотношении основополагающими, имеют более высокий ценностный статус. Без их соблюдения права народа остаются для самих составляющих его граждан иллюзией, используемой властью имущими в своих корыстных целях. Как отмечено в итоговом документе Московского заседания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ в 1991 г., обеспечение соблюдения прав человека выше принципа невмешательства во внутренние дела отдельных государств.

Право наций на самоопределение призвано создавать государственно-правовые гарантии для уважения прав человека и учета в политике специфических этнических, лингвистических, религиозных и других коллективных интересов. При соблюдении прав человека и создании прочных политических и иных гарантий учета особых интересов этнических общностей, их право на суверенитет и государственную независимость в современных условиях растущей интеграции и взаимозависимости народов во многом утрачивает смысл. Об этом свидетельствуют, в частности, добровольная передача подавляющим большинством европейских стран своих основных прав в области национально-государственного суверенитета Европейскому Союзу и их развитие в направлении создания единого федеративного государства.

Права человека чрезвычайно разнообразны. Выражая общечеловеческие ценности, они учитывают и специфику отдельных общественных групп, например детей, беженцев, заключенных и т.д. В последние десятилетия в рамках ОБСЕ активно разрабатывается каталог прав человека, который детализирует и существенно дополняет рассмотренные выше права личности.

**Обязанности
ответственность** и
граждан,

Права человека становятся реальностью лишь в том случае, если они неразрывно связаны с обязанностями людей. В конституциях западных государств обязанности граждан почти не упоминались вплоть до второй мировой войны, хотя в целом они в той или иной форме включались в законодательство.

В обязанности граждан демократических государств обычно входит соблюдение законов, уважение прав и свобод других лиц, уплата налогов, подчинение полицейским предписаниям, охрана природы, окружающей среды, памятников культуры и т.д. В некоторых странах к числу важнейших обязанностей граждан относится участие в голосовании на выборах в органы государственной власти и воинская повинность. В конституциях отдельных стран говорится и об обязанности трудиться (Япония, Италия, Гватемала, Эквадор и др.), воспитывать детей (Италия), заботиться о своем здоровье и своевременно прибегать к лечебной помощи (Уругвай). Однако ответственность за невыполнение такого рода обязанностей обычно не предусматривается.

Вопрос об **ответственности** за нарушение прав и обязанностей личности имеет важнейшее значение для их практического осуществления. Без определения конкретной ответственности органов власти, должностных лиц и отдельных граждан в этой области конституционная фиксация прав человека превращается не более чем в красивую декларацию.

Для того чтобы они стали реальностью, необходим также целый комплекс **общественных гарантий**. К ним относятся материальные (финансовые средства и собственность), политические (разделение властей, наличие независимой оппозиции, суда, СМИ и т.д.), юридические (демократическое законодательство и судебная система) и духовно-нравственные (необходимый образовательный уровень, доступ к информации, демократическое общественное мнение и нравственная атмосфера) гарантии.

**Права человека как критерий
гуманизма политики**

Практическая реализация всего комплекса прав человека — сложная, всеобъемлющая задача, степень решения которой непосредственно характеризует уровень развития, прогрессивность и гуманизм как отдельных стран, так и всей человеческой цивилизации. В современном мире соблюдение и все более богатое конкретное наполнение прав личности выступают важнейшим критерием внутренней и международной политики, ее гуманного, человеческого измерения.

Через уважение прав человека утверждается верховная ценность личности в отдельных государствах и мире в целом. В рамках отдельных стран их соблюдение служит необходимым условием здорового экономического и социального развития, торжества в политике здравого смысла, предотвращения губительных тоталитарных и иных экспериментов над народами, агрессивной

внутренней и внешней политики. Еще в 1789 г. в преамбуле французской Декларации прав человека и гражданина было отмечено, что «незнание, забвение и неуважение прав человека являются единственной причиной общественных несчастий и коррумпированности правительств». И хотя современная наука не столь категорична, отмечает и другие причины социальных бедствий, она также считает уважение прав человека важнейшим условием благополучия общества.

Универсальны ли права человека?

Пока еще не все государства мира признают права человека. Некоторые политики и теоретики утверждают в частности, что они соответствуют лишь реальностям основанного на индивидуализме западного общества и неприменимы ко многим странам третьего мира, в которых преобладают коллективистские отношения между людьми и господствуют иные нравственные ценности. С этим аргументом можно согласиться лишь отчасти. Опыт человечества свидетельствует, что экономическое и социальное развитие стран влечет за собой и рост самосознания и индивидуальности человека, его стремление к свободе и уважению человеческого достоинства, т.е. к соблюдению прав человека. Последнее, в свою очередь, способствуя раскрепощению и самореализации личности, стимулирует общественный прогресс. Поэтому учитывающая национальные реальности все более полная реализация прав личности — общая задача человечества.

Универсальная применимость концепции прав человека нередко ставится под сомнение с помощью ссылок на разрушительные последствия, которые может вызвать их признание государством в условиях массового распространения голода, нищеты, болезней и неграмотности или же в остроконфликтных ситуациях. В таких случаях предоставление свободы действий всем общественным группам якобы может иметь целый ряд негативных для большинства населения последствий: дестабилизировать общество и привести его в хаотическое состояние, препятствовать концентрации усилий на решении наиболее острых общественных проблем, способствовать установлению неограниченного господства наиболее сплоченных и влиятельных групп. Поэтому в слаборазвитых и остроконфликтных странах наиболее эффективной и целесообразной для всего народа формой правления может быть лишь сильная авторитарная власть, предоставляющая права гражданам лишь в ограниченном виде и по своему усмотрению.

Конечно, не существует правил без исключений. В чрезвычайных ситуациях государство вправе ограничивать свободу граждан. Однако такие ситуации обычно недолговечны. В нормальных условиях даже в слаборазвитых и остроконфликтных странах права человека выступают важнейшей гарантией против злоупотреблений власти, условием нахождения общественного согласия, налаживания мирных отношений и сотрудничества с другими странами.

**Права человека в
международной политике**

В масштабах всего мирового сообщества соблюдение прав человека — важнейшая гарантия построения международных отношений на подлинно гуманистических, нравственных началах, сохранения и упрочения мира. Существует прямая зависимость между уважением прав человека отдельным государством и его внешней политикой. Развязывание войн, грубое нарушение международного права обычно связаны с попранием прав своих собственных граждан. Так было и в нацистской Германии, и в СССР, и в Ираке, и в целом ряде других государств, развязывавших агрессивные войны или предпринимавших грубые захватнические акции. Учитывая все это, страны-участницы ОБСЕ рассматривают соблюдение прав человека не как сугубо внутреннее дело каждой отдельной страны, а как предмет их общей озабоченности и коллективной ответственности.

Уважение прав личности способствует укреплению доверия между народами, создает благоприятную атмосферу для разносторонних человеческих контактов и сотрудничества, вносит в международные отношения нравственное начало. Без общей гуманистической ценностной и правовой базы, создаваемой уважением прав человека, невозможно сближение народов, их интеграция.

Обеспечение прав каждому человеку, независимо от государственных, национальных, расовых и других различий, — путь к космической разумности и нравственности человечества. На протяжении всей человеческой истории разум и нравственность характеризовали в большей степени отдельных людей, чем человечество в целом. Об этом убедительно свидетельствуют, например, многочисленные разрушительные войны, бездумное, варварское обращение с природой и т.д. Уважение прав каждого представителя человеческого рода может послужить исходным принципом построения земной цивилизации на началах разума и гуманизма. Оно позволяет личности быть сознательным и свободным творцом своей собственной частной и общественной жизни, безболезненно и конструктивно разрешать конфликты, вытекающие из неизбежного несовпадения интересов, мнений и ценностных ориентаций людей, предотвращать злоупотребления властью и ставить ее на службу человеку и человечеству.

Раздел III **ВЛАСТЬ И ЕЕ НОСИТЕЛИ**

Глава 6 **ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ**

§ 1. Понятие, структура и агенты власти

Многообразие определений власти

Власть — одно из фундаментальных начал общества и политики. Она существует везде, где есть устойчивые объединения людей: в семье, производственных коллективах, различного рода организациях и учреждениях, во всем государстве — в этом случае мы имеем дело с верховной, политической властью.

В научной литературе существуют разнообразные определения власти, что отражает сложность, многоаспектность этого явления. Каждая из дефиниций обычно акцентирует внимание на той или иной стороне или проявлении власти и связана с определенным подходом к ее анализу. Можно выделить следующие важнейшие аспекты трактовки власти.

1. Телеологические (с точки зрения цели) определения характеризуют власть как способность достижения поставленных целей, получения намеченных результатов. «Власть может быть определена как реализация намеченных целей», — пишет Бертран Рассел. Телеологические определения трактуют власть достаточно широко, распространяя ее не только на отношения между людьми, но и на взаимодействие человека с окружающим миром — в этом смысле говорят, например, о власти над природой.

2. Бихевиористские трактовки рассматривают власть как особый тип поведения, при котором одни люди командуют, а другие подчиняются. Бихевиористский подход индивидуализирует понимание власти, сводит ее к взаимодействию реальных личностей, обращая особое внимание на субъективную мотивацию власти. Одну из типичных бихевиористских трактовок власти предлагает Г. Лассуэлл. Он считает, что первоначальные импульсы для возникновения власти дает присущее индивидам стремление (воля) к власти и обладание «политической энергией». Человек видит во власти средство улучшения жизни: приобретения богатства, престижа, свободы, безопасности и т.п. В то же время власть — это и самоцель, позволяющая наслаждаться ее обладанием. Политическая власть складывается из столкновения многообразных волей к власти как баланс, равновесие политических сил.

3. Психологические интерпретации власти, исходя из ее бихевиористского понимания как поведения реальных индивидов, пытаются раскрыть субъективную мотивацию этого поведения, истоки власти, коренящиеся в сознании и подсознании людей. Одно из виднейших направлений этого рода — психоанализ. Он трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо, представляющего собой подверженное трансформации влечение преимущественно сексуального характера (Зигмунд Фрейд) или же психическую энергию вообще (Карл Густав Юнг). Стремление к власти и особенно обладание ею выполняют функцию субъективной компенсации физической или духовной неполноценности. Власть возникает как взаимодействие воли к ней — одних и готовности к подчинению,

«добровольному рабству» — других. Как считал Фрейд, в психике человека имеются структуры, делающие его предрасположенным к предпочтению рабства свободе ради личной защищенности и успокоения.

Различные психоаналитики расходятся в объяснении причин психологического подчинения. Одни (С. Московиси, Б. Эдельман) видят их в своего рода гипнотическом внушении, существующем во взаимоотношениях вождя и толпы, другие же (Ж. Лакан) — в особой восприимчивости подсознания человека к символам, выражаемым в языке. В целом же психологический подход помогает выявить механизмы мотивации власти как отношения: командование—подчинение.

4. Противоположностью бихевиористскому и психологическому видениям власти является ее **системная** трактовка. Если первые два направления требуют идти в понимании власти снизу вверх, от индивидов к обществу, руководствуясь реально наблюдаемыми в эмпирическом опыте ее проявлениями, то системный метод исходит из производности власти не от индивидуальных отношений, а от социальной системы, рассматривает власть как «способность системы обеспечивать исполнение ее элементами принятых обязательств», направленных на реализацию ее коллективных целей. Некоторые представители системного подхода (К. Дойч, Н. Луман) трактуют власть как средство социального общения (коммуникации), позволяющее регулировать групповые конфликты и обеспечивать интеграцию общества. Системностью власти обуславливается ее относительность, т.е. распространенность на определенные системы.

5. **Структурно-функционалистские** интерпретации власти рассматривают ее как свойство социальной организации, как способ самоорганизации человеческой общности, основанный на целесообразности разделения функций управления и исполнения. Без власти невозможны коллективное существование человека, совместная жизнедеятельность многих людей. Само общество устроено иерархично, дифференцирует управленческие и исполнительские социальные роли. Власть — это свойство социальных статусов, ролей, позволяющее контролировать ресурсы, средства влияния. Иными словами, власть связана с занятием руководящих должностей, позволяющих воздействовать на людей с помощью позитивных и негативных санкций, поощрения и наказания.

6. **Реляционистские** (от французского слова «relation» — отношений) определения рассматривают власть как отношение между двумя партнерами, агентами, при котором один из них оказывает определяющее влияние на второго. В этом случае власть предстает как **взаимодействие ее субъекта и объекта, при котором субъект с помощью определенных средств контролирует объект.**

Такое понимание власти позволяет раскрыть ее структуру, увязать в единое целое различные ее характеристики. **Основными компонентами власти**

являются ее субъект, объект, средства (ресурсы) и процесс, приводящий в движение все ее элементы и характеризующийся механизмом и способами взаимодействия между партнерами.

Субъект власти

Субъект и объект — непосредственные носители, агенты власти. Субъект (актор) воплощает активное, направляющее начало власти. Им может быть отдельный человек, организация, общность людей, например народ, или даже мировое сообщество, объединенное в ООН.

Для возникновения властных отношений необходимо, чтобы субъект обладал рядом качеств. Прежде всего это желание властвовать, воля к власти, проявляющаяся в распоряжениях или приказах. Большинство людей не испытывает психологического удовольствия от обладания властью. Сама по себе власть не является для них ценностью. Многие вообще предпочли бы уклониться от руководящих должностей и связанной с ними ответственности, если бы власть не открывала широкие возможности для получения различного рода благ: высокого дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т.д. Для них стремление к власти имеет инструментальный характер, т.е. служит средством достижения других целей.

Помимо желания руководить и готовности брать на себя ответственность субъект власти должен быть компетентным, знать суть дела, состояние и настроение подчиненных, уметь использовать ресурсы, обладать авторитетом. Для политической власти важнейшее значение имеет организованность субъекта. Конечно, реальные носители власти в разной степени наделены всеми этими качествами.

Субъекты политической власти имеют сложный, многоуровневый характер. Ее первичными акторами являются индивиды и социальные группы, вторичными — политические организации, субъектами наиболее высокого уровня, непосредственно представляющими во властных отношениях различные группы и организации, — политические элиты и лидеры. Связь между этими уровнями может нарушаться. Так, например, лидеры нередко отрываются от масс и даже от собственных партий.

Отражением первостепенной роли субъекта в отношениях власти является широко распространенное в повседневном языке отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решениях власти, о действиях властей и т.п., подразумевая под властью управленческие органы.

Субъект определяет содержание властного взаимодействия через распоряжение (приказ, команду), в котором предписывается поведение объекта власти, указываются или подразумеваются поощрение и наказание за выполнение или невыполнение команды. От характера содержащихся в приказе требований во многом зависит отношение к нему исполнителей, объекта — второго важнейшего элемента власти.

Объект власти

Власть никогда не является свойством или отношением лишь одного действующего лица (органа), конечно, если не иметь в виду власть человека над самим собой, предполагающую подчинение его поведения доводам разума, как бы раздвоение личности. Но это уже психологический, а не социальный феномен.

Власть всегда двустороннее, асимметричное, с доминированием воли властителя взаимодействие ее субъекта и объекта. Она невозможна без подчинения объекта. Если такого подчинения нет, то нет и власти, несмотря на то, что стремящийся к ней субъект обладает ярко выраженной волей властвования и даже мощными средствами принуждения. В конечном счете у объекта властной воли всегда есть пусть крайний, но все же выбор — погибнуть, но не подчиниться. Осознание зависимости власти от покорности населения нашло практическое политическое выражение в акциях гражданского неповиновения, широко используемых в современном мире как средство ненасильственной борьбы.

Границы отношения объекта к субъекту властвования простираются от ожесточенного сопротивления, борьбы на уничтожение (в этом случае власть отсутствует) до добровольного, воспринимаемого с радостью повиновения. В принципе подчинение так же естественно присуще человеческому обществу, как и руководство. Готовность к подчинению зависит от ряда факторов: от собственных качеств объекта властвования, от характера предъявляемых к нему требований, от ситуации и средств воздействия, которыми располагает субъект, а также от восприятия руководителя исполнителями, наличия или отсутствия у него авторитета. Качества объекта политического властвования определяются прежде всего политической культурой населения. Преобладание в обществе людей, привыкших лишь беспрекословно повиноваться, жаждущих «твердой руки», является благоприятной питательной средой деспотических режимов.

Природа подчинения

Мотивация подчинения достаточно сложна. Она может основываться на страхе перед санкциями; на долголетней привычке к повиновению; на заинтересованности в выполнении распоряжений; на убежденности в необходимости подчинения; на авторитете, вызываемом руководителем у подчиненных; на идентификации объекта с субъектом власти.

Все эти мотивы существенно влияют на силу власти, т.е. способность ее субъекта влиять на объект. Высокая сила воздействия и вероятность подчинения отличают власть от влияния — более широкой, чем власть, категории, характеризующей как властное, так и более слабое и менее эффективное воздействие субъекта на объект.

Сила власти, основанная на **страхе**, вызываемом угрозой санкций, прямо пропорциональна тяжести наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать его в случае непослушания. Такая власть имеет тенденцию к ослаблению вследствие естественного стремления людей избавиться от этого неприятного эмоционального состояния.

Сравнительно безболезненно воспринимается людьми власть, базирующаяся на **привычке**, обычае повиноваться. Привычка была одним из ведущих мотивов подчинения государству в традиционных обществах. Она — надежный фактор стабильности власти до тех пор, пока не приходит в противоречие с требованиями реальной жизни. Если же это происходит, то власть, основанная лишь на привычке к повиновению, быстро разрушается, как только люди замечают, что «король-то — голый», что власть изжила себя и недостойна повиновения.

Наиболее стабильной является власть, построенная на **интересе**. Личная заинтересованность побуждает подчиненных к добровольному выполнению распоряжений, делает излишним контроль и применение негативных санкций. Она способствует развитию у людей других типов позитивной мотивации подчинения — повиновения на основе убежденности, авторитета и идентификации.

Подчинение **по убеждению** связано с мотивационным воздействием достаточно глубоких слоев сознания: менталитета, ценностных ориентаций и установок, составляющих «вторую природу» личности (ее «первая природа» образуется под воздействием первичных, преимущественно биологических потребностей и повседневных интересов индивида). Готовность подчиняться государству или другому носителю власти ради каких-либо более высоких, чем непосредственные индивидуальные интересы, целей (патриотических, нравственных, религиозных и т.п.) — важный источник силы власти.

Одной из наиболее благоприятных для власти мотиваций подчинения является **авторитет**. Он формируется на базе общей заинтересованности объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. **Авторитет представляет собой высоко ценимые качества, которыми подчиненные наделяют руководителя и которые детерминируют их повиновение без убеждения или угрозы санкций.** Он основывается на согласии и означает уважение к руководящей личности или институту, доверие к ним. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает теми качествами, которыми его наделяют подчиненные, и ложным, основанным на заблуждениях относительно личности руководителя. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает научным (качество учености), деловым (компетентность, навыки, опыт), моральным (высокие нравственные качества), религиозным (святость), статусным (уважение к должности) и т.п.

Власть, основанная на интересах, убежденности и авторитете, часто перерастает в **идентификацию** подчиненного с руководителем. В этом случае достигается максимальная сила власти и субъект воспринимается объектом как свой представитель и защитник. Субъективная идентификация исполнителей с руководителем может объясняться двумя причинами: 1) быть свойством реального двойственного положения людей в отношениях власти, как это имеет место в демократических организациях, где индивиды выступают и субъектом власти — выбирают и контролируют руководство, и ее объектом — исполняют его решения. В этом случае оба агента власти совпадают, хотя и не полностью; 2) выступать результатом общности интересов и ценностей руководителя и исполнителя и возникновения у последнего чувства единения со всей организацией или группой.

Субъект или объект характеризуют крайние полюса, активные начала структуры власти. Само деление людей на субъектов и объектов, начальников и подчиненных во многом релятивно и изменчиво: в одном отношении человек выступает начальником, в другом — подчиненным, причем со временем индивиды могут поменяться ролями. Применительно к политической власти взаимодействие ее агентов опосредуется целым комплексом средств или ресурсов и осуществляется в рамках специального институционального механизма, стабилизирующего и регулирующего процесс властвования. Что же представляют собой эти компоненты власти?

§ 2. Ресурсы, процесс и виды власти

Понятие ресурсов власти

Важнейшей социальной причиной подчинения одних людей другим является неравномерное распределение ресурсов власти. Сам этот термин употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле ресурсы власти представляют собой «все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других».

Такое понимание ресурсов достаточно общо и не позволяет дифференцировать различные элементы власти (ее субъект, объект, средства), поскольку в этом случае ресурсы включают все факторы, которые способны так или иначе повлиять на власть: собственные качества субъекта (компетентность, организованность и т.п.); некоторые свойства объекта (например его политическую доверчивость, привычку подчиняться власти, авторитет и т.д.); благоприятную для субъекта ситуацию (экономический подъем, раздоры в стане оппозиции и т.п.), а также материальные и иные средства воздействия (деньги, оружие, сырье и т.п.). При столь широком понимании ресурсов утрачивается их специфика как **относительно самостоятельного, обычно материализованного звена, опосредующего взаимодействие агентов власти и служащего важнейшим социальным фактором подчинения и господства.**

Поэтому для изучения власти и ее структуры предпочтительнее более узкая трактовка ресурсов, их понимание как **всех тех средств, использование которых обеспечивает влияние субъекта на объект власти**. Ресурсы могут применяться для поощрения, наказания или убеждения. В процессе их реализации субъектом они могут трансформироваться во власть, которая и представляет собой способность превращать определенные ресурсы в устойчивое влияние в рамках системы взаимосвязанных агентов. Ресурсы иногда отождествляют с основаниями власти, хотя чаще к таким основаниям относят также и агентов власти — ее субъект и объект.

Первостепенная значимость ресурсов как оснований власти отражена в теории «социального обмена» (П. Блау и др.). Согласно этой теории, в основе власти лежит неравномерное распределение дефицитных ресурсов. Люди, не имеющие ресурсов, получают их в обмен на исполнение распоряжений их владельцев. Тем самым одни попадают в зависимость от других, подчиняются им.

Типы ресурсов

Ресурсы власти так же разнообразны, как многообразны средства удовлетворения различных потребностей и интересов людей. Существует несколько классификаций ресурсов. Так, согласно А. Этциони, они делятся на **утилитарные, принудительные и нормативные**. Утилитарные ресурсы — это материальные и другие социальные блага, связанные с повседневными интересами людей. С их помощью власть, особенно государственная, может покупать не только отдельных политиков, но и целые слои населения. Эти ресурсы используются как для поощрения, так и для наказания (например уменьшение зарплаты недобросовестным работникам). В качестве принудительных ресурсов обычно выступают меры административного наказания, используемые в тех случаях, когда не срабатывают ресурсы утилитарные. Это, например, судебное преследование участников забастовки, не побоявшихся экономических санкций. Нормативные ресурсы включают средства воздействия на внутренний мир, ценностные ориентации и нормы поведения человека. Они призваны убедить подчиненных в общности интересов руководителя и исполнителей, обеспечить одобрение действий субъекта власти, принятие его требований.

Для выделения различных видов власти широко распространена классификация ее ресурсов в соответствии с важнейшими сферами жизнедеятельности — на экономические, социальные, культурно-информационные, принудительные (силовые). **Экономические ресурсы** — это материальные ценности, необходимые для общественного и личного производства и потребления, деньги как их всеобщий эквивалент, техника, плодородные земли, полезные ископаемые и т.п. **Социальные ресурсы**

— способность повышения или понижения социального статуса или ранга, места в социальной стратификации. Они частично совпадают с экономическими ресурсами. Так, например, доход и богатство, являясь экономическим ресурсом, вместе с тем характеризуют и социальный статус. Однако социальные ресурсы включают и такие показатели, как должность, престиж, образование, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и т.п.

Культурно-информационные ресурсы — знания и информация, а также средства их получения и распространения: институты науки и образования, средства массовой информации и др. Как считает известный американский социолог-прогнозист Олвин Тоффлер, в конце XX в. знания и информация становятся важнейшим ресурсом власти. Уже сегодня в постиндустриальных странах «знания, в силу своих преимуществ — бесконечности, общедоступности, демократичности, — подчинили силу и богатство и стояли определяющим фактором функционирования власти». В ходе общественного развития такие традиционные ресурсы власти, как сила и богатство, утрачивают влияние, хотя и не исчезают полностью. Истинную же власть приобретают знания и обладание информацией. Конечно, далеко не во всех странах знания и информация имеют приоритет над экономическими, социальными и силовыми ресурсами. Однако тенденция повышения значимости культурно-информационных ресурсов как источника власти в современном мире проявляется достаточно отчетливо.

Принудительные (силовые) ресурсы — это оружие, институты физического принуждения и специально подготовленные для этого люди. В государстве их ядро составляют армия, полиция, службы безопасности, суд и прокуратура с их вещественными атрибутами: зданиями, снаряжением и техникой, тюрьмами и т.п. Этот вид ресурсов традиционно считается наиболее эффективным источником власти, поскольку его использование способно лишить человека жизни, свободы и имущества — высших ценностей.

Различные ресурсы власти обычно применяются ее субъектами в комплексе, особенно государством, в большей или меньшей степени обладающим всеми видами ресурсов.

Специфическим ресурсом власти является сам человек — **демографические ресурсы**. Люди — это универсальный, многофункциональный ресурс, который производит другие ресурсы. Человек — создатель материальных благ (экономические ресурсы), солдат и член партии (политико-силовые ресурсы), обладатель и распространитель знаний и информации (культурно-информационные ресурсы) и т.д. Личность выступает ресурсом власти лишь в одном из своих многочисленных измерений — будучи использована как средство реализации чужой воли. В целом же человек — не только ресурс власти, но и ее субъект и объект.

**Процесс властвования.
Два «лица власти»**

Использование ресурсов власти приводит в движение все ее компоненты, делает реальностью ее процесс, который характеризуется прежде всего способами и механизмом властвования. Существуют **два главных способа властвования** (два «лица власти»). Первый из них заключается в побуждении объекта к определенным, угодным субъекту действиям. Второй состоит в обеспечении бездействия подвластных, блокировании нежелательных для руководства видов их поведения.

Впервые на ограничительное свойство власти особое внимание обратили американские политологи Петер Бахрах и Мортон Баратц, назвавшие его «вторым лицом власти». Реальное проявление в обществе этого свойства политической власти состоит в ее способности исключать из сферы общественных дискуссий и политических решений определенные темы и тем самым предотвращать их адекватное отражение в массовом сознании и реальное развертывание соответствующих политических конфликтов.

В странах командного социализма такими запретными для критики темами были прежде всего право коммунистических партий на руководство обществом и право граждан на идеологическое и политическое инакомыслие и оппозицию. В ФРГ 50—60-х гг. блокированной властями политической темой явилось, например, отношение к строительству атомных электростанций. Согласие, достигнутое по этому вопросу политической элитой, СМИ, предпринимателями и менеджерами под прикрытием популярного лозунга «больше роста — больше энергии», позволило исключить саму дискуссию об альтернативных атому источниках энергии.

Способы властвования имеют сложную и неоднозначную классификацию. Они могут быть демократическими (власть осуществляется при участии в принятии решений их исполнителей), авторитарными (неограниченная власть, не претендующая на полный контроль над подданными), тоталитарными (всеобъемлющий контроль субъекта над объектом), конституционными (правление в рамках закона), деспотическими (всевластие, произвол и беззаконие), либеральными (уважение свободы и прав личности) и др.

Процесс властвования упорядочивается и регулируется с помощью специального **механизма власти** — системы организаций и норм их устройства и деятельности. Применительно к такому сложному социальному субъекту, как общество (народ), механизмом власти выступают государственные органы и другие политические институты и право. (Они специально анализируются в последующих главах.)

Виды власти

Особенности различных элементов власти (субъекта, объекта, ресурсов и процесса) могут использоваться в качестве оснований ее типологии. Наиболее содержательна классификация власти в обществе в соответствии с ресурсами, на которых она основывается, на

экономическую, социальную, культурно-информационную, принудительную.

Экономическая власть — это контроль над экономическими ресурсами, собственность на различного рода материальные ценности. В обычные, относительно спокойные периоды общественного развития экономическая власть доминирует над другими видами власти, поскольку «экономический контроль — это не просто контроль одной из областей человеческой жизни, никак не связанной с остальными; это контроль над средствами достижения всех наших целей».

С экономической властью тесно связана власть **социальная**. Если экономическая власть предполагает способность распределения материальных благ, то социальная — распределения позиций на социальной лестнице — статусов, должностей, льгот и привилегий. Современные государства обладают большой социальной властью, с помощью социальной политики они могут влиять на общественное положение широких слоев населения, вызывая тем самым их лояльность и поддержку.

Культурно-информационная власть — это прежде всего власть над людьми с помощью научных знаний, информации и средств их распространения. Кроме того, это моральная, религиозная и некоторые другие виды власти, связанные с подчинением на основе авторитета. В современном обществе из всех видов духовного влияния на первый план выдвигается научно-информационная власть. Знания используются как при подготовке правительственных решений, так и для непосредственного воздействия на сознание людей в целях обеспечения их политической лояльности и поддержки. Такое воздействие осуществляется через институты социализации (школа, другие образовательные учреждения), а также с помощью СМИ.

Информационная власть способна служить разным целям: не только распространению объективных сведений о деятельности правительства, положении в обществе, но и **манипулированию** — управлению сознанием и поведением людей вопреки их интересам, а нередко и воле, основанному на специальных методах обмана.

Принудительная власть опирается на силовые ресурсы и означает контроль за людьми с помощью применения или угрозы применения физической силы. Принудительную власть не следует отождествлять с властью политической, хотя легальное использование силы в масштабах государства — важнейшая особенность последней. Насилие, физическое принуждение могут использоваться и неполитической властью, например в отношениях между рабами и рабовладельцами, между деспотом — главой семьи и ее членами, между главарем и членами преступной группировки, между рэкетирами и торговцами и т.д.

Особенности политической власти

Политическая власть характеризуется рядом отличительных признаков: 1) легальностью использования силы в пределах государства; 2) верховенством, обязательностью решений для всякой иной власти, способностью проникновения в любые общественные процессы. Политическая власть может ограничить влияние мощных корпораций, СМИ и других учреждений или же вовсе ликвидировать их; 3) публичностью, т.е. всеобщностью и безличностью. Это означает, что политическая власть, в отличие от личной, приватной власти, которая обычно существует в небольших, контактных группах, обращается от имени всего общества с помощью права ко всем гражданам; 4) моноцентричностью, наличием единого центра принятия решений. В рыночном демократическом обществе, в отличие от политической власти, экономическая, социальная и духовно-информационная власти полицентричны. Здесь существует много независимых собственников, СМИ, социальных фондов и т.п.; 5) многообразием ресурсов. Политическая власть, и особенно государство, использует не только принуждение, но и экономические, социальные и культурно-информационные ресурсы.

Соотношение властей в обществе

Различные общественные власти находятся в сложном взаимодействии. Многие политологи, в том числе марксистской ориентации, считают важнейшей среди них экономическую власть, власть собственников средств производства и других общественных богатств. В рыночном обществе, где почти все имеет цену и денежное выражение, подавляющее большинство СМИ принадлежит крупным собственникам. Деньги оказывают сильное влияние на проведение избирательных кампаний и итоги выборов, широко используются для подкупа политиков и избирателей. Концентрация экономической власти у крупных собственников создает опасность установления плутократии — прямого политического правления небольшой группы богачей. В современных западных государствах всевластие крупного капитала сдерживается конкуренцией между собственниками, политическим влиянием многочисленного среднего класса и общественности, демократическим устройством государства.

Политическая власть, испытывая сильное воздействие власти экономической, достаточно самостоятельна и способна превалировать над ней, подчинять ее своим целям. При определенных обстоятельствах доминирующее влияние на общество может оказывать власть духовно-информационная. Ее монопольное использование может обеспечить политической группировке победу на выборах и длительное сохранение своего господства несмотря на неэффективность экономической и социальной политики.

Во взаимодействии различных властей в обществе имеет место так называемый **кумулятивный эффект** — усиливающееся накопление власти. Он

проявляется в том, что богатство повышает шансы человека на вхождение в политическую элиту и доступ к СМИ и образованию; высокая политическая должность способствует накоплению богатства, доступу к знаниям и информационному влиянию; последние же, в свою очередь, улучшают возможности в занятии лидирующих политических позиций и повышении дохода.

Слияние политической, экономической, социальной и духовно-информационной властей при командной роли политики наблюдается в тоталитарных государствах. Демократический же строй предполагает разделение как самих этих властей, так и каждой из них: в экономике — наличие множества конкурирующих центров влияния, в политике — разделение властей между государством, партиями и группами интересов, а также самой государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, в духовной сфере — плюрализм СМИ и других источников знания и информации.

Как уже отмечалось, типологии власти разнообразны. В зависимости от субъектов власть бывает автократическая (самодержавие), олигархическая (группократия) и самоуправленческая (власть всех членов группы или организации). По сферам проявления власть делится на государственную, партийную, профсоюзную, армейскую, семейную и т.п. По широте распространения выделяются: мегауровень — международные организации, например ООН, НАТО и т.п.; макроуровень — центральные органы государства; мезоуровень — организации (областные, районные и т.п.), подчиненные центру, и микроуровень — власть в первичных организациях и малых группах. Возможна классификация власти по функциям ее органов, например законодательная, судебная и исполнительная власти государства; по способам взаимодействия субъекта и объекта власти — демократическая, авторитарная и т.п.

§ 3. Политическое господство и легитимность

Понятие политического господства

Проявления власти в обществе чрезвычайно многообразны, изменчивы и относительно. Для того чтобы упорядочить их, стабилизировать власть в обществе и сделать ее функционально способной, ее необходимо институционализировать, закрепить в форме политического господства. Многие политологи, особенно европейские, считают категорию господства центральной, базовой для понимания политики, а изучение системы политического господства — одной из первейших задач политологии.

Политическое господство означает структурирование в обществе отношений командования и подчинения, организационное и законодательное оформление факта разделения в обществе управленческого труда и обычно связанных с ним привилегий — с одной стороны, и исполнительской деятельности — с другой. Оно возникает тогда, когда власть институционализируется, превращается в устойчивые отношения, когда в

организации устанавливаются позиции, занятие которых позволяет принимать решения, приказывать, разрешать или запрещать. «Господство, — писал Вебер, — означает шанс встретить повиновение определенному приказу».

Господство неразрывно связано с властью, является формой ее организации в обществе. Политическая власть, опираясь на вооруженную силу, может возникнуть и до установления господства. Однако в этом случае она не сможет долго продержаться и выполнять свои функции в обществе.

Научное понимание господства, в отличие от его трактовки в повседневном языке, этически нейтрально и не связано с такими негативными атрибутами, как эксплуатация, угнетение, подавление. Господство — это политический порядок, при котором одни командуют, а другие подчиняются, хотя первые могут находиться под демократическим контролем вторых. Такой порядок может соответствовать интересам не только управляющего меньшинства, но и всего общества или, по крайней мере, его большинства, хотя в истории человечества политическое господство проявлялось обычно как форма закрепления и (или) средство приобретения социального господства, т.е. привилегированного положения в обществе, связанного с социальным неравенством.

В современных правовых социальных государствах связь политического господства с социальными привилегиями ослабла, хотя и не исчезла полностью. Альтернативой политическому господству является самоуправленческая организация общества, осуществление которой в обозримой перспективе нереально.

Политическая легитимность

Господство как институциализировавшаяся власть может по-разному оцениваться гражданами. Положительная оценка, принятие населением власти, признание ее правомерности, права управлять и согласие подчиняться означает ее **легитимность**. Легитимная власть обычно характеризуется как правомерная и справедливая. Легитимность связана с наличием у власти авторитета, ее соответствием ценностным представлениям большинства граждан, с консенсусом общества в области основополагающих политических ценностей.

Сам термин «легитимность» иногда переводят с французского как «законность» или «узаконенность». Такой перевод не совсем точен. Законность, понимаемая как действие через закон и в соответствии с ним, может быть присуща и нелегитимной власти.

Большой вклад в теорию легитимации господства (власти) внес Макс Вебер. В зависимости от мотивов подчинения он выделил три главных типа легитимности власти:

1. Традиционная легитимность. Она обретается благодаря обычаям, привычке повиноваться власти, вере в непоколебимость и священность издревле

существующих порядков. Традиционное господство характерно для монархий. По своей мотивации оно во многом схоже с отношениями в патриархальной семье, основанными на беспрекословном повиновении старшим и на личном, неофициальном характере взаимоотношений между главой семьи и ее членами. Традиционная легитимность отличается прочностью. Поэтому, считал Бебер, для стабильности демократии полезно сохранение наследственного монарха, подкрепляющего авторитет государства многовековыми традициями почитания власти.

2. Харизматическая легитимность. Она основана на вере в исключительные качества, чудесный дар, т.е. харизму, руководителя, которого иногда даже обожествляют, создают культ его личности. Харизматический способ легитимации часто наблюдается в периоды революционных перемен, когда новая власть для признания населением не может опереться на авторитет традиций или же демократически выраженной воли большинства. В этом случае сознательно культивируется величие самой личности вождя, авторитет которого освящает институты власти, способствует их признанию и принятию населением. Харизматическая легитимность базируется на вере и на эмоциональном, личностном отношении вождя и массы.

3. Рационально-правовая (демократическая) легитимность. Ее источником выступает рационально понятый интерес, который побуждает людей подчиняться решениям правительства, сформированного по общепризнанным правилам, т.е. на основе демократических процедур. В таком государстве подчиняются не личности руководителя, а законам, в рамках которых избираются и действуют представители власти.

Рационально-правовая легитимность характерна для демократических государств. Это преимущественно **структурная** или институциональная легитимность, основанная на доверии граждан к устройству государства, а не к отдельным личностям (**персональная** легитимность). Хотя нередко, особенно **в молодых демократиях, легитимность власти может основываться не столько на уважении** к выборным институтам, сколько на авторитете конкретной персоны руководителя государства. В современном мире легитимность власти нередко отождествляют лишь с ее демократической легитимностью.

Легитимность власти не ограничивается ее тремя, ставшими классическими типами. Существуют и другие способы легитимации и, соответственно, типы легитимности. Один из них — **идеологическая** легитимность. Ее суть состоит в оправдании власти с помощью идеологии, вносимой в массовое сознание. Идеология обосновывает соответствие власти интересам народа, нации или класса, ее право управлять. В зависимости от того, к кому апеллирует идеология и какие идеи она использует, идеологическая легитимность может быть классовой или националистической.

В странах командно-административного социализма была широко распространена классовая легитимность. Во второй половине XX в. многие

молодые государства в попытках получить признание и поддержку населения очень часто прибегают к националистической легитимации своей власти, нередко устанавливая этнократические режимы.

Идеологическая легитимация основывается на внедрении в сознание и подсознание людей определенной «официальной» идеологии с помощью методов убеждения и внушения. Однако, в отличие от рационально-правовой легитимации, апеллирующей к сознанию, разуму, она — однонаправленный процесс, не предполагающий обратных связей, свободного участия граждан в формировании идеологических платформ или их выборе.

Соотношение легитимности и эффективности власти
--

Легитимность власти коренится в политической культуре населения и означает соответствие ее устройства ценностным представлениям граждан. Однако их отношение к власти может быть не только ценностным — с позиций норм нравственности, но и инструментальным — оценивающим ее с точки зрения того, что она дает или может дать людям. Такое инструментальное отношение между гражданами и властью характеризуется понятием эффективности.

Эффективность власти — это ее результативность, степень выполнения ею своих функций в политической системе и обществе, реализации ожиданий (экспектаций) граждан и прежде всего наиболее влиятельных слоев — элит. В современных условиях легитимность и эффективность власти — два важнейших фактора ее стабильности, доверия к ней и поддержки ее гражданами.

Несмотря на мотивационные различия легитимность и эффективность власти взаимосвязаны. В конечном счете любые типы легитимности власти очень во многом определяются надеждами населения на ее эффективность, т.е. удовлетворение его требований. Многие авторитарные режимы, первоначально страдающие дефицитом легитимности, например в Чили, Южной Корее, Бразилии, впоследствии в значительной мере приобрели ее благодаря успешной экономической политике, укреплению общественного порядка и повышению благосостояния населения.

Однако достичь эффективности, не обладая легитимностью, т.е. одобрением и поддержкой граждан, достаточно сложно. В наши дни большое число государств переживает кризис легитимности. На протяжении многих десятилетий особенно остро он проявлялся в форме политической нестабильности, частых государственных переворотов в «третьем мире». В последние годы проблема легитимности стала крайне актуальной для большинства посткоммунистических стран. Это связано с разрушением там традиционных, идеологических и харизматических механизмов легитимации, с

отсутствием многих зрелых предпосылок, необходимых для демократии, и с низкой эффективностью власти, сформированной по демократическим процедурам.

Неспособность правящих режимов таких государств вывести свои страны из кризиса подрывает доверие населения к рационально-правовым способам легитимации. Для большинства из них, относительно слабо укорененных в политической культуре демократических ценностей, укрепление легитимности власти возможно прежде всего на пути практической демонстрации способности решать острые экономические и социальные проблемы.

Политическая власть распределена в обществе неравномерно. В любой стране мира, как в древности, так и сегодня, большинство людей не принимает непосредственного систематического участия в политике и управлении государством. Даже в условиях демократии (подробно о демократии см. разд. IV), основанной на признании граждан, народа источником власти, реальными повседневными ее носителями являются политические элиты и лидеры.

Глава 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК СУБЪЕКТЫ ПОЛИТИКИ

§ 1. Социальная стратификация

Понятие социальной стратификации

В любом сложно организованном обществе люди всегда отличаются друг от друга как по врожденным, так и по приобретаемым в процессе жизни характеристикам. В той мере, в какой они обладают одинаковыми чертами и свойствами, они образуют группы; различия же между этими группами создают тот уровень общественной дифференциации, который может иметь самые серьезные политические последствия.

Как показывает опыт, именно переплетение интересов групп, их различные связи и взаимоотношения оказывают существенное воздействие на содержание политических процессов. Характер влияния групп на политику определяется прежде всего сохраняющимися между ними различиями в обладании теми или иными ресурсами, которые они могут использовать для защиты своих интересов. Другими словами, в качестве своего важнейшего источника политика имеет реально существующее расслоение населения, которое характеризует неравенство общественного положения групп.

Отношения общественного равенства и неравенства, а также права и обязанности групп, вытекающие из занимаемых ими общественных позиций (статусов), называются **социальной стратификацией**. Это понятие характеризует ту постоянно существующую асимметрию в отношениях групп, которая структурирует общество, но всегда является результатом воздействия конкретных социально-экономических и иных общественных отношений в

конкретной стране. Как писал В. Парето, «изменяясь по форме, социальная стратификация существовала во всех обществах» и даже тех, которые «провозглашали равенство людей gene». В то же время социальная стратификация — это результат взаимодействия тенденций к расслоению населения и его преодоления. «В любом обществе, в любые времена, — писал П. Сорокин, — происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания».

Некоторые специалисты полагают, что социальная стратификация выражает только иерархические связи между группами. Однако большинство ученых все же считает, что это понятие характеризует общественную дистанцию, складывающуюся между людьми не только по вертикали (к примеру, различия в положении генерала и рядового военнослужащего), но и по горизонтали (отношение между тем же генералом и соответствующим ему по рангу работником гражданского сектора в аппарате государственного управления).

Разносторонность и многообразие социальной стратификации помимо фиксации групповых различий означает также и то, что человек одновременно принадлежит к разным социальным стратам (скажем, в одно и то же время является отцом семейства, членом определенной профессиональной, а также национальной группы, жителем того или иного города и т.д.). Таким образом, социальная стратификация показывает, что человек обладает различными социальными статусами, среди которых, конечно, есть «главный статус» (Н. Мелзер), обуславливающий наиболее важную для человека групповую характеристику.

В принципе люди стремятся воспроизводить действительность в соответствии с нормами, соответствующими своему более высокому статусу. Однако «сопротивление» представителей других статусов чаще всего вызывает определенную конфликтность в восприятии своего места в обществе и как следствие — их обостренную политическую реакцию на жизненные ситуации. Таким образом, одна только разница социальных статусов («социальная декомпозиция») способна вызвать социальную и политическую напряженность в поведении человека.

Так, упоминавшееся стремление человека идентифицировать себя прежде всего с более высокой статусной группой, по замечанию американского ученого С. Липсета, на деле означает политическое давление, побуждающее людей становиться более консервативными. Это служит известным доказательством существующего в индустриальном обществе некоего «консервативного уклона», противостоящего влиянию антиэлитарных левых партий, апеллирующих к недовольству и устремлениям менее привилегированных слоев. Как отмечает С. Липсет, «положение многих людей в различных измерениях стратификационной системы подвергает их противоречивым политическим воздействиям... Как показали многочисленные исследования, когда люди занимают

несовместимые социальные положения, два взаимопротиворечивых статуса могут породить реакции, отличные от действия каждого из них, взятого само по себе, а иной раз даже вызвать к жизни более экстремистскую реакцию».

Социальная стратификация в широком смысле включает в себя все группы, обладающие различными, в том числе политическими, статусами и ресурсами. Например, Г. Моска и В. Парето писали о властвующем меньшинстве (элите) и неэлитарных слоях общества, которые не выполняют в политике управленческих функций. Однако в узком, более специальном смысле важно различать собственно социальные и политические виды стратификаций.

Система социального представительства
--

Каждое общество обладает той или иной социальной структурой, но далеко не каждая группа способна включиться в политику, используя институты государственной власти для укрепления своей целостности, завоевания новых ресурсов или достижения более высоких статусов. К примеру, многие группы могут строить свои отношения на идеях сотрудничества и соучастия в разрешении тех или иных проблем без обращения за помощью к государству. В то же время в определенных, в частности, в тоталитарных системах группы, как правило, являются объектами, а не субъектами власти. Политическая пассивность групп может быть вызвана и их социальной инерцией, привычкой сохранять с государством достигнутый баланс отношений (как это было, к примеру, в 70-х гг. в СССР, когда политическая пассивность населения в значительной мере поддерживалась отсутствием явной безработицы, низкими ценами на жилье и товары первой необходимости, бытовой притерпелостью людей к укоренившемуся образу жизни).

Таким образом, социальная группа с политической точки зрения — это еще субъект в потенции. Становление ее реальным, действующим субъектом политических отношений, когда находящиеся в ее распоряжении ресурсы начинают использоваться для изменения характера функционирования государственной власти и управления, зависит от многих причин, прежде всего — от социальных противоречий и интересов групп, доминирующих ценностей, способностей к самоорганизации и др. Первостепенным побудительным мотивом политической активности группы выступают, как правило, наиболее существенные, т.е. властно значимые, интересы, которые она не может реализовать без привлечения механизмов государственного управления. Как заметил по этому поводу Ф. Бро, задача политологии и состоит в констатации тех или иных различающихся по определенным основаниям объединений людей с целью выявления их специфических интересов по отношению к власти, поняв при этом «политические ресурсы», которыми они располагают, чтобы заставить государство услышать свои требования.

Властно значимые социальные интересы, воля групп подаются на «вход» политической системы в виде требований или солидарной поддержки властей с

целью оказать воздействие на принимаемые политические решения. Однако не все требования становятся содержанием политических решений. Эффективность воздействия непосредственно зависит от активности тех политических ассоциаций, которые как бы озвучивают и транслируют интересы групп в политическом пространстве (по определению А. Токвиля, это такие «вторичные ассоциации», как группы интересов, партии, разнообразные институты власти, элитарные объединения и т.д.).

Вообще интересы одного социального слоя могут представлять несколько политических объединений (например, на защиту интересов рабочего класса претендуют социалистические и коммунистические партии). Причем автономность и самостоятельность этих объединений такова, что они в принципе могут представлять и защищать интересы даже несуществующих социальных групп (так, национал-социалистическая партия Германии пыталась говорить от имени несуществующей арийской расы; в 70—80-х гг. нынешнего столетия КПСС защищала интересы так и не ставшего устойчивой полиэтнической и мультисоциальной группой советского народа и т.д.).

Социальные группы участвуют в политической жизни не непосредственно, а способствуя формированию для представительства своих интересов специальных политических институтов. Сложное взаимодействие таких институтов, занимающих левые или правые, центристские, радикальные или иные политические позиции, и характеризует систему социального представительства. Эти политические посредники между гражданским обществом и государством информируют последнее о существующих проблемах и противоречиях, способствуя тем самым консолидации и интеграции групп, а также коррекции политической линии властей. Деятельность таких объединений может серьезно влиять на содержание интересов социальных групп, их ценности, стремление к социальной замкнутости или открытости, и в конечном счете на характер социального структурирования. В то же время, оказывая давление на государство, они предохраняют его от застоя, стремятся подчинить его службе обществу и интересам граждан. Направленность и интенсивность деятельности этих политических субъектов зависит прежде всего от характера различий и противоречий между социальными группами.

Виды социальной стратификации

Стратифицированное ранжирование (градация) групп может производиться по разным основаниям (ресурсам), каждый из которых имеет неодинаковую политическую значимость. В науке сложились разнообразные способы определения социальных различий между группами. Так, Р. Парк и Э. Богардус интерпретировали эту проблему сугубо психологически: чем больше люди испытывают симпатию друг к другу, тем они более социально близки, и наоборот, испытывающие взаимную неприязнь и даже ненависть социально отдалены. У. Уорнер стратифицировал общество на

основе «репутационного метода», предполагающего самоидентификацию граждан, т.е. отнесения себя к той или иной социальной группе. В результате такого стратифицирования он выделил следующие значимые для общества группы: высший слой высшего класса, низший слой высшего класса, высший слой среднего класса, низший слой среднего класса, высший слой низшего класса и низший слой низшего класса. Достаточно типичны и характеристики социальной структуры как с точки зрения выделения больших (классы, профессиональные группы, этнические общности и др.), средних (производственные и некоторые территориальные объединения) и малых групп (семьи, соседские общины и т.д.), так и с точки зрения указания на специфику целевых (функционирующих в соответствии с заранее установленными целями) и социально-психологических (неформальных) объединений.

Однако более распространенными оказались приемы, кладущие в основу социальной стратификации объективно существующие различия в обладании теми или иными ресурсами. Так, К. Маркс предложил вариант дифференциации общества на классы, разделяющий большие группы людей по их отношению к средствам производства и потому предполагающий жесткую привязанность индивидов к такого рода группам. В противоположность ему Т. Парсонс и другие «интеграционисты» выдвинули идею, согласно которой социальная стратификация представляет собой набор статусов и ролей, обозначающих гибкую, подвижную и временную принадлежность людей к тем или иным группам.

Широкое влияние на научную мысль оказал подход к социальному стратифицированию, разработанный М. Вебером. В качестве факторов, определявших неравенство в распределении ресурсов между группами, он предложил рассматривать: **богатство**, определяющее положение социальной группы в зависимости от величины присваиваемых ею благ; **престиж**, выражающий принятые в обществе оценки и стандарты относительно образа жизни того или иного слоя; **власть** характеризующую способность различных объединений оказывать преимущественное воздействие на сферу управления.

Дополняя и развивая положения М. Вебера, его многочисленные последователи предлагали собственные варианты описания социальной структуры общества. Например, известный американский ученый Б. Барбер помимо профессионального престижа, степени властного могущества, а также различий в богатстве предлагал учитывать также различия в образовании людей, религиозные признаки, родственные и этнические характеристики. По его мнению, в соответствии с этими признаками можно выделить высшую страту профессионалов и администраторов, группу технических специалистов среднего уровня, коммерческий класс, мелкую буржуазию, группу техников и рабочих, осуществляющих руководящие функции, группу квалифицированных рабочих и группу неквалифицированных рабочих.

В последнее десятилетие некоторые западные и отечественные ученые обратили внимание и на ряд сравнительно новых социальных источников политических отношений. По их наблюдениям, в процессе интенсивного динамичного развития в позднеиндустриальных обществах наметились устойчивые тенденции к диверсификации и индивидуализации общественного положения людей. Это выразилось прежде всего в возникновении и даже усилении различий социокультурного характера. Так, в среде молодежи стали активно формироваться группы устойчивых приверженцев альтернативных, контркультурных ценностей (хиппи); ряд традиционных социальных различий перестал отражаться на образе жизни отдельных групп (например, многие рабочие в силу повышения материального благосостояния стали вести образ жизни буржуазных слоев); в области семейных отношений начали появляться формы однополых связей, ломающие привычные стандарты поведения людей, характерные для данной общности, и т.д.

Таким образом, в результате ослабления, а подчас и разрушения социальных привязанностей людей к традиционным общественным группам «люди становятся свободными от социальных форм индустриального общества — класса, семьи, слоя, обусловленного полом положения мужчины и женщины». Причем, как было отмечено исследователями, такие социальные подвижки, новые социальные дифференциации людей коррелируют и с рядом устойчивых тенденций в политической жизни, например, с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей и т.д.

Суммируя представления об имеющих политическое значение социальных различиях, можно выделить следующие их разновидности, характеризующие социальную дистанцию между группами:

- территориально-языковые (между жителями Приморья и Воркуты, Башкирии и Москвы и т.д.);
- поло-возрастные (между молодежью и пенсионерами, женщинами и мужчинами, родителями-одиночками и родителями из полных семей и т.д.);
- родственные и этнические (между теми или иными семейными группами, национальными и этническими общностями);
- конфессионально-религиозные (между верующими и атеистами, представителями различных вероисповеданий);
- социокультурные (различия в стилях поведения, жизненных ориентациях, доминирующих традициях и иных культурно значимых компонентах поведения граждан);
- социально-экономические (различия в доходах, уровне образования, профессиональной компетенции тех или иных групп работников);
- социальные различия по характеру оценки обществом важности и значимости тех или иных сторон или форм поведения группы (престиж, уважение и честь разнообразных человеческих объединений в социуме);

— различия по степени властного могущества и влияния (по возможности прямого или косвенного воздействия на принятие управленческих решений).

Каждая из этих разновидностей групповых различий обладает собственными источниками политической активности граждан.

Социальная мобильность

Политически значимым является не только характер социальной дифференциации, но и способы ее изменения, которые обуславливаются активностью групп и граждан, пытающихся преодолеть ограниченность собственных ресурсов и подняться вверх по социальной лестнице.

В целом динамика преодоления социальной дистанции, сопровождающаяся повышением статуса (восходящая мобильность), как правило, всегда сопряжена с повышением политической напряженности, ибо такие процессы нередко ведут к понижению статуса других групп (нисходящая мобильность), а порой и к уничтожению конкурирующей группы, что естественно повышает уровень социального сопротивления последней, провоцирует активизацию сил правого и левого экстремизма, вызывает массовое распространение стрессов, зависти, предубежденности к другим людям.

Особое возбуждение политических отношений вызывает восходящая динамика слоев, находящихся на самых нижних этажах социальной лестницы. Их известная «невстроенность» в общество, отсутствие должных внутренних свойств для продвижения наверх заставляет их ориентироваться на политические средства едва ли не как на единственные для улучшения своего общественного положения. Нередкая в таких случаях озлобленность по отношению к высшим, привилегированным слоям дополняет стремление к успеху устойчивой готовностью к постоянному перевертыванию статусов.

Конечно, в обществе всегда есть группы, чье социальное положение отличается большей устойчивостью. Однако и их «ведущее» положение в достаточной мере условно. Ведь усиление экономической конкуренции или структурная перестройка экономики, межнациональная напряженность или другие существенные для данного общества противоречия могут не только перестроить иерархические связи в социальной сфере, но и сказаться на характере политических отношений. Как показали исследования, если групповые перемещения в области социально-экономических отношений не превышают привычных для общества показателей, т.е. совершаются в естественных для общества пределах, то это обходится без существенных политических потрясений. Если же экономические изменения приобретают резкий и скачкообразный характер, то политическая стабильность подвергается сильнейшему давлению, а отдельные демократические режимы могут и погибнуть. Значит независимо от уровня экономического развития демократические страны должны последовательно стремиться к постепенному уменьшению неравенства в доходах. Это

положение, в частности, должно послужить предостережением и молодой российской демократии, где одним из мощных источников политического напряжения сегодня является 15-кратный разрыв в доходах между 10% самой обеспеченной части населения и 10% самой бедной.

Негативные последствия социальной мобильности усиливаются в государствах, переживающих распад доминирующих социальных ценностей (аномию), особенно в тех случаях, когда социальная стратификация жестко ограничивает возможности овладения символами общественного успеха (Р. Мертон). Наибольшая политическая напряженность возникает, как правило, в тех странах, где власти создают искусственные возможности для изменения социальных иерархий. Так, проводившаяся большевистским режимом в 20-х гг. политика раскулачивания (лишения собственности и ссылок в Сибирь зажиточных крестьян) породила острую политическую борьбу в деревне и даже крестьянские восстания.

Внутренним источником и одновременно составной частью групповой мобильности являются социальные перемещения отдельных граждан как внутри групп, так и между группами. Интенсивность этой разновидности социальной мобильности обусловлена, с одной стороны, границами, которые устанавливает общество для подобных перемещений, а с другой — субъективными устремлениями самих людей, стремящихся изменить свое общественное положение по причине ориентации на новые ценности, изменения жизненных планов, повышения образования и т.д.

Приблизительно до середины XIX в. даже в капиталистических странах, как правило, доминировали нормы «органической идеологии», которая оправдывала стабильность занимаемого человеком положения и тем самым ратовала за сохранение неизменности социальной структуры. В противовес этой идее, К. Маркс выдвинул мысль о социальной революции, способной сломать неподвижную стратификацию буржуазного общества. Однако развитие индустриального общества пошло другим путем. Оно резко расширило возможность преодоления социальных дистанций за счет поощрения индивидуальных перемещений людей на основе их способностей и активности. Возобладавшая идеология «открытого класса» исходила из того, что индивидуальная мобильность является неотъемлемым правом личности и важнейшей предпосылкой развития общества. Тем самым утверждалась и мысль о том, что социальные различия не предполагают возникновения разрушительных политических действий со стороны каких-либо социальных сил.

При политике государственной поддержки статусного роста граждан не только «победители» обретают новый общественный статус, но и не сумевшие по какой-либо причине преодолеть социальную дистанцию не остаются «за бортом» жизни, лишь на время смиряя свои притязания, используя при этом

помощь институтов власти в борьбе с безработицей, в повышении квалификации, овладении новыми ценностями и т.д.

Итак, обеспечение государством доступности ресурсов и статусов на основе открытой индивидуальной мобильности служит важнейшей предпосылкой политической стабильности общества. При таком условии в обществе действуют естественные механизмы образования социальных слоев, укореняются демократические ценности и идеалы. Противоположная стратегия неизбежно ведет к нарастанию политической напряженности, чреватой самыми непредвиденными трудностями для правящего режима.

§ 2. Роль социальных классов в политике

Наблюдающаяся в демократических индустриально развитых странах мира тенденция роста социальной мобильности, расширения возможностей повышения статуса для представителей различных групп общества сочетается с сохранением в них устойчивого группового социально-экономического и политического неравенства. Субординацию основных общественных групп, их деление на высшие и низшие с точки зрения обладания важнейшими общественными и прежде всего социально-экономическими ресурсами (богатство, доход, престиж, образование) отражает понятие «социальный класс».

Современные трактовки классов и их политической значимости достаточно разнообразны, порою произвольны и не всегда отличают класс от других страт общества. Некоторые авторы, например Г. Моска, Р. Михельс и другие), исходя из идеи приоритетной значимости политических различий в социальном структурировании общества, используют понятие «политический класс» («класс управляющих»), которым обозначают класс, выделяющийся на основе обладания властью. Однако в этом случае речь идет уже не о **социальных классах, а о политических элитах**, анализу которых посвящена следующая глава учебника. О социальных же классах «можно говорить лишь в том случае, когда экономическое положение групп связывается с характерными условиями и стилем жизни, с социальными и политическими установками людей. При этом важную роль играют также такие факторы, как уровень образования, «культурный капитал» (Бурдьё) и образец социальной мобильности и иммобильности поколений».

Социальные классы обычно выделяются среди других страт на основе их экономического положения, устойчивости социального положения их представителей, затрудненности социальной мобильности, перехода из низшего класса в высший, а также многочисленности их представителей. Все это обуславливает их существенное, а иногда и определяющее воздействие на политику. Рассматривая разнообразные определения классов, можно выделить **три главных подхода к их трактовке: марксистский, веберовский (в честь**

М. Вебера) и **стратификационный** (функциональный) (Т. Парсонс, У. Уорнер и др.). Из всех этих подходов наибольшее влияние на политическую мысль и политическую историю XX в. оказала марксистская теория классов, придающая им приоритетную значимость в детерминации политических процессов и политического строя.

Марксистская трактовка политической роли классов

С точки зрения марксизма, любое общество, основанное на господстве частной собственности, состоит из классов — «больших групп людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Одни классы благодаря своему экономическому положению могут присваивать труд других классов.

Капиталистическое общество делится на два основных антагонистических класса: класс собственников — буржуазию и класс наемных рабочих — пролетариат. Все другие группы (землевладельцы, ремесленники, крестьяне, интеллигенция, служащие и т.д.) так или иначе примыкают к основным классам. Класс, владеющий средствами производства, является и политически господствующим, руководит государством. Интересы основных классов несовместимы, антагонистичны. Осознание своего положения в обществе приводит к формированию у рабочих классового сознания и к развитию классовой борьбы, высшей формой которой является борьба за государственную власть — борьба политическая. Последняя в ходе обострения противоречий капитализма и роста классовой борьбы трудящихся завершается социалистической революцией, в результате которой рабочий класс устанавливает свое политическое господство и использует его для строительства бесклассового самоуправляющегося общества — коммунизма.

Согласно марксизму, классы — главные субъекты политики, а классовая борьба — движущая сила истории в тот ее период, когда общество оказывается расколотым на противоположные, антагонистические классы. Она является важнейшим источником динамики всей политической жизни, в частности, капиталистического общества, а также международных отношений. Поэтому классовый анализ необходим для правильного, научного понимания любых политических институтов и процессов, характерных для классового общества.

Антагонистические классы и современность

В конце XIX — первой половине XX вв. историческая практика давала известные подтверждения марксистской концепции политической роли классов. В то время на историческую арену вышли массовые

политические партии рабочего класса, в России и некоторых других странах мира под классовыми лозунгами прошли революции, главной движущей силой которых, однако, были скорее руководимые компартиями военные, маргиналы и низшие слои общества в целом, чем рабочий класс.

По мере развития капиталистического общества, повышения благосостояния и расширения социальных прав трудящихся и всего населения политическая практика стала все больше расходиться с классовой теорией марксизма. Большинство рабочих не поддержали классовые партии, звавшие к насильственной революционной борьбе против капитала, встали на путь социал-реформизма и социального партнерства или проявляли политическую индифферентность. Эта тенденция сохраняется и по сей день. В Великобритании, например, в последние десятилетия примерно одна треть рабочих на выборах отдает свой голос за партию консерваторов, традиционно являющуюся партией крупного капитала. По результатам эмпирических исследований, в ФРГ лишь 10% населения считают принадлежность к социальному классу в его марксистском понимании важнейшим фактором общественной дифференциации, причем рабочие составляют среди них лишь 5%, чиновники — 3, служащие — 15, предприниматели — 18%.

В 80—90-х гг. в странах командного социализма рабочие также не проявили классовой сознательности и не выступили в поддержку социалистического строя и «своей» власти. Более того, в некоторых странах, прежде всего в Польше, организованное рабочее движение выступило основным политическим оппонентом коммунистических режимов и главной силой в борьбе за демократизацию общества и формирование социально ориентированной рыночной экономики.

Эти и другие подобные факты, ставящие под сомнение классовую теорию марксизма, получают неоднозначную интерпретацию среди ученых. Радикальные противники марксизма видят в них доказательство ошибочности марксистской классовой теории или, по меньшей мере, ее явного несоответствия реальностям современного постиндустриального общества. Сторонники же марксизма объясняют отсутствие у широких слоев рабочих классового сознания и включенности в политическую борьбу формированием рабочей аристократии, которой капитал создает благоприятные жизненные условия за счет эксплуатации прежде всего трудящихся других стран (В.И. Ленин); интегрированием рабочего класса богатых стран Запада, кроме его низших слоев и иностранных рабочих, в капиталистическую систему (Г. Маркузе); экономической стабилизацией «позднего капитализма» и созданием достаточно эффективной системы идеологического и политического господства капитала, обеспечивающей массовую политическую лояльность (Ю. Хабермас и другие неомарксисты).

Современные неомарксисты, считая социально-экономический классовый конфликт основополагающим для современного западного общества, критикуют

противников классовой теории за узкий эмпиризм и функционализм, простую констатацию корреляций между объективным социально-экономическим положением и политическим сознанием людей, за игнорирование сложного механизма, опосредующего это взаимодействие. По их мнению, факторами, препятствующими адекватному отражению классового положения в сознании и политической борьбе рабочих и других лиц наемного труда, являются рост их благосостояния и социальной обеспеченности, контролирование капиталом институтов социализации и создание индустрии формирования массового иллюзорного сознания с помощью системы образования, СМИ и т.д.

Что же касается пассивного восприятия рабочим классом краха коммунистических режимов в странах Восточной Европы, то современные сторонники марксистской классовой теории объясняют это бюрократическим перерождением социализма, формированием нового господствующего эксплуататорского класса — номенклатуры, которая, узурпировав государственную власть, дезориентировала рабочий класс, отказалась от социалистической идеологии и, стремясь превратить свое политическое господство в господство экономическое, ликвидировала социализм как общественную систему.

Хотя аргументация этого рода не лишена определенных оснований, в целом трактовка классов как главных субъектов политики, а классовой борьбы как движущей силы истории в свете современного исторического опыта и эмпирических исследований выглядит если не ошибочной, то по меньшей мере далеко расходящейся с действительностью. Ни в одной стране мира рабочий класс так и не смог установить свое политическое господство. В развитых странах мира традиционные классовые партии либо изменили свою ориентацию, либо не пользуются поддержкой сколько-нибудь значительной части населения.

Это, однако, не означает, что марксистский классовый анализ полностью исчерпал себя. В демократических постиндустриальных странах классовая (в марксистском понимании) принадлежность остается одной, хотя и не главной, социально-экономической детерминантой политики. В странах же с «диким», несоциализированным капитализмом, где производ частных собственников не имеет жестких государственных ограничений, классовые конфликты могут приобретать большую остроту и выходить на передний план политической жизни. К числу таких государств принадлежит и современная Россия.

Трактовка классов М. Вебером

Хотя марксистская теория классов до сих пор имеет немалое влияние, многие современные ученые широко используют и иные трактовки классов, их роли в политической жизни. Основополагающее значение для них имеет концепция классов М. Вебера, который признавал «неизбежное существование на земле вечной борьбы людей против людей» и выступал с

критикой одномерности (лишь на основе отношения к собственности) и жесткого экономического детерминизма марксистского подхода к классам. Согласно М. Веберу, **классы — это группы людей с примерно одинаковыми жизненными шансами, интересами и ценностными ориентациями, общность экономического положения которых отличает их друг от друга и создает возможность классовых конфликтов.** Специфическими классовыми признаками, по его мнению, выступают не только контроль над средствами производства, но и над имуществом, а также профессия, квалификация и некоторые другие социально-экономические признаки. К важным характеристикам классов он относил также доступ к власти и политическую организованность.

В работе «Экономика и общество» (1922) М. Вебер выделил три типа классов: **имущие**, получающие доход от собственности; **приобретающие**, доход которых определяется от продажи рабочей силы и ситуации на рынке труда, и **социальные** классы, особенностью которых является высокая внутригрупповая мобильность, легкость и типичность внутригрупповых перемещений отдельных индивидов и целых поколений. Классами современного ему общества он называл 1) рабочий класс; 2) мелкую буржуазию; 3) не имеющую собственности интеллигенцию и специалистов; 4) класс собственников и лиц, привилегированных в силу высокого образования. Современные последователи М. Вебера выделяют два новых класса: 1) работники сферы услуг и 2) лица, живущие за счет государственных пособий (пенсионеры, студенты и т.п.). Все классы имеют специфические общественные и политические интересы.

Хотя проблема классов не получила у М. Вебера детальной разработки (а некоторые ее аспекты были лишь намечены и по-разному интерпретируются в современной науке, его подход к классам преодолевает жесткий экономический детерминизм теории классов К. Маркса, позволяет учитывать различные стороны положения класса в обществе, аккумулирующиеся в его жизненных возможностях и интересах. Многомерность такого подхода к классам повышает применимость этого понятия к сложному, плюралистическому обществу наших дней. На веберовском понимании классов базируются преобладающие в науке современные трактовки, в частности конфликтная концепция классов немецкого социолога Р. Дарендорфа, который рассматривает экономические классы в марксистском понимании лишь как их частный случай и выделяет классы прежде всего в зависимости от их обладания (или необладания) властью и авторитетом. В силу различного положения в системе власти классы выступают потенциальным источником общественных конфликтов. В целом же «класс — это категория, которая используется при анализе динамики социального конфликта и его структурных корней, и именно этим он может быть четко отделен от слоя как: категории, используемой для описания иерархических систем в текущий момент». Не претендуя на универсальность, трактовка классов

Р. Дарендорфом ориентирует на выявление и анализ потенциальных политических конфликтов.

Функциональный подход к классам

В современной западной, особенно американской, социологии широко распространена трактовка классов в русле стратификационной теории, т.е. как одной из основных общественных страт. В рамках этого подхода центральное место занимает функциональная (статусная) концепция классов, согласно которой классы — это группы людей примерно одинакового социального статуса, определяемого величиной дохода, престижностью профессии, уровнем образования, доступом к власти. Эти статусные параметры проявляются в политическом поведении, чувстве коллективной идентичности, сознании и образе жизни класса.

Само классовое деление функционально, полезно для общества. В нем всегда существует дефицит талантов и заинтересованность в распределении социальных позиций, должностей в соответствии со способностями индивидов. Классовое деление помогает реализовать эту социальную потребность, поскольку с помощью растущего по мере продвижения по социальной лестнице материального и идеального (престиж, общественное признание и уважение) вознаграждения оно стимулирует активность и соревновательность индивидов за более высокие позиции в социальной иерархии и тем самым способствует занятию наиболее важных для общества постов самыми талантливыми и подготовленными к соответствующей деятельности людьми. Функциональная классовая структура, согласно сторонникам данного подхода к классам, необходима для нормального развития общества, поэтому всякие попытки ликвидации классов и социального неравенства противоестественны и дисфункциональны. Исходя из этого, главной задачей политики в современном обществе признается обеспечение открытости классовых позиций для каждого человека, создание для всех примерно равных стартовых возможностей.

Результаты эмпирических исследований в значительной мере расходятся с важнейшими положениями функциональной теории классов. Прежде всего они свидетельствуют о том, что во многих областях общественной жизни (статусных иерархиях) не существует ни открытой соревновательности за занятие высоких позиций, ни рационального распределения вознаграждений в соответствии со значимостью профессии и (или) поста. Более того, как показывает повседневная практика, определяющее влияние на распределение вознаграждений зачастую оказывают традиции, идеологические и политические факторы, в том числе политическая организованность и активность той или иной профессиональной группы.

Средний класс

В русле функционального подхода к классам возникла весьма распространенная в современной политической мысли теория среднего (или нового среднего) класса (Х. Шельский, Р. Арон, Д. Белл и др.), который характеризуется различными авторами в качестве среднего по отношению либо к буржуазии и пролетариату, либо (что обычно связано с первым) к высшему и низшему классам. Средний класс рассматривается сторонниками этой теории как главная социальная база и опора демократии. В силу своего положения в обществе он заинтересован в политической стабильности, высоко почитает ценности свободы и прав человека, склонен к компромиссам и примирению политических крайностей, обладает умеренностью политических требований, относительно высокой компетентностью и активностью при принятии электоральных и других политических решений. В то же время, как отмечает С. Липсет, нисходящие слои среднего класса служат благоприятной питательной почвой для экстремистских движений, особенно фашистского и правозэкстремистского толка.

Теории среднего класса явились отражением количественного роста в странах Запада служащих, интеллигенции, менеджеров, сохранения значительной численности мелких предпринимателей, повышения социальной защищенности и уровня образования рабочих и ряда других групп, а также сближения доходов, уровня потребления и образа жизни широких слоев населения. По мнению последователей теории среднего класса, данный процесс привел к устранению традиционных классовых различий между буржуазией и пролетариатом и образованию новой социальной группы, охватывающей и ценностно объединяющей большинство населения индустриально развитых стран, — она-то и составляет средний класс. К нему относятся индивиды, обладающие близким уровнем дохода, образования, престижности профессии, образа жизни и идентифицирующие себя с этой группой общества. По результатам опросов, в странах Запада свыше половины населения (до 70—80%) причисляют себя к среднему классу. Формирование среднего класса обеспечивает обществу высокий уровень социальной однородности, сглаживает или вовсе устраняет классовые конфликты, помогает сближению позиций партий, профсоюзов и т.д.

Отражая реальный процесс сглаживания социального неравенства и сближения статусных позиций широких слоев населения индустриально развитых стран, формирование среднего класса не отменяет существования традиционных классовых и стратификационных различий, которые нередко имеют большую политическую значимость, чем принадлежность индивидов к среднему классу.

В целом же классовый анализ во всех его основных проявлениях, дополняемый и обогащаемый стратификационными методами исследования, позволяет раскрыть социальные истоки политики, ее наиболее мощные и

обычно скрытые движущие силы, дает возможность обнаружить тенденции и перспективы политических изменений.

§ 3. Динамика социальной структуры в современном мире

Тенденции развития социальной структуры в странах Запада

Колоссальное многообразие социальных связей в обществе порождает столь же богатейшие отношения и в сфере политической власти. И все же, если говорить о развитых индустриальных странах, то можно обозначить ряд устойчивых тенденций в изменении социальной структуры и их политических последствий.

В целом, как показывает практика, изменения в социальной структуре происходят здесь прежде всего под влиянием новых производственных и информационных технологий, роста материального благосостояния граждан, усиления их ценностных ориентаций в пользу свободного времени и культуры, расширения межгосударственных связей и отношений. Заметно возрастает доля населения, занятого в непроизводственной сфере (услуги, обслуживание коммуникаций, банковское дело и пр.), растет численность дееспособного населения, существующего благодаря политико-административному обеспечению со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т.п.). Наблюдается уравнивание межнациональных и расовых отношений, рост разнообразия социокультурных стилей жизни. В ряде стран образовалась весомая страата иностранных рабочих и т.д.

Однако важнее всего отметить ведущие социальные позиции среднего класса в этих странах. Жизнь не подтвердила предположение К. Маркса о слиянии данного класса с буржуазией или рабочим классом. В настоящее время он занимает центральное место в социальной структуре общества. Благодаря занимаемому в обществе положению, он заинтересован в политической стабильности и защите идеалов свободы и прав человека. Менталитет же и поведение принадлежащих к нему граждан уравнивают крайности социально-политических противоречий между бедными и богатыми слоями населения. Его социально лидирующая роль демонстрирует и то, что различия в собственности в основном воспринимаются людьми как временные статусные различия и все меньше и меньше выступают как фактор, способный инициировать существенные политические потрясения.

Конечно, не все процессы формирования и функционирования среднего класса имеют политически нейтральный характер. Например, из того факта, что образование для его членов стало абсолютно доступным, отнюдь не вытекает беспрепятственности занятия ими ограниченного числа рабочих мест. Разгорающаяся же конкуренция за эти места подчас стимулирует проявления различных форм политической активности. Вызывает отдельные политические колебания и нисходящая мобилизация этого класса. Переток населения из среднего в более низкие слои общества сопровождается возникновением

стрессов и массовых индивидуальных разочарований, вызывающих определенные изменения в политической атмосфере общества.

Одним словом, индустриальные общества отнюдь не бесконфликтны. Социальные противоречия, вызванные безработицей, перестройкой экономических отношений, национальными и расовыми проблемами, способствуют возникновению подчас довольно острых политических противоречий. В то же время наличие такого мощного социального стабилизатора, каким является средний класс, господство разделяемых подавляющим большинством общества идеалов и ценностей, доминирование законов и уважение традиций ограничивают уровень политических притязаний разнообразных групп и слоев отдельными поправками к политическому курсу режимов. Политические требования групп не подрывают стабильности существующего строя, а смены кабинетов министров, парламентов, правящих партий осуществляются при незыблемой власти закона.

В противоположность этой группе стран, к примеру, в пост-коммунистических государствах социальные противоречия групп вызывают значительно более острые политические процессы. В целом, видимо, можно говорить о двух наиболее крупных макро-тенденциях. С одной стороны, отмена запретов на хозяйственную инициативу, рост городов, структурная перестройка экономики, укрепление рыночного уклада хозяйствования, а также ряд других аналогичного действия факторов способствует укреплению открытой социальной мобильности, распространению и укоренению либерально-демократических ценностей в обществе. Но с другой стороны, влияние интересов низкодходных групп общества, в том числе работников физического труда, части управленческого аппарата, пенсионеров и др., усиливает требования социальной справедливости и равенства, укрепления порядка и усиления государственного патернализма. Характер столкновения этих социальных и политических интересов групп хорошо виден на примере современной России.

Социальные источники политических отношений в России

Особенности состояния и динамики социальной структуры в современном российском обществе прежде всего определяются переходным состоянием общественных отношений. Наиболее важные изменения состоят в том, что реально произведенные демократические преобразования (хотя они и не гарантированы от обратимости) породили новые социальные механизмы перераспределения ресурсов и статусов, формы социальной стратификации.

Эти социальные процессы существуют как бы параллельно традиционным механизмам структурирования, которые прежде всего связаны с функционированием дотационных и неконкурентных секторов экономики, старой инфраструктурой хозяйствования и разделением труда, прежним

привилегированным положением ряда национальных групп и т.д. С этими факторами стратификации, как правило, связаны работники малорентабельных и нерентабельных предприятий госсектора, ряда госучреждений, слабо вписывающихся в рыночную экономику, жители малых городов и сельской местности, где менее всего заметны результаты реформ, пенсионеры, некоторые категории учащейся молодежи и др.

Наряду с указанными источниками структурирования складываются и его новые механизмы, вызванные введением частной собственности, капитализацией хозяйственных отношений, урбанизацией, перестройкой коммуникаций, ростом национального самосознания и др. Они привели к возникновению групп предпринимателей, фермеров, крупных и мелких собственников, высококвалифицированных менеджеров, увеличили разнообразие этнокультурных групп (казачество) и стилей жизни, не сводимых к традиционным классовым характеристикам.

В целом в социальной структуре российского общества можно выделить три группы макросоциальных противоречий, вызывающих мощные политические потоки, а именно: внутри традиционной стратификации, внутри новой (условно говоря, рыночной) стратификации, а также между этими двумя типами социальности. В то же время наблюдаются противоречивые тенденции, свидетельствующие не только об объективном усложнении, но и упрощении социальной структуры.

Так, существеннейшее влияние на политические отношения оказывают противоречия между привилегированной, сильно коррумпированной частью госчиновничества и остальным населением, а также между работниками монополизированного государством сфер и тружениками иных экономических областей. Содержание политических отношений стало в значительной мере зависеть и от наличия экономических классов, различающихся по степени дохода принадлежащих к ним лиц. На одном полюсе сосредоточилось 5% богатых и сверхбогатых и 10—15% обеспеченных слоев населения, а на другом — 15—20% наименее обеспеченных граждан. Еще одной тенденцией изменения социальной структуры, имеющей существенные политические последствия, служит маргинализация общества, связанная, в частности, с массовым обнищанием части населения, последствиями безработицы, значительно разросшимися миграционными процессами, прежде всего за счет граждан из бывших республик СССР и рядом других социальных процессов.

Многообразие и богатство социальных взаимосвязей в современном российском обществе порождают переплетение множества политических процессов: группы, заинтересованные в рыночных преобразованиях и побуждающие государство к расширению поддержки предпринимательства, соперничают с силами, не заинтересованными в структурной перестройке экономики и стремящимися сохранить политику госрегулирования и патернализма; номенклатурные кланы в государственном аппарате, пытающиеся

поставить себе на службу ход реформ, сталкиваются с протестом широких социальных слоев, пытающихся утвердить в обществе принципы социальной справедливости и свободы; борец сил и слоев, связанных с криминализированной и «честной» экономикой, приобретает острейшие формы, вплоть до актов политического террора и т.д.

В целом же столкновение разнообразных политических потоков вызывает серьезные кризисы в деятельности государства, поддерживает ценностный раскол в политической культуре общества, инициирует политический протест широких социальных слоев населения.

Опыт показывает, что смягчение политической напряженности в России, как и в других странах с переходной социальной структурой, как правило, связано с усилением социальной направленности деятельности правительства (особенно в отношении наименее защищенных слоев населения), борьбой с привилегиями госбюрократии и преступностью, расширением возможностей профессиональной переподготовки граждан и рядом других мер.

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

§ 1. Возникновение понятия и теории элит

Происхождение понятия «политическая элита»

Слово «элита» в переводе с французского означает «лучшее», «отборное», «избранное». В повседневном языке оно имеет два значения.

Первое из них отражает обладание какими-то интенсивно, четко и максимально выраженными чертами, наивысшими по той или иной шкале измерений. В этом значении термин «элита» употребляется в таких словосочетаниях, как «элитное зерно», «элитные лошади», «спортивная элита», «элитные войска», «воровская элита» и т.п.

Во втором значении слово «элита» относится к лучшей, наиболее ценной для общества группе, стоящей над массами и призванной в силу обладания особыми качествами управлять ими. Такое понимание слова отражало реальности рабовладельческого и феодального общества, элитой которого выступала аристократия. (Сам термин «аристос» означает «лучший», соответственно, аристократия — «власть лучших».)

В политической науке термин «элита» употребляется лишь в первом, этически нейтральном значении. Определяемое в самой общей форме, это понятие характеризует **носителей наиболее ярко выраженных политико-управленческих качеств и функций**. Теория элит стремится исключить нивелировку, усредненность в оценке влияния людей на власть, отражает неравномерность ее распределения в обществе, соревновательность и конкуренцию в области политической жизни, ее иерархичность и динамизм.

Научное употребление категории «политическая элита» основывается на вполне определенных общих представлениях о месте и роли политики и ее непосредственных носителей в обществе. Теория политической элиты исходит из равноправности и равноценности или даже приоритета политики по отношению к экономике и социальной структуре общества. Поэтому эта концепция несовместима с идеями экономического и социального детерминизма, представленного, в частности, марксизмом, трактующим политику всего лишь как надстройку над экономическим базисом, как концентрированное выражение экономики и классовых интересов. Из-за этого, а также вследствие нежелания правящей номенклатурной элиты быть объектом научных исследований, понятие политической элиты в советском обществоведении рассматривалось как псевдонаучное и буржуазно-тенденциозное и в позитивном значении не употреблялось.

Первоначально в политической науке французский термин «элита» получил распространение в начале XX в. благодаря трудам Сореля и Парето, хотя идеи политического элитизма возникли вне Франции в глубокой древности. Еще во времена разложения родового строя появляются взгляды, разделяющие общество на высших и низших, благородных и чернь, аристократию и простой люд. Наиболее последовательное обоснование и выражение эти идеи получили у Конфуция, Платона, Макиавелли, Карлейля, Ницше. Однако такого рода элитарные теории сколь-нибудь серьезного социологического обоснования еще не получили. Первые современные, классические концепции элит возникли в конце XIX — начале XX в. Они связаны с именами Гаэтано Моски, Вильфредо Парето и Роберта Михельса.

Теория элит Моски

Выдающийся итальянский социолог и политолог Моска (1858—1941) попытался доказать неизбежное деление любого общества на две неравные по социальному положению и роли группы. В 1896 г. в «Основах политической науки» он писал: «Во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда относительно малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым <...> и поставляет ему <...> материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма».

Моска проанализировал проблему формирования политической элиты и ее специфических качеств. Он считал, что важнейшим критерием вхождения в нее является способность к управлению другими людьми, т.е. организаторская способность, а также выделяющее элиту из остальной части общества материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Хотя в целом этот

слой наиболее способен к управлению, однако не всем его представителям присущи лучшие, более высокие по отношению к остальной части населения качества.

Отмечая сплоченность группы управляющих и ее господствующее положение в обществе, Моска называл ее политическим классом. Этот класс подвержен постепенным изменениям. Существуют две тенденции в его развитии: аристократическая и демократическая. Первая из них проявляется в стремлении политического класса стать наследственным если не юридически, то фактически. Преобладание аристократической тенденции приводит к «закрытию и кристаллизации» класса, к его вырождению и, как следствие, к общественному застою. Это в конечном счете влечет за собой активизацию борьбы новых социальных сил за занятие господствующих позиций в обществе.

Вторая, демократическая тенденция выражается в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев. Такое обновление предотвращает дегенерацию элиты, делает ее способной к эффективному руководству обществом. Равновесие между аристократической и демократической тенденциями наиболее желательно для общества, ибо оно обеспечивает как преемственность и стабильность в руководстве страной, так и его качественное обновление.

Концепция политического класса Моски, оказав большое влияние на последующее развитие элитарных теорий, подвергалась критике за некоторую абсолютизацию политического фактора (принадлежности к управленческому слою) в социальном структурировании общества, за недооценку роли экономики. Применительно к современному плюралистическому обществу такой подход во многом неправомерен. Однако теория политического класса нашла неожиданное подтверждение в тоталитарных государствах. Здесь политика приобрела главенствующее положение над экономикой и всеми другими сферами общества и в лице номенклатурной бюрократии сформировался прообраз «политического класса», описанного Моской. В тоталитарных государствах вхождение в политическую номенклатуру, приобщение к власти и управлению стали первопричиной экономического и социального господства «класса управляющих».

Концепции Парето и Михельса

Независимо от Моски примерно в это же время теорию политических элит разрабатывал Парето (1848—1923). Он, как и Моска, исходил из того, что миром во все времена правило и должно править избранное меньшинство — элита, наделенная особыми качествами: психологическими (врожденными) и социальными (приобретенными вследствие воспитания и образования). В «Трактате по общей социологии» он писал; «Нравится это некоторым теоретикам или нет, но человеческое общество неоднородно и индивиды различны физически, морально и интеллектуально». Совокупность индивидов, чья

деятельность в той или иной сфере отличается эффективностью, высокими результатами, и составляет элиту.

Она делится на правящую, прямо или опосредованно (но эффективно) участвующую в управлении, и неправящую — контрэлиту — людей, обладающих характерными для элиты качествами, но не имеющих доступа к руководству из-за своего социального статуса и различного рода барьеров, существующих в обществе для низших слоев.

Правящая элита внутренне сплочена и борется за сохранение своего господства. Развитие общества происходит посредством периодической смены, циркуляции двух главных типов элит — «лис» (гибких руководителей, использующих «мягкие» методы руководства: переговоры, уступки, лесть, убеждение и т.п.) и «львов» (жестких и решительных правителей, опирающихся преимущественно на силу).

Изменения, происходящие в обществе, постепенно подрывают господство одного из этих типов элиты. Так, властвование «лис», эффективное в относительно спокойные периоды истории, становится непригодным в ситуациях, требующих решительных действий и применения насилия. Это ведет к росту недовольства в обществе и усилению контрэлиты («львов»), которая с помощью мобилизации масс свергает правящую элиту и устанавливает свое господство.

Крупный вклад в развитие теории политических элит внес Р. Михельс (1876—1936). Он исследовал социальные механизмы, порождающие элитарность общества. В основном солидаризируясь с Москвой в трактовке причин элитарности, Михельс особо выделяет организаторские способности, а также организационные структуры общества, усиливающие элитарность и возвышающие управляющий слой. Он сделал вывод, что сама организация общества требует элитарности и закономерно воспроизводит ее. В обществе действует «железный закон олигархических тенденций». Его суть состоит в том, что неотделимое от общественного прогресса развитие крупных организаций неизбежно ведет к олигархизации управления обществом и формированию элиты, поскольку руководство такими объединениями не может осуществляться всеми их членами. Эффективность их деятельности требует функциональной специализации и рациональности, выделения руководящего ядра и аппарата, которые постепенно, но неизбежно выходят из-под контроля рядовых членов, отрываются от них и подчиняют политику собственным интересам, заботятся в первую очередь о сохранении своего привилегированного положения. Рядовые же члены организаций недостаточно компетентны, пассивны и проявляют равнодушие к повседневной политической деятельности. В результате любой, даже демократической организацией всегда фактически правит олигархическая, элитарная группа. Такие наиболее влиятельные группы, заинтересованные в сохранении своего привилегированного положения, устанавливают между собой различного рода контакты, спланиваются, забывая об интересах масс.

Из действия «закона олигархических тенденций» Михельс делал пессимистические выводы относительно возможностей демократии вообще и демократизма социал-демократических партий в частности. Демократию же он фактически отождествлял с непосредственным участием масс в управлении.

В трудах Моски, Парето и Михельса понятие политической элиты получило уже достаточно ясные очертания. Были намечены ее важнейшие свойства, **параметры, позволяющие разграничивать и оценивать различные элитарные теории** современности (эти параметры будут использоваться ниже). К ним относятся: 1) особые свойства, присущие представителям элиты; 2) взаимоотношения, существующие внутри элитарного слоя и характеризующие степень его сплоченности, интеграции; 3) отношения элиты с неэлитой, массой; 4) рекрутирование элиты, т. е. как и из кого она образуется; 5) роль (конструктивная или деструктивная) элиты в обществе, ее функции и влияние.

§ 2. Основные направления современной элитарной теории

Макиавеллистская школа

Концепции элит Моски, Парето и Михельса дали толчок широким теоретическим, а впоследствии (преимущественно после второй мировой войны) и эмпирическим исследованиям групп, руководящих государством или претендующих на это. Современные теории элит разнообразны. Исторически первой группой теорий, не утративших современной значимости, являются уже вкратце рассмотренные концепции макиавеллистской школы (Моска, Парето, Михельс и др.). Их объединяют следующие идеи:

1. Особые качества элиты, связанные с природными дарованиями и воспитанием и проявляющиеся в ее способности к управлению или хотя бы к борьбе за власть.

2. Групповая сплоченность элиты. Это сплоченность группы, объединяемой не только общностью профессионального статуса, социального положения и интересов, но и элитарным самосознанием, восприятием себя особым слоем, призванным руководить обществом.

3. Признание элитарности любого общества, его неизбежного разделения на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство. Такое разделение закономерно вытекает из естественной природы человека и общества. Хотя персональный состав элиты изменяется, ее господствующие отношения к массам в своей основе неизменны. Так, например, в ходе истории сменялись вожди племен, монархи, бояре и дворяне, народные комиссары и партийные секретари, министры и президенты, но отношения господства и подчинения между ними и простым людом сохранялись всегда.

4. Формирование и смена элит в ходе борьбы за власть. Господствующее привилегированное положение стремятся занять многие люди, обладающие

высокими психологическими и социальными качествами. Однако никто не хочет добровольно уступать им свои посты и положение. Поэтому скрытая или явная борьба за место под солнцем неизбежна.

5. В общем конструктивная, руководящая и господствующая роль элиты в обществе. Она выполняет необходимую для социальной системы функцию управления, хотя и не всегда эффективно. Стремясь сохранить и передать по наследству свое привилегированное положение, элита имеет тенденцию к вырождению, утрате своих выдающихся качеств.

Макиавеллистские теории элит подвергаются критике за преувеличение значения психологических факторов, антидемократизм и недооценку способностей и активности масс, недостаточный учет эволюции общества и современных реальностей государств «всеобщего благоденствия», циничное отношение к борьбе за власть. Такая критика во многом не лишена оснований.

Ценностные теории

Преодолеть слабости макиавеллистов пытаются ценностные теории элиты. Они, как и макиавеллистские концепции, считают элиту главной конструктивной силой общества, однако смягчают свою позицию по отношению к демократии, стремятся приспособить элитарную теорию к реальной жизни современных государств. Многообразные ценностные концепции элит существенно различаются по степени защиты аристократизма, отношению к массам, демократии и т.д. Однако они имеют и ряд следующих общих установок:

1. Принадлежность к элите определяется обладанием высокими способностями и показателями в наиболее важных для всего общества сферах деятельности. Элита — наиболее ценный элемент социальной системы, ориентированный на удовлетворение ее важнейших потребностей. В ходе развития у общества отмирают многие старые и возникают новые потребности, функции и ценностные ориентации. Это приводит к постепенному вытеснению носителей наиболее важных для своего времени качеств новыми людьми, отвечающими современным требованиям. Так в ходе истории произошла смена аристократии, воплощающей нравственные качества и прежде всего честь, образованность и культуру, предпринимателями, в хозяйственной инициативе которых нуждалось общество. Последние же, в свою очередь, сменяются менеджерами и интеллектуалами — носителями столь важных для современного общества знаний и управленческой компетентности.

Некоторые современные сторонники ценностной теории элит утверждают, что лишь индустриальное и постиндустриальное общество становится подлинно элитарным, поскольку «покоившееся на владении частной собственностью классовое господство сменилось в нем господством групп, которые рекрутируются отныне не по крови или владению собственностью, а на основе деловой квалификации».

2. Элита относительно сплочена на здоровой основе выполняемых ею руководящих функций. Это — не объединение людей, стремящихся реализовать свои эгоистические групповые интересы, а сотрудничество лиц, заботящихся прежде всего об общем благе.

3. Взаимоотношения между элитой и массой имеют не столько характер политического или социального господства, сколько руководства, предполагающего управленческое воздействие, основанное на согласии и добровольном послушании управляемых и авторитете власть имущих. Ведущая роль элиты уподобляется руководству старших, более знающих и компетентных по отношению к младшим, менее осведомленным и опытными. Она отвечает интересам всех граждан.

4. Формирование элиты — не столько результат ожесточенной борьбы за власть, сколько следствие естественного отбора обществом наиболее ценных представителей. Поэтому общество должно стремиться совершенствовать механизмы такой селекции, вести поиск рациональной, наиболее результативной элиты во всех социальных слоях.

5. Элитарность — условие эффективного функционирования любого общества. Она основана на естественном разделении управленческого и исполнительского труда, закономерно вытекает из равенства возможностей и не противоречит демократии. Социальное равенство должно пониматься как равенство жизненных шансов, а не равенство результатов, социального статуса. Поскольку люди не равны физически, интеллектуально, по своей жизненной энергии и активности, то для демократического государства важно обеспечить им примерно одинаковые стартовые условия. На финиш же они придут в разное время и с разными результатами. Неизбежно появятся социальные «чемпионы» и аутсайдеры.

Некоторые сторонники ценностной теории элит пытаются разработать количественные показатели, характеризующие ее влияние на общество. Так, Н. А. Бердяев на основе анализа развития разных стран и народов вывел «коэффициент элиты» как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Коэффициент элит, составляющий свыше 5%, означает наличие в обществе высокого потенциала развития. Как только этот коэффициент опускался до примерно 1%, империя прекращала существование, в обществе наблюдались застой и окостенение. Сама же элита превращалась в касту, жречество.

Ценностные представления о роли элиты в обществе преобладают у современных неоконсерваторов, утверждающих, что элитарность необходима для демократии. Но сама элита должна служить нравственным примером для других граждан и внушать к себе уважение, подтверждаемое на свободных выборах.

Теории демократического элитизма

Основные положения ценностной теории элит лежат в основе концепций демократического элитизма (элитарной демократии), получивших широкое распространение в современном мире. Они исходят из предложенного Йозефом Шумпетером понимания демократии как конкуренции между потенциальными руководителями за доверие избирателей. Как писал Карл Мангейм, «**демократия** влечет за собой антиэлитистскую тенденцию, но не требует идти до конца к утопическому уравниванию элиты и масс. Мы понимаем, что **демократия** характеризуется не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты».

Сторонники демократического элитизма, ссылаясь на результаты эмпирических исследований, утверждают, что реальная **демократия** нуждается как в элитах, так и в массовой политической апатии, поскольку слишком высокая политическая партиципация угрожает стабильности демократии. Элиты необходимы прежде всего как гарант высокого качественного состава руководителей, избранных населением. Сама социальная ценность демократии решающим образом зависит от качества элиты. Руководящий слой не только обладает необходимыми для управления свойствами, но служит защитником демократических ценностей и способен сдерживать часто присущий массам политический и идеологический иррационализм, эмоциональную неуравновешенность и радикализм.

В 60—70-е гг. утверждения о сравнительном демократизме элиты и авторитаризме масс были в значительной мере опровергнуты конкретными исследованиями. Оказалось, что хотя представители элит обычно превосходят низшие слои общества в принятии либерально-демократических ценностей (свободы личности, слова, конкуренции и т.д.), в политической толерантности, терпимости к чужому мнению, в осуждении диктатуры и т.п., но они более консервативны в признании социально-экономических прав граждан: на труд, забастовку, организацию в профсоюз, социальное обеспечение и т.п. Кроме того, некоторые ученые (П. Бахрах, Ф. Нашольд) показали возможность повышать стабильность и эффективность политической системы с помощью расширения массового политического участия.

Концепции плюрализма элит

Установки ценностной теории о ценностно-рациональном характере отбора элит в современном демократическом обществе развивают концепции множественности, плюрализма элит, являющиеся, пожалуй, наиболее распространенными в сегодняшней элитарной мысли. Их нередко называют функциональными теориями элиты. Они не отрицают элитарную теорию в целом, хотя и требуют коренного пересмотра ряда ее основополагающих, классических установок. В основе плюралистической концепции элиты лежат следующие постулаты:

1. Трактовка политических элит как элит функциональных. Квалификационная подготовленность к выполнению функций управления конкретными общественными процессами — важнейшее качество, определяющее принадлежность к элите. «Функциональные элиты, — пишет Э. Гольтманн, — это лица или группы, обладающие особой квалификацией, необходимой для занятия определенных руководящих позиций в обществе. Их превосходство по отношению к другим членам общества проявляется в управлении важными политическими и социальными процессами или во влиянии на них».

2. Отрицание элиты как единой привилегированной относительно сплоченной группы. В современном демократическом обществе власть расплывлена между разнообразными группами и институтами, которые с помощью прямого участия, давления, использования блоков и союзов могут налагать вето на неудобные решения, отстаивать свои интересы, находить компромиссы. Сами отношения власти изменчивы, флюидны. Они создаются для определенных решений и могут заменяться для принятия и реализации других решений. Это ослабляет концентрацию власти и предотвращает складывание устойчивого властвующего слоя.

Существует множество элит. Влияние каждой из них ограничено специфической для нее областью деятельности. Ни одна из них не способна доминировать во всех областях жизни. Плюрализм элит определяется сложным общественным разделением труда, многообразием социальной структуры. Каждая из множества базисных, «материнских» групп — профессиональных, региональных, религиозных, демографических и других — выделяет свою собственную элиту, защищающую ее ценности и интересы и одновременно активно бездействующую на нее. Различия между элитами важнейших общественных секторов более значительны, чем различия между слоями элиты, принадлежащими к одному сектору.

3. Деление общества на элиту и массу относительно, условно и часто размыто. Между ними существуют скорее отношения представительства, чем господства или постоянного руководства. Элиты находятся под контролем материнских групп. С помощью разнообразных демократических механизмов — выборов, референдумов, опросов, прессы, групп давления и т.д. — можно ограничить или вообще предотвратить действие сформулированного Михельсом «закона олигархических тенденций» и удержать элиты под влиянием масс. Этому способствует конкуренция элит, отражающая экономическую и социальную конкуренцию в современном обществе. Она предотвращает складывание единой господствующей руководящей группы и делает возможной подотчетность элит массам.

4. В современных **демократиях** элиты формируются из наиболее компетентных и заинтересованных граждан, которые весьма свободно могут входить в состав элиты, участвовать в принятии решений. Главный субъект

политической жизни — не элиты, а группы интересов. Различия между элитой и массой основаны главным образом на неодинаковой заинтересованности в принятии решений. Доступ в руководящий слой открывают не только богатство и высокий социальный статус, но прежде всего личные способности, знания, активность и т.п.

5. В демократических государствах элиты выполняют важные общественные функции, связанные с управлением. Говорить же об их социальном господстве неправомерно.

Концепции плюрализма элит широко используются для теоретического обоснования современных западных демократий. Однако эти теории во многом идеализируют действительность. Многочисленные эмпирические исследования свидетельствуют о явной неравномерности воздействия различных социальных слоев на политику, о преобладании влияния капитала, представителей военно-промышленного комплекса и некоторых других групп. Учитывая это, некоторые сторонники плюралистического элитизма предлагают выделять наиболее влиятельные «стратегические» элиты, чьи «суждения, решения и действия имеют важные преопределяющие последствия для многих членов общества».

Левoliberalные концепции

Своего рода идейным антиподом плюралистического элитизма выступают леволиберальные теории элиты. Важнейший представитель этого направления Чарльз Райт Миллс еще в 50-х гг. пытался доказать, что США управляются не многими, а одной властвующей элитой. Левoliberalный элитизм, разделяя некоторые положения макиавеллистской школы, имеет и специфические, отличительные черты:

1. Главный элитообразующий признак — не выдающиеся индивидуальные качества, а обладание командными позициями, руководящими должностями. Властвующая элита, пишет Миллс, «состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможности возвыситься над средой обычных людей и принимать решения, имеющие крупные последствия <...> Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества <...> Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются». Именно занятие ключевых позиций в экономике, политике, военных и других институтах обеспечивает власть и тем самым конституирует элиту. Такое понимание элиты отличает леволиберальные концепции от макиавеллистских и других теорий, выводящих элитарность из особых качеств людей.

2. Групповая сплоченность и разнообразие состава властвующей элиты, которая не ограничивается элитой политической, непосредственно

принимающей государственные решения, а включает и руководителей корпораций, политиков, высших государственных служащих и высших офицеров. Их поддерживают интеллектуалы, хорошо устроившиеся в рамках существующей системы.

Сплачивающим фактором властвующей элиты является не только общая заинтересованность составляющих ее групп в сохранении своего привилегированного положения и обеспечивающего его общественного строя, но и близость социального статуса, образовательного и культурного уровня, круга интересов и духовных ценностей, стиля жизни, а также личные и родственные связи.

Внутри правящей элиты существуют сложные иерархические отношения. Хотя Миллс остро критикует господствующую элиту США, раскрывает связь политиков с крупными собственниками, он все же не сторонник марксистского классового подхода, рассматривающего политическую элиту лишь как выразителей интересов монополистического капитала.

3. Глубокое различие между элитой и массой. Выходцы из народа могут войти в элиту, лишь заняв высокие посты в общественной иерархии. Однако реальных шансов на это у них немного. Возможности влияния масс на элиту посредством выборов и других демократических институтов весьма ограничены. С помощью денег, знаний, отработанного механизма манипулирования сознанием властвующая элита управляет массами фактически бесконтрольно.

4. Рекрутирование элиты осуществляется преимущественно из своей собственной среды на основе принятия ее социально-политических ценностей. Важнейшими критериями отбора являются обладание ресурсами влияния, а также деловые качества и конформистская социальная позиция.

5. Первейшая функция властвующей элиты в обществе — обеспечение своего собственного господства. Именно этой функции подчинено решение управленческих задач. Миллс отрицает неизбежность элитарности общества, критикует ее с последовательно демократических позиций.

Сторонники леволиберальной теории элиты обычно отрицают прямую связь экономической элиты с политическими руководителями, действия которых, как считает, например, Ральф Милибанд, не определяются крупными собственниками. Однако политические руководители стран развитого капитализма согласны с основными принципами рыночной системы и видят в ней оптимальную для современного общества форму социальной организации. Поэтому в своей деятельности они стремятся гарантировать стабильность общественного строя, основанного на частной собственности и плюралистической демократии.

В западной политологии основные положения леволиберальной концепции элиты подвергаются острой критике, особенно утверждения о закрытости властвующей элиты, непосредственном вхождении в нее крупного

бизнеса и др. В марксистской же литературе, напротив, это направление из-за его критической направленности оценивалось весьма положительно.

§ 3. Типология, социальная результативность и рекрутирование элиты

Общее определение и причины существования элиты

Каждое из рассмотренных выше основных направлений элитарной теории отражает те или иные стороны действительности, ориентируется на определенные исторические эпохи и страны. Выделенные в них важнейшие черты и аспекты элиты позволяют дать ее общее определение. **Политическая элита** — это составляющая меньшинство общества внутренне дифференцированная, неоднородная, но относительно интегрированная группа лиц (или совокупность групп), в большей или меньшей степени обладающих качествами лидерства и подготовленных к выполнению управленческих функций, занимающих руководящие позиции в общественных институтах и (или) непосредственно влияющих на принятие властных решений в обществе. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство народа и в демократическом обществе в той или иной мере подконтрольная массам и относительно открытая для вхождения в ее состав любых граждан, обладающих необходимой квалификацией и политической активностью.

Ее существование обусловлено действием следующих основных факторов: 1) психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желанием участвовать в политике; 2) законом разделения труда, который требует профессионального занятия управленческим трудом как условия его эффективности; 3) высокой общественной значимостью управленческого труда и его соответствующим стимулированием; 4) широкими возможностями использования управленческой деятельности для получения социальных привилегий (поскольку политико-управленческий труд прямо связан с распределением ценностей); 5) практической невозможностью осуществления всеобъемлющего контроля за политическими руководителями; 6) политической пассивностью широких масс населения, главные интересы которых обычно лежат вне политики.

Типология элит

Эти и некоторые другие факторы обуславливают элитарность общества. Сама политическая элита неоднородна, внутренне дифференцирована и существенно различается на разных исторических этапах и в разных странах. Это, а также специфика исследовательских подходов усложняют ее классификацию.

В зависимости от источников влияния элиты подразделяются на **наследственные**, например аристократия, **ценностные** — лица, занимающие высокопрестижные и влиятельные общественные и государственные позиции, **властные** — непосредственные обладатели власти и **функциональные** — профессионалы-управленцы, имеющие необходимую для занятия руководящих должностей квалификацию. Среди элит различают **правлящую**, непосредственно обладающую государственной властью, и **оппозиционную** (контрэлита); **открытую**, рекрутирующуюся из общества, и **закрытую**, воспроизводящуюся из собственной среды, например, дворянство.

Сама элита делится на **высшую и среднюю**. Высшая элита непосредственно влияет на принятие решений, значимых для всего государства. Принадлежность к ней может быть обусловлена репутацией, например, неофициальные советники президента, его «кухонный кабинет», или положением в структурах власти. В западных **демократиях** на каждый миллион жителей приходится примерно 50 представителей высшей элиты. Среди самой высшей элиты часто выделяют ядро, характеризующееся особой интенсивностью коммуникаций, взаимодействия и насчитывающее обычно 200—400 человек.

К средней элите относят примерно 5 процентов населения, выделяющихся одновременно по трем признакам — доходу, профессиональному статусу и образованию. Лица, обладающие высшими показателями лишь по одному или двум из этих критериев, относятся к **маргинальной** элите. Как отмечает Карл Дойч, «в целом люди, чей образовательный уровень гораздо выше, чем их доход, обычно более критичны к существующим отношениям, в своих политических убеждениях тяготеют к центризму или левому радикализму. Лица, чей доход заметно превышает уровень образования, также зачастую не удовлетворены своим положением, престижем и, как правило, занимают правые политические позиции. Таким образом, взгляды 5 процентов взрослого населения страны, составляющего элиту общества, определяемые соотношением доходов, профессионального статуса и образовательного уровня, могут многое поведать о том, что политически приемлемо и что не приемлемо для данной страны».

Многие политологи отмечают тенденцию возрастания роли средней элиты, особенно ее новых слоев, называемых «субэлитой», — высших служащих, менеджеров, ученых, инженеров и интеллектуалов — в подготовке, принятии и реализации политических решений. Эти слои обычно превосходят высшую элиту в информированности, организованности и способности к единым действиям.

К политической элите, непосредственно участвующей в процессе принятия политических решений, примыкает элита **административная**,

предназначенная для исполнительской деятельности, однако на деле обладающая большим влиянием на политику.

Одной из достаточно содержательных классификаций политической элиты в демократическом обществе является выделение в зависимости от степени развитости и соотношения вертикальных (социальная представительность) и горизонтальных (внутри-групповая сплоченность) связей элиты ее четырех основных типов: **стабильной демократической** («этаблированной») элиты — высокая представительность и высокая групповая интеграция; **плюралистической** — высокая представительность и низкая групповая интеграция; **властной** — низкая представительность и высокая групповая интеграция и **дезинтегрированной** — низкие оба показателя (см. табл.).

Социальная представительность

	высокая		низкая
Групповая интеграция	высокая	стабильная демократическая	властная
	низкая	плюралистическая	дезинтегрированная

Результативность и интеграция элиты
--

Оптимальной для общества является стабильная демократическая элита, сочетающая тесную связь с народом с высокой степенью групповой кооперации, позволяющей понимать политических оппонентов и находить приемлемые для всех, компромиссные решения.

Элитарность современного общества достаточно доказанный факт. Всякие попытки ее устранения и политической нивелировки населения, приводили лишь к господству деспотических, нерезультативных элит, что в конечном счете наносило ущерб всему народу. Устранить политическую элитарность можно лишь за счет общественного самоуправления. Однако на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации самоуправление народа скорее привлекательный идеал, чем реальность. Для демократического государства имеет первостепенную значимость не борьба с элитарностью, а формирование наиболее результативной, полезной для общества элиты, обеспечение ее социальной представительности, своевременное качественное обновление, предотвращение тенденции олигархизации, превращения в замкнутую господствующую привилегированную касту.

Социальная результативность элиты, характеризующая эффективность выполнения ею функций руководства обществом, складывается из многих показателей. К числу важнейших из них относятся **оптимальное сочетание горизонтальной и вертикальной интеграции и эффективная система рекругирования**, обеспечивающая высокую профессиональную

компетентность и необходимые для руководящих кадров ценностные ориентации: честность, уважение законов и прав человека, заботу об общем благе и т.п.

Горизонтальная интеграция — это кооперация различных представителей элиты, ее групповая сплоченность. Удерживаемая в определенных пределах, она выступает необходимым условием принятия коллективных решений, предохранения общества от политической поляризации и радикализации, повышения способности руководителей находить компромиссные решения и достигать консенсуса, предотвращать и разрешать конфликты. Однако внутригрупповая интеграция способствует социальной результативности элиты лишь тогда, когда она происходит не за счет ослабления ее **социальной представительности**, характеризующей выражение элитой интересов всего общества. Как отмечает Е. Хоффманн-Ланге, современные «элиты имеют тенденцию эмансипироваться от своего собственного базиса, требования которого они воспринимают как ограничение их свободы принятия решений».

Социальная представительность элиты
--

Выражение элитой запросов и мнений населения зависит от многих причин. Одна из них — **социальное происхождение** ее представителей.

Оно в значительной степени влияет на политические ориентаций. Ясно, что выходцам из среды крестьян, рабочих, определенных этнических и других групп легче понять специфические запросы соответствующих слоев, найти с ними общий язык. Однако совсем не обязательно, чтобы интересы рабочих защищали рабочие, фермеров — фермеры, молодежи — молодежь и т.п. Часто это могут лучше делать политики-профессионалы, выходцы из других групп общества.

В современных государствах непропорциональность представления в элите населения достаточно велика. Так, среди элиты стран Запада намного шире, чем другие группы, представлены выпускники университетов. А это, в свою очередь, обычно связано с достаточно высоким социальным статусом родителей. В целом же непропорциональность представительства различных слоев в политической элите обычно растет по мере повышения статуса занимаемой должности. На первых этажах политико-управленческой пирамиды низшие слои населения представлены значительно шире, чем в высших эшелонах власти. Непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает неадекватности политических ориентаций руководителей.

Более важной, по сравнению с формальным отображением элитой социальной структуры, гарантией социальной представительности элиты выступает ее **организационная** (партийная, профсоюзная и т.п.) **принадлежность**. Она прямо связана с ценностными ориентациями людей. Кроме того, партии и другие организации обычно имеют достаточные возможности для воздействия на своих членов в нужном направлении.

В современном демократическом обществе партийные механизмы контроля за элитами дополняются государственными и общественными институтами. К таким институтам относятся выборы, СМИ, опросы общественного мнения, группы давления и т.д.

Системы рекрутирования элит

Большое влияние на социальную представительность, качественный состав, профессиональную компетентность и результативность элиты в целом оказывают системы ее рекрутирования (отбора). Такие системы определяют: кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг селектората (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.

Существуют две основные системы рекрутирования элит: гильдий и антрепренерская (предпринимательская). В чистом виде они встречаются довольно редко. Антрепренерская система преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах административного социализма, хотя ее элементы широко распространены и на Западе, особенно в экономике и государственно-административной сфере.

Каждая из этих систем имеет свои специфические черты. Так, для системы **гильдий** характерны:

1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь вверх. Примером здесь служит сложная чиновничья лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии; 2) высокая степень институционализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность, возраст, стаж работы, образование, характеристика руководства и т.д.;

3) небольшой, относительно закрытый круг селектората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или один первый руководитель — глава правительства, фирмы и т.п.;

4) подбор и назначение кадров узким кругом руководителей, отсутствие открытой конкуренции;

5) тенденция к воспроизводству существующего типа элиты. По существу, эта черта вытекает из предыдущих — наличия многочисленных формальных требований, назначения на должность высшим руководством, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Антрепренерская система рекрутирования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают: 1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций; 2) небольшое число формальных требований,

институциональных фильтров; 3) широкий круг селектората, который может включать всех избирателей страны; 4) высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов; 5) изменчивость состава элиты, первостепенная значимость для этого личностных качеств, индивидуальной активности, умения найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее привлекательными идеями и программами.

Эта система больше ценит выдающихся людей. Она открыта для молодых лидеров и нововведений. В то же время определенными недостатками ее использования являются относительно большая вероятность риска и непрофессионализма в политике, сравнительно слабая предсказуемость политики, склонность лидеров к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же, как показывает практика, антрепренерская система рекрутирования элит хорошо приспособлена к динамизму современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относятся уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы — консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий склонна к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму, произволу селектората и подмене формальных критериев отбора неформальными. Она порождает массовый конформизм и затрудняет исправление ошибок и устранение недостатков по инициативе снизу. Без дополнения конкурентными механизмами эта система ведет к постепенной дегенерации элиты, ее отрыву от общества и превращению в привилегированную касту.

Номенклатурная система и ее социальные последствия

Собственно так и произошло в странах административного социализма, где долгие десятилетия господствовала номенклатурная система рекрутирования политической элиты — один из наиболее типичных вариантов системы гильдий. Суть номенклатурной системы состоит в назначении лиц на все сколь-нибудь социально значимые руководящие должности лишь с согласия и по рекомендации соответствующих партийных органов, в подборе элиты сверху.

В СССР, например, негативные социальные последствия функционирования этой системы усиливались ее всеобъемлющим характером, полным устранением конкурентных механизмов в экономике и политике, а также идеологизацией, политизацией и непотизацией (доминированием родственных связей) критериев отбора. Такими критериями стали полнейший идеологический и политический конформизм («политическая зрелость»), партийность, личная преданность вышестоящему руководству, угодничество и подхалимаж, родственные связи, показной активизм и т.п. Эти и другие подобные нормы-фильтры отсеивали наиболее честных и способных людей,

уродовали личность, порождали массовый тип серого, идеологически закомплексованного, не способного на подлинную инициативу работника, видящего в занятии руководящих постов лишь личную выгоду.

Долголетнее разрушительное воздействие номенклатурной системы, а также уничтожение в войнах и лагерях цвета народа, его лучших представителей привело к вырождению советской политической элиты. Положение не изменилось и после ликвидации власти КПСС, поскольку в России, в отличие от многих стран Восточной Европы, не сформировалось сколь-нибудь влиятельной, подлинно демократической контрэлиты, способной к эффективному руководству обществом.

Номенклатурное прошлое, усугубляемое почти полным отсутствием социального контроля и нравами легализовавшихся дельцов теневой экономики, ярко проявилось у посткоммунистической российской элиты. Ее низкие деловые и нравственные качества во многом объясняют перманентность и глубину кризиса российского общества в последнее десятилетие, массовое распространение коррупции и безответственности. Выход из сложившейся ситуации, успешное реформирование общества возможны лишь на пути создания новой системы рекрутирования элит, основанной на конкурентных началах и институциализации требований к деловым и нравственным качествам политических и административных руководителей.

Весьма слабая политическая активность граждан, низкая результативность российской элиты, незавершенность процесса рекрутирования нового руководящего слоя и в то же время его первостепенная значимость для преобразования страны — все это делает проблему политической элиты особенно актуальной для российского общества. Социальные механизмы ее рекрутирования непосредственно влияют не только на общественную роль и облик этой группы в целом, но и определяют типичные черты ее отдельных представителей — политических лидеров.

Глава 9

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО

§ 1. Понятие лидерства

Идеи лидерства в истории

Лидерство есть везде, где есть власть и организация. Само слово «лидер» в переводе с английского («leader») означает «ведущий», «руководящий». В этом, сохраняющемся и сегодня значении оно уже издавна знакомо всем народам.

Интерес к лидерству и попытки осмыслить этот сложный и важный социальный феномен восходят к глубокой древности. Так, уже античные

историки Геродот, Плутарх и другие уделяли политическим лидерам главное внимание, видя в героях, монархах и полководцах творцов истории.

Значительный вклад в исследование политического лидерства внес Макиавелли. В его трактовке политический лидер — это государь, спланирующий и представляющий все общество и использующий любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения своего господства. Разработанные Макиавелли практические советы для правителей, предполагающие искусное сочетание хитрости и силы, высоко ценили Кромвель, Наполеон и многие другие выдающиеся политики. Яркими представителями волонтаристской теории лидерства, рассматривающей историю как результат творчества выдающихся личностей, явились Томас Карлейль (1795—1881) и Ральф Уолдо Эмерсон (1803—1882). Первый из них считал основную массу населения «убогой во всех отношениях», не способной нормально существовать без направляющего воздействия лидеров. Именно в «пестрой одежде» выдающихся личностей проявляется божественное провидение и творческое начало в истории. Подобные взгляды на политическое лидерство выражал и Эмерсон. «все глубокие прозрения,— писал он, — удел выдающихся индивидов».

Концепцию лидерства, оказавшую заметное влияние на последующую политическую мысль и практику, разработал Фридрих Ницше (1844—1900). Он пытался обосновать необходимость формирования высшего биологического типа — человека-лидера, сверхчеловека. «Цель человечества,— писал Ницше,— лежит в его высших представителях <...> Человечество должно неустанно работать, чтобы рождал великих людей — в этом, и ни в чем ином, состоит его задача».

Сверхчеловек не ограничен нормами существующей морали, стоит по ту сторону добра и зла. Он может быть жестоким к обычным людям и снисходительным, сдержанным, нежным, дружелюбным в отношениях с равными себе, со сверхчеловеками. Его отличают высокие жизненные силы и воля к власти. Это сильная, волевая, развитая и красивая личность, возвышающаяся над человеком так же, как тот превосходит обезьяну. В представлениях Ницше о сверхчеловеке отразилась дарвинистская идея об эволюции биологических видов.

Непосредственное воздействие на современные концепции лидерства оказал Габриель Тард (1843—1904), один из основоположников теории социализации. Тард пытался доказать, что основным законом социальной жизни является подражание последователей лидеру. Большинство населения не способно к самостоятельному социальному творчеству. Единственный источник прогресса общества — открытия, сделанные инициативными и оригинальными личностями.

С многовековой традицией, рассматривающей лидеров как локомотив истории, принципиально расходится марксизм. Он ограничивает возможность

активности политических лидеров исторической необходимостью и классовыми интересами. Политический лидер выступает здесь наиболее последовательным, сознательным и умелым выразителем воли класса, т.е. играет по отношению к классу в общем-то вспомогательную, служебную роль. И если Маркс и Энгельс отмечали возможность обособления политических лидеров от представляемого ими класса и предупреждали рабочих о необходимости обезопасить себя от собственных чиновников, то у Ленина и, особенно, у Сталина возобладали еще более упрощенные представления о соотношении масс и политических лидеров. «Массы, — писал Ленин, — делятся на классы <...> классами руководят обычно <...> политические партии <...> политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями».

Свойственная ленинизму классовая одномерность общественного развития и жесткий экономический детерминизм в объяснении политики не позволяют в полной мере учесть общечеловеческие начала лидерства, активность политических руководителей, в том числе и их способность навязывать массам, используя их иллюзии и доверчивость, тупиковые варианты общественных изменений, противоречащие интересам классов и всего народа.

Отрицание исторической роли лидеров свойственно и некоторым немарксистским исследователям. Они (например Б. Мацлих) утверждают, что «лидеры не имеют никакого значения». Массы и окружающая среда в целом диктуют поведение лидеров, влияют на их ценности и цели, определяют средства достижения целей, контролируют их действия с помощью конституций, партий и других институциональных механизмов.

Подавляющее большинство современных исследователей лидерства не разделяют подобные точки зрения, недооценивающие автономию и активность политических лидеров, их многообразное воздействие на общество. Богатство феномена лидерства отражается в его определениях.

Определения лидерства

В современной науке, при наличии общности исходных позиций, лидерство характеризуется неоднозначно. Можно выделить следующие основные подходы к его трактовке:

1. Лидерство — это разновидность власти, спецификой которой является направленность сверху вниз, а также то, что ее носителем выступает не большинство, а один человек или группа лиц. Политическое лидерство, пишет Жан Блондель, — это «власть, осуществляемая одним или несколькими индивидами, с тем, чтобы побудить членов нации к действиям».

2. Лидерство — это управленческий статус, социальная позиция, связанная с принятием решений, это руководящая должность. Такая интерпретация лидерства вытекает из структурно-функционального подхода, предполагающего рассмотрение общества как сложной, иерархически

организованной системы социальных позиций и ролей. Занятие в этой системе позиций, связанных с выполнением управленческих функций (ролей), и дает человеку статус лидера. Иными словами, как отмечает Даунтон, лидерство — это «положение в обществе, которое характеризуется способностью занимающего его лица направлять и организовывать коллективное поведение некоторых или всех его членов».

3. Лидерство — это влияние на других людей (В. Кац, Л. Эдин-гер и др.) Однако это не любое влияние, а такое, для которого характерны четыре особенности: во-первых, необходимо, чтобы влияние было **постоянным**. К политическим лидерам нельзя причислять людей, оказавших хотя и большое, но разовое воздействие на политический процесс, историю страны. Так, например, Ли Освальд, официально признанный убийцей американского президента Джона Кеннеди, своим поступком оказал существенное влияние на последующее политическое развитие Америки, да и мира в целом. Однако было бы нелепо вследствие этого считать его политическим лидером.

Во-вторых, руководящее воздействие лидера должно осуществляться **на всю группу** (организацию, общество). Известно, что внутри любого крупного объединения существует несколько или даже множество центров локального влияния. Причем постоянному влиянию со стороны членов группы подвергается и сам лидер. Особенностью политического лидера является широта влияния, распространение его на все общество или крупные группы.

В-третьих, политического лидера отличает явный **приоритет во влиянии**. Отношения лидера и ведомых характеризует асимметричность, неравенство во взаимодействии, однозначная направленность воздействия — от лидера к членам группы.

В-четвертых, влияние лидера опирается не на прямое применение силы, а на **авторитет или хотя бы признание правомерности руководства**. Диктатор, силой удерживающий группу в подчинении, — это не лидер, как не является лидером, например, террорист, захвативший заложников, или тюремный надзиратель. Следует отметить, что не все авторы считают несовместимым лидерство и постоянное насилие. Отдельные ученые, например Ж. Блондель, допускают использование принуждения.

4. Политическое лидерство — это особого рода предпринимательство, осуществляемое на специфическом рынке, при котором политические предприниматели в конкурентной борьбе обменивают свои программы решения общественных задач и предполагаемые способы их реализации на руководящие должности (Дж. Опенгеймер, Н. Фролих и др.). При этом специфика политического предпринимательства состоит в персонализации «политического товара», его отождествлении с личностью потенциального лидера, а также в рекламировании этого «товара» как общего блага. Такая интерпретация политического лидерства вполне возможна. Однако она применима главным образом лишь к демократическим организациям: государствам, партиям и т.п.

5. Лидер — это символ общности и образец политического поведения группы. Он выдвигается снизу, преимущественно стихийно, и принимается последователями. Политическое лидерство отличается от политического руководства, которое, «в отличие от лидерства, предполагает достаточно жесткую и формализованную систему отношений господства—подчинения».

Эта точка зрения до сих пор достаточно широко распространена в российском обществоведении и связана с его длительной оторванностью от мировой науки и, в частности, с узким, преимущественно психологическим пониманием лидерства как главенствующего положения личности, возникающего стихийно в ходе межличностных отношений в малой группе. Применительно к социологии и политологии с такой трактовкой лидерства никак нельзя согласиться из-за ее односторонности, неучета объективной, антропологической и социальной основы этого феномена, недооценки ведущей роли властного статуса в выполнении функций политического лидерства, связанного с воздействием на большие массы людей.

Объективная и субъективная стороны лидерства

Феномен лидерства коренится в самой природе человека и общества. Явления, во многом схожие с лидерством и называемые «протолидерством», встречаются в среде животных, ведущих коллективный, стадный образ жизни, например в стадах обезьян или оленей, в волчьих стаях и т.д. Здесь всегда выделяется наиболее сильная, достаточно умная, упорная и решительная особь — вожак, руководящий стадом (стаей) в соответствии с его неписаными законами, продиктованными взаимоотношениями со средой и биологически запрограммированными.

Лидерство основывается на определенных потребностях сложно организованных систем. К ним относится прежде всего потребность в самоорганизации, упорядочении поведения отдельных элементов системы в целях обеспечения ее жизненной и функциональной способности. Такая упорядоченность осуществляется через вертикальное (управление—подчинение) и горизонтальное (коррелятивные одноуровневые связи, например разделение труда и кооперация) распределение функций и ролей и прежде всего через выделение управленческой функции и осуществляющих ее структур, которые для своей эффективности требуют, как правило, иерархической, пирамидальной организации. Вершиной такой управленческой пирамиды и выступает лидер (протолидер).

Четкость выделения лидирующих позиций зависит от типа общности, составляющей систему, и ее взаимоотношений с окружающей средой. В системах с низкой групповой интеграцией и высокой степенью автономии и свободы различных элементов и уровней организации функции лидера выражены слабо. По мере же усиления потребностей системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях и осознания этих потреб-

ностей в форме коллективных целей — спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышаются.

В малых группах, основанных на непосредственных контактах их членов, институционализация лидирующих позиций может не происходить. Здесь на первый план выдвигаются индивидуальные качества личности, ее способность объединить и повести за собой группу. В крупных же объединениях, эффективность коллективных действий которых требует четкой функционально-ролевой дифференциации и специализации, а также оперативности управления и жесткости подчинения (например в армии), институционализация и формализация (официальное закрепление) лидирующих позиций, придание им сравнительно больших властных полномочий обязательны.

Именно к такому типу объединений относится политика. В ней действуют огромные массы людей, ставящие перед собой вполне определенные, ясно осознанные цели и испытывающие непрерывное противодействие со стороны политических оппонентов. В силу этого институционализация лидирующих позиций проявляется в политике особенно отчетливо.

Институционализация руководящих функций отражается в понятии **формального лидерства**. Оно представляет собой приоритетное влияние определенного лица на членов организации, закрепленное в ее нормах и правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах, обладании ресурсами влияния. В противоположность формальному, **неформальное лидерство** характеризует субъективную способность, готовность и умение выполнять роль лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны членов группы (общества). Оно основывается на авторитете, приобретенном в результате обладания определенными личными качествами.

Оба этих аспекта — формальный и неформальный — характеризуют политическое лидерство. Причем в политике формальный, институциональный аспект является ведущим, поскольку здесь реализация потребностей в самоорганизации и упорядочении деятельности огромного количества людей зависит не столько от индивидуальных качеств (хотя это тоже очень важно), сколько от силы и влияния организации. В современном обществе, не опираясь на организацию, на СМИ, даже личность, обладающая выдающимися способностями, не сможет стать политическим лидером. Как писал в «Лженероне» Л. Фейх-твангер, «власть даже пустого человека наполняет содержанием». И в этом смысле, даже находясь в полувмняемом состоянии, такие советские руководители, как Л.И. Брежнев и К.У. Черненко, объективно выполняли роль политических лидеров. Именно от них непосредственно зависело принятие важнейших государственных решений.

Таким образом, понятие политического лидерства включает два аспекта: формально-должностной статус, связанный с обладанием властью, и

субъективную деятельность по выполнению возложенной социальной роли. Причем первый аспект, предполагая хотя бы минимальную личностную активность, имеет ключевое значение для оценки индивида как политического лидера. Второй же аспект — личностные качества и реальное поведение на занимаемом посту — определяет главным образом лишь сохранение властной должности, а также служит для оценки лидера как результативного или нерезультативного, великого или ординарного, как «хорошего» или «плохого» руководителя. Учитывая все это, отделение политического лидерства от его институционально закрепленной руководящей позиции, которой приданы властные полномочия, представляется неправомерным.

Из всех определений политического лидерства, рассмотренных выше, характеристика лидерства как особого рода влияния представляется наиболее плодотворной, поскольку она, в отличие, например, от властной трактовки лидерства, охватывает не только властные, но и более «мягкие», опирающиеся лишь на авторитет и убеждение виды руководящего влияния, предполагающие не столь жесткое, однонаправленное воздействие, как власть.

Итак, политическое лидерство представляет собой постоянное приоритетное и легитимное влияние одного или нескольких лиц, занимающих властные позиции, на все общество, организацию или группу. В структуре лидерства обычно выделяют три главных компонента: индивидуальные черты лидера; ресурсы или инструменты, которыми он располагает; ситуацию, в которой он действует и которая оказывает на него влияние. Все эти компоненты прямо влияют на эффективность лидерства.

Если властные позиции и роли — объективная основа политического лидерства — относительно стабильны, с трудом и достаточно редко подвергаются радикальным изменениям, то личностный, персональный состав лидерства более текуч и подвижен. Что же предопределяет занятие властных позиций одними людьми, в то время как другие довольствуются ролью исполнителей воли лидера и его окружения? Что непосредственно лежит в основе лидерства?

§ 2. Природа политического лидерства

Теория черт

Феномен лидерства пытаются объяснить многие теории. Пожалуй, старейшей из них, не утратившей и сегодня своей актуальности, является теория черт. Она создавалась на основе выявления качеств, присущих идеальным лидерам — героям. Суть этой теории состоит в объяснении феномена лидерства выдающимися качествами человека. Как писал один из основателей этой теории Э. Богардус, «превосходящие интеллектуальные дарования доставляют личности выдающееся положение, рано или поздно приводящее к лидерству».

Среди черт, присущих политическому лидеру, обычно называют острый ум, твердую волю и целеустремленность, кипучую энергию, незаурядные организаторские способности и, особенно, компетентность и готовность брать на себя ответственность. К обязательным качествам современных политических лидеров в демократических странах все чаще добавляют фото- и телегеничность, внешнюю привлекательность, способность внушать людям доверие и т.п.

Для проверки теории черт были проведены обширные конкретные исследования. Они в значительной мере поставили под сомнение эту концепцию, так как оказалось, что при детальном анализе индивидуальные качества лидера почти в точности совпадают с полным набором психологических и социальных признаков личности вообще. Кроме того, в некоторых сферах деятельности, прежде всего в области предпринимательства, высокие интеллектуальные и моральные качества являются скорее препятствием для занятия лидирующих позиций, чем условием успеха. К тому же часто выдающиеся способности людей на протяжении многих лет, а порой и всей жизни, оказываются невостребованными, не находят применения.

Все это вовсе не означает полного отрицания теории черт. Очевидно, что для занятия лидирующих позиций в условиях конкуренции действительно нужны определенные психологические и социальные качества. Однако их набор значительно меняется в зависимости от исторических эпох, отдельных государств и конкретных ситуаций. Даже в наши дни личностные качества, дающие шансы на политический успех, существенно отличаются, например, в Швеции, Афганистане, Корее и Сомали. К тому же во многих, главным образом недемократических, государствах политическими лидерами часто становятся заурядные, серые личности, не обладающие яркой индивидуальностью.

Учет всего этого породил вторую волну развития теории черт, или ее **факторно-аналитическую концепцию**. Она различает чисто индивидуальные качества лидера и характерные для него черты, стиль поведения, связанные с достижением определенных политических целей. Между этими двумя группами свойств лидера могут быть существенные различия. Это можно проиллюстрировать на примере Ленина. Его индивидуальные черты, проявляющиеся в отношениях с близким окружением, никак не предвещали жестокого деспота, жаждущего насилия и равнодушного к страданиям людей. Однако его упорство и даже одержимость в стремлении к в общем-то гуманной, но утопической цели построения коммунизма делали из него диктатора, отрицающего общечеловеческие нормы морали и ради удержания власти не останавливающегося перед преступлениями, что проявилось, например, в его приказах о расстрелах заложников, жестоких расправах над священниками и т.д.

Факторно-аналитическая концепция вводит в теорию лидерства понятие целей и задач, связанных с определенной ситуацией. В результате взаимодействия индивидуальных качеств лидера и стоящих перед ним целей и

условий их осуществления вырабатывается стиль его поведения, составляющий его «вторую природу». Стиль поведения и целевая ориентация лидера несут на себе отпечаток определенных социальных условий.

Ситуационная концепция

Идею зависимости лидерства от определенных социальных условий обосновывает и развивает его ситуационная концепция (Р. Стогдилл, Т. Хилтон, А. Голдиер и др.). Она исходит из относительности и множественности лидерства. Лидер — функция определенной ситуации. Как писал Р. Стогдилл, «лидерство есть связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях». Именно сложившиеся конкретные обстоятельства определяют отбор политического лидера и детерминируют его поведение. Так, например, ситуация в исламском Иране неизбежно отвергнет политиков европейского или американского типа. Точно так же и религиозный лидер-пророк не сумеет проявить себя на политической арене Запада. Очевидно, что требования к лидеру значительно различаются и в зависимости от того, находится данное государство в состоянии кризиса или развивается стабильно.

С точки зрения ситуационного подхода лидерские качества релятивны, относительны. Один человек может проявить черты лидера на митинге, другой — в повседневной политико-организационной работе, третий — в межличностном общении и т.п. В целом же лидеров отличают главным образом целеустремленность, готовность взять на себя ответственность за решение той или иной задачи, а также компетентность.

Ситуационная теория не отрицает важную роль индивидуальных качеств личности, однако не абсолютизирует их, отдает приоритет в объяснении природы политического лидерства обстоятельствам. На основе этой концепции, подтверждаемой эмпирическими исследованиями, ряд ученых (Э. Фромм, Д. Рисмэн и др.) пришли к выводу, что в современном западном обществе большие шансы на успех имеет беспринципный человек, ориентирующийся на политическую конъюнктуру и не задумывающийся о нравственной значимости своих действий.

Однако такие выводы, как и ситуационная теория в целом, подтверждаются далеко не полностью. Ограниченность этой концепции состоит в том, что она недостаточно отражает активность лидера, его способность правильно и своевременно оценить и изменить ситуацию, найти решение острых проблем.

Уточнением, развитием и качественным обогащением ситуационной концепции

Теория конститuentов

явилась теория, объясняющая феномен лидерства через последователей и конститuentов. «Именно последователь, — утверждает Ф. Стэнфорд, — воспринимает лидера, воспринимает ситуацию и в конечном счете принимает или отвергает лидерство».

Достоинством такого подхода является рассмотрение лидерства как особого рода отношений между руководителем и его конститuentами, выступающих в виде цепочки взаимосвязанных звеньев: конститuentы — последователи — активисты — лидер. Лидер и его конститuentы составляют единую систему. В современной науке круг конститuentов лидера понимается достаточно широко. В него включаются не только политические активисты и все достаточно четко определившиеся приверженцы (последователи) лидера, но и его избиратели, а также все те, кто взаимодействует с ним, оказывает на него влияние. Анализ конститuentов во многом позволяет понять и предсказать политическое поведение лидера, зачастую действующего вопреки своим собственным политическим привычкам, симпатиям и антипатиям.

В формировании и функционировании отношений «лидер— конститuentы» особенно велика роль активистов. Именно они достаточно компетентно оценивают личные качества и возможности лидера, организуют кампании в его поддержку, выступают «приводным ремнем», связывающим его с массами, т.е. «делают» лидера.

Через конститuentов проявляется воздействие на политику господствующей политической культуры и прежде всего ценностных ориентаций и ожиданий избирателей. В демократическом государстве претенденты на роль политических лидеров могут рассчитывать на успех лишь в случае совпадения их имиджа с ожиданиями большинства народа. Имея немалые достоинства, трактовка лидера как выразителя интересов и экспектаций конститuentов, подобно его ситуационной интерпретации, плохо работает при объяснении инноваций, самостоятельности и активности лидера. История свидетельствует, что некоторые весьма важные действия руководителей идут вразрез с интересами и ожиданиями приведших их к власти социальных слоев и сторонников. Яркий пример тому — политическая деятельность Сталина, который примерно за полтора десятилетия своего господства почти полностью уничтожил большевиков, ранее приведших его к власти, а заодно и свыше половины членов собственной партии.

Взаимодействие лидера и его конститuentов — обоюдонаправленное, двустороннее движение. Причем лидеры могут в значительной мере менять свою социальную опору. Самостоятельность лидера по отношению к конститuentам прямо зависит от характера политического строя, от степени концентрации власти в руках руководителя и от политической культуры общества в целом. Наибольшие возможности для субъективистской и

волюнтаристской политики имеют лидеры в авторитарных и тоталитарных системах, где они могут порою поставить под угрозу само существование всей нации, как это пытался сделать, например, Гитлер накануне поражения нацистской Германии.

Психологические концепции и интерактивный анализ

Природа политического лидерства достаточно сложна и не поддается однозначной интерпретации. Прояснить его субъективные механизмы помогают психологические теории и, в частности, психоаналитическое объяснение лидерства. Как считал основоположник психоанализа З. Фрейд, в основе лидерства лежит подавленное либидо — преимущественно бессознательное влечение сексуального характера. В процессе сублимации оно проявляется в стремлении к творчеству, в том числе и к лидерству.

У многих людей обладание руководящими позициями выполняет субъективно-компенсаторские функции, позволяет подавлять или преодолевать различного рода комплексы, чувство неполноценности и т.п. Определенные психологические потребности отражает и подчинение лидеру. Субъективное принятие лидерства закладывается еще в детстве, когда ребенок нуждается в покровительстве и авторитете родителей. И в этом смысле авторитет руководителя государства подобен авторитету отца семейства.

Заметный вклад в развитие психоанализа внесли ученые франкфуртской школы Эрих Фромм, Теодор Адорно и другие. Они выявили тип личности, предрасположенный к авторитаризму и стремящийся к власти. Такая личность формируется в нездоровых общественных условиях, порождающих массовые фрустрации и неврозы и стремление человека убежать от всего этого в сферу господства и подчинения. Для авторитарной личности власть является психологической потребностью, позволяющей избавиться от собственных комплексов путем навязывания своей воли другим людям.

Обладание безграничной властью над другими, их полное подчинение доставляет такому человеку особое наслаждение. Оно является формой своеобразного садизма. Одновременно авторитарная личность имеет и мазохистские черты — при столкновении с превосходящей силой такая личность восхищается ею и поклоняется ей. Слабость же других вызывает у индивидов авторитарного типа презрение и желание унижить их.

Такой тип поведения в психологическом смысле служит проявлением не силы, а слабости. Авторитарная личность, не имея подлинной внутренней силы, пытается убедить себя в обладании ею с помощью господства над другими. Эта личность иррациональна, склонна к мистике, руководствуется в первую очередь эмоциями и не терпит равенства и демократии. Она воспринимает других людей и мир в целом сквозь призму отношений силы-слабости, садомазохизма.

Эмпирические исследования, проведенные Адорно и другими учеными, подтвердили реальное существование авторитарного типа личности, выявили ее некоторые новые черты. В целом же это направление психоанализа значительно расширило представления о внутренних мотивациях стремления к лидерству, хотя, конечно же, не исчерпывает все типы таких мотиваций. Как уже отмечалось, существуют и некоторые другие типы психологического отношения к лидерству, например игровой, инструментальный и др.

Совокупность различных интерпретаций позволяет увидеть разнообразные стороны политического лидерства, однако еще не дает его целостной картины. Попытку решить эту задачу, осуществить комплексное исследование лидерства представляет собой **интерактивный анализ**. Он учитывает четыре главных момента лидерства: черты лидера; задачи, которые он призван выполнять; его последователей и конститuentов; систему их взаимодействия, механизм взаимоотношений лидера и его конститuentов. И все же создать единую, универсальную концепцию лидерства, по всей вероятности, невозможно, поскольку само это явление чрезвычайно многообразно по своим проявлениям и функциям, зависит от исторических эпох, типов политических систем, особенностей лидеров и их конститuentов и других факторов.

§ 3. Классификация, функции и тенденции развития лидерства

Типы лидерства

Существуют различные классификации феномена лидерства. Одной из наиболее общих является деление всех лидеров на **обычных** («реальных») и **великих** (как великих «героев», так и великих «злодеев»). Первые, реальные лидеры, не оставляют заметного личного следа в истории, не изменяют обычного хода событий. Вторые, лидеры-герои (злодеи), имеют собственное видение политики и пытаются осуществить в ней свои замыслы, влекущие большие социальные и политические перемены.

Широко распространено деление лидерства в зависимости от отношения руководителя и подчиненных на **авторитарное и демократическое**. Авторитарное лидерство предполагает единоличное направляющее воздействие, основанное на угрозе санкций, применении силы. Демократическое лидерство выражается в учете руководителем интересов и мнений всех членов группы или организации, в их привлечении к управлению.

Одна из «классических» типологий лидерства восходит к учению М. Вебера о способах легитимации власти. В соответствии с этими способами, лидеров подразделяют на **традиционных** (вожди племен, монархи и т.п.) — их авторитет основан на обычае, традиции; **рационально-легальных**, или рутинных, — это лидеры, избранные демократическим путем; и **харизматических** — наделенных, по мнению масс, особой благодатью,

выдающимися качествами, необычайной способностью к руководству. Харизма складывается из реальных способностей лидера и тех качеств, которыми его наделяют последователи. При этом индивидуальные качества лидера нередко играют второстепенную роль в формировании его харизмы. Харизматическими лидерами были, например, Ленин, Сталин, Ким Ир Сен, Фидель Кастро.

Данная классификация лидерства достаточно проста и удобна, хотя, как и любая другая классификация, ограничена в применении. В основе первого типа лидерства лежит привычка, второго — разум, третьего — вера и эмоции. Основоположник этой классификации Вебер особое внимание уделял анализу харизматического лидерства. Он оценивал лидера этого типа как важнейшего движителя, генератора обновления общества в кризисные периоды, поскольку харизматический вождь и его авторитет не связаны с прошлым, способны мобилизовать массы на решение задач социального обновления. В относительно же спокойные периоды развития для общества предпочтительнее рационально-легальное лидерство, оберегающее исторические традиции и осуществляющее необходимые реформы. В целом же в истории многих государств наблюдается определенная последовательность в смене типов политического лидерства. Вождь-основатель (харизматик) сменяется традиционным лидером-охранителем, который, в свою очередь, уступает место реформатору-законодателю.

В современной политологии нередко называются четыре собирательных образа лидера: **знаменосца** (или великого человека), **служителя**, **торговца и пожарного**. Лидера-знаменосца отличает собственное видение действительности, привлекательный идеал, «мечта», способная увлечь массы. Яркими представителями такого типа лидерства были Ленин, Мартин Лютер Кинг, Хомейни. Лидер-служитель всегда стремится выступать в роли выразителя интересов своих приверженцев и избирателей в целом, ориентируется на их мнение и действует от их имени. Для лидера-торговца характерна способность привлекательно преподнести свои идеи и планы, убедить граждан в их преимуществе, заставить «купить» эти идеи, а также привлечь массы к их осуществлению. И, наконец, лидер-пожарный ориентируется на самые актуальные, жгучие общественные проблемы, насущные требования момента. Его действия определяются конкретной ситуацией. В реальной жизни эти четыре идеальных образа лидерства обычно не встречаются в чистом виде, а сочетаются у политических деятелей в различных пропорциях.

Имеются и другие классификации лидеров. Так, они делятся на правящих и оппозиционных; крупных и мелких; кризисных и рутинных; пролетарских, буржуазных, мелкобуржуазных и т.п. (марксизм).

Функции лидера

Разнообразие типов лидеров во многом объясняется широким кругом решаемых ими задач. При характеристике основных этапов, стадий деятельности лидеров можно выделить их **три общих функции**: 1) политический диагноз, предполагающий анализ и оценку ситуации; 2) определение направления и программы деятельности, служащей решению общественной проблемы; 3) мобилизация исполнителей (должностных лиц, бюрократии и масс) на реализацию целей.

Что же касается более конкретной, содержательной характеристики функций лидера, то к ним можно отнести следующие:

1. Интеграция общества, объединение масс. Лидер призван воплощать в себе и представлять во взаимоотношениях с другими государствами национальное единство, объединять граждан вокруг общих целей и ценностей, подавать пример служения народу, отечеству.

2. Нахождение и принятие оптимальных политических решений. И хотя лидеры не застрахованы от ошибок, часто действуют не лучшим образом, все же именно способностью найти наиболее приемлемые пути решения общественных задач обычно оправдывается их пребывание в руководстве.

3. Социальный арбитраж и патронаж, защита граждан от беззакония, самоуправства бюрократии, различного рода нижестоящих руководителей, поддержание порядка и законности с помощью контроля, поощрения и наказания. Хотя социальный патронаж на деле реализуется далеко не всегда, вера в «хорошего царя», «отца народов», «народного президента» и т.п. до сих пор широко распространена не только в массовом сознании народов с преимущественно патриархальной политической культурой, но и в странах с вековыми демократическими традициями.

4. Коммуникация власти и масс, упрочение каналов политической и, особенно, эмоциональной связи и тем самым предотвращение отчуждения граждан от власти. В условиях сложной, многоступенчатой иерархии государственных органов и их бюрократизации личностное восприятие власти особенно значимо для преодоления недоверия к ней, формирования у населения гражданского сознания, патриотизма. С помощью телевидения и других СМИ, в ходе встреч с избирателями и других мероприятий политические лидеры имеют достаточно широкие возможности непосредственного общения с народом.

5. Инициирование обновления, генерирование оптимизма и социальной энергии, мобилизация масс на реализацию политических целей. Строго говоря, в этой группе объединены несколько близких по своей направленности функций. Лидер призван охранять народные традиции, обеспечивать прогресс общества, вселять в массы веру в социальные идеалы и ценности. В большей мере выполнение этих функций присуще харизматическим лидерам, однако не только им. Так, например, достаточно успешно справился с задачей преодоления «вьетнамского синдрома», национального пессимизма и апатии,

распространившихся в США после поражения в войне с Северным Вьетнамом, американский президент Рональд Рейган.

6. Легитимация строя. Эта функция присуща главным образом лидерам в тоталитарных и авторитарных государствах. Когда политический режим не может найти своего оправдания в исторических традициях, национализме и демократических процедурах, он вынужден искать его в особых качествах харизматических лидеров, которые наделяются необыкновенными, пророческими способностями и в большей или меньшей мере обожествляются. Так было в нашей стране, когда большевистская власть, безжалостно разрушая многовековые традиции, узаконивала свои действия гипертрофированным авторитетом Маркса, Ленина и Сталина, наделяя их чертами земных божеств и усиленно насаждая культ их личностей.

Культ личности

Крайняя, максимально завышенная оценка функций и роли политического лидера в истории — культ личности. Он представляет собой чрезмерное возвеличивание и даже обожествление человека. Наиболее часто он встречается в тоталитарных и авторитарных государствах, хотя его элементы порою складываются и в странах демократических, например во Франции во времена президентства Шарля де Голля.

Культ политических руководителей — неотъемлемый элемент сакрализации власти. По своей сути он является воскрешением языческого идолопоклонства и, в частности, таких его атрибутов, как памятники, мавзолеи, мемориальные комплексы, сложные религиозно-политические ритуалы и т.п. В тоталитарных государствах идейные истоки культа личности лежат в идеологии, ее претензии на монопольное обладание социальной истиной, универсальную, всеобщую значимость. «Отцы» такой «единственно верной идеологии» наделяются качествами пророков и ясновидцев.

Благоприятной субъективной питательной средой культа личности являются патриархальная и подданническая политические культуры, которые исходят из веры в «хорошего царя» или руководителя, из принятия жесткой иерархической организации общества. Однако важнейшей непосредственной причиной культа обычно служит огромная концентрация политической, духовной, экономической и социальной властей в руках одного человека, а также тотальная личная зависимость всех нижестоящих не столько от результатов своей деятельности, сколько от благосклонности начальства.

В тоталитарном обществе сфера такой зависимости по существу ничем не ограничена. Это и поступление на работу, и карьера, и получение жилья, премий и других социальных благ, и различного рода санкции к непослушным. Отражаясь в массовом сознании и сопровождаясь соответствующей систематической идеологической обработкой, все это порождает у населения веру во всемогущество руководителя, страх перед ним, рабскую покорность и

угодничество. Тяжелое наследие такого отношения к политическому лидерству до сих пор проявляется во многих государствах мира, особенно в странах Востока.

Тенденции развития политического лидерства

Социальная значимость, функции и весь социальный облик лидеров прямо зависят прежде всего от характера политического строя. Очевидно, что они будут коренным образом расходиться, например, в теократическом государстве, тоталитарном и демократическом обществах. **Демократия**, понимаемая в своем прямом, этимологическом значении как власть народа, большинства, вообще плохо совместима с политическим лидерством, предполагающим руководство одного лица.

В современных государствах примирение принципов лидерства и народовластия осуществляется на пути представительной демократии, оставляющей избранныкам народа свободу действий в пределах, очерченных законом. Здесь отчетливо проявляются две главные тенденции, во многом изменяющие традиционные, преимущественно харизматические представления о лидерстве. Эти тенденции — **институциализация и профессионализация** лидерства.

Институциализация лидерства сегодня проявляется прежде всего в том, что процесс рекрутирования, подготовки, движения к власти и сама деятельность политических руководителей осуществляются в рамках определенных институтов — норм и организаций. Функции лидеров ограничены разделением законодательной, исполнительной, судебной и информационной властей, конституциями и другими законодательными актами. Кроме того, лидеры отбираются и поддерживаются собственными политическими партиями, контролируются ими, а также оппозицией и общественностью. Все это значительно ограничивает их власть и возможности маневра, повышает влияние среды на принятие решений. В силу развития демократического контроля, а также отсутствия разного рода революционных ситуаций в современных индустриально развитых государствах практически не появляются политики, которые оставляли бы такой же глубокий след в истории, как, например, Наполеон, Бисмарк, Петр Первый, а также Гитлер или Сталин. Современные лидеры больше, чем прежде, подчинены решению обыденных, повседневных созидательных задач.

С этим связана вторая тенденция в развитии лидерства — его профессионализация. Еще в 1919 г. М. Вебер в известной работе «Политика как призвание и профессия» отмечал растущее «превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой». В нынешних условиях усложнения общественной организации и взаимодействия государственных органов с партиями, группами интересов, СМИ и широкой общественностью

важнейшими функциями политики и политиков становятся не применение насилия и даже не борьба за власть, а «преобразование общественных ожиданий и проблем в политические решения».

Политик фактически превратился в специалиста в области общественных коммуникаций, предполагающих обеспечение четкой формулировки требований населения, налаживание необходимых для принятия коллективных решений и их реализации контактов с парламентскими и правительственными органами, СМИ, общественными организациями и отдельными людьми, разрешение конфликтов и нахождение согласия. Сегодня эффективно реализовать эти функции не может человек, не обладающий специальной квалификацией: знаниями, навыками и опытом.

Политический труд постепенно превращается в профессию, аналогичную профессии врача, конструктора или адвоката. Он становится главным и постоянным источником дохода. Хотя профессиональные политики занимают выборные должности, большинство из верхнего эшелона обычно сохраняет род своих занятий даже после смены правящей партии. Этому способствует аккумуляция ими ряда политических должностей в парламенте, партии, органах местного самоуправления, других учреждениях.

В ряде стран (Японии, Франции, США) учет профессионализации политической деятельности проявляется в отборе будущих политических лидеров - еще в детском или подростковом возрасте и их подготовке в специальных школах и университетах. Такие меры в сочетании с развитием политического участия граждан и укреплением контроля за властью имущими способствуют повышению эффективности политического лидерства, его подчинению интересам всего общества.

Политические лидеры и элиты занимают руководящие позиции и осуществляют свои функции в рамках определенных политических систем, выступающих реальным воплощением, материализацией механизма власти в обществе.

Раздел IV
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ.
ДЕМОКРАТИЯ: ТЕОРИЯ, РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ**

Глава 10

**ТОТАЛИТАРНЫЕ И АВТОРИТАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ**

§ 1. Понятие и типы политических систем

Различные политические явления неразрывно взаимосвязаны и составляют определенную целостность, социальный организм, имеющий относительную самостоятельность. Это их свойство и отражает понятие политической системы.

Появление этой категории непосредственно связано с развитием системного анализа общества Т. Парсонсом. Впервые теория политических систем была детально разработана крупным американским политологом Д. Истоном в 50—60-х гг. нашего столетия. Затем она получила развитие в трудах Г. Алмонда, У. Митчелла, К. Дойча, А. Этциони, Д. Дивайна и многих других ученых.

Понятие политической системы как инструмента исследования

В современной науке понятие политической системы имеет два взаимосвязанных значения. В первом из них политическая система представляет собой искусственно созданный, теоретический, мыслительный конструкт, инструмент, позволяющий выявлять и описывать системные свойства различных политических явлений. Эта категория отражает не саму политическую реальность, а является средством системного анализа политики. Она применима к любому относительно целостному политическому образованию: партии, государству, профсоюзу, политической культуре и т.д. Каждое из этих образований является специфической политической системой.

Использование термина «политическая система» в его первом, методологическом значении применительно ко всей политической сфере, предполагает ее рассмотрение как целостного организма, находящегося в сложном взаимодействии с окружающей средой — всем остальным обществом через «ввод» — каналы влияния среды на политическую систему и «вывод» — обратное воздействие системы на среду.

Политическая система выполняет по отношению к среде ряд **функций**. Это — определение целей, задач программы деятельности общества; мобилизация ресурсов на достижение поставленных целей; интеграция всех элементов общества с помощью пропаганды общих целей и ценностей,

использования власти и т.д.; обязательное для всех граждан распределение дефицитных ценностей.

Некоторые авторы еще более детализируют перечень функций политической системы. Так, Г. Алмонд описывает ее четыре функции «ввода» — политическая социализация; привлечение граждан к участию; артикуляция их интересов; агрегирование интересов и три функции «вывода» — разработка норм (законов); их применение; контроль за их соблюдением.

Среда воздействует на политическую систему через предъявляемые к ней требования и поддержку (одобрение политики, политическое участие, уплата налогов и т.п.) или же протеста (неодобрение, борьба и т.п.). Политическая система в процессе **конверсии** «перерабатывает» требования в решения и организует соответствующие действия. Главная цель политической системы — самосохранение путем приспособления к изменяющимся требованиям среды и активного воздействия на нее.

В современной науке существуют разнообразные модели политических систем. Их изучение способствует углублению анализа политической жизни, уточнению и операционализации категорий, расширению использования в политических исследованиях формализации, математических, кибернетических и других точных методов.

**Политическая система
как механизм власти**

Приемы и процедуры системного анализа подразумеваются (хотя далеко не всегда используются) при употреблении термина «политическая система» во втором, более конкретном значении: реальный сложный механизм формирования и функционирования власти в обществе. Этот механизм включает государство, а также партии, СМИ, политические ассоциации и объединения, различных политических субъектов (группы и индивиды) и их взаимоотношения, политическое сознание и культуру, политические нормы.

Применяемое в единстве своих аспектов, понятие политической системы по содержанию значительно шире категории государства и обладает достаточно высокой точностью анализа политических явлений. Это позволяет широко использовать его для сравнения политического строя различных стран, выявлять его общие черты и отличия.

Типология политических систем

Будучи чрезвычайно сложными, богатыми по содержанию явлениями, политические системы могут классифицироваться по различным основаниям. Так, в зависимости от типа общества они делятся на традиционные, модернизированные демократии и тоталитарные (Р. Арон, У. Ростоу и др.), по характеру взаимодействия со средой — на открытые и закрытые, по политическим культурам и их выражениям в формах организации

власти — на англо-американскую; континентально-европейскую; доиндустриальную и частично индустриальную; тоталитарную (Г. Алмонд).

Существует множество и других, в том числе более сложных типологий политических систем. Одна из достаточно простых, широко распространенных, а главное, достаточно глубоких их классификаций — деление политических систем на тоталитарные, авторитарные и демократические. Критерием их разграничения служит **политический режим** — характер и способы взаимоотношения власти, общества (народа) и личности (граждан). В самом общем виде для тоталитарной политической системы характерно полное подчинение общества и личности власти, всеобъемлющий контроль за гражданами со стороны государства. Авторитаризм отличается неограниченной властью одного лица или группы лиц над гражданами при сохранении автономии личности и общества во внеполитических сферах. И, наконец, демократия характеризуется контролем общества (большинства) над властью.

При этом если личность имеет автономию, права и свободы, признается важнейшим источником власти, то имеет место либеральная демократия. Если же власть большинства ничем не ограничена и стремится контролировать общественную и личную жизнь граждан, то демократия становится тоталитарной.

Неоднородны также авторитарные и тоталитарные политические системы. Так, в зависимости от того, кто — один человек или группа лиц — являются источником власти, авторитарные и тоталитарные режимы могут быть автократическими (у власти одно лицо) или группократическими (аристократическими, олигархическими, этнократическими и т.п.).

Данная классификация отражает идеальные типы политических систем, значительно отличающиеся от существующих в реальной жизни. И все же тоталитаризм, авторитаризм и демократия в той или иной форме и в различной степени приближения к идеалу широко представлены в истории человечества и в современном мире.

§ 2. Истоки и предпосылки тоталитаризма

Понятие тоталитаризма

Тоталитаризм как тип политической системы возник в XX в. Что же касается самого этого слова, а также тоталитарных идей, то они возникли гораздо раньше. Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинских слов «totalitas» (полнота, цельность) и «totalis» (весь, полный, целый). В этимологическом, неполитическом значении этот термин издавна использовался многими учеными. В политический лексикон его впервые ввел для характеристики своего движения Муссолини в 1925 г. В конце 20-х гг. английская газета «Тайме» писала о тоталитаризме как о негативном политическом явлении, характеризующем не только фашизм в Италии, но и политический строй в СССР.

Теория тоталитаризма складывалась в 40—50-х гг. и получила развитие в последующие десятилетия. Она широко использовалась Западом в целях идеологической борьбы против коммунистических стран. Первые классические теоретические исследования по проблемам тоталитаризма — работы Ф. Хайека «Дорога к рабству» (1944) и Х. Аренд «Истоки тоталитаризма» (1951), а также совместный труд К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956), в котором сделана попытка эмпирически обосновать тоталитаризм как понятие, отражающее сталинизм и другие однотипные политические режимы.

Более поздние попытки создать эмпирическую, построенную на базе реальных, верифицируемых фактов теорию тоталитаризма не имели особого успеха, поскольку, отображая самые одиозные политические системы XX в., они, по мере смягчения, либерализации стран командного социализма, все больше расходились с действительностью и к тому же не отражали принципиальных отличий различных тоталитарных систем. «В целом концепции тоталитаризма показали себя как слишком упрощенные аналитические модели», адекватные главным образом лишь эпохе сталинского террора.

Ввиду ограниченной применимости эмпирических теорий тоталитаризма представляется более плодотворным трактовать его (аналогично демократии) как преимущественно нормативное понятие, находящее большее или меньшее практическое воплощение **в идеологии, политическом движении и реальной политической системе. Общими отличительными признаками тоталитаризма являются стремление к всеобъемлющей организованности общества и полному контролю за личностью со стороны власти, к радикальному преобразованию всей общественной системы в соответствии с революционной по своему характеру социальной утопией, не оставляющей места для индивидуальной свободы и социальных противоречий.**

Логика тоталитарной мысли

Хотя тоталитаризм становится реальностью лишь в XX в., его идейные истоки уходят в глубокую древность. Тоталитарные взгляды и прежде всего идеи необходимости полного подчинения части целому, индивида государству, а также тотальной управляемости обществом существуют свыше двух тысячелетий. Так, еще в V в. до н.э. Гераклит считал, что, обладая мудростью, совершенным знанием, «можно управлять решительно всеми вещами». Достаточно детальное обоснование тоталитарные модели государства получают у Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Г. Бабефа, Сен-Симона, Ж.-Ж. Руссо. В более позднее время они развиваются в трудах Фихте, Гегеля, Маркса, Ницше, Ленина, Сореля, Зомбарта и других мыслителей.

Несмотря на глубокие содержательные различия, тоталитарные концепции имеют **общую логику**. Как отмечал Н. А. Бердяев, первоисток тоталитаризма следует искать в политизации утопии. Идеальные образы совершенного, гармоничного строя — утопии — играют огромную роль в истории. И они в большей части осуществимы, но непременно в извращенной форме. «Целостность есть главный признак утопии <...> Утопия всегда тоталитарна, враждебна свободе». Это объясняется тем, что утопия как закрытая, законченная система, обрисовывающая все стороны жизни идеального общественного устройства, не оставляет места для дисгармонии, противоречий, для утверждений и действий, опровергающих ее основополагающие постулаты.

В тоталитарной модели привлекательная утопия отождествляется с абсолютной истиной. Это позволяет рассматривать все остальные теории и взгляды как заблуждения или сознательную ложь, а их носителей — либо как врагов, либо как темных или заблудших людей, требующих перевоспитания. Именно с вопроса об отношении к собственному учению, его критике, к другим социальным идеям начинается разрыв тоталитаризма с рационализмом, на почве чего вырастает тоталитарное стремление к «математически совершенной жизни Единого Государства», к «математически безошибочному счастью». Претензия на монопольное обладание истиной обуславливает в конечном счете историческую обреченность тоталитаризма, его невосприимчивость к идеям и требованиям, не укладывающимся в рамки официальных догм.

Тоталитарная утопия представляется в форме идеологии, обосновывающей цели коллективных действий. Дальнейшая логика формирования тоталитарного строя примерно такова. Общие цели конкретизируются и реализуются с помощью экономического и социального планирования. Всеобъемлющее планирование в свою очередь нуждается в надежной гарантии реализации планов — всесильной власти и массовой поддержке, что обеспечивается с помощью как гипертрофированного роста институтов власти и социального контроля, так и в систематической идеологической обработке населения и его мобилизации на исполнение планов. При этом подавляется всякое инакомыслие, ибо без единой идеологической веры невозможно массовое послушание. Управляемая из центра сложнейшая государственная машина не допускает индивидуальной свободы граждан-винтиков, так как это угрожает сглаженности всего целого. Ради достижения великой общей цели позволительно использовать любые средства, не считаясь с затратами и жертвами.

Предпосылки тоталитаризма

Реальное воплощение тоталитарных моделей и логики стало возможным лишь в определенных общественных условиях. Главной общей предпосылкой тоталитаризма является **индустриальная стадия развития общества**. Она привела к созданию системы массовых коммуникаций,

усложнила общественные связи и организацию, сделала технически возможными систематическую идеологическую индоктринацию (насильственное внедрение идеологии, доктрины), тотальное «промывание мозгов» и всеобъемлющий контроль за личностью.

На этой ступени развития в ряде стран появились мощные организационные монстры — монополии, регулирующие целые отрасли промышленности и наладившие тесное взаимодействие с государством. Усилилось и само государство, расширились его социальные функции. Нарастание элементов рациональности, организованности, управляемости в общественной жизни, равно как и очевидные успехи в развитии науки, техники и образования, порождали иллюзии возможности перехода к рационально организованной и тотально управляемой форме жизни в масштабах всего общества. Ядром, стержнем этой тотальной организации могла быть только всемогущая и всепроникающая государственная власть.

Тоталитаризм представляет собой специфическую попытку разрешения обострившегося в ходе общественного развития реального противоречия между усложнением социальной организации и индивидуальной свободой. Отец итальянского фашизма Муссолини отмечал: «Мы первыми заявили, что чем сложнее становится цивилизация, тем более ограничивается свобода личности».

Порождением индустриализма и этатизма (резкого расширения государственного влияния) является и лежащее в основе тоталитаризма **коллективистско-механистическое мировоззрение**. Его суть состоит в восприятии мира как огромной механической системы, а совершенного, идеального государства — как единой, хорошо организованной фабрики, машины, состоящей из центра управления, узлов и винтиков и подчиняющейся единой команде.

Тоталитарные коллективистские представления значительно расходятся у элит и масс. Если для политической элиты характерно преимущественно рационалистическо-индустриальное видение общей цели, то у масс сознание может носить общинно-коллективистский характер, что особенно проявилось в странах Востока. Однако в любом случае тоталитаризм базируется на сознании, исходящем из безусловного подчинения индивида коллективу.

Одной из важнейших субъективных предпосылок тоталитаризма является **психологическая неудовлетворенность** человека атомизацией общества в индустриальную эпоху, разрушением традиционных коллективистских общинных и религиозных связей и ценностей, нарастанием социального отчуждения. Это приводит к массовым социальным фрустрациям, желанию человека убежать от холодного и бездушного мира, от одиночества и бессмысленности своего существования, преодолеть бессилие и страх перед рыночной стихией, найти упоение и смысл жизни в новых идеологических ценностях и коллективистских формах организации. Капитализм с его жесткой конкуренцией, борьбой всех против всех, эгоистической моралью,

обезличиванием индивида вызывает у многих людей психологическое отторжение, делает их восприимчивыми к тоталитарной идеологии.

Тоталитаризм имеет для социально отчужденной, одинокой личности психологическую привлекательность. Он дает надежду с помощью новой веры и организации утвердить себя в чем-то «вечном», несравненно более значительном во времени и пространстве, чем отдельный индивид, — в классе, нации, государстве, партии и т.п. С помощью приобщения к сакрализованной, всемогущей Власти человек преодолевает одиночество и получает социальную защиту.

Кроме того, тоталитаризм соблазняет многих людей возможностью дать выход своим агрессивным, разрушительным инстинктам, преодолеть комплекс собственной неполноценности и возвыситься над окружающими с помощью принадлежности к избранной социальной (национальной, расовой) группе или партии.

Психологическая неудовлетворенность существующим строем, а также привлекательность тоталитаризма резко возрастают в периоды острых **социально-экономических кризисов**, вливающих свежую кровь и новую энергию в тоталитарные движения. Кризис резко усиливает бедствия и недовольство населения, ускоряет созревание необходимых для тоталитаризма **социальных предпосылок** — появления значительных по численности и влиянию социальных слоев, непосредственно участвующих в тоталитарной революции или поддерживающих ее. Это достигается в первую очередь через резко усиливающиеся в кризисные времена маргинализацию и люмпенизацию общества. Наиболее решительными сторонниками тоталитаризма выступают маргинальные **группы** — промежуточные слои, не имеющие устойчивого положения в социальной структуре, стабильной среды обитания, утратившие культурную и социально-этническую идентификацию.

Маргиналы обычно нигилистически настроены по отношению к прошлому, не дорожат им и склонны к различным политическим авантюрам. Они больше, чем кто-либо, связывают свои надежды с идеологическими утопиями. Как обнаружили американский социолог Р. Парк и другие исследователи, маргиналы выделяются такими психологическими качествами, как беспокойство, агрессивность, честолюбие, повышенная чувствительность, стесненность, эгоцентричность.

С помощью социальной демагогии тоталитарные движения могут использовать в своих целях недовольство различных слоев. Так, в России большевики, руководство которых состояло в основном из социальных и этнических маргиналов, мастерски использовали требования крестьян о безвозмездной раздаче помещичьих земель, чтобы впоследствии отнять у них всю землю, а также массовое недовольство солдат и всего населения разрушительной войной.

В Германии социальной опорой национал-социалистического тоталитаризма стал новый «промежуточный класс» — многочисленные конторские служащие, машинистки, учителя, торговцы, администраторы, мелкие чиновники, небогатые представители свободных профессий и т.п., положение которых значительно ухудшилось по сравнению с привилегированным положением промышленных рабочих, защищенных сильными профсоюзами и государственными законами. Рядовые члены национал-социалистического движения в первые годы его существования были значительно беднее тред-юнионистов или членов социал-демократической партии.

Итак, общие предпосылки тоталитаризма достаточно разнообразны. Это — индустриальная стадия развития; нарастание рациональности и организованности в жизни общества; появление монополий и их срастание с государством (с этой точки зрения тоталитаризм — всеобщая государственная монополия); этатизация общества, особенно усиливающаяся во время войн; массовое коллективистско-механистическое мировоззрение; эмоциональная уверенность в возможности быстро улучшить жизнь с помощью рациональных общественных преобразований; психологическая неудовлетворенность социальным отчуждением личности, ее незащищенность и одиночество; острый социально-экономический кризис, резко усиливающий бедность и недовольство населения; появление многочисленных маргинальных слоев.

Эти и другие благоприятные для тоталитаризма факторы могут быть использованы лишь при наличии соответствующих **политических условий**. К ним относятся уже упомянутая этатизация общества, а также появление тоталитарных движений и партий нового типа — предельно идеологизированных достаточно массовых организаций с жесткой, полувоенной структурой, претендующих на полное подчинение своих членов новым символам веры и их выразителям — вождям, руководству в целом. Именно эти организации и движения, использующие благоприятные социальные условия, и явились главным, непосредственным творцом тоталитаризма как реального политического строя.

§ 3. Характерные черты и разновидности тоталитарных политических систем

Сфера тоталитарного сознания

Тоталитарные системы возникают не стихийно, а на основе определенного идеологического образа. Тоталитаризм — порождение человеческого разума, его попытка поставить под непосредственный рациональный контроль всю общественную и личную жизнь, подчинить ее определенным целям. Поэтому при выявлении общих черт этого типа политической системы отправным пунктом является анализ лежащей в ее основе идеологии и

общественного сознания. Именно в идеологии тоталитарная система черпает жизненные силы. Идеология призвана выполнять социально-интеграционную функцию, цементировать людей в политическую общность, служить ценностным ориентиром, мотивировать поведение граждан и государственную политику.

Идеологизация всей общественной жизни, стремление подчинить «единственно верной» теории с помощью планирования все экономические и социальные процессы — важнейшая черта тоталитарного общества. Различным формам тоталитарной идеологии присущи некоторые общие свойства. Прежде всего это **эсхатологическая и телеологическая** ориентация во взглядах на общественное развитие. Тоталитарная идеология заимствует у ряда религий **хилиастические** идеи о счастливом завершении истории, достижении конечного смысла существования человека, которым может выступать коммунизм, тысячелетний рейх и т.п. Привлекательная утопия, рисуемая манящий образ будущего строя, используется для оправдания огромных повседневных жертв народа.

Телеологизм тоталитарной идеологии проявляется в рассмотрении истории как закономерного движения к определенной цели, а также в ценностном приоритете цели над средствами ее достижения в соответствии с принципом «цель оправдывает средства». По своему содержанию тоталитарная идеология **революционна**. Она обосновывает необходимость формирования нового общества и человека. Все ее здание базируется на социальных мифах, например о капитализме и коммунизме, о руководящей роли рабочего класса, о превосходстве арийской расы и т.п. Эти мифы не подлежат критике и имеют характер религиозных символов. Лишь на их основе дается рациональное объяснение всех общественных событий.

Тоталитарная идеология проникнута **патерналистским** духом, покровительственным отношением вождей, постигших социальную истину, к недостаточно просвещенным массам. Идеология как единственно верное учение носит **обязательный** для всех характер. В нацистской Германии даже был издан специальный закон («*Gleichschaltungsgesetz*»), предусматривающий единую, обязательную для всех немцев идеологию. Тоталитарное общество создает мощную систему идеологической обработки населения, манипулирования массовым сознанием. При этом политическая пропаганда в значительной мере ритуализуется, приобретает некоторые черты религиозного культа.

Для тоталитаризма характерны монополия власти на информацию, полный контроль над СМИ, крайняя нетерпимость ко всякому инакомыслию, рассмотрение идейных оппонентов как политических противников. Этот строй устраняет общественное мнение, заменяя его официальными политическими оценками. Отрицаются общечеловеческие основы морали, а сама она подчиняется политической целесообразности и по существу разрушается.

Всячески подавляются индивидуальность, оригинальность в мыслях, поведении, одежде и т.п. Культивируются стадные чувства: стремление не выделяться, быть как все, уравнильность, а также низменные инстинкты: классовая и национальная ненависть, зависть, подозрительность, доноительство и т.п. В сознании людей усиленно создается образ врага, с которым не может быть примирения. Всячески поддерживаются боевые настроения, атмосфера секретности, чрезвычайного положения, не допускающая расслабления, утраты бдительности. Все это служит оправданию командных методов управления и репрессий.

Политические черты

В соответствии с логикой тоталитарной системы всеобъемлющая идеологизация общества дополняется его тоталитарной политизацией, гипертрофированным развитием аппарата власти, ее проникновением во все поры социального организма. Всесильная власть выступает главным гарантом идеологического контроля над населением. Тоталитаризм стремится к полному устранению гражданского общества, независимой от власти частной жизни. Политическая система, а точнее, партийно-государственная организация общества, служит стержнем, фундаментом всей социальной и экономической организации, которая отличается жесткой иерархической структурой.

Ядром тоталитарной политической системы выступает предельно централизованное политическое движение за новый порядок во главе с партией нового, тоталитарного типа. Эта партия срастается с государством и концентрирует в себе реальную власть в обществе. Запрещаются всякая политическая оппозиция и создание без санкций властей любых организаций.

В то же самое время тоталитарная политическая система претендует на выражение народной воли, воплощение высшей народности, или демократии высшего типа. Она использует безальтернативные, преимущественно аккламационные формы демократии, предполагающие принятие решений без голосования на основе непосредственной реакции участников собрания и создающие видимость всенародной поддержки, но не позволяющие оказывать реальное влияние на процесс принятия решений. С помощью псевдодемократических институтов власти обеспечивается высокая формальная мобилизация и партиципация (участие), например 99,9-процентное участие в выборах.

К собственно политическим чертам тоталитарного общества относятся также наличие мощного аппарата социального контроля и принуждения (службы безопасности, армия, милиция и т.п.), массовый террор, запугивание населения. Слепая вера и страх — главные ресурсы тоталитарного управления. Осуществляется сакрализация верховной власти и ее носителей, создается культ вождей.

Социальные и экономические черты

Тоталитаризм пытается создать адекватную себе социальную структуру. Стремясь найти массовую опору, он провозглашает **превосходство** определенного класса, нации или расы, дихотомически делит всех людей на своих и чужих. При этом обязательно находится внутренний или внешний враг — буржуазия, империализм, евреи и т.п. В процессе ликвидации или ограничения частной собственности происходит **массовая люмпенизация** населения. Индивид попадает в тотальную зависимость от государства, без которого подавляющее большинство людей не может получить средств существования: работу, жилье и т.п.

Личность утрачивает всякую автономию и права, становится полностью беззащитной перед всемогущей властью, попадает под ее тотальный контроль. Делается попытка сформировать «нового человека», определяющими чертами которого являются беззаветная преданность идеологии и вождям, исполнительность, скромность в потреблении, готовность на любые жертвы ради «общего дела».

Одновременно с ломкой прежней социальной структуры формируется новая. Общество дифференцируется главным образом в зависимости от распределения власти. Обладание властью или влияние на нее становится основой социальной стратификации, экономических и социальных привилегий. Формируется новый, номенклатурный господствующий класс — главная опора тоталитарного строя. Хотя тоталитаризм, особенно в его наиболее последовательном, коммунистическом варианте, осуществляя уравниловку в распределении для большинства граждан, претендует на формирование социально однородного общества, в действительности он порождает глубокое социальное неравенство.

Господство идеологии и политики проявляется не только в социальной сфере, но и в **экономике**. Здесь отличительными чертами тоталитаризма являются этатизация хозяйственной жизни, социальное ограничение, а в идеале полное устранение частной собственности, рыночных отношений, конкуренции, планирование и командно-административные методы управления. Устанавливается монополия государства на распоряжение всеми важнейшими общественными ресурсами и самим человеком.

Разновидности тоталитаризма

Наряду с общностью основополагающих институциональных черт тоталитарные политические системы имеют и существенные особенности, что позволяет выделить несколько их важнейших разновидностей. В зависимости от господствующей идеологии, влияющей на

содержание политической деятельности, их обычно подразделяют на **коммунизм, фашизм и национал-социализм.**

Исторически первой и классической формой тоталитаризма стал коммунизм (социализм) советского типа, начало которому положила военно-коммунистическая система, в общих чертах сформировавшаяся в 1918 г. Коммунистический тоталитаризм в большей степени, чем другие разновидности, выражает основные черты этого строя, поскольку предполагает полное устранение частной собственности и, следовательно, всякой автономии личности, абсолютную власть государства.

И все же характеристика социализма советского типа как тоталитаризма односторонняя и не раскрывает содержание и цели политики в этом типе общества. Несмотря на преимущественно тоталитарные формы политической организации социалистической системе присущи и гуманные политические цели. Так, например, в СССР резко повысился уровень образования народа, стали доступными для него достижения науки и культуры, была обеспечена социальная защищенность населения, развивались экономика, космическая и военная промышленность и т.д., резко сократился уровень преступности, к тому же на протяжении десятилетий система почти не прибегала к массовым репрессиям.

Вторая разновидность тоталитарных политических систем — фашизм. Впервые он был установлен в Италии в 1922 г. Здесь тоталитарные черты были выражены не в полной мере. Итальянский фашизм тяготел не столько к радикальному строительству нового общества, сколько к возрождению итальянской нации и величия Римской империи, установлению порядка, твердой государственной власти. Фашизм претендует на восстановление или очищение «народной души», обеспечение коллективной идентичности на культурной или этнической почве, ликвидацию массовой преступности. В Италии границы фашистского тоталитаризма устанавливались позицией наиболее влиятельных в государстве кругов: короля, аристократии, офицерского корпуса и церкви. Когда обреченность режима стала очевидной, эти круги смогли сами отстранить Муссолини от власти.

Третья разновидность тоталитаризма — национал-социализм. Как реальный политический и общественный строй он возник в Германии в 1933 г. Национал-социализм имеет родство с фашизмом, хотя очень много заимствует у советского коммунизма и прежде всего революционные и социалистические компоненты, формы организации тоталитарной партии и государства и даже обращение «товарищ». В то же время место класса здесь занимает нация, место классовой ненависти — ненависть национальная и расовая. Если в коммунистических системах агрессивность направлена прежде всего вовнутрь — против собственных граждан (классового врага), то в национал-социализме — вовне, против других народов. Главные различия основных разновидностей тоталитаризма отчетливо выражены в их целях (соответственно: коммунизм,

возрождение империи, мировое господство арийской расы) и социальных предпочтениях (рабочий класс, потомки римлян, германская нация).

Любые тоталитарные государства так или иначе примыкают к трем основным разновидностям тоталитаризма, хотя внутри каждой из этих групп имеются существенные различия, например, между сталинизмом в СССР и диктаторским режимом Пол-Пота в Кампучии.

Сила и слабость тоталитаризма
--

Тоталитаризм в его коммунистической форме оказался наиболее живуч. В отдельных странах он существует и сегодня. История показала, что тоталитарная система обладает достаточно высокой способностью мобилизации ресурсов и концентрации средств для достижения ограниченных целей, например победы в войне, оборонного строительства, индустриализации общества и т.д. Некоторые авторы рассматривают тоталитаризм даже как одну из политических форм модернизации слаборазвитых стран.

Коммунистический тоталитаризм приобрел значительную популярность в мире благодаря своей связи с социалистической идеологией, содержащей многие гуманные, социально-эмансипаторские и эгалитаристские идеи. Привлекательности тоталитаризма способствовал и страх еще не оторвавшегося от общинно-коллективистской пуповины индивида перед отчуждением, конкуренцией и ответственностью, свойственных рыночному обществу. Живучесть тоталитарной системы объясняется также наличием огромного аппарата социального контроля и принуждения, жестоким подавлением всякой оппозиции.

И все же тоталитаризм — исторически обреченный строй. Это общество-самоед, не способное к эффективному созиданию, рачительному, инициативному хозяйствованию и существующее главным образом за счет богатых природных ресурсов, эксплуатации, ограничения потребления большинства населения. Тоталитаризм — закрытое общество, не приспособленное к своевременному качественному обновлению, учету новых требований непрерывно изменяющегося мира. Его адаптивные возможности ограничены идеологическими догмами. Сами тоталитарные руководители являются пленниками утопической по своей сути идеологии и пропаганды.

Как уже отмечалось, тоталитаризм не сводится лишь к диктаторским политическим системам, противостоящим идеализированным западным демократиям. Тоталитарные тенденции, проявляющиеся в стремлении заорганизовать жизнь общества, ограничить личную свободу и всецело подчинить индивида государственному и иному социальному контролю, имеют место и в странах Запада.

§ 4. Авторитаризм

Отличительные черты

Одним из наиболее распространенных авторитаризма в истории типов политической системы является авторитаризм. По своим характерным чертам он занимает как бы промежуточное положение между тоталитаризмом и демократией. С тоталитаризмом его роднит обычно автократический, не ограниченный законами характер власти, с демократией — наличие автономных, не регулируемых государством общественных сфер, особенно экономики и частной жизни, сохранение элементов гражданского общества. В целом же **авторитарной политической системе присущи следующие черты:**

1. Автократизм (самовластие) или небольшое число носителей власти. Ими могут быть один человек (монарх, тиран) или группа лиц (военная хунта, олигархическая группа и т.д.).

2. Неограниченность власти, ее неподконтрольность гражданам. При этом власть может править с помощью законов, но их она принимает по своему усмотрению.

3. Опора (реальная или потенциальная) на силу. Авторитарный режим может не прибегать к массовым репрессиям и пользоваться популярностью среди широких слоев населения. Однако он обладает достаточной силой, чтобы в случае необходимости по своему усмотрению использовать силу и принудить граждан к повиновению.

4. Монополизация власти и политики, недопущение реальной политической оппозиции и конкуренции. Присущее этому режиму определенное политико-институциональное однообразие не всегда результат законодательных запретов и противодействия со стороны властей. Нередко оно объясняется неготовностью общества к созданию политических организаций, отсутствием у населения потребности к этому, как это было, например, в течение многих веков в монархических государствах. При авторитаризме возможно существование ограниченного числа партий, профсоюзов и других организаций, но лишь при условии их подконтрольности властям.

5. Отказ от тотального контроля над обществом, невмешательство или ограниченное вмешательство во внеполитические сферы и прежде всего в экономику. Власть занимается главным образом вопросами обеспечения собственной безопасности, общественного порядка, обороны, внешней политикой, хотя она может влиять и на стратегию экономического развития, проводить достаточно активную социальную политику, не разрушая при этом механизмы рыночного саморегулирования.

6. Рекрутирование политической элиты путем кооптации, назначения сверху, а не конкурентной электоральной борьбы.

Учитывая эти признаки авторитаризма, его можно определить как **неограниченную власть одного лица или группы лиц, не допускающую политическую оппозицию, но сохраняющую автономию личности и общества во внеполитических сферах.** При авторитарной политической

системе запрещаются лишь определенные, главным образом политические формы деятельности, в остальном же граждане обычно свободны. Авторитаризм вполне совместим с уважением всех других, кроме политических, прав личности. В то же время в условиях авторитаризма граждане не имеют каких-либо институциональных гарантий своей безопасности и автономии (независимый суд, оппозиционные партии и т.д.).

Авторитарные политические системы очень разнообразны. Это монархии, деспотические, диктаторские режимы, военные хунты, популистские системы правления и др. Авторитарные правительства могут добиваться признания населения не только силой, с помощью массового истребления и запугивания противников, но и более гуманными средствами. На протяжении тысячелетий они опирались главным образом на традиционный и харизматический способы легитимации. В XX в. в целях легитимации широко используются националистическая идеология и формальные, контролируемые властью выборы. Большинство авторитарных режимов в Азии, Африке и Латинской Америке оправдывали свое существование необходимостью национального освобождения и возрождения.

В последние десятилетия авторитарные политические системы очень часто используют некоторые демократические институты — выборы, плебисциты и т.п. — для придания себе респектабельности в глазах международного сообщества и собственных граждан, уклонения от международных санкций. Так, например, неконкурентные или полуконкурентные выборы использовались авторитарными или полуавторитарными режимами в Мексике, Бразилии, Южной Корее, России, Казахстане и многих других государствах. Отличительными чертами таких выборов является ограниченная или лишь видимая (когда все кандидаты угодны властям) конкурентность, полная или частичная контролируемость властями их официальных итогов. При этом у властей существует много способов обеспечить себе формальную победу: монополия на СМИ, отсеивание неугодных лиц еще на стадии выдвижения кандидатов, прямая фальсификация бюллетеней или результатов голосования и т.п.

В период после второй мировой войны и, особенно, в последние десятилетия авторитарный политический строй чаще всего носит переходный характер и ориентируется, хотя бы формально, на постепенный переход к демократии.

Реформаторские возможности авторитаризма

В конце 80 — начале 90-х гг. значительно возрос научный и политический интерес к авторитаризму в связи с крахом преимущественно тоталитарных

политических систем в большинстве коммунистических государств мира. Попытки многих из них, в том числе России, быстро, в духе большевистских

«кавалерийских атак» ввести демократию без наличия необходимых для нее общественных предпосылок не увенчались успехом и повлекли за собой многочисленные разрушительные последствия.

В то же время целый ряд авторитарных государств (Южная Корея, Чили, Китай, Вьетнам и др.) практически продемонстрировали свою экономическую и социальную эффективность, доказали способность сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, сильную власть — со свободной экономикой, личной безопасностью и сравнительно развитым социальным плюрализмом.

Авторитаризм иногда определяют как способ правления с ограниченным плюрализмом. Он вполне совместим с экономическим, социальным, культурным, религиозным, а частично и с идеологическим плюрализмом. Его воздействие на общественное развитие имеет как слабые, так и сильные стороны. К числу слабых относятся полная зависимость политики от позиции главы государства или группы высших руководителей, отсутствие у граждан возможностей предотвращения политических авантур или произвола, ограниченность институтов артикуляции, политического выражения общественных интересов.

В то же время авторитарная политическая система имеет и свои достоинства, которые особенно ощутимы в экстремальных ситуациях. Авторитарная власть обладает сравнительно высокой способностью обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок, мобилизовывать общественные ресурсы на решение определенных задач, преодолевать сопротивление политических противников. Все это делает ее достаточно эффективным средством проведения радикальных общественных реформ.

В современных условиях постсоциалистических стран «чистый» авторитаризм, не опирающийся на активную массовую поддержку и некоторые демократические институты, едва ли может быть инструментом прогрессивного реформирования общества и способен превратиться в криминальный диктаторский режим личной власти, не менее разрушительный для страны, чем тоталитаризм. Поэтому сочетание авторитарных и демократических элементов, сильной власти и ее подконтрольности гражданам — важнейшая практическая задача на пути конструктивного реформирования общества. .

Демократически ориентирующиеся авторитарные режимы недолговечны. Их реальной перспективой является более устойчивый в современных условиях тип политической системы — демократия.

Глава II

ДЕМОКРАТИЯ: ПОНЯТИЕ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ

§ 1. Понятие и измерение демократии

В XX в. слово «демократия» стало, пожалуй, самым популярным у народов и политиков всего мира. Сегодня нет ни одного влиятельного политического движения, которое не претендовало бы на осуществление демократии, не использовало этот термин в своих, часто далеких от подлинной демократии целях. Что же представляет собой демократия и в чем причины ее популярности?

Этимологические определения демократии

В современном языке слово «демократия» имеет несколько значений. Его первое, основополагающее значение связано с этимологией, происхождением этого термина. «Демократия» переводится с древнегреческого как «народовластие» или, используя расшифровку этого определения американским президентом Линкольном, **«правление народа, избранное народом и для народа»**.

Производным от этимологического понимания демократии является ее более широкая вторая трактовка как **формы устройства любой организации, основанной на равноправном участии ее членов в управлении и принятии в ней решений по большинству**. В этом смысле говорится о партийной, профсоюзной, производственной и даже семейной демократии. Понимаемая в широком значении, демократия может существовать всюду, где есть организация, власть и управление.

С этимологическим пониманием демократии связаны также и другие — третье и четвертое — значения этого термина. В третьем значении демократия рассматривается как основанный на определенной системе ценностей идеал общественного устройства и соответствующее ему мировоззрение. К числу составляющих этот идеал ценностей относятся свобода, равенство, права человека, народный суверенитет и некоторые другие.

В четвертом значении демократия рассматривается как **социальное и политическое движение за народовластие, осуществление демократических целей и идеалов**. Это движение возникло в Европе под флагом борьбы с абсолютизмом за освобождение и равноправие третьего сословия и в ходе истории постепенно расширяет диапазон своих целей и участников. Современные демократические движения чрезвычайно разнообразны. Это социал-демократы, христианские демократы, либералы, новые социальные и другие движения.

Нормативный подход к демократии

Понятие демократии как народовластия (и другие производные от него трактовки демократии) является нормативным, поскольку базируется на нормативном подходе к этому феномену, предполагающем построение категории исходя из человеческих идеалов, ценностей и пожеланий. Демократия характеризуется в

этом случае как идеал, основанный на таких основополагающих ценностях, как свобода, равенство, уважение человеческого достоинства, солидарность. В первую очередь именно своему ценностному содержанию демократия обязана такой популярностью в современном мире.

Нормативное понятие демократии имеет как сильную, так и слабую стороны. Его сила состоит в привлекательности содержащихся в нем ценностей, способности увлечь многих людей на практические действия по осуществлению демократического идеала. Слабость же такого определения демократии — в отрыве от действительности, ее идеализации. Реальная демократия нигде и никогда не была властью народа, что означало бы негосударственное, общественное самоуправление. С момента возникновения этого понятия демократия связана с государством, а значит и с принуждением, и в лучшем случае является властью большинства над меньшинством, а чаще всего формой правления хорошо организованного привилегированного меньшинства, в большей или меньшей степени подконтрольного народу. Реальная демократия, как это еще будет более подробно рассмотрено, во многом далека и от демократических ценностей: свободы, равенства и т.д.

**Эмпирический подход к демократии.
«Полиархия»**

Выявление элемента утопизма, несоответствия между нормативным понятием демократии и реальностью, между идеалом и жизнью является следствием эмпирического подхода к анализу демократии. Такой подход абстрагируется от идеалов и априорных оценочных суждений и требует исследовать демократию такой, какова она есть на деле. В соответствии с выявленными в эмпирических исследованиях свойствами уточняется и даже пересматривается понятие демократии и ее теория. Категория демократии в этом случае строится исходя из реальности, безотносительно к провозглашаемым государством ценностям. Демократия трактуется, например, как форма правления, основанная на конкуренции потенциальных руководителей за доверие избирателей, выражаемое на выборах (И. Шумпетер).

Учитывая большое расхождение нормативного и эмпирического понятий демократии и вытекающие отсюда неудобства при использовании этой категории в науке и повседневном языке, Роберт Даль и некоторые другие политологи предлагают ввести для обозначения реально существующих государств, называемых демократиями, специальный термин «полиархия».

Полиархия, по Далю, это правление меньшинства, избираемого народом на конкурентных выборах. Она распространяется и на античные полисы (города-государства), и на средневековые республики, и на современные конституционные государства с всеобщим избирательным правом и соперничеством за власть политических партий. Демократия же в отличие от

полиархии — это идеал, предполагающий равное участие всех граждан в управлении.

**Связь нормативных
и эмпирических дефиниций
демократии**

Несмотря на свою достаточную обоснованность, предложение о четком терминологическом разграничении демократии как идеала народовластия, который, возможно, так никогда и не будет реализован, и полиархии как реально существующих государств, называемых демократиями, не получило преобладающего признания среди ученых и политиков. В значительной мере это объясняется наличием у нормативного и эмпирического понятий демократии как различных, так и общих свойств. Демократия как народовластие не только является результатом абстрактных философских рассуждений и благих пожеланий для человечества, но и отражает, хотя и в идеализированном виде, реальные политические процессы. Не случайно само это понятие зародилось как осознание формы правления, возникшей в Древней Греции.

Не только нормативное понятие демократии отражает эмпирию — действительность, но и ее эмпирическое определение учитывает демократические ценностные ориентации и цели людей, приводящие в движение весь реальный механизм реальной демократии. Поэтому при эмпирическом подходе к демократии, хотя и опосредованно, но все же отражается ее нормативный, ценностный аспект.

**Конституирующие признаки
демократии**

Учитывая взаимосвязь нормативных и эмпирических определений демократии как формы государственного правления, можно выделить ее следующие характерные черты:

1. Юридическое признание и институциональное выражение суверенитета, верховной власти народа. Именно народ, а не монарх, аристократия, бюрократия или духовенство выступают официальным источником власти. Суверенитет народа выражается в том, что именно ему принадлежит учредительная, конституционная власть в государстве, что он выбирает своих представителей и может периодически сменять их, а во многих странах имеет также право непосредственно участвовать в разработке и принятии законов с помощью народных инициатив и референдумов.

2. Периодическая выборность основных органов государства. Демократией может считаться лишь то государство, в котором лица, осуществляющие верховную власть, избираются, причем избираются на определенный, ограниченный срок. В древности многие народы нередко выбирали себе царей, которые затем имели право на пожизненное правление и даже передачу этого права по наследству. (У древних греков выборная монархия называлась «эсимнетия».) Однако в этом случае демократии еще не было.

3. Равенство прав граждан на участие в управлении государством. Этот принцип требует как минимум равенства избирательных прав. А в современной, сложно организованной политической системе он предполагает также свободу создавать политические партии и другие объединения для выражения воли граждан, свободу мнений, право на информацию и на участие в конкурентной борьбе за занятие руководящих должностей в государстве.

4. Принятие решений по большинству и подчинение меньшинства большинству при их осуществлении.

Эти требования являются минимальными условиями, позволяющими говорить о наличии демократической формы правления в той или иной стране. Однако реальные политические системы, основанные на общих принципах демократии, весьма существенно отличаются друг от друга, например античная и современная демократии, американская и швейцарская политические системы и т.д.

Названные общие принципы демократии дают возможность выделить основные критерии, позволяющие различать и классифицировать многочисленные теории и практические демократические модели и как бы измерять их.

Всеобщая и социально ограниченная демократия. Охлократия

При оценке в соответствии с ее первым, важнейшим принципом — суверенитетом народа — демократия классифицируется в зависимости от того, **как понимается народ и как осуществляется им суверенитет.** Такое, казалось бы, очевидное и простое понятие, как «народ», трактовалось в истории политической мысли далеко не одинаково. В отличие от современного понимания как всего (применительно к демократии — взрослого) населения страны, примерно до середины XIX в. демос, народ отождествлялся либо со свободными взрослыми мужчинами (как это было в античной демократии), либо с собственниками, обладающими недвижимостью или другими немалыми ценностями, либо лишь с мужчинами.

Ограничение народа определенными классовыми или демографическими рамками дает основание характеризовать государства, подвергающие политической дискриминации определенные группы населения и, в частности, не предоставляющие им избирательных прав, как **социально ограниченные демократии** и отличать их от **всеобщих демократий** — государств с равными политическими правами для всего взрослого населения.

Вплоть до начала XX в. ни одна из ранее существовавших демократий не предоставляла всему взрослому населению страны равных политических прав. Это были преимущественно классовые и патриархальные (только для мужчин) демократии. В истории политической мысли преобладала трактовка народа **как простого люда, неимущих нижних слоев, черни,** составляющих большинство

населения. Такое понимание демоса встречается еще у Аристотеля, который считал демократию неправильной формой государства, трактовал ее как власть демоса, черни, не способной к управлению, взвешенным, рациональным решениям, учитывающим общее благо. В современной политической теории такой тип правления отражает понятие «**охлократия**», что в переводе с греческого означает «власть черни, толпы».

Итак, в зависимости от понимания состава народа его власть может выступать всеобщей или же социально (классово, этнически, демографически и т.п.) ограниченной демократией, а также охлократией.

Индивидуалистическая, плюралистическая и коллективистская демократии

Народ, будучи сложной общностью людей, имеет определенную структуру, состоит из конкретных личностей. В зависимости от того, рассматривается ли он как совокупность самостоятельных, свободных **индивидов**, как взаимодействие различных **групп**, преследующих в политике свои собственные, специфические интересы, или же как единое, гомогенное **целое**, субъект, у которого доминируют общие интересы и воля, концепции и реальные модели демократии делятся соответственно на **индивидуалистические, плюралистические (групповые) и коллективистские.**

В первом случае непосредственным источником власти считается личность, во втором — группа, в третьем — весь народ (нация, класс). Расхождения в понимании народовластия имеют фундаментальное значение при построении реальных политических систем. Они определяют, например, глубокие, принципиальные различия между классической либеральной, современной западной и социалистической демократиями.

Прямая, плебисцитарная и представительная демократии

Суверенитет народа — важнейший конституирующий признак демократии, служащий основанием ее оценки не только с точки зрения понимания самого этого субъекта, но также по форме **осуществления им власти.** В зависимости от того, как народ участвует в управлении, кто и как непосредственно выполняет властные функции, демократия делится на **прямую, плебисцитарную и представительную (репрезентативную).**

В прямых формах народовластия граждане сами непосредственно участвуют в подготовке, обсуждении и принятии решений. Такая форма участия доминировала в античных демократиях. Практически она возможна в сравнительно небольших коллективах (на производственных предприятиях, в общинах, городах и т.п.), причем в тех случаях, когда принимаемые решения достаточно просты и участие в их подготовке и обсуждении не требует

специальной квалификации. В современном мире прямая демократия встречается главным образом на уровне местного самоуправления, например в американских и швейцарских общинах, в израильских кибуцах (поселениях коммунистического типа) и т.п. Распространенность прямых форм демократии прямо зависит от того, насколько удастся децентрализовать процесс вынесения решений и передать право их принятия сравнительно небольшим, локальным коллективам.

К прямой демократии обычно относят так называемый императивный мандат, предполагающий обязанность выборных представителей голосовать строго в соответствии с наказом избирателей, их волей. Так, характер императивного мандата имеет коллегия выборщиков президента США, обязанных отдать свой голос за кандидата, победившего в соответствующих штатах. Императивный мандат как бы консервирует волю избирателей, не позволяя его носителям участвовать в обсуждении и принятии компромиссных вариантов решений.

Важным (вторым) каналом участия граждан в осуществлении власти является **плебисцитарная демократия**. Различие между ней и прямой демократией проводится не всегда, поскольку обе эти формы участия включают непосредственное волеизъявление народа, однако оно существует. Суть его состоит в том, что прямая демократия предполагает участие граждан на всех важнейших стадиях процесса властвования (в подготовке, принятии политических решений и в контроле за их осуществлением), а при плебисцитарной демократии возможности политического влияния граждан сравнительно ограничены. Им предоставляется право посредством голосования одобрить или отвергнуть тот или иной проект закона или другого решения, который обычно готовится президентом, правительством, партией или инициативной группой. Возможности участия основной массы населения в подготовке таких проектов очень невелики даже в тех случаях, когда непосредственно самим гражданам предоставляется право подготавливать и выносить их на рассмотрение законодательных органов или на всенародное голосование.

Плебисцитарные институты нередко используются в целях манипулирования волей граждан, достигаемого, в частности, с помощью двусмысленных формулировок вопросов, выносимых на голосование. Они, особенно референдумы и опросы, достаточно широко применяются на различных уровнях управления: в общинах, городах, областях, в масштабах всего государства.

Третьей, ведущей в современных государствах формой политического участия является **представительная демократия**. Ее суть — в опосредованном участии граждан в принятии решений, в выборе ими в органы власти своих представителей, призванных выражать их интересы, принимать законы и отдавать распоряжения. Представительная демократия необходима особенно тогда, когда из-за больших территорий или вследствие других причин

затруднено регулярное непосредственное участие граждан в голосованиях, а также когда принимаются сложные решения, труднодоступные для понимания неспециалистов.

Формы демократического государства. Политическая и социальная демократия

Не только суверенитет народа — основополагающий признак демократии, но и другие ее общие принципы, имеющие более конкретные показатели (индикаторы), позволяют выявлять и описывать ее особенности. Так, в зависимости от строения и порядка формирования органов, институтов власти (второй признак демократии) демократические государства делятся на парламентские, президентские, смешанные (или полупрезидентские) республики, суперпрезидентские республики, парламентские монархии и т.д. (Эти институционные параметры демократии подробно рассмотрены в гл. 14.)

Важные характеристики демократии вытекают из ее третьего признака — равенства прав граждан на участие в управлении государством. Такое равенство может быть **формальным**, чисто юридическим, и **фактическим**, предполагающим создание примерно одинаковых социальных возможностей для реализации людьми своих политических прав (материальный достаток, образование, свободное время, доступ к информации и др.).

В зависимости от характера равенства, обеспечиваемого государством, демократия делится на **политическую**, предполагающую лишь формальное равенство, равенство прав, и **социальную**, основывающуюся на равенстве фактических возможностей участия граждан в управлении государством. Термин «социальная демократия» нашел, в частности, свое выражение в названии одного из самых влиятельных политических движений XX в. — социал-демократии.

Деспотическая, тоталитарная и конституционная демократии

Важные отличительные качества различных демократических систем позволяет выявить анализ четвертого общего признака демократии — подчинения меньшинства большинству при принятии и осуществлении решений. Такое подчинение может не иметь границ и распространяться на любые стороны жизнедеятельности человека. В этом случае имеет место **деспотическая** демократия. Она представляет собой абсолютную, ничем и никем не ограниченную власть большинства, связанную с преходящими настроениями масс и произволом. Если же власть большинства требует полного подчинения личности и стремится к установлению над ней постоянного всеобъемлющего контроля, то демократия становится **тоталитарной**.

Антиподом таких форм правления является **конституционная** демократия. Она ставит власть большинства в определенные рамки, ограничивает ее полномочия и функции с помощью конституции и разделения властей и обеспечивает тем самым автономию и свободу меньшинства, в том числе отдельной личности.

Рассмотренные выше и некоторые другие параметры демократии образуют как бы систему координат, позволяющую выявлять ее наиболее существенные черты и различать ее специфические модели, типы.

§ 2. Древняя и средневековая демократии

Первобытная демократия

Демократические формы организации уходят корнями в глубокое, еще до-государственное прошлое — в родовую строй. Они возникают вместе с появлением самого человека. Некоторые ученые-этнографы утверждают, что демократия — один из важнейших факторов антропогенеза, появления всего рода человеческого, поскольку она стимулировала развитие равноправного общения людей, их самосознания и свободного мышления, индивидуальной ответственности и личного достоинства. Как свидетельствуют этнографические исследования, недемократические формы организации, основанные на строгой иерархии и подчинении, жестком индивидуальном закреплении управленческих и исполнительных ролей по образу муравейника или пчелиного роя, заводили развитие наших предков в тупик.

Через родовые формы демократии прошли все народы. Их типичный пример — организация управления у американских индейцев-ирокезов. Все взрослые мужчины и женщины этого рода обладали равным правом голоса при выборе и смещении своих высших руководителей — старейшины (сахема) и вождя (военного предводителя). Высшей властью в роде являлся совет — собрание всех его взрослых представителей. Он избирал и смещал сахемов и вождей, решал вопросы войны и мира, принятия в свой род посторонних и др.

Род выступал демократической единицей более сложной организации — союза фратрий — братства нескольких особенно близких друг другу по территории, общению, родственным и иным связям родов, которые при сохранении автономии имели общий совет как высший орган власти. Несколько фратрий составляли племя. Им руководил совет племени, состоявший из сахемов и военных вождей всех родов. Заседания этого совета проходили открыто, при участии в обсуждении любых членов племени, которые, однако, не имели права голосования. Решения на таких советах обычно принимались по принципу единогласия.

У отдельных, а затем и у большинства племен существовали верховные вожди, выбираемые из сахемов или военачальников. Их полномочия были

ограничены. Некоторые из племен заключали союзы, руководили которыми советы союза, состоявшие из сахемов и вождей.

Подобные формы демократии существовали у древних греков, германцев и других народов. Всюду родовая демократия основывалась на кровно-родственных связях, общей собственности, низкой плотности и относительной немногочисленности населения, примитивном производстве. Она не знала четкого разделения управленческого и исполнительского труда, не имела специального аппарата управления и принуждения. Функции власти были ограничены. Основная сфера отношений между людьми регулировалась обычаями и табу. Власть советов и вождей (старейшин) держалась на моральном авторитете и поддержке соплеменников. Это была достаточно примитивная, догосударственная демократия, или общинное самоуправление.

С развитием производства и общественного разделения труда, ростом населения, появлением частной собственности и углублением социального неравенства первобытная демократия была подорвана и уступила место авторитарным (монархическим, аристократическим, олигархическим или тираническим) формам правления. Однако даже в авторитарных государствах на протяжении многих веков, а в отдельных странах и до наших дней сохранились некоторые традиционные демократические формы организации, особенно общинное самоуправление. Традиции первобытной демократии оказали большое влияние на появление демократических государств в Древней Греции и в Риме.

Возникновение афинской демократии

Первой, классической формой демократического государства явилась Афинская республика. Она возникла в V в. до н.э. Начало демократическому развитию Афин положили реформы архонта Солона, который в VI в. до н.э. провел глубокие хозяйственные и политические реформы. Они, в частности, предусматривали освобождение плебса от государственных налогов, наделение всех граждан правом выбирать должностных лиц (магистратов) и требовать у них отчета. Однако сами государственные правители могли быть лишь из числа тех, кто оплачивал государственные налоги и военные расходы, т.е. из богатых граждан.

Хотя во времена Солона демократия в Афинах делала еще первые шаги, идеи выборности и подконтрольности правителей, добровольного согласия подчиняться власти, причем не отдельным лицам, а закону, получили массовое распространение и развитие. Наиболее полно они были реализованы во времена Перикла в V в. до н.э. Этот период считается золотым веком афинской демократии.

Перикл руководил афинским правительством и считался народным вождем. Человек незаурядного ума, искусный оратор, тонкий политик, он был противником тирании, определяемой им как правление одной части общества

над всеми. Ей он противопоставлял собственный идеал государственного устройства. «Называется этот строй демократическим, — писал Перикл, — потому что он зиждется не на меньшинстве граждан, а на большинстве их. По отношению к частным интересам законы наши предоставляют равноправие для всех». Осуществленные под его руководством реформы предусматривали равномерное распределение власти среди всех свободных граждан (в их число не входили рабы, женщины и некоренные афиняне).

Народ и личность

Афинская республика представляла собой преимущественно коллективистскую форму демократии. Объединяющим граждан началом была их общая заинтересованность в сохранении своего привилегированного положения, основанного на рабовладении, которое считалось совместным, общинным. Государство состояло из однородных в классовом, этническом и религиозном отношениях граждан. Между индивидом и обществом обычно не возникало острых конфликтов, так как не существовало четкого разделения частной и общественной жизни.

Индивид считал само собой разумеющимся участие в делах общества и государства, между которыми не проводилось различий. Он легко идентифицировал себя с полисом и принимаемыми большинством решениями и чувствовал себя свободным в качестве органической частички единого целого. Это, как пишет видный теоретик либерализма Бенжамен Констан, была коллективная свобода, которая «состояла в коллективном, но прямом осуществлении нескольких функций верховной власти, взятой в целом, обсуждении в общественном месте вопросов войны и мира, заключении союзов с чужеземцами, голосовании законов, вынесении приговоров, проверки расходов и актов магистратов, их обнаружении, а также осуждении или оправдании их действий. Но одновременно со всем этим, что древние называли свободой, они допускали полное подчинение индивида авторитету сообщества, как совместимое с коллективной формой свободы <...> Все частные действия находятся под суровым надзором. Личная независимость не простирается ни на мнения, ни на занятия, ни, тем более, на религию».

Беспрекословное подчинение индивида полису не означало, что афинская демократия была свободна от внутренних конфликтов. Такие конфликты периодически возникали, в первую очередь внутри правящего класса между знатью, богатыми — с одной стороны, и беднотой — с другой. Во времена Перикла противоречия между ними были сглажены прежде всего за счет общего повышения благосостояния граждан и роста среднего класса.

Роль среднего класса

Уже в древности существовало понимание того, что именно средний класс является опорой демократии. «Государство, состоящее из средних людей, — писал Аристотель, — будет

иметь и наилучший государственный строй». По его мнению, многочисленный средний класс сплачивает общество, предотвращает раскол граждан на противоборствующие партии и тем самым стабилизирует государство. Власть большинства будет только тогда наилучшей формой правления, когда оно состоит не из бедняков, демоса, а из средних в имущественном отношении, умеренных в нравах и претензиях к государству людей. Эту форму правления Аристотель называл «политией».

С количественными изменениями среднего класса оказался прямо связан как расцвет афинской демократии, так и ее закат. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 480 г. до н.э. из 30 тысяч ее граждан 20 тысяч относились к низшему имущественному сословию — фетам. К концу эпохи Перикла (примерно 429 г.) фетов было лишь 20 тысяч на 42 тысячи граждан. Впоследствии же, на закате демократии (к 350 г. до н.э.), пролетарии составили большинство — 12 тысяч против 9 тысяч зажиточных граждан, что способствовало перерождению демократии во власть черни — охлократию.

Участие в управлении

Античная демократия заботилась о создании благоприятных условий для участия граждан в управлении делами государства. За счет использования труда рабов (большинство семей имели от одного до десяти рабов) граждане обладали для этого достаточным свободным временем. Кроме того, бедные получали поддержку из государственной казны, а также плату за присутствие на общественных мероприятиях. Тем самым всем обеспечивался необходимый для занятия общественными делами «прожиточный минимум». Общественное мнение также стимулировало политическую активность народа, оценивая участие в политике как единственное достойное занятие афинского гражданина.

Все эти факты позволяют характеризовать античную модель народовластия как демократию преимущественно социальную, т.е. не только провозглашающую равенство политических прав, но и обеспечивающую более или менее равные социальные условия, необходимые для их фактического использования.

Деспотия большинства

В афинском полисе господствовала прямая демократия. Главным институтом власти служило Народное собрание. Именно в нем без каких-либо опосредующих звеньев — партий, парламента или бюрократии — формировалась общая воля, принимались законы и решения.

Власть Народного собрания ничем не ограничивалась и простиралась на любые проявления частной жизни. Абсолютность и всепроникновение власти таили в себе опасность вырождения демократии в тиранию. «Обладание безграничной властью, — писал Д. Актон, — которая разъедает совесть, ожесточает сердце и затуманивает разум монархов, оказало свое

деморализующее влияние и на прославленную демократию Афин. Плохо быть притесняемым меньшинством, но еще хуже — большинством. Ибо в массах таится резерв скрытой силы, которой <...> меньшинство почти не может противостоять <...> Абсолютную волю всего народа нельзя обжаловать, от нее не спасешься и не скроешься».

Пока Народное собрание находилось под влиянием таких мудрых и авторитетных вождей, как Перикл, и противоречия между богатыми и бедными гражданами были сглажены, всевластие большинства сочеталось с терпимостью к различным мнениям, свободе слова и не перерастало в расправу над меньшинством. Однако со сменой авторитетов и ростом имущественного неравенства граждан, усилением влияния черни и общим падением нравов Афинская республика приобрела черты охлократии и тирании большинства.

Всевластие демоса превратилось в абсолютное. Законодатель в лице большинства стал выше закона и попытался решениями, принимаемыми плебсом на рыночной площади, управлять военными действиями, присуждая к смертной казни военачальников за проигранные сражения. Частым явлением стали расправы бедных над богатыми, гонения на еретиков и инакомыслящих, в том числе виднейших философов и мудрецов. Яркие примеры таких расправ — дело об оскорблении божеств («процесс гермокопидов»), изгнание философа Анаксагора, присуждение к смерти величайшего мыслителя того времени Сократа.

Всевластие большинства над меньшинством позволяет характеризовать афинскую демократию как форму правления с сильными деспотическими и даже тоталитарными тенденциями. Неэффективность правления, коррупция, произвол в отношении к меньшинствам, исключение из числа граждан некоренных афинян, преследование инакомыслящих — все это вызывало недоверие к демократии и усиливало лагерь политической оппозиции. Активизация борьбы за власть побудила афинян принять в 410 г. до н.э. специальный закон, предусматривающий смертную казнь и конфискацию имущества лиц, посягающих на демократию.

Однако спасти демократию не смогли ни карательные меры, ни даже пришедшее на ее закате осознание необходимости конституционно ограничить решения большинства и тем самым оградить государство и граждан от капризов и сиюминутных настроений плебса. Афинская республика была подорвана не только вырождением демократии, но прежде всего экономическими причинами, низкой эффективностью труда рабов, а также военными поражениями. Олигархический переворот 411 г. до н.э. положил начало периоду политической нестабильности и постепенной ликвидации демократической формы правления.

Судьбы демократии после падения Афин. Христианство и народовластие

Вырождение и падение наиболее развитой формы древнего народовластия — Афинской республики — носило локальный характер. Государства, по основополагающим качествам схожие с афинской демократией, существовали в Древнем Риме, Древнем Новгороде, во Флоренции и ряде других городов-республик. В целом же в период средневековья в Европе и во всем мире на многие века утвердилось господство авторитарных, преимущественно монархических форм правления. Доминирующим представлением о государственном устройстве стало восприятие общества как единого, сложного, иерархически организованного организма, в котором каждая общественная группа должна «знать свое место» — выполнять определенную общественную функцию и подчиняться власти. Само слово «демократия» исчезло из европейского политического лексикона почти на две тысячи лет, и если оно иногда и использовалось, то не иначе, как в негативном, аристотелевом значении неправильной, извращенной формы правления, разрушительной власти черни.

Однако идеи ограничения монархической власти, обращения ее на службу народу пронизывают всю историю человечества. Огромное влияние на утверждение демократически ориентированного мировоззрения оказало христианство. Оно дало человечеству нравственные заповеди, основанные на признании равенства людей в своем важнейшем, духовном измерении — в отношении к Богу, на уважении человеческого достоинства (поскольку каждый человек сотворен Богом по своему образу и подобию), на освобождении духовно-нравственной жизни от политического контроля («отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу») и приоритете религиозно-нравственных ценностей.

Под влиянием христианства в средние века утвердились идеи о том, что монарх и власть в целом должны служить своему народу и не вправе нарушать законы, вытекающие из Божественных заповедей, морали, традиций и естественных прав человека. Получила распространение концепция общественного договора, трактующая государственную власть как следствие свободного договора между народом и правителем, договора, который обязаны соблюдать обе стороны.

Большое влияние на подготовку благоприятной духовно-нравственной почвы для демократии оказали средневековые религиозные движения — «соборное движение» в католической церкви, выступающее против независимости церковных авторитетов от мирян, христианской общины, а также протестантская реформация, борющаяся за ликвидацию жесткой церковной иерархии и за утверждение в среде верующих демократических идеалов раннего христианства. Под влиянием развивающегося в Европе капитализма и связанного с ним индивидуалистического мировоззрения эти и другие гуманные идеи, ценности и концепции получили широкое признание и распространение. Многие из них легли в основу новых демократических моделей

государственного правления, оказавших прямое влияние на демократию конца XX в.

Глава 12

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

§ 1. Демократия классического либерализма

Либерализм как идейная основа государственного устройства

Существующие В наши дни демократические системы ведут свое начало от форм правления, возникших в конце XVIII—XIX в.

под прямым и разносторонним влиянием либерализма. Заслуги либерализма в развитии политической и демократической мысли чрезвычайно велики. Это идейное и политическое течение выступило под знаменем свободы личности, ограждения ее от государственной тирании.

Либерализм впервые в истории социальной мысли отделил индивида от общества и государства, разграничил две автономные сферы — государство и гражданское общество, ограничил конституционно и институционально сферу действия и полномочия государства в его взаимодействии с гражданским обществом и личностью, защитил автономию и права меньшинства по отношению к большинству, провозгласил политическое равенство всех граждан, наделил личность фундаментальными, неотъемлемыми правами и утвердил ее в качестве главного элемента политической системы.

Родиной либеральных идей и первым местом практического воплощения многих из них является Англия. Еще в эпоху средневековья, когда в континентальной Европе усиливался абсолютизм, англичане сумели ограничить власть монарха. Исходным пунктом многовекового процесса постепенной либерализации английского государства явилось принятие в 1215 г. первого прообраза современных конституций — Великой Хартии Вольностей («Magna Charta Libertatum»). Эта хартия была еще далека от демократии и ограничивала права монарха в пользу аристократии. Однако в ней провозглашалось и право гражданина на личную свободу и безопасность — «ни один свободный человек не должен быть арестован, заключен под стражу, лишен собственности, унижен, изгнан или наказан каким-либо другим способом иначе, как по закону».

Уже с XIV в. в Англии существовал парламент, который в 1689 г. с принятием «Билля о правах» окончательно получил законодательные права. (С этого момента ведет начало законодательный парламентаризм.) Однако этой стране потребовалось еще более двух столетий для демократизации парламента, первоначально больше походившего на средневековое собрание высших сословий, чем на современный законодательный орган.

Идеи и практика либерализма долгое время не совпадали с демократией как теорией и движением. Идеологи раннего либерализма — Джон Локк,

Шарль-Луи Монтескье и другие — были озабочены никак не обеспечением всем гражданам равных политических прав и их привлечением к управлению государством, но стремились оградить класс собственников, а часто и аристократию от произвола со стороны монарха, устранить феодальные ограничения, препятствующие частнопредпринимательской деятельности.

Отличительные черты либеральной демократии

Настороженное отношение либерализма к массам повлияло на либеральную демократию, которая явилась как бы сплавом либеральной идеи ограничения произвола власти с помощью индивидуальных прав и демократического принципа народного суверенитета. В целом же этой модели демократии в ее классическом варианте (XIX — начало XX в.) присущи следующие характерные черты:

1. Отождествление народа как субъекта власти с собственниками-мужчинами, исключение низших слоев, прежде всего наемных рабочих, а также женщин из числа обладающих избирательным правом граждан. В большинстве западных демократий вплоть до начала—середины XX в. сохранялись имущественные и другие цензы — обязательные условия, без наличия которых человек не имел права участвовать в голосовании. (В некоторых штатах США своеобразный имущественный ценз — избирательный налог — был отменен лишь в 1961 г.)

2. Индивидуалистичность, признание личности первичным и главным источником власти, приоритет прав индивида над законами государства. Права личности в целях защиты закрепляются в конституции, неукоснительное выполнение которой контролирует независимый суд.

3. Узкополитический, формальный характер демократии, вытекающий из узкого, негативного понимания свободы как отсутствия принуждения, ограничений. В отличие от античной демократии свобода здесь трактуется не как возможность активного равноправного участия в политике, а как пассивное индивидуальное право быть огражденным от вмешательства со стороны государства и других людей. «Целью древних, — писал в этой связи Б. Констан, — было разделение общественной власти между всеми гражданами страны. Это-то они и называли свободой. Цель наших современников — безопасность частной сферы; и они называют свободой гарантии, создаваемые общественными институтами в этих целях».

4. Парламентаризм, преобладание представительных форм политического влияния. Как писал Д. Актон, урок афинской демократии «учит, что правление всего народа, будучи правлением самого многочисленного и могущественного класса, есть зло такого же порядка, что и неограниченная монархия, и нуждается, почти по тем же самым причинам, в институтах, которые бы защищали его от самого себя и утверждали бы постоянную власть закона, ограждая его от произвольных переворотов во мнениях».

5. Ограничение компетенции и сферы деятельности государства преимущественно охраной общественного порядка, безопасности и прав граждан, социального мира и т.п., его невмешательство в дела гражданского общества, экономические, социальные и духовно-нравственные процессы.

6. Разделение властей, создание сдержек и противовесов как условия эффективного контроля граждан над государством, предотвращения злоупотреблений властью. Как отмечал еще в XVIII в. Монтескье, общество в состоянии проконтролировать лишь ту власть, которая раздроблена и отдельные части которой противопоставлены друг другу.

7. Ограничение власти большинства над меньшинством, обеспечение индивидуальной и групповой автономии и свободы. Меньшинство обязано подчиняться большинству лишь в строго определенных вопросах, за пределами которых оно полностью свободно. Меньшинство вправе иметь свое мнение и отстаивать его в рамках закона, невзирая на принятые большинством решения.

Эти и другие черты либеральной демократии свидетельствуют, что она стала крупным шагом вперед на пути освобождения человека, уважения его достоинства и основополагающих прав. В то же время эта модель демократии, представленная в своем классическом варианте, весьма далека от идеала народовластия и обоснованно подвергается критике.

Слабости либеральной демократии
--

В качестве недостатков классической либеральной демократии обычно отмечают:

1. Социально-классовая ограниченность. Подобно античной демократии, она не распространяется на большинство населения: пролетариев, другие низшие слои, женщин — и поэтому не является властью народа в полном смысле этого слова.

2. Формальность и, как следствие, декларативность демократии для бедных, социально не обеспеченных слоев населения, ее превращение из народовластия в соревнование денежных мешков. Нераспространение демократии на экономические и социальные процессы ведет к углублению общественного неравенства и обострению социальных конфликтов, не удовлетворяет интересов большинства граждан. Стимулируемая этой формой власти имущественная поляризация населения обесценивает для низших слоев фундаментальные права и свободы личности, делает их трудноосуществимыми практически и в конечном счете ставит под сомнение демократичность этой формы правления.

3. Ограниченность сферы демократии и политического участия личности. Ставка на представительные органы и лишь эпизодическую, преимущественно электоральную политическую активность граждан фактически выводит органы власти из-под контроля масс и превращает демократию в форму господства политической элиты. Следствием крайне ограниченного политического участия

является массовой политической апатия, отчуждение граждан от власти, ее слабая легитимность.

4. Принижение роли государства в управлении обществом и укреплении социальной справедливости. Потребности экономического и социального развития требуют расширения государственного регулирования, проведения активной инвестиционной, налоговой и иной политики. Демократическое государство не может ограничиваться ролью «ночного сторожа» и должно иметь право регулировать экономические и социальные процессы, укреплять в обществе справедливость и предотвращать конфликты.

5. Чрезмерный ценностный индивидуализм, игнорирование коллективной природы человека, его принадлежности к различным социальным группам. Это препятствует общественной самореализации личности, ее развитию, стимулирует эгоизм и эгоцентризм, подрывающие основы государства и общества.

Практическим ответом на недостатки классической либеральной демократии явились рабочее, социалистическое, коммунистическое и другие движения, а также новые, во многом противоположные либерализму демократические концепции и попытки воплотить их в жизнь.

§ 2. Коллективистская демократия

Преодолеть недостатки либерального государства и осуществить подлинное народовластие пытаются концепции и реальная модель коллективистской демократии. Этот тип демократии теоретически достаточно детально разработан. Попытки же его практического осуществления, сделанные прежде всего в странах государственного социализма, не увенчались успехом. И все же они значительно обогатили теорию и практику демократии (хотя в большей степени негативным опытом), оказали значительное влияние на современные политические системы Запада.

Коллективистскую демократию нередко называют **идентитарной**. Это название отражает тот факт, что она исходит из целостности народа (нации, класса), наличия у него единой воли еще до акта ее публичного выражения и **идентичности** этой воли и действий представителей власти.

Концепция демократии Руссо

Виднейшие представители теории идентитарной демократии — Руссо, Маркс, Ленин, Карл Шмитт. Первым наиболее ярко выразил и обосновал важнейшие принципы этого типа демократии Жан Жак Руссо (1712—1778). Он подверг критике либеральное разделение общества на «публичное» и «частное». По его мнению, утверждаемые либеральными мыслителями индивидуализм и эгоизм разрушительны для гражданских добродетелей и самого общества. Идеал гражданина демократической республики Руссо — это не ушедший в частную жизнь индивидуалист, а

активный член общества, являющийся источником жизни единого «общественного тела».

Теория демократии Руссо исходит из принадлежности всей власти народу, образованному путем добровольного слияния изолированных, атомизированных индивидов в единое целое. Формирование народа означает полное отчуждение «каждого из членов ассоциации со всеми правами в пользу своей общины». С этого момента личность утрачивает свои права. Они становятся ей не нужны, так как целое — государство — подобно любому другому живому организму, заботится о своих членах, которые в свою очередь обязаны думать о благе государства.

Организмический подход Руссо исключает противоречия, конфликты в отношениях между индивидами и государством, устраняет почву для протеста граждан против власти, для политической оппозиции в целом, а также появления частных интересов. Если все же частный интерес возникает, то он представляет собой патологию и поэтому подавляется. Предпосылкой общности интересов и воли народа является имущественное равенство. Руссо выступает не за полную ликвидацию частной собственности, а за ее ограничение и выравнивание ее размеров.

Сам народ неделим. Он обладает единой, общей волей и неотчуждаемым суверенитетом. Внутри него не существует устойчивого большинства и меньшинства, а потому и нет необходимости в защите последнего. Власть народа как целого ничем не ограничена. «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем организмом, а это означает не что иное, как то, что его силой принудят быть свободным». (Чуть ли не буквально эти слова повторял лозунг, украшавший Соловецкий лагерь в 20-е гг., — «Железной рукой загоним все человечество к счастью».)

Народ как коллективное существо может быть представлен только самим собой, а не избранными представителями. Его общая воля выражается непосредственно на собраниях. Она определяет законы и деятельность правительства, функции которого сводятся лишь к исполнению и техническому обслуживанию решений народа.

Идеи Руссо (принцип народного суверенитета, прямого голосования и др.) нашли свое выражение в конституции Франции 1791 г. В то же время они послужили и оправданию якобинского террора. Не случайно его вдохновитель Робеспьер называл Руссо «провозвестником нашей революции». По конституции 1793 г., в соответствии с идеей Руссо о единстве и непротиворечивости воли народа, принцип равноправия распространялся лишь на единомышленников якобинцев.

Тоталитарная направленность концепции демократии Руссо получила дальнейшее развитие в марксизме и, особенно, в ленинской и сталинской теории демократии, а также реализовалась на практике в моделях «социалистической

демократии», которые сохраняются до наших дней в коммунистических государствах.

«Социалистическая демократия»

Сохраняя важнейшие принципы идентитарной концепции Руссо, теория «социалистической демократии» существенно изменяет их социальный и политический контекст, дает им специфическую интерпретацию. Она исходит из гомогенности и целостности вначале рабочего класса, а после построения социализма и всего народа, из наличия у этих суверенов власти классового, а затем общенародного интереса. Этот интерес существует объективно и первоначально осознается марксистско-ленинской партией, которая вносит выражающее его учение в сознание масс. После чего через механизм социалистической демократии, прежде всего Советы, оформляется и выражается общая воля народа.

В Советах реализуются такие принципы коллективистской демократии, как полновластие, распространенность на все области жизнедеятельности людей, прямая демократия (общие собрания, наказания избирателей, право отзыва депутатов, демократический централизм, предполагающий жесткое подчинение общим решениям), монизм, недопустимость идеологического и политического инакомыслия и оппозиции и др.

Особенности теории «социалистической демократии» по сравнению с концепцией Руссо проявились прежде всего в полном отрицании частной собственности и, следовательно, всякой автономии личности, в подмене народа рабочим классом, трудящимися, а также в идее ведущей роли авангарда рабочего класса и всего народа — коммунистической партии, призванной руководить процессом перехода к полной демократии, общественному самоуправлению.

В действительности же «социалистическое народовластие» с его преимущественно аккламационными (рассчитанными лишь на внешнее выражение одобрения принятых верхами решений) институтами являлось скорее ширмой для прикрытия тоталитарных структур общества, средоточения всей фактической власти у высшего партийного руководства, чем реальной демократией.

Отличительные черты коллективистской демократии

Несмотря на существенные различия, разнообразные коллективистские теории демократии имеют ряд **общих черт**. К ним относятся: 1) коллективизм в трактовке народа, признание народа единым однородным целым, имеющим объективные, существующие еще до своего осознания общий интерес и волю; 2) отсутствие противоречий внутри народа, рассмотрение политической оппозиции как патологии или врага, подлежащего насильственному устранению; 3) коллективистское (близкое к античному)

понимание свободы как активного равноправного участия гражданина в делах всего государства и общества; 4) тоталитарность, всепроникающий абсолютный характер власти, на деле осуществляемой вождями, отождествляемыми с народом (классом, нацией), полная беззащитность меньшинства, в том числе отдельной личности; 5) устранение самой проблемы прав человека, поскольку целое — государство — и без того заинтересовано в благополучии своих собственных составных частей; 6) всеобщая политическая мобилизация, преимущественно прямое участие граждан в управлении, рассмотрение представительных органов и должностных лиц не как самостоятельных в пределах закона и ответственных за принятые решения руководителей, а лишь как проводников воли народа, его слуг; 7) декларирование социальной демократии, перенесение главного акцента с юридического провозглашения политических прав на обеспечение социальных условий для участия граждан в управлении.

Уроки коллективистских экспериментов

Теории коллективистской демократии показали свою практическую несостоятельность или, по меньшей мере, несовместимость с демократией в ее либеральном понимании. Попытки их осуществления неизбежно приводили к появлению нового господствующего класса — номенклатуры, к тоталитаризму, подавлению всякой индивидуальной свободы, террору против инакомыслящих. Оказалось, что власть народа (класса, нации) не может быть реальной без гарантий индивидуальной свободы и других прав личности, без признания и институционального закрепления ее роли как первичного источника власти.

Так называемая общая воля, «классовый», «национальный» или «общенародный» интересы представляют собой вымысел, миф, оправдывающие политическое господство одного лица или группы в том случае, если они определяются кем-то априори, без равноправного участия отдельных свободных личностей и рассматриваются как неоспоримые, надындивидуальные, внутренне непротиворечивые сущности, устанавливающие рамки дозволенного для политической активности граждан, границы демократии.

И все же, несмотря на неудачность своих практических попыток, идейное и политическое движение за коллективистскую демократию критикой классово ограниченной либеральной демократии, постановкой целого ряда важнейших политических проблем (например, вопроса о социальном равенстве как условии демократии, о социальных правах личности) и практическим опытом грандиозного по своим масштабам и замыслам социального эксперимента оказало большое воздействие на развитие политической мысли и эволюцию либеральной формы правления в странах Запада.

Плебисцитарная партийная демократия
--

Некоторые важнейшие идеи коллективистской, идентитарной демократии нашли свое прямое выражение в современных западных теориях.

Наиболее видной из них является **плебисцитарная мандатная теория партийной демократии**. Она развивает идею Руссо о том, что каждый гражданин должен иметь возможность по меньшей мере одобрять или отвергать влияющие на его жизнь законы, которые он обязан уважать. Согласно партийной теории демократии, в современных государствах, с большой численностью населения и огромными по сравнению с древнегреческими полисами территориями, античная модель народовластия наиболее полно реализуется в «партийном государстве».

Различные партийные программы дают гражданам возможность с помощью выборов прямо влиять на содержание государственной политики. Эти программы являются полученными от граждан своего рода мандатами, наказами, которые призваны исполнять и депутаты, и правительство. Связанность депутатов партийными программами и структурами делает их прямыми выразителями народной воли. Тем самым достигается идентичность народа и правительства.

Отражая новые явления в политических системах, эта концепция демократии, по мнению ее критиков, во многом расходится с реальностью. Современные массовые «народные партии» не имеют определенной социальной базы и стремятся привлечь голоса самых различных слоев населения. Поэтому формулировки их предвыборных платформ носят очень общий и расплывчатый характер и мало отличаются друг от друга. Если даже партийные платформы предусматривают достаточно определенные действия, граждане все же вынуждены выбирать программы в целом, в едином пакете, не имея возможности влиять на их конкретное, часто противоречивое содержание.

К тому же, как показывают эмпирические исследования, большая часть избирателей вообще не знакома с партийными программами и строит свой политический выбор в первую очередь на основе существующих традиций, привлекательности партийных лидеров и символики. В силу всего этого «партийная демократия» весьма далека от народовластия.

Под влиянием научно-технической и информационной революций, рабочего, социал-демократического, коммунистического и других движений, а также стран государственно-бюрократического социализма и других факторов во второй половине XX в. либеральная демократия приобрела качественно новые черты.

§ 3. Плюралистическая демократия

Особенности современной демократии

Демократия западного образца выросла из либеральной политической системы и наследует ее основополагающие организационные принципы: конституционализм, разделение властей и др., а также такие ценности, как индивидуальная свобода, права человека, автономия меньшинства и т.п. Оценки и названия современной демократии неоднозначны. Ее часто называют **плюралистической**, поскольку она базируется на не существовавшем ранее многообразии общественных интересов (экономических, социальных, культурных, религиозных, групповых, территориальных и др.) и форм их выражения (политических партий, ассоциаций и объединений, общественных движений, гражданских инициатив и т.д.).

Несмотря на основополагающую общность с классическим либеральным государством, современная демократия существенно отличается от него. Ее **главные особенности определяются тем, что она строится на синтезе различных идей, концепций и форм организации**, пытается сочетать традиционные либеральные ценности с идеями, заимствованными от социалистического, христианского, коммунистического и других движений, учитывает новые реалии постиндустриального общества. В чем же более конкретно состоит специфика современной демократии?

Плюралистическая теория демократии. Группа как главный субъект политики

На этот вопрос среди политологов имеются различные варианты ответов. Пожалуй, преобладающий среди них выражает плюралистическая концепция демократии. Ее виднейшие представители — Г. Ласки, Д. Труман, Е. Фраэнкель, Р. Даль.

В важнейшем вопросе демократии — понимании народа — она занимает как бы промежуточное положение между индивидуалистическими и коллективистскими теориями. Плюралистическая концепция исходит из того, что не личность, не народ, а группа является главной движущей силой политики в современном демократическом государстве.

Индивид без группы — безжизненная абстракция. Именно в группе, а также в межгрупповых отношениях формируется личность, определяются ее интересы, ценностные ориентации и мотивы политической деятельности. Каждый человек — представитель многих групп: семейной, профессиональной, этнической, религиозной, региональной, демографической и т.д. С помощью группы личность получает возможность выражения и защиты своих интересов.

Что же касается народа, то он не может выступать главным субъектом политики, поскольку представляет собой сложное, внутренне противоречивое образование, состоящее из разнообразных конкурирующих в борьбе за власть групп. Назначение демократии — стимулировать многообразие, плюрализм в обществе, предоставить всем гражданам возможность объединяться, открыто

выражать свои интересы, находить с помощью взаимных компромиссов их равновесие, выражаемое в политических решениях.

Демократия как баланс групповых интересов

Демократия — это не власть стабильного большинства, поскольку само оно изменчиво и не монолитно, обычно складывается на основе компромиссов из разнообразных индивидов, групп и объединений. Ни одна из групп современного западного общества не способна монополизировать власть и принимать решения, не опираясь на поддержку других общественных ассоциаций. Объединившись, недовольные группы могут блокировать неудобные решения, выступая тем самым важнейшим социальным противовесом, сдерживающим тенденции к монополизации власти.

Ущемление в политических решениях интересов тех или иных групп обычно увеличивает вовлеченность в политику их членов и тем самым усиливает их влияние на последующую политику. В результате сложного конкурентного взаимодействия на основе политических блоков и компромиссов в государственных решениях устанавливается динамический баланс, равновесие групповых интересов.

Демократия, таким образом, представляет собой форму правления, позволяющую многообразным общественным группам свободно выражать свои интересы и находить в конкурентной борьбе отражающие их баланс компромиссные решения.

Общие черты плюралистических теорий демократии

Если обобщить разнообразные концепции плюралистической демократии, то можно выделить в них следующие общие основополагающие идеи: 1) заинтересованная группа — центральный элемент демократической политической системы, гарантирующей реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя ее статус как первичного субъекта власти и не отрицается; 2) общая воля как результат конфликтного взаимодействия различных групп и их компромиссов. Эта воля не существует априори, до соревнования различных политических акторов, а формируется в процессе «примирения», уравнивания многообразных интересов; 3) соперничество и баланс групповых интересов — социальная основа демократической власти, ее динамики; 4) сдержки и противовесы распространяются не только на институциональную сферу (либерализм), но и на социальную область, где ими выступают группы-соперники; 5) «разумный эгоизм», личный и, особенно, групповой интересы как генераторы политики; 6) государство — не «ночной сторож» (либерализм), а орган, ответственный за нормальное функционирование всех секторов общественной системы и поддерживающий в обществе социальную справедливость. С плюралистической теорией демократии вполне совместимы

теория и практика социального государства, обеспечивающего достойные условия жизни каждому человеку. Государство — это также арбитр, гарантирующий соблюдение законов, правил игры в соревновании многообразных групп и не допускающий монополизации власти; 7) диффузия, распыление власти между разнообразными центрами политического влияния: государственными институтами, партиями, группами интересов и т.д.; 8) наличие в обществе ценностного консенсуса, предполагающего признание и уважение всеми участниками политического соревнования основ существующего государственного строя, демократических правил игры, прав личности, закона; 9) демократическая организация самих базисных групп как условие адекватного представительства интересов составляющих их граждан. Без этого демократия превращается в плюрализм элит.

Слабости теории и практики плюралистической демократии

Плюралистическая теория демократии нашла признание и применение во многих странах мира. Однако ее идеи не бесспорны и подвергаются критике. Одним из исходных недостатков этой теории нередко считают идеализацию действительности, преувеличение групповой идентификации населения, участия граждан в группах интересов. В странах Запада реально лишь не более одной трети взрослого населения представлены в группах интересов. Поэтому построенная по плюралистическим рецептам модель демократии не будет властью большинства.

Этот упрек в адрес плюралистической теории демократии обоснован лишь частично. Действительно, в западных демократиях большинство населения обычно политически пассивно. Однако это еще не означает, что его интересы не выражаются активными представителями групп. Поэтому, хотя плюралистическая демократия далека от идеала прямого народовластия, она все же приближает власть к народу, дает возможность всем желающим участвовать в принятии решений.

Второе, важнейшее направление критики теории плюралистической демократии обвиняет ее в игнорировании или недостаточном учете неравенства политического влияния различных общественных групп и прежде всего приоритетного влияния на власть бизнеса, бюрократии, профсоюзов, военно-промышленного комплекса.

Рядом западных исследований было установлено, что влияние группы непосредственно зависит от ее организованности и способности к политическому соперничеству, конфликту. Организованность связана с уровнем образования, характером труда, величиной группы и другими факторами. Способность к конфликту определяется прежде всего наличием политических ресурсов (деньги, знания, авторитет, СМИ и т.д.), которые распределены в обществе неравномерно. Так, пенсионеры, инвалиды, неквалифицированные

рабочие и некоторые другие группы почти не обладают такими ресурсами, в то время как представители крупного капитала владеют ими в избытке.

Сохраняющееся в современных демократиях социальное неравенство, которое проявляется в неодинаковой способности различных групп к артикуляции (четкому осознанию, формулировке и представлению в органах власти) своих интересов и к их отстаиванию в конкурентной борьбе, в значительной мере противоречит представлениям теории плюралистической демократии о гармоническом равновесии интересов различных общественных групп. В то же время оно не опровергает в целом эту теорию.

К концу XX в. западные государства значительно продвинулись вперед на пути уравнивания жизненных шансов, создания для большинства граждан социальных возможностей политического участия и защиты своих интересов. Сегодня не только высшие слои, но и группы, относящиеся к среднему классу, имеют достаточный образовательный уровень, социальную обеспеченность и защищенность, свободное время и другие условия для оказания организованного влияния на центры власти с целью учета в политических решениях своих интересов. Тем же социальным группам, которые не способны к организованной политической борьбе и не обладают ресурсами влияния, например пенсионерам, помогает представить свои интересы механизм выборов. В погоне за голосами избирателей политические партии стараются обеспечить себе поддержку со стороны самых различных, в первую очередь многочисленных, слоев и поэтому в большей или меньшей степени учитывают их ожидания и запросы в своих программах.

Отражение в политике современных государств интересов различных общественных групп все же не снимает проблему неравенства их политического влияния. В тех государствах, где условия жизни и интересы граждан сблизились, плюралистическая теоретическая модель демократии более адекватно отражает реальность, чем там, где сохраняется высокий уровень социального неравенства.

В современной политической мысли не только подвергается сомнению соответствие плюралистической теории реальной жизни, но и критикуется сама модель такой демократии. Утверждается, что плюралистическая демократия консервативна, поскольку для принятия решений требует широкого согласия всех заинтересованных групп, что трудно обеспечить на деле, особенно в периоды политического реформирования. Такая демократия сводит общую волю к низшему порогу достижимого в обществе согласия. Кроме того, в плюралистической системе с большим трудом пробивают себе дорогу и получают признание всеобщие, глобальные, долгосрочные и новые интересы.

§ 4. Роль масс в современных демократиях

Модель плюралистической демократии не лишена слабостей и недостатков. Однако более близких к идеалу народовластия и к реальной жизни

моделей политических систем сегодня не существует. Поэтому концепция плюралистической демократии имеет широкое влияние на политическую мысль и практику. Акцентируя главное внимание на сложном групповом составе народа как субъекта власти, эта теория, конечно, не может отразить все аспекты современных демократий и дополняется рядом других концепций. Теориями, концентрирующими внимание на самом **процессе осуществления власти, являются репрезентативная** (представительная) и **партиципаторная** (политического участия) концепции демократии.

Репрезентативная демократия

Концепция, Обосновывающая репрезентативную демократию, исходит из ее понимания как компетентного и ответственного перед народом представительного правления. Воля народа здесь не отождествляется с его прямым участием. Она существует далеко не по всем вопросам и выражается гражданами как непосредственно на выборах, так и делегируется представительным органам и депутатам, которые в пределах предоставляемых им полномочий формируют и антиципируют (предвосхищают) общую волю, а порой и действуют вопреки ей под свою ответственность. Отношения между народом и его представителями строятся на основе контроля (преимущественно электорального, с помощью выборов, и институционального, с помощью специальных учреждений), конституционного ограничения компетенций органов власти и должностных лиц и их полной независимости в пределах закона.

Достаточно четкое определение репрезентативной демократии дает известный немецкий ученый Ральф Дарендорф: вопреки буквальному значению, пишет он, «демократия — не «правление народа»; такого на свете просто не бывает. Демократия — это правительство, избираемое народом, а если необходимо, — то народом и смещаемое; кроме того, демократия — это правительство со своим собственным курсом».

Реально репрезентативная демократия обычно воплощается в **парламентаризме** — системе правления, основанной на разделении властей и верховенстве власти парламента, делегированной ему народом на выборах. При этом парламентарии рассматриваются не как представители отдельных избирательных округов, а как выразители интересов в первую очередь всего народа, ответственные в своих решениях лишь перед собственной совестью.

Утверждаемый репрезентативной демократией принцип ограничения непосредственного участия масс в управлении получил специфическое обоснование и развитие в концепциях **элитарной демократии**. Как уже отмечалось, в этих теориях главным носителем демократических ценностей является не масса рядовых граждан, которая часто некомпетентна, неуравновешенна, поддается идеологическим влияниям и склонна к эгалитаризму, а элита, которая способна более эффективно управлять

обществом и защищать ценности либеральной демократии. Масса же должна иметь право периодически контролировать элиту с помощью выборов, влиять на ее состав.

Демократия в этом случае — правление элит, осуществляемое с согласия народа. Она сводится к способу образования власти, преимущество которого по сравнению с другими формами правления состоит в обеспечении гласности и конкурентной сменяемости элит с помощью народного арбитража, осуществляемого на выборах. Развитие демократии связано не с расширением прямого участия масс в управлении, а с созданием эффективных механизмов рекрутирования результативной, эффективной элиты, подконтрольной народу.

Репрезентативные, в том числе элитарные, теории демократии имеют как сильные, так и слабые стороны. В качестве главных **достоинств** этой модели правления обычно отмечают ее способность гарантировать свободный общественный строй и высокую эффективность в выполнении общественных задач. По мнению ее сторонников, репрезентативная демократия гарантирует порядок и политическую стабильность, оберегает общество от преходящих массовых настроений и временных увлечений. Высокая эффективность представительной демократии объясняется рациональностью организации политической системы: четким разделением труда, более высокой по сравнению с прямой и плебисцитарной демократиями компетентностью и ответственностью лиц, принимающих решения.

Если сторонники репрезентативной демократии всячески подчеркивают ее действительные, а порою и мнимые сильные стороны, то противники акцентируют внимание **на недостатках**. К ним относят фактическое отстранение народа от власти в промежутке между выборами и тем самым отход от сути демократии как народовластия; неизбежную (вследствие сложной иерархической системы управления) бюрократизацию и олигархизацию власти, отрыв депутатов и чиновничества от простых граждан; приоритетное влияние на политику наиболее сильных групп интересов и прежде всего капитала, сравнительно широкие возможности подкупа должностных лиц; нарастание в государстве авторитарных тенденций вследствие постепенного оттеснения законодателей исполнительной властью; слабую легитимацию власти вследствие почти полного отчуждения от нее граждан, их массовой политической апатии; ущемление политического равенства, возможностей всех граждан участвовать в политическом процессе за счет чрезмерно больших полномочий представительных органов; широкие возможности политического манипулирования, принятия негодных большинству решений с помощью сложной многоступенчатой системы власти. Основные звенья механизма репрезентативной демократии (избиратель — парламент — правительство — премьер-министр или президент — бюрократия), принимая решения по своему усмотрению, в состоянии до неузнаваемости исказить волю избирателей.

Партиципаторная демократия

Под влиянием усилившейся критики репрезентативной демократии, ее действительной удаленности от идеала народовластия как свободного и равного активного участия граждан в политике в 60—70-х гг. XX в. получили широкое распространение и реальное влияние на устройство институтов управления теории партиципаторной демократии. Они претендуют на максимальное соответствие нормативному идеалу демократии как народовластия и его приспособление к современному государственному и общественному устройству.

Эти теории исходят из трактовки демократии как универсального принципа организации всех областей общественной жизни, обеспечивающего уважение достоинства личности. Демократия должна быть везде — в семье, школе, университетах, на производстве, в партиях, государстве и т.д. В принципе в обществе не существует каких-либо областей, находящихся вне политики и не допускающих демократического участия. Граждане должны активно участвовать не только в выборе своих представителей, и даже не только в принятии решений на референдумах, собраниях и т.п., но и непосредственно в политическом процессе — в подготовке, принятии и осуществлении решений, а также в контроле за их реализацией.

Главными целями партиципации являются всесторонняя демократизация общества, социальная эмансипация и общественная самореализация личности. Этим обеспечивается максимальный учет в политике интересов народа, прочная легитимация власти, преодоление политического отчуждения граждан. Участие многих людей в управлении расширяет интеллектуальный потенциал для принятия решений, увеличивает вероятность их оптимизации, а следовательно, повышается стабильность политической системы и эффективность управления. Кроме того, широкое участие граждан в политическом процессе обеспечивает эффективный контроль за должностными лицами, предотвращает злоупотребления властью, отрыв депутатов от народа, бюрократизацию чиновничества.

К радикальным вариантам теории партиципаторной демократии примыкают политические концепции новых социальных движений, например экологистов. Все эти теории объединены идеями децентрализации управления, прямого участия в нем широких народных масс, развития самоуправления.

У партиципаторной демократии имеются не только сторонники, но и оппоненты. Ее критики утверждают, что демократия не может быть формой жизни, универсальным принципом ее организации, поскольку лежащие в основе демократии идеи свободы и равенства с момента ее происхождения относятся лишь к взаимоотношениям между гражданами и государством и противоречат естественному неравенству и принуждению, присущим некоторым областям жизнедеятельности, например взаимоотношениям учителей и учеников, руководителей и подчиненных и т.д.

Предполагаемая партиципаторной демократией широкая политизация общества ведет к тоталитаризму или популистскому авторитаризму. Она

ограничивает индивидуальную свободу, создает угрозу частной собственности и предпринимательству, поскольку подчиняет личность решениям большинства, обычно склонного к уравнительности и идеологическим влияниям.

Кроме того, недостатками этой демократии являются низкая эффективность принимаемых решений вследствие недостаточной компетентности и эмоциональной неуравновешенности масс; снижение институциональной ответственности должностных лиц, поскольку важнейшие решения принимаются широким кругом никем не контролируемых и ни за что не отвечающих непрофессионалов; сложность и высокая стоимость практического осуществления; невозможность без принуждения привлечь к систематическому участию в управлении большинство граждан, важнейшие жизненные интересы которых обычно связаны с профессией, рабочим местом, доходами, семьей, досугом и т.д.

Как видно из приведенного выше анализа демократических теорий и форм, каждая из них имеет как достоинства, так и недостатки. Реально существующая демократия в индустриально развитых странах мира стремится совмещать идеи самоуправления и партиципации (главным образом на местном уровне, а частично и на производстве) с представительством в масштабах всего государства. В целом же это **преимущественно репрезентативная плюралистическая демократия, базирующаяся на либеральных ценностях и учитывающая в большей или меньшей степени некоторые христианские и социалистические коллективистские идеи.** Является ли она лучшей из существующих в современном мире форм правления, образцом политического устройства для всех народов и прежде всего России?

Глава 13

ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

§ 1. Нужна ли обществу демократия?

Распространение демократии в мире — сложный и противоречивый процесс. С момента возникновения Афинской республики демократические государства всегда оставались в меньшинстве. В истории человечества после редких «приливов» демократии, расширения числа демократических государств обычно следовали ее затяжные «отливы» — сокращение численности таковых или вообще исчезновение на многие века. Любая ли страна готова к демократии и что она способна дать обществу и отдельным людям — разрушение государственности, хаос и анархию или свободу, порядок и процветание? Ответы на эти вопросы особенно актуальны для России и ряда других постсоциалистических государств, вступивших на путь демократизации общества.

Ценностные обоснования демократии

На протяжении многих десятилетий либеральная демократия была одним из главных символов Запада в его борьбе с коммунистической идеологией и странами командного социализма. Это наложило свой отпечаток не только на обыденные, но и на научные представления о демократии, способствовало массовому распространению идеализированных, явно завышенных оценок ее возможностей, проявившихся в попытках обоснования демократии как универсальной и наилучшей формы политического устройства для всех стран и народов.

В мировой политической мысли существуют **ценностные и рационально-утилитарные** обоснования демократии. Первые из них рассматривают демократию как самоценность (независимо от ее экономического и социального влияния), как реальное воплощение в государственном устройстве важнейших общечеловеческих ценностей: свободы, равенства, социальной справедливости и т.п. Так ли это на самом деле? Насколько современная модель демократии воплощает в себе эти ценности или способствует их реализации и являются ли сами эти ценности общечеловеческими, т.е. признаваемыми и желаемыми всеми людьми или хотя бы их подавляющим большинством?

**Демократия и свобода.
Свобода как ценность**

Одной из наиболее почитаемых демократических ценностей является свобода. На протяжении тысячелетий многие из проявлений свободы не считались благом. Даже величайший ум античности Аристотель считал предоставление людям возможности жить так, как это им заблагорассудится, признаком неправильных, плохих форм правления.

Некоторые цивилизации вообще не знали понятия свободы в его либеральном толковании, т.е. как независимости от государства и общества. Так, в Китае либеральное понимание свободы принесли европейские христианские миссионеры лишь в XIX в. Это общество исходило из естественности общественной и политической иерархии, построения государственного правления на основе таких принципов, как человечность, забота старших о младших и послушание последних, благовоспитанность, стыд и наказание.

Наиболее далеко в отрицании свободы, трактовке ее как антиценности зашла тоталитарная мысль. Глубоко раскрывая логику этого мышления, один из героев знаменитого романа Е. И. Замятина «Мы» отождествляет свободу с неорганизованным, диким состоянием человечества, оборотной стороной которого являются преступления и несчастье.

И хотя в современном мире тяга к свободе значительно усилилась, очень многие люди, если не подавляющее большинство, не раздумывая поменяют свободу, особенно политическую, на материальное благополучие, безопасность и порядок. Массовость такого отношения к свободе ставит под сомнение

ценностное обоснование демократии как реального воплощения свободы в государственном устройстве.

Очевидно, что если сама свобода не считается многими наиглавнейшей общечеловеческой ценностью, то еще меньше на это может претендовать демократия, предполагающая осуществление лишь очень узкого аспекта свободы — свободы политической. Как уже отмечалось, демократия вполне совместима с отсутствием у индивида личной свободы и других прав, с тиранией большинства. Да и применительно к политической свободе сам принцип демократии обычно не запрещает ее ограничение с помощью экономических, социальных, информационных и некоторых других ресурсов, которые в рыночном обществе распределены достаточно неравномерно.

Неотъемлемым для демократии является, таким образом, лишь один, формально-политический аспект свободы, предполагающий равное право граждан на участие в формировании органов власти. Является ли это право ценностью для современных граждан?

Ценность политической свободы

На протяжении тысячелетий вполне естественным и справедливым считалось правление монархов и аристократии, исключаящее всякую политическую свободу. С развитием индивидуалистического мировоззрения и самосознания личности усилилась тяга людей к участию в делах государства, политическая свобода превратилась в одну из общественных ценностей. И все же несмотря на то, что политика оказывает достаточно большое влияние на жизнь современного человека, возможность свободного участия в ее формировании, равноправного влияния на власть не считается большинством граждан важнейшей ценностью.

Это объясняется прежде всего тем, что непосредственные жизненно важные интересы граждан обычно лежат во внеполитических сферах и их реализация непосредственно не связана с демократией. Политическая свобода может даже препятствовать их осуществлению. В таких случаях граждане, как правило, предпочитают ограничивать свою свободу ради других жизненно важных целей, например экономической эффективности, укрепления безопасности и порядка и т.д. При этом демократия, решения большинства вполне могут выступать инструментом ограничения индивидуальной, а иногда и всякой свободы, как это было, например, в случае демократической передачи верховной власти в Веймарской республике Гитлеру.

Относительно невысокий ценностный статус политической свободы в массовом сознании объясняется также неблагоприятным соотношением ее непосредственных «плюсов» и «минусов», личностных выгод и затрат. Прямая личная польза от активной реализации политических прав обычно невелика и часто вообще кажется сомнительной из-за малой вероятности способности отдельного человека повлиять на принятие политических решений. Затраты же времени, энергии, а иногда и материальных средств, необходимые для

эффективной политической деятельности, очень значительны. Поэтому с точки зрения текущих, узкоэгоистических интересов индивиду вообще невыгодно использовать политическую свободу, участвовать в решении государственных и общественных вопросов. Хотя общественная деятельность способствует самореализации человека, большинство людей все же предпочитают политике другие сферы самоутверждения.

Относительно невысокая значимость для большинства людей политической свободы и весьма слабая связь демократии и свободы ставят под сомнение ценностные обоснования демократии.

**Демократия, равенство,
социальная справедливость**

Не отличаются убедительностью и другие широко распространенные ценностные обоснования демократии, например ее отождествление с равенством и социальной справедливостью. Сами эти понятия достаточно неоднозначно трактуются различными людьми, в том числе и учеными.

В современном мире в качестве почитаемой большинством граждан ценности выступает понимание равенства как одинаковых для каждого человека жизненных шансов, возможностей для самореализации личности, ее развития или же как получение каждым воздаяния по заслугам. Такое равенство считается справедливым в противоположность социальной уравниловке и несправедливому неравенству.

Демократия весьма слабо связана с обеспечением равенства возможностей и воздаянием по заслугам. Она означает лишь формальное равенство всех граждан, т.е. их равноправие как юридических лиц. Обеспечиваемое ею политическое равенство очень далеко от фактического равенства жизненных шансов людей и может использоваться в качестве ширмы, прикрывающей глубокое социальное неравенство.

Учитывая весьма слабую связь демократии со свободой, равенством и гуманизмом в целом, нет никаких оснований отождествлять ее и с социальной справедливостью, являющейся одной из основополагающих человеческих ценностей.

Явно неоднозначное отношение демократии к наиболее почитаемым людьми (общечеловеческим) ценностям — свободе, равенству, социальной справедливости и др., а также их различное, порой прямо противоположное толкование и весьма распространенное предпочтение им других, более земных повседневных радостей свидетельствуют о несостоятельности или, по меньшей мере, сомнительности ценностных обоснований демократии, равно как и практических попыток принудительно «осчастливить» ею различные народы.

Если демократия сама по себе не является сколь-нибудь общепризнанной ценностью, то, может быть, она имеет инструментальную ценность, т.е. способна принести обществу и людям наибольшую по сравнению с другими формами правления пользу?

Рационально-утилитарные обоснования демократии

Вторая, рационально-утилитарная группа аргументов в пользу демократии абстрагируется от ценностного подхода и трактует ее как наиболее рациональную, полезную для граждан форму организации. Утверждается, что демократическое правление позволяет всем общественным группам артикулировать и гармонично сочетать свои интересы. Оно увеличивает восприимчивость общества к новым веяниям, требованиям времени и различных социальных сил, повышает вероятность нахождения оптимальных решений.

Демократия представляет собой механизм выявления и отбора социальных альтернатив. Совместно с конкурентными рыночными структурами она делает общество открытым для любых идей и вариантов развития, предпочитаемых народом. Поэтому демократическое рыночное государство можно называть открытым обществом. Это означает неприменимость к нему таких широко распространенных характеристик, как «капитализм» и «социализм».

Системные обоснования демократии

Достаточно детальное рационально-утилитарное обоснование демократии содержится в системной теории (Н. Луманн, К. Дойч и др.). Системные версии демократии оправдывают ее существование не гуманными соображениями, а наилучшими возможностями сохранения и развития социальной системы, ее адаптации к непрерывно изменяющейся среде. Высокой приспособляемости демократической системы служит целый ряд присущих ей принципов. Так, стимулируемый демократией **плюрализм** обеспечивает многообразие общественных явлений, богатство духовных и социальных альтернатив, расширяя тем самым диапазон политического выбора и вероятность нахождения оптимальных путей развития. Демократическое **соучастие** позволяет представить различные взгляды и позиции при принятии политических решений, осуществлять отбор наиболее приемлемых из них.

Наличие **оппозиции** дает возможность всесторонне анализировать проекты политических решений, выявлять их слабые стороны, находить альтернативы. Периодическая конкурентная **смена парламента и правительства** способствует своевременному исправлению ошибок и гибкой корректировке политического курса в соответствии с изменяющейся ситуацией.

Системные интерпретации демократии подвергаются критике за их гуманистическую индифферентность, абстрагирование от нравственных императивов и общечеловеческих ценностей. С точки зрения системного подхода с одинаковым успехом можно оправдать любые антигуманные формы организации, способствующие самосохранению системы.

Системная модель демократии — в частности и ее рационально-утилитарные обоснования — вообще исходит из традиционных либеральных представлений о человеке как рационально мыслящем и действующем существе, стремящемся к свободе, уважающем демократические процедуры, закон, интересы и права других людей и способном к самоограничениям. Предполагается, что ключевая фигура такой демократической модели — избиратель — правильно «осознает свои собственные интересы и оценивает альтернативных кандидатов на основе того, кто из них будет наилучшим образом служить его интересам, и затем отдает свой голос за кандидата, наиболее высоко оцененного им».

Такая модель личности в большей или меньшей степени отражает западные реалии, но никак не является универсальной.

Социальная иррациональность поведения, индивидуальный и групповой эгоизм, пренебрежение интересами других людей и народов, нежелание идти на компромиссы, национальная, религиозная и классовая непримиримость и сегодня являются типичными чертами политической жизни большинства государств мира.

Как отмечают многие политические антропологи, человек не всегда готов к демократии, ибо он — «существо противоречивое, всегда рискованное и опасное, готовое к вырождению, поддающееся внешнему воздействию, натравливанию, и лишь частично разумное». Не только отдельные индивиды, но и целые народы привыкли к патерналистскому отношению со стороны власти. Многие не могут нормально существовать без твердой, авторитарной власти, ограничивающей эгоистические устремления и агрессивные инстинкты и защищающей человека «от самого себя».

Демократия не универсальная ценность

И хотя не со всеми подобными суждениями о человеке и демократии можно согласиться, история учит, что демократия — благо лишь тогда, когда она соответствует политической культуре и менталитету народа, имеет необходимые экономические и социальные предпосылки. В противном случае она вырождается в охлократию — власть толпы, направляемой демагогами, приводит к хаосу и анархии и в конечном счете к диктаторским режимам.

Уязвимость для критики как ценностных, так и рационально-утилитарных обоснований демократии означает, что **она не является универсальной, наилучшей для всех времен и народов формой правления.** «Плохая», неэффективная демократия может быть хуже для общества и граждан, чем некоторые авторитарные и даже тоталитарные режимы. История свидетельствует, что многие монархии, военные хунты и другие авторитарные правительства делали для экономического процветания, повышения благосостояния, укрепления безопасности граждан и гарантирования их

индивидуальной свободы, а также справедливого распределения результатов труда гораздо больше, чем слабые или коррумпированные демократические режимы.

Преимущества демократии

И все же растущее стремление населения современного мира к демократическим формам правления не случайно. **При наличии определенных социальных предпосылок** демократия имеет ряд преимуществ над другими формами правления.

Общий недостаток всех недемократических политических систем состоит в том, что они не подконтрольны народу, а значит, характер их взаимоотношений с гражданами зависит прежде всего от воли правителей. В прошлые века возможность произвола со стороны авторитарных правителей существенно сдерживалась традициями правления, относительно высокой образованностью и воспитанностью монархов и аристократии, их самоконтролем на основе религиозно-нравственных кодексов, а также мнением церкви и угрозой народных восстаний. В современную эпоху эти факторы либо вообще исчезли, либо их действие сильно ослабло. Поэтому **надежно обуздать власть, гарантировать защиту граждан от государственного произвола может только демократическая форма правления.**

Она нужна не только отдельным гражданам, но и самой политической системе. В условиях ослабления возможностей харизматической, традиционной и идеологической легитимации, чтобы быть эффективной, власть особенно нуждается в признании народом посредством демократических процедур.

Современный общественно-экономический прогресс во многом стимулирует развитие демократии, питает демократический менталитет и ценностные ориентации граждан. Он требует социальной эмансипации личности, уважения ее достоинства и независимости мышления, фундаментальных прав и свобод. Он нуждается в свободе информации и плюрализме общественной жизни в целом. И в этом смысле **тем народам, которые готовы к индивидуальной свободе и ответственности, ограничению собственного эгоизма, уважению закона и прав человека, демократия действительно создает наилучшие возможности для индивидуального и общественного развития, реализации гуманистических ценностей: свободы, равноправия, справедливости, социального творчества.** Какие же общественные условия необходимы для того, чтобы демократия была возможна и эффективна, служила общему благу?

§ 2. Предпосылки и пути демократизации

Хотя идея демократии получила в современном мире широчайшее распространение и признание, в условиях этой формы правления живет все еще

меньшинство населения земли. Во многих странах демократия служит лишь респектабельным фасадом преимущественно авторитарной власти. Часто демократические формы правления оказываются нежизнеспособными и терпят крах. Какие же факторы делают возможным переход к демократии и от чего зависит ее стабильность? Ответить на эти вопросы пытались многочисленные научные исследования, осуществленные на Западе после второй мировой войны. Их авторы на основе сравнительного анализа обширного статистического материала выявили целый ряд **экономических, социальных, культурных, религиозных и внешнеполитических предпосылок демократии.**

Экономические предпосылки демократии

Одной из важнейших экономических предпосылок демократии является относительно **высокий уровень индустриального и экономического развития в целом.** По экономическим показателям демократические страны значительно опережают авторитарные и тоталитарные государства. Однако прямой причинной зависимости между уровнем экономического развития и демократией нет. Это доказывает целый ряд исторических фактов. Так, США перешли к демократии еще в XIX в. на преимущественно доиндустриальной стадии. В то же время, несмотря на относительно высокое промышленное развитие СССР, ГДР, Чехословакии, Южной Кореи, Бразилии и т.д., там вплоть до недавнего времени существовали тоталитарные или авторитарные режимы.

От индустриального развития зависит такая предпосылка демократии, как **высокая степень урбанизации.** Жители крупных городов больше подготовлены к демократии, чем сельское население, отличающееся консерватизмом, приверженностью традиционным формам правления.

Еще одно важное условие демократии — **развитость массовых коммуникаций,** которая характеризуется распространенностью газет, радио и телевидения. СМИ помогают гражданам компетентно судить о политике: принимаемых решениях, партиях, претендентах на выборные должности и т.д. В странах с большой территорией и высокой численностью населения без массовых коммуникаций демократия практически невозможна.

Одной из важнейших предпосылок демократии выступает **рыночная, конкурентная экономика.** История не знает примеров существования демократии в государствах без рынка и частной собственности. Рыночная экономика препятствует концентрации экономической и политической власти в руках одной из групп общества или партийно-государственного аппарата. Она обеспечивает автономию индивида, предохраняет его от тоталитарного государственного контроля, стимулирует развитие у него таких необходимых для демократии качеств, как стремление к свободе, ответственность, предприимчивость. Без рынка не может быть гражданского общества, на

котором базируется современная демократия. Нуждаясь в конкурентных рыночных отношениях, демократия вполне совместима и со значительным развитием системы государственных предприятий и социального обеспечения.

Социальные предпосылки демократии
--

Рыночная экономика лучше, чем командная хозяйственная система, обеспечивает создание такой важной предпосылки демократии, как **относительно высокий уровень благосостояния граждан**. Он позволяет смягчать социальные конфликты, легче достигать необходимого для демократии согласия.

Общественное богатство оказывает благоприятное воздействие на демократизацию общества в том случае, если способствует **сглаживанию социального неравенства**. Это — следующая предпосылка демократии. Доказано, что поляризация социального неравенства порождает острые политические конфликты, разрешение которых часто невозможно с помощью демократических институтов и методов. Поэтому поляризация общества на богатых и бедных — серьезное препятствие для демократии, хотя эта форма правления невозможна и при уравнительном распределении благ.

Для демократии наиболее благоприятна модель **декомпозиции социального неравенства**, преобладающая в современных индустриально развитых странах. Эта модель не допускает концентрации различных дефицитных благ (дохода, богатства, престижа, власти, образования и т.д.) у одной социальной группы (класса), а требует их рассредоточения в обществе так, чтобы индивид, имеющий низкий показатель в одном отношении (например в доступе к власти), мог компенсировать себе это за счет обладания другими благами (например высоким доходом и образованием). Такая структура социального неравенства препятствует статусной поляризации общества и возникновению острых массовых конфликтов.

Декомпозиция социального неравенства в значительной мере совпадает с такой общей предпосылкой демократии, как **социальный плюрализм**. Он означает многообразие социального состава населения, наличие в нем не относительно однородной, аморфной массы, а четко оформившихся классов, профессиональных, региональных, религиозных, культурных, этнических и других групп, обладающих коллективным самосознанием. Такие группы сдерживают тенденцию к концентрации государственной власти, выступают противовесом силам, стремящимся к ее монополизации, создают возможность установления эффективного контроля над властью. Социальный плюрализм характеризует развитость гражданского общества, его способность к формированию независимых от государства партий и групп интересов, т.е. к политическому плюрализму.

Социальный плюрализм не противоречит такой важнейшей предпосылке демократии, как **наличие многочисленного и влиятельного среднего класса**, поскольку сам этот класс внутренне дифференцирован и состоит из различных групп, близких по важнейшим стратификационным показателям: доходу, образованию и т.д. Средний класс отличается высоким уровнем образования, развития самосознания личности, чувства собственного достоинства, компетентностью политических суждений и активностью. Он больше, чем низшие и высшие слои, заинтересован в демократии. В современных западных демократиях средний класс составляет большинство населения. Не случайно их нередко называют обществами «двух третей», что отражает благополучное существование в них примерно двух третей всех граждан.

Помимо среднего класса опорой демократической формы правления являются **предприниматели** — связанная с рынком конкурентная буржуазия. Принципы плюралистической демократии вполне соответствуют ее образу действий и индивидуалистическому мировоззрению. Формирование демократии обычно идет успешней в больших государствах с развитым внутренним рынком и конкурентной буржуазией. Страны же с односторонней, ориентированной на экспорт экономикой и сросшейся с государством монополистической буржуазией больше предрасположены к авторитаризму.

Общей предпосылкой демократии является **грамотность населения, его образованность в целом**. Очевидно, что от образованности прямо зависит компетентность политических суждений личности, ее интеллектуальное развитие, свобода мышления, чувство собственного достоинства. Необразованный человек по существу стоит вне политики и вне демократии, является объектом манипулирования со стороны власти или других политических сил.

Наличие разнообразных экономических и социальных предпосылок не обязательно порождает демократическую форму правления. Однако переход к демократии возможен и наиболее вероятен в индустриально развитых странах с рыночной экономикой, сглаженным социальным неравенством и невысокой конфликтностью, многочисленным средним классом и влиятельной рыночной буржуазией, плюралистической социальной структурой. И наоборот, в государствах с большим количеством малообеспеченных людей, поляризацией в распределении доходов и имущества и, как следствие, с острыми социальными конфликтами демократия не будет эффективной и жизнестойкой.

Политическая культура как предпосылка демократии

Воздействие экономических и социальных факторов на государственное устройство во многом опосредуется господствующей в обществе **политической культурой**. Она представляет собой менталитет, способы восприятия и осмысления политики, переработанный в человеческом сознании

опыт людей, их установки и ценностные ориентации, характеризующие отношение граждан к власти.

Суть и влияние политической культуры на общество специально рассмотрены в главе 17. Применительно же к демократии следует отметить, что с ней совместим лишь определенный тип политической культуры, названный известными американскими политологами Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой **гражданской культурой**. Они выделяют три основных типа политических культур: **патриархальную**, для которой характерно ограничение политического горизонта людей их непосредственными, повседневными жизненными интересами, неосознанность последствий своего участия в политике, своей политической роли; **подданническую**, при которой гражданин, хотя и может понимать цели и назначение политики, но чувствует и ведет себя как исполнитель приказов политических лидеров, и **активистскую** (политического участия), носители которой воспринимают себя самостоятельными активными соучастниками политического процесса, ясно осознают свои цели и пути их реализации.

Демократия может укорениться лишь на почве гражданской политической культуры, сочетающей качества активистской и подданнической культур. Такая ее двойственность отражает необходимые для демократии активное участие в политике, способность править — с одной стороны, и подчинение закону, решениям большинства — с другой.

Если одни типы политических культур способствуют утверждению демократии, то другие препятствуют переходу к ней. Так, движение к демократии тормозит «целостная», тотальная политическая культура, рассматривающая государство, общество и индивидов как единое целое и не допускающая автономии личности и политических институтов по отношению к государству. Демократии враждебна и культура, почитающая власть и ее иерархическое устройство, терпимая к политическому насилию. И, напротив, ей благоприятствует открытая, индивидуалистическая политическая культура, допускающая общественный плюрализм и высоко ценящая права человека, его свободу и ответственность, способность к самоограничениям и компромиссам.

Влияние религии

На политическую культуру и поведение граждан большое влияние оказывает религия. Во многом формируя менталитет, наиболее глубокие структуры политического сознания и мировосприятия людей, религия может как тормозить переход к демократии, так и стимулировать его. Благоприятное воздействие на утверждение демократического правления оказал протестантизм с его установками на индивидуальную свободу и ответственность, равенство, трудолюбие, отрицание церковной иерархии. Сегодня все страны с преобладающим протестантским населением имеют демократические правительства.

Далеко не все религии стимулируют развитие демократии. Так, например, плохо совместим с ней ислам, особенно его идеи отрицания различий между политикой и религией, между духовной и светской жизнью. Ему чужда сама проблема политического участия граждан. В общем плане демократии препятствуют религии и культуры, не оставляющие личности свободного пространства и выбора и претендующие на совершенство и завершенность, на религиозную регламентацию личной и общественной жизни, ее жесткое подчинение конечным целям.

Внешнеполитические предпосылки демократии

Экономические, социальные, культурные и религиозные факторы характеризуют внутренние предпосылки демократии. Однако растущее значение для нее имеет **внешнее влияние**. Оно проявляется двояко: через прямое военное, политическое, экономическое, культурно-информационное и иное воздействие и с помощью влияния примера демократических государств. Как показала история, демократия может быть результатом не только внутреннего развития, но и следствием внешнего воздействия, в том числе с помощью силы. В десятках бывших колоний демократические институты создавались под прямым воздействием метрополий, а в отдельных государствах, например в Доминиканской Республике и ФРГ, — после военной оккупации. Однако в случае привнесения извне демократия не будет стабильной и жизнеспособной до тех пор, пока не создадутся необходимые для нее внутренние предпосылки.

В общем плане процессу демократизации способствует соседство с влиятельными демократическими державами и их разносторонняя поддержка. Однако далеко не всегда помощь со стороны таких стран бывает значительной и бескорыстной, тем более, если речь идет о крупных государствах — бывших соперниках и потенциальных конкурентах.

Разнообразные предпосылки демократии характеризуют возможность перехода к ней тех или иных стран, однако еще не раскрывают суть самого этого процесса. Что же он собой представляет?

Общие модели демократизации

Анализ и обобщение опыта перехода к демократии различных стран позволяет выделить несколько типичных образцов, моделей этого процесса. Классической моделью обычно считают британский вариант демократизации. Его суть состоит в постепенном ограничении монархической власти, расширении прав граждан и парламента. Вначале подданные получают гражданские (личные) права, затем — права политические и значительно позднее — социальные. Постепенно ограничиваются и устраняются избирательные цензы. Парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство.

Эту модель называют **линейной** демократизацией, поскольку она означает постепенное, однонаправленное расширение демократии.

От линейной модели существенно отличается **циклическая** модель демократизации. Она предполагает чередование демократических и авторитарных форм правления при формальном позитивном отношении к демократии политической элиты. В этом случае избранные народом правительства либо свергаются военными, либо сами узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции.

При циклической модели авторитарные и демократические институты могут соседствовать друг с другом, например существование парламента совмещается с закреплением особой роли военных в государстве. Эта модель широко распространена в Латинской Америке, Африке и Азии. Ее испытали Боливия, Аргентина, Гана, Нигерия, Таиланд и многие другие страны. Такой переход к демократии обычно бывает затяжным и трудным. Он свидетельствует о недостаточной зрелости внутренних предпосылок демократии и, особенно, о ее слабой укорененности в господствующей политической культуре.

Более перспективной по сравнению с циклической моделью, является **диалектическая** модель демократизации. Она, как и циклическая модель, характеризуется нестабильностью переходных политических режимов. Однако отличительная черта ее состоит в том, что здесь переход к демократии осуществляется под влиянием уже достаточно созревших для нее внутренних предпосылок: индустриализации, многочисленного среднего класса, достаточно высокого образовательного уровня граждан, рационализации и индивидуализации массового сознания и т.д. Нарастание этих и других факторов приводит к довольно быстрому и внезапному краху авторитарных режимов.

Приходящие им на смену демократические правительства часто оказываются неспособными эффективно управлять страной и вновь сменяются авторитарными режимами. Последние, однако, бывают недолговечными и, не справляясь со сложными задачами государственного управления, уступают место демократическим силам или свергаются ими. Затем постепенно устанавливается стабильная, жизнеспособная демократия. Такой путь развития прошли многие страны: Италия, Греция, Испания, Австрия, Чили и др. Во многом подобным образом разворачиваются события в ряде республик бывшего СССР и в самой России.

Закономерности демократизации

Все рассмотренные выше модели демократии отражают временную последовательность и характер демократических преобразований.

Этот сложный и богатый по содержанию процесс имеет ряд общих тенденций (иногда их называют закономерностями), проявляющихся во всех переходящих

к демократии странах или в подавляющем большинстве из них. Так, установлено, что стабильность демократии обычно прямо зависит от постепенности перехода к ней и минимальности использованного для этого насилия. Как отмечает С. П. Хантингтон, жизнеспособную демократию нельзя создать революционным путем под руководством идеологизированного политического движения. «Все революционные силы, находящиеся в оппозиции к авторитарному режиму, называют себя демократическими, но, придя к власти, они устанавливают еще более репрессивный, чем прежде, режим».

Оптимальным для демократизации общества является осуществление преобразований сверху путем соглашения элит. Политическая активность масс может играть положительную роль лишь в том случае, если они не слишком идеологизированы и радикализированы и их участие институциализировано, т.е. осуществляется не в форме спонтанных выступлений, бунта, а через политические институты и контролируется элитами. Взрывы неинституциализированной политической активности масс чреваты разрушительными последствиями и анархией, а в конечном счете и установлением диктатур, приходящих к власти под лозунгами восстановления общественного порядка и безопасности.

Утверждению демократии способствует опережающее развитие политической соревновательности, партийного плюрализма по отношению к массовому политическому участию. Важнейшим общим условием успеха демократизации является политическая стабильность, предполагающая реформирование общества в рамках закона при сохранении способности государственных институтов управлять страной.

Все эти и другие закономерности демократизации действуют усреднение, как тенденции, и претерпевают значительные изменения в зависимости от конкретных обстоятельств политического и общественного реформирования. Это наглядно проявилось в процессе перехода к демократии бывших коммунистических государств.

Особенности перехода к демократии постсоциалистических стран

Вторая половина 80-х гг. XX в. ознаменовалась крахом тоталитарных и авторитарных режимов в большинстве стран административного социализма. Эти страны глубоко отличались от любых других государств, когда-нибудь переходивших к демократии, прежде всего сочетанием в большинстве из них индустриального уровня развития, достаточно высокой образованности населения, авторитарно-тоталитарной власти и политической культуры, массового распространения социалистической идеологии, включающей наряду с утопическими идеалами и близкие к демократическому мировоззрению установки на равноправие, социальную справедливость, распределение доходов по труду, солидарность и гуманизм.

Сам процесс демократизации постсоциалистических государств начался в результате постепенной либерализации политического сознания правящей элиты и коммунистических партий в целом, Он проходил под воздействием длительной острой идеологической и политической конфронтации с Западом. Это, а также унаследованные от марксизма доктринерство, вера в единственно верную теорию или модель преобразований привели к ослаблению в политике большинства из постсоциалистических государств центризма и здравого смысла, к радикализации элит, поляризации их политических ориентаций: на западные модели либеральной демократизации — с одной стороны, и на традиционные социалистические принципы — с другой.

Такая радикализация политической элиты препятствовала нахождению оптимального, «среднего» пути преобразований, чутко учитывающего как мировой опыт, так и конкретные условия собственных государств. В странах, вступивших на путь реформ, достаточно четко наметились два **главных пути общественных и политических преобразований.**

Путь либерализации

Первый из них предполагает быструю политическую и экономическую либерализацию западного образца, так называемую шоковую терапию. По этому пути пошли практически все восточноевропейские страны, в том числе СССР. В тех из них, что были ближе к Западу по своей политической культуре, экономическим укладам и т.д., демократизация и трансформация общества были более или менее успешны, хотя и сопровождались падением производства и рядом других серьезных негативных явлений.

В государствах же, не имеющих характерных для Запада многолетних традиций рыночной экономики и индивидуалистической культуры, попытка реализовать либеральную модель демократии привела к тяжелым, разрушительным последствиям: ослаблению, криминализации, а то и к распаду государства, к политической и экономической анархии, а нередко и к войнам, резкому спаду производства, росту преступности и падению уровня жизни подавляющего большинства населения и т.д.

Особенно губительные последствия принятие либеральной модели демократизации и реформирования имело для СССР. Советское общество глубоко отличалось не только от западных демократий, но и от стран Восточной Европы отсутствием всяких элементов рынка (кроме «черного», криминального рынка) и гражданского общества; почти тотальной милитаризацией, суперцентрализацией и сверхмонополизацией экономики, ее неприспособленностью к какой-либо конкуренции; преобладанием в народном сознании коллективистских ценностей и слабостью либеральной, индивидуалистической культуры; полиэтничным составом населения и многочисленными потенциальными конфликтами; отсутствием массовых демократических движений типа Народного фронта или польской «Солидарности», способных

сформировать альтернативную номенклатуре политическую элиту, идеологическим и нравственным разложением и вестернизацией верхушки правящей элиты и т.д.

Эти и многие другие особенности СССР обусловили неэффективность либеральной модели демократизации и реформирования. Ликвидация важнейшего института фактической политической власти — коммунистической партии — и устранение государства от интеграционных и организационно-контрольных функций привели к распаду государственности, тотальной монополизации и криминализации экономики, подрыву мотивации производительного труда, резкому росту цен и падению уровня жизни населения. Неудачи реформирования сильно скомпрометировали демократию и либеральные ценности в массовом сознании.

Китайская модель реформирования

Советским опытом «демократизации» стали пугать граждан в странах, сохранивших официальную приверженность коммунистической идеологии. В некоторых из них, прежде всего в Китае, была выработана собственная модель модернизации и реформирования тоталитарных политических структур, получившая название политики **«нового авторитаризма»**. Суть этой модели состоит в сохранении сильной власти центра и ее активном использовании для поддержания политической стабильности и проведения радикальных экономических реформ, предусматривающих развитие рыночной экономики, открытой для внешнего мира.

Китайская модель уже показала свою экономическую и социальную эффективность, обеспечив этой стране в среднем самые высокие в мире с 1979 г. темпы экономического роста и непрерывное повышение благосостояния населения при сохранении общественного порядка и личной безопасности граждан. Хотя она непосредственно не вводит политические институты западного образца, но фактически создает многие предпосылки демократии, а также расширяет личные права граждан, освобождает их от тоталитарного контроля.

Явные социально-экономические преимущества политики «нового авторитаризма» связаны с использованием административной системы, имеющей как слабые, так и сильные стороны. Ее главные слабости состоят в ограничении экономической и иной свободы и инициативы, в низкой восприимчивости к инновациям, расточительных методах хозяйствования. В то же время эта система благодаря сравнительно ограниченной целевой направленности и жесткой дисциплине является наиболее эффективной в экстремальных ситуациях, например в периоды войн, тяжелых кризисов и т.п., поскольку позволяет быстро мобилизовать большие человеческие и материальные ресурсы на достижение определенных целей, сконцентрировать огромные усилия на ключевых направлениях (хотя и за счет ослабления других

секторов). Как показывает опыт Китая, Вьетнама и некоторых других стран, мощь государства с помощью административной системы может с успехом использоваться для рыночного реформирования общества.

Очевидно, что России, как и другим постсоциалистическим странам, не следует как слепо следовать неадекватным ее условиям западным либеральным моделям, так и копировать опыт авторитарной модернизации. Оптимальная модель политического и хозяйственного реформирования может быть найдена лишь на пути тщательного учета собственной специфики и мирового опыта, проведения активной и реалистической государственной политики в целях формирования более динамичного и гуманного общества.

В отличие от стран, переходивших к рынку и демократии в прошлые эпохи, постсоциалистическое общество не может реформироваться стихийно, «снизу». Главным инструментом социальных преобразований в нем являются государство, а также другие политические институты: партии, общественные движения и ассоциации.

Раздел V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

Глава 14

ГОСУДАРСТВО

§ 1. Сущность государства

Широкое и узкое значение термина «государства»
--

Центральным институтом политической системы является государство. В его деятельности концентрируется основное содержание политики.

Сам термин «государство» обычно употребляется в двух значениях. **В широком смысле** государство понимается как общность людей, представляемая и организуемая органом высшей власти и проживающая на определенной территории. Оно тождественно стране и политически организованному народу. В этом значении говорят, например, о российском, американском, немецком государстве, имея в виду все представляемое им общество.

Примерно до XVII в. государство обычно трактовалось широко и не отделялось от общества. Для обозначения государства использовались многие конкретные термины: «полития», «княжество», «королевство», «империя», «республика», «деспотия», «правление» и др. Одним из первых от традиции широкого значения государства отошел Макиавелли. Он ввел для обозначения любой верховной власти над человеком, будь то монархия или республика, специальный термин «*stati*» и занялся исследованием реальной организации государства.

Четкое разграничение государства и общества было обосновано в контрактных (договорных) теориях государства Гоббсом, Локком, Руссо и другими представителями либерализма. В них эти понятия разделяются не

только содержательно, но и исторически, поскольку утверждается, что существовавшие первоначально в свободном и неорганизованном состоянии индивиды в результате хозяйственного и иного взаимодействия вначале образовали общество, а затем для защиты своей безопасности и естественных прав договорным путем создали специальный орган — государство. В современной науке государство в узком смысле понимается как организация, система учреждений, обладающие верховной властью на определенной территории. Оно существует наряду с другими политическими организациями: партиями, профсоюзами и т.п.

Общие признаки государства

Государства разных исторических эпох и народов мало схожи между собой. И все же они имеют некоторые черты, которые в большей или меньшей степени присущи каждому из них, хотя у современных государств, подверженных интеграционным процессам, они порою достаточно размыты. Общими для государства являются следующие признаки:

1. Отделение публичной власти от общества, ее несовпадение с организацией всего населения, появление слоя профессионалов-управленцев. Этот признак отличает государство от родоплеменной организации, основанной на принципах самоуправления.

2. Территория, очерчивающая границы государства. Законы и полномочия государства распространяются на людей, проживающих на определенной территории. Само оно строится не по кровнородственному или религиозному признаку, а на основе территориальной и, обычно, этнической общности людей.

3. Суверенитет, т.е. верховная власть на определенной территории. В любом современном обществе имеется множество властей: семейная, производственная, партийная и т.д. Но высшей властью, решения которой обязательны для всех граждан, организаций и учреждений, обладает государство. Лишь ему принадлежит право на издание законов и норм, обязательных для всего населения.

4. Монополия на легальное применение силы, физического принуждения. Диапазон государственного принуждения простирается от ограничения свободы до физического уничтожения человека. Возможность лишить граждан высших ценностей, каковыми являются жизнь и свобода, определяет особую действенность государственной власти. Для выполнения функций принуждения у государства имеются специальные средства (оружие, тюрьмы и т.д.), а также органы — армия, полиция, службы безопасности, суд, прокуратура.

5. Право на взимание налогов и сборов с населения. Налоги необходимы для содержания многочисленных служащих и для материального обеспечения государственной политики: оборонной, экономической, социальной и т.д.

6. Обязательность членства в государстве. В отличие, например, от такой политической организации, как партия, пребывание в которой добровольно и не

обязательно для населения, государственное гражданство человек получает с момента рождения.

7. Претензия на представительство общества как целого и защиту общих интересов и общего блага. Ни одна другая организация, кроме разве что тоталитарных партий-государств, не претендует на представительство и защиту всех граждан и не обладает для этого необходимыми средствами.

Определение общих признаков государства имеет не только научное, но и практическое политическое значение, особенно для международного права. Государство — субъект международных отношений. Лишь на основе обладания качествами государства те или иные организации признаются субъектами международного права и наделяются соответствующими правами и обязанностями. В современном международном праве выделяются три минимальных признака государства: территория, народ, объединенный правовым союзом граждан (гражданством), и суверенная власть, осуществляющая эффективный контроль хотя бы над большинством территории и населения.

Отмеченные выше признаки отличают государство от других организаций и объединений, однако еще не раскрывают его связь с обществом, факторы, лежащие в основе его возникновения и эволюции.

Причины возникновения государства
--

Государство появляется в результате разложения родо-племennого строя, постепенного обособления от общества вождей и их приближенных и сосредоточения у них управленческих функций, ресурсов власти и социальных привилегий под воздействием ряда факторов, важнейшие из которых:

— развитие общественного разделения труда, выделение управленческого труда в целях повышения его эффективности в специальную отрасль и образование для этого специального органа — государства;

— возникновение в ходе развития производства частной собственности, классов и эксплуатации (марксизм). Не отрицая влияние этих факторов, большинство современных ученых все же не связывают существование государства непосредственно с возникновением частной собственности и классов. В некоторых странах его образование исторически предшествовало и способствовало классовому расслоению общества. В ходе исторического развития по мере стирания классовых противоположностей и демократизации общества государство все более становится надклассовой, общенациональной организацией;

— завоевание одних народов другими (Ф. Оппенгеймер, Л. Гумплович и др.). Влияние завоеваний на образование и развитие государства несомненно. Однако его не следует абсолютизировать, упуская из виду другие, часто более важные факторы;

— демографические факторы, изменения в воспроизводстве самого человеческого рода. Имеется в виду прежде всего рост численности и плотности населения, переход народов от кочевого к оседлому образу жизни, а также запрет кровосмешения и упорядочение брачных отношений между родами. Все это повышало потребность общностей в регулировании взаимосвязей этнически близких людей;

— психологические (рациональные и эмоциональные) факторы. Одни авторы (Гоббс) сильнейшим мотивом, побуждающим человека к созданию государства, считают страх перед агрессией со стороны других людей, опасение за жизнь и имущество. Другие же (Локк) ставят на первый план разум людей, приведший их к соглашению о создании специального органа — государства, способного лучше обеспечить права людей, чем традиционные формы общежития.

Контрактные теории государства подтверждаются некоторыми реальными фактами. Так, например, договорная система княжения существовала в Древнем Новгороде, где с приглашаемым на определенный срок князем заключался договор, невыполнение которого могло повлечь за собой его изгнание. Под прямым влиянием теории «общественного договора» создавалось американское государство — США. И все же, несмотря на эти и некоторые другие исторические факты, реальное государство возникло не в результате добровольной передачи индивидам части своих прав специально созданному для защиты граждан и общества органу, а в ходе длительного естественноисторического развития общества;

— антропологические факторы. Они означают, что государственная форма организации коренится в самой общественной природе человека, ее развитии. Еще Аристотель утверждал, что человек как существо в высшей степени коллективное может существовать только в рамках определенных форм общежития. Государство, подобно семье и селению, «есть естественная форма общежития». Оно возникает в результате развития человеческой природы и с помощью права вносит в жизнь людей справедливые, нравственные начала. Идеи Аристотеля используют современные естественноисторические концепции государства, которые рассматривают его как органически присущую человечеству на определенной стадии развития форму общежития, без которой общество обречено на деградацию и распад. Некоторые сторонники антропологического объяснения сущности государства утверждают, что в его основе лежит не только социальная природа человека, но и его прирожденное несовершенство, проявляющееся в невозможности индивидуального существования, а также в агрессивности и конфликтности.

В научной литературе отмечаются и некоторые другие факторы, влияющие на образование государств и их особенности: географическое положение, наличие или отсутствие естественных границ, климатические условия, плодородные земли и т.д. Многочисленные исследования показали, что

государство возникает и развивается под воздействием целого ряда факторов, среди которых едва ли можно выделить какой-нибудь один в качестве определяющего.

Исторические рубежи в развитии государства

Существуя на протяжении многих тысячелетий, государство изменяется вместе с развитием всего общества, частью которого оно является. С точки зрения особенностей взаимоотношений государства и личности, воплощения в государственном устройстве рациональности, принципов свободы и прав человека, в развитии государства можно выделить два глобальных этапа: **традиционный и конституционный**, а также промежуточные стадии, причудливо сочетающие черты традиционных и конституционных государств, например тоталитарная государственность.

Традиционные государства возникли и существовали преимущественно стихийно, на основе обычаев и норм, уходящих корнями в глубокую древность. Они имели институционально не ограниченную власть над подданными, отрицали равноправие всех людей, не признавали личность как источник государственной власти. Типичным воплощением такого государства являлись монархии. Некоторые авторы, принимая во внимание глубокие отличия конституционных и неконституционных государств, предлагают в соответствии с античной традицией, различающей государство и деспотию, называть государством лишь «организацию публичной власти, производную от гражданского общества и так или иначе ему подконтрольную». Хотя такая трактовка не учитывает разные типы государств и не разделяется большинством ученых, она обоснованно указывает на принципиальную границу, отделяющую современные конституционные государства от государств, по типу своего устройства и функционирования связанных с прошлым.

Конституционное государство является объектом сознательного человеческого формирования, управления и регулирования. Оно не стремится охватить своим регулятивным воздействием все проявления жизнедеятельности человека — его экономическую, культурную, религиозную и политическую активность и ограничивается лишь выполнением функций, делегированных гражданами и не нарушающих свободу личности.

В целом конституционный этап в развитии государства связан с его подчиненностью обществу и гражданам, с юридической очерченностью полномочий и сферы государственного вмешательства, с правовой регламентацией деятельности государства и созданием институциональных и иных гарантий прав человека. Одним словом, он связан с появлением конституции.

Конституция

Сам термин «конституция» в науке употребляется в двух значениях. Первое из них, часто обозначаемое термином

«реальная конституция», восходит к Аристотелю, который в своей знаменитой «Политике» трактовал конституцию как «определенный порядок для жителей одного государства». Иными словами, реальная конституция — это государственный строй, устойчивая модель государственной деятельности, определяемая тем или иным ценностно-нормативным кодексом. Этот кодекс не обязательно носит форму свода законов, присущего современным государствам. Он может иметь характер религиозно-политических заповедей или неписанных вековых традиций, которым подчиняются текущие законы государства. Понимаемый в этом значении конституционализм уходит корнями в далекое прошлое и не связывается лишь с появлением либеральных конституций в эпоху Просвещения.

Во втором, наиболее распространенном значении термин «конституция» — это свод законов, юридический или нормативный акт. Она представляет собой систему зафиксированных в специальном документе (или нескольких документах) относительно стабильных правил (законов), которые определяют основания, цели и устройство государства, принципы его организации и функционирования, способы политического волеобразования и принятия решений, а также положение личности в государстве.

Конституция выступает как бы текстом «общественного договора», заключаемого между гражданами и государством и регламентирующего его деятельность. Она придает государству современного, конституционного типа необходимую легитимность. Обычно принимаемая при согласии подавляющего (квалифицированного) большинства населения, она фиксирует тот минимум общественного согласия, без которого невозможна свободная совместная жизнь людей в едином государстве и который обязуются уважать все граждане.

Конституции, как правило, состоят из двух важнейших частей. В первой определяются нормы взаимоотношений граждан и государства, права личности, утверждается правовое равенство всех граждан; во второй части описываются характер государства (республика, монархия, федерация и т.п.), статус различных властей, правила взаимоотношения парламента, президента, правительства и суда, а также структура и порядок функционирования органов управления.

Первые конституции были приняты в 1789 г. в США (в 1791 г. Билль о правах) и во Франции (в 1789 г. «Декларация прав человека и гражданина» и в 1791 г. конституция), хотя ряд правовых документов, фактически носящих характер конституционных актов, появился еще раньше — в 1215, 1628, 1679, 1689 гг. в Англии. В современном мире лишь несколько государств (Великобритания, Израиль, Саудовская Аравия, Бутан и Оман) не имеют конституционных сводов законов.

Наличие демократической конституции — показатель подлинной конституционности государства лишь в том случае, если она реально воплощена в государственной организации и неукоснительно исполняется органами власти,

учреждениями и гражданами. Завершенность процесса формирования конституционного государства, закрепление принципа ограничения его компетенций с помощью специальных институтов и законов, исходящих от народа, характеризует понятие «правовое государство».

§ 2. Правовое социальное государство

Понятие правового государства

Правовое государство — реальное воплощение идей и принципов конституционализма. В его основе лежит стремление оградить человека от государственного террора, насилия над совестью, мелочной опеки со стороны органов власти, гарантировать индивидуальную свободу и основополагающие права личности. Это государство, ограниченное в своих действиях правом, защищающим свободу, безопасность и достоинство личности и подчиняющим власть воле суверенного народа. Взаимоотношения между личностью и властью определяются в нем конституцией, утверждающей приоритет прав человека, которые не могут быть нарушены законами государства и его действиями. Для того чтобы народ мог контролировать государство и оно не превратилось в этакое Левиафана, чудовище, господствующее над обществом, существует разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Независимый суд призван защищать примат права, которое обладает всеобщностью, распространяется в равной мере на всех граждан, государственные и общественные институты.

Правовое государство формировалось постепенно на базе соответствующих идей и элементов государственности, некоторые из которых появились еще в глубокой древности. Так, о власти закона, одинакового для всех граждан, говорил в VI в. до н.э. древнегреческий архонт Солон. О соотношении естественных прав человека и законов государства писали Аристотель и Цицерон. В Древнем Риме возникли, например, такие зачатки правовой государственности, как разделение властей. Концепция же правового государства в основополагающих чертах сложилась в XVII—XIX вв. в работах Локка, Монтескье, Канта, Джефферсона и других теоретиков либерализма. Сам термин «правовое государство» окончательно утвердился в трудах немецких юристов — Т. К. Велькера, Р. фон Моля и других. Различные теории правового государства базируются на концепции гражданского общества.

Гражданское общество

Появление правовой государственности было обусловлено развитием самого общества и стало возможным в результате вызревания гражданского общества. Сам термин «гражданское общество» употребляется как в широком, так и в узком значениях. **В широком смысле** гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. все то, до

чего «не доходят руки» государства. Оно возникает и изменяется в ходе естественно-исторического развития как автономная, непосредственно не зависящая от государства сфера. Гражданское общество в широком значении совместимо не только с демократией, но и с авторитаризмом, и лишь тоталитаризм означает его полное, а чаще частичное поглощение политической властью.

Гражданское общество **в узком, собственном значении** неразрывно связано с правовым государством, они не существуют друг без друга. **Гражданское общество** представляет собой многообразие не опосредованных государством взаимоотношений свободных и равноправных индивидов в условиях рынка и демократической правовой государственности. Это сфера свободной игры частных интересов и индивидуализма. Гражданское общество — продукт буржуазной эпохи и формируется преимущественно снизу, спонтанно, как результат раскрепощения индивидов, их превращения из подданных государства в свободных граждан-собственников, обладающих чувством личного достоинства и готовых взять на себя хозяйственную и политическую ответственность.

Гражданское общество имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль, а также не опосредованные государством политические отношения между индивидами как первичными субъектами власти, партиями, группами интересов и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи — отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами.

В современных условиях, существенно отличающихся от эпохи свободной конкуренции и раннелиберального государства, не вмешивающегося в экономику и социальные отношения, провести четкую грань между гражданским обществом и государством достаточно сложно. Однако, невзирая на это, разделение социальной системы на гражданское общество и государство не утратило актуальности и нужно прежде всего для своевременного обнаружения и предотвращения этатистских и тоталитарных тенденций, обеспечения суверенитета народа по отношению к власти, свободы личности. Для посткоммунистических стран формирование гражданского общества — необходимое условие их перехода к рынку и правовой государственности.

Отличительные черты правового государства
--

Обобщая опыт возникновения и развития различных правовых государств, можно выделить их следующие общие признаки: 1) наличие развитого гражданского

общества; 2) ограничение сферы деятельности правового государства охраной прав и свобод личности, общественного порядка, созданием благоприятных правовых условий для хозяйственной деятельности; 3) мировоззренческий индивидуализм, ответственность каждого за собственное благополучие; 4) правовое равенство всех граждан, приоритет прав человека над законами государства; 5) всеобщность права, его распространение на всех граждан, все организации и учреждения, в том числе органы государственной власти; 6) суверенитет народа, конституционно-правовая регламентация государственного суверенитета. Это означает, что именно народ является конечным источником власти, государственный же суверенитет носит представительный характер; 7) разделение законодательной, исполнительной и судебной властей государства, что не исключает единства их действий на основе процедур, предусмотренных конституцией, а также определенного верховенства законодательной власти, не нарушающие конституцию решения которой обязательны для всех; 8) приоритет в государственном регулировании гражданских отношений метода запрета над методом дозволения. Это означает, что в правовом государстве по отношению к гражданам действует принцип: «Разрешено все то, что не запрещено законом». Метод же дозволения применяется здесь лишь по отношению к самому государству, которое обязано действовать в пределах дозволенного — формально зафиксированных полномочий; 9) свобода и права других людей как единственный ограничитель свободы индивида. Правовое государство не создает абсолютной свободы личности. Свобода каждого кончается там, где нарушается свобода других.

Социальное государство

Утверждение правового государства явилось важным этапом в расширении свободы индивида и общества. Его создатели полагали, что обеспечение каждому негативной свободы (свободы от ограничений) и поощрение конкуренции пойдут на пользу всем, сделают частную собственность доступной для каждого, максимизируют индивидуальную ответственность и инициативу и приведут в конечном счете к всеобщему благополучию. Однако этого не произошло. Провозглашенные в правовых государствах индивидуальная свобода, равноправие и невмешательство государства в дела гражданского общества не препятствовали монополизации экономики и ее периодическим кризисам, жестокой эксплуатации, обострению социального неравенства и классовой борьбы. Глубокое фактическое неравенство обесценивало равноправие граждан, превращало использование конституционных прав в привилегию имущих классов.

Конструктивным ответом на несовершенство правового государства в его классическом либеральном варианте, а также на неудавшуюся попытку административного социализма обеспечить каждому материальную свободу и установить в обществе социальную справедливость и равенство явились теория и практика социального государства или государства всеобщего благоденствия.

Социальное государство — это государство, стремящееся к обеспечению каждому гражданину достойных условий существования, социальной защищенности, соучастия в управлении производством, а в идеале примерно одинаковых жизненных шансов, возможностей для самореализации личности в обществе. Деятельность такого государства направлена на всеобщее благо, утверждение в обществе социальной справедливости. Оно сглаживает имущественное и иное социальное неравенство, помогает слабым и обездоленным, заботится о предоставлении каждому работы или иного источника существования, о сохранении мира в обществе, формировании благоприятной для человека жизненной среды.

Истоки социального государства восходят к социальной политике, зародившейся в далеком прошлом. Еще в древности многие правители, например римские цезари, заботились о наиболее бедных гражданах, о предоставлении плебсу «хлеба и зрелищ». Однако основное бремя обеспечения слабых и обездоленных лежало в то время на семьях и общинах. Индустриализация, урбанизация и индивидуализация общества, бесконтрольное развитие капитализма разрушили традиционные формы социального обеспечения, обострили социальные противоречия и классовую борьбу. Решение этого вопроса потребовало резкого расширения объектов социальной политики и превращения ее в одно из ведущих направлений государства. В результате этого примерно в 60-х гг. XX в. и возникли социальные государства. Их необходимой материальной предпосылкой явился высокий уровень экономического развития ведущих стран Запада, позволяющий обеспечивать прожиточный минимум каждому нуждающемуся.

Деятельность современного социального государства многогранна. Это перераспределение национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения, политика занятости и охраны прав работника на предприятии, социальное страхование, поддержка семьи и материнства, забота о безработных, престарелых, молодежи, развитие доступного для всех образования, здравоохранения, культуры и т.д.

Соотношение социального и правового принципов
--

Социальное государство осуществляет свои цели и принципы в форме правовой государственности, однако идет значительно дальше по пути гуманизации общества — стремится расширить права личности и наполнить правовые нормы более справедливым содержанием. Между правовым и социальным принципами государственного устройства есть как единство, так и противоречия. Их единство состоит в том, что оба они призваны обеспечивать благо индивида: первый — физическую безопасность граждан по отношению к власти и друг к другу, индивидуальную свободу и основополагающие, главным образом гражданские и политические права личности с помощью установления четких границ государственного вмешательства и гарантий против деспотии,

второй — социальную безопасность, материальные условия свободы и достойного существования каждого человека. Противоречия же между ними проявляются в том, что правовое государство по своему замыслу не должно вмешиваться в вопросы распределения общественного богатства, обеспечения материального и культурного благосостояния граждан, социальное же государство непосредственно занимается этим, хотя и стремится не подрывать такие основы рыночного хозяйства, как частная собственность, конкуренция, предприимчивость, индивидуальная ответственность и т.п., не породить массовое социальное иждивенчество. В отличие от социализма советского типа, который пытался установить благополучие всех с помощью уравнительного распределения благ, социальное государство ориентируется на обеспечение каждому достойных условий жизни в первую очередь в результате повышения эффективности производства, индивидуальной ответственности и активности.

В наши дни демократические государства стремятся найти меру оптимального сочетания правового и социального принципов. При этом консерваторы обычно делают больший акцент на правовом, а социал-демократы и близкие к ним либералы — на социальном принципе.

Тенденции развития государства

Правовой и социальный этапы не завершают развитие конституционного государства. Некоторые политологи считают, что современные демократические государства вступают в новую, **экологическую** стадию. Для нее характерно выдвижение на первый план проблемы обеспечения экологической безопасности и экологических (экзистенциальных) прав личности, выживания всего человечества. В новых условиях государство вместе с общественностью призвано предотвратить ядерную и экологическую катастрофы, наладить адаптивный, поддерживающий экологическое равновесие образ жизни.

В развитии современных государств наблюдаются две тенденции. Первая из них — деэтактистская — состоит в активизации гражданского общества, его контроля над государством, расширении влияния на него политических партий и групп интересов, децентрализации ряда функций государства, усилении в деятельности некоторых его органов самоуправленческих начал. Вторая тенденция — этатистская — проявляется в повышении роли государства как регулятивного и интеграционного инструмента общества. Современное государство активно вмешивается в экономические, социальные и информационные процессы, с помощью налогов, инвестиционной, кредитной и иной политики стимулирует развитие производства, устраняет диспропорции в народном хозяйстве. Все более важное место в его деятельности занимает разработка стратегии и планирование общественного развития.

В государственной деятельности заметно сокращается применение принуждения. Оно все реже используется для решения крупных общественных

проблем, уступая место кооперации различных социальных сил, хотя и остается важным средством в борьбе с нарушителями закона, криминальными и экстремистскими элементами. В целом же изменения, происходящие в государстве и обществе, не дают достаточных оснований говорить об отмирании государства в обозримом будущем, как это утверждают анархизм и марксизм.

Еще более велика роль государства в переходные этапы общественного развития, как это имеет место в России и других постсоциалистических странах. Здесь государство выступает главным орудием реформирования общества, поддержания стабильности и порядка. При этом оно само подвергается глубоким изменениям, приобретает новые формы организации.

§ 3. Устройство современного государства

Формы правления

Строение государства традиционно характеризуется через **формы правления и формы территориального (государственного) устройства**. В них воплощается организация верховной власти, структура и порядок взаимоотношений высших государственных органов, должностных лиц и граждан. Формы правления делятся по способу организации власти, ее формальному источнику на монархии и республики. В **монархии** формальным источником власти является одно лицо. Глава государства получает свой пост по наследству, независимо от избирателей или представительных органов власти.

Существует несколько разновидностей монархической формы правления: абсолютная монархия (Саудовская Аравия, Катар, Оман) — всевластие главы государства; конституционная монархия — государство, в котором полномочия монарха ограничены конституцией. Конституционная монархия делится на дуалистическую (Иордания, Кувейт, Марокко), в которой монарх наделен преимущественно исполнительной властью и лишь частично — законодательной, и парламентскую, здесь монарх, хотя и считается главой государства, но фактически обладает представительскими функциями и лишь частично исполнительскими, а иногда имеет также право вето на решения парламента, которым практически не пользуется. Подавляющее большинство современных демократических монархий — парламентские монархии. Правительство формируется в них парламентским большинством и подотчетно не монарху, а парламенту.

Монархия была господствующей формой правления на протяжении тысячелетий. В специфической форме она сохраняется и сегодня почти в трети стран мира (например в Великобритании, Швеции, Дании, Испании).

Парламентская республика

Современные парламентские монархии, отдавая дань политической традиции и поддерживая тем самым уважение граждан к государству, фактически мало отличаются от

республик — второй основной формы правления. В республиках источником власти является народное большинство, высшие органы государства избираются гражданами. В современном мире существуют три основные разновидности республик: парламентская, президентская и смешанная, или полупрезидентская, хотя история знает и многие другие разновидности республик: рабовладельческую, аристократическую, советскую, теократическую и др.

Главной отличительной чертой парламентской республики является образование правительства на парламентской основе (обычно парламентским большинством) и его формальная ответственность перед парламентом. Он осуществляет по отношению к правительству ряд функций: формирует и поддерживает его; издает законы, принимаемые правительством к исполнению; вотирует (утверждает) государственный бюджет и тем самым устанавливает финансовые рамки деятельности правительства; осуществляет контроль над правительством и в случае необходимости может выразить ему вотум недоверия, что влечет за собой либо отставку правительства, либо роспуск парламента и проведение досрочных выборов; критикует правительственную политику, представляет альтернативные варианты правительственных решений и всего политического курса.

Правительство обладает исполнительной властью, а нередко и законодательной инициативой, а также правом ходатайства перед президентом о роспуске парламента. (Такие ходатайства президент обычно удовлетворяет.) В большинстве стран членство в правительстве совместимо с сохранением депутатского мандата. Это позволяет привлекать в правительство не только лидеров правящих партий, но и других наиболее влиятельных депутатов парламентского большинства и тем самым контролировать парламент, получая одновременно массовую партийную поддержку. Хотя руководитель правительства (премьер-министр, канцлер) официально не является главой государства, реально он — первое лицо в политической иерархии. Президент же фактически занимает в ней более скромное место. Он может избираться либо парламентом, либо собранием выборщиков, либо непосредственно народом. Его политический вес почти не зависит от характера выборов и обычно ограничивается представительскими функциями, мало чем отличаясь от функций главы государства в парламентских монархиях.

Президентская республика

Второй достаточно распространенной формой республиканского правления является президентская республика. Ее отличительный признак состоит в том, что в ней президент одновременно выступает и главой государства, и главой правительства. Он руководит внутренней и внешней политикой и является верховным главнокомандующим вооруженных сил. Президент чаще всего избирается прямо народом. Он сам (в США с одобрения сената) назначает

членов кабинета министров, которые ответственны перед ним, а не перед парламентом.

В президентской республике правительство отличается стабильностью. В ней существует жесткое разделение законодательной и исполнительной ветвей власти, их значительная самостоятельность. Парламент не может вынести правительству вотум недоверия, президент же не вправе распустить парламент. Лишь в случае серьезных антиконституционных действий или преступления со стороны президента ему может быть выражен импичмент — он досрочно отстраняется от власти. Однако процедура импичмента очень затруднена.

Отношения между парламентом и президентом основываются на системе сдержек, противовесов и взаимозависимости. Парламент может ограничивать действия президента с помощью законов и через утверждение бюджета. Президент же обычно обладает правом отлагательного вето на решения парламента. Чтобы нормально выполнять свои обязанности, и парламент, и президент вынуждены сотрудничать, находить общий язык, даже если оба этих института контролируются различными партиями.

Президентская республика не получила распространения в Западной Европе. В странах же с длительными авторитарными традициями, прежде всего в Латинской Америке, Азии и Африке, а также на территории бывшего СССР, эта форма правления нередко вырождается в «суперпрезидентскую республику». В ней почти вся реальная власть сосредоточивается у президента, который выходит из-под контроля парламента и судебных органов и фактически обладает полудиктаторскими полномочиями, а кое-где (Заир, Малави и др.) даже объявляется пожизненным главой государства.

Полупрезидентская республика

Третьей основной разновидностью республики является полупрезидентская, или смешанная республика. Она существует в Австрии, Ирландии, Португалии, Польше, Финляндии, Франции, Болгарии и некоторых других странах. При этой форме правления сильная президентская власть сочетается с эффективным контролем парламента за деятельностью правительства. Полупрезидентская республика не имеет таких устойчивых типичных черт, как парламентарная и президентская, и в различных странах тяготеет к одной из этих форм. Ее главная характерная черта — двойная ответственность правительства: перед президентом и перед парламентом.

Классическим образцом полупрезидентской республики является Франция. В ней президент и парламент избираются независимо друг от друга. Парламент не может сместить президента, который, в свою очередь вправе распустить парламент с обязательным условием объявления даты внеочередных парламентских выборов. Президент является главой государства и верховным главнокомандующим, представляет страну на международной арене, обладает правом отлагательного вето на решения парламента, а также правом

единоличного введения чрезвычайного положения, но в период действия такового он утрачивает право распустить парламент.

Президент, без согласования с парламентом, но учитывая расклад в нем политических сил, назначает главу правительства, вместе с которым они формируют кабинет министров. Глава государства председательствует на заседаниях правительства, утверждает его решения и тем самым контролирует его деятельность. Сам президент не обладает правом законодательной инициативы, но таким правом пользуется премьер-министр, несущий всю ответственность за деятельность правительства. Парламент имеет возможность контролировать правительство через утверждение ежегодного бюджета, а также с помощью вынесения ему вотума недоверия.

Референдум

Разнообразные республиканские и монархические формы государства не исчерпывают всех механизмов правления. Одним из них является институт референдума. Он предусматривает решение наиболее важных для общества вопросов посредством всенародного голосования, результаты которого имеют высший правовой статус и обязательны для исполнения всеми государственными органами. Референдум используется в качестве законодательного механизма большинством демократических государств мира, особенно на местном уровне, хотя в целом он имеет подчиненное значение по отношению к законотворческой деятельности парламента.

В разных странах имеются существенные расхождения в области права инициирования референдума. В одних государствах (Великобритания, Швеция, Норвегия и др.) инициаторами его являются лишь парламент и правительство, в других (например Франция) — и президент, в третьих (Швейцария, Австрия, Италия) — непосредственно народ. В Швейцарии граждане могут добиться проведения референдума по тому или иному закону, собрав 50 тысяч подписей. Для того чтобы референдум состоялся, вовсе не обязательно участие в нем большинства населения. Всенародные голосования используются не только для принятия законов, но и для их отмены. В ряде стран (Франция, Австралия и др.) они обязательны для принятия конституционных поправок.

Хотя проведение референдумов, особенно в масштабах всей страны, — дело достаточно сложное и дорогостоящее, с их помощью народ способен непосредственно выразить свою волю, стать творцом законов, проявить инициативу. Кроме того, возможность проведения всенародного голосования заставляет государственные органы и правительство больше ориентироваться на мнение народа. Опыт многих стран показывает, что наиболее эффективно использование референдумов на региональном уровне, где агитационные и мобилизационные кампании не требуют больших финансовых затрат и поддержки со стороны крупных организаций и где люди лучше разбираются в сути решаемых вопросов. В некоторых странах (США, ФРГ и др.) этот демо-

кратический институт используется лишь субъектами федерации и более мелкими административно-территориальными единицами.

Территориальное устройство. Унитарное государство
--

Территориальная организация государства характеризует соотношение целого и частей, центральных и региональных органов власти.

Различают две основные формы территориального устройства государства: унитарную и федеративную. **Унитарное** государство представляет собой единую, политически однородную организацию, состоящую из административно-территориальных единиц, не обладающих собственной государственностью. Оно имеет единую конституцию и гражданство. Все государственные, в том числе судебные, органы составляют единую систему, действуют на основе единых правовых норм. Унитарные государства сформировались преимущественно в странах с мононациональным населением, хотя некоторые из них, например Испания, имеют в своем составе инациональные образования, пользующиеся автономией, компетенции которой определяются центральной властью.

Унитарные государства бывают **централизованными** (Великобритания, Швеция, Дания и др.) и **децентрализованными** (Франция, Италия, Испания). Централизованные государства могут предоставлять достаточно широкую самостоятельность (самоуправление) местным, низовым органам управления. Однако в них средние уровни управления не обладают значительной автономией и непосредственно ориентированы на выполнение решений центра. В децентрализованных же унитарных государствах крупные регионы пользуются широкой автономией и даже располагают собственными парламентами, правительствами, административно-управленческими структурами и самостоятельно решают переданные им в ведение центральными органами вопросы, как правило, в области образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка и т.п. Однако в отличие от субъектов федерации в области налогообложения их компетенции сильно ограничены, что ставит их в сильную финансовую зависимость от центра.

Федерация и конфедерация

Главное отличие федерации от унитарного государства состоит в том, что источником власти, субъектами государственного

суверенитета выступают в ней как крупные территориальные образования (штаты, земли, кантоны), так и весь народ, состоящий из равноправных граждан. (В унитарном же государстве существует лишь один субъект суверенитета — народ.) **Федерация** — это устойчивый союз государств, самостоятельных в пределах распределенных между ними и центром компетенций, имеющих собственные законодательные, исполнительные и судебные органы и, как правило, конституцию, а часто и двойное гражданство.

По своему замыслу федеральный принцип государственного устройства призван обеспечить свободное объединение и равноправное взаимодействие общностей, обладающих значительными этническими; историко-культурными, религиозными, лингвистическими и другими особенностями; создать оптимальные возможности для выражения региональных и других интересов меньшинств, для постепенной подготовки оппозиции к выполнению общесоюзных правительственных функций; приблизить власть и управление к гражданам.

Федерация строится на основе распределения функций между ее субъектами и центром, зафиксированного в союзной конституции, которая может быть изменена только с согласия субъектов федерации. При этом одна часть вопросов является исключительной компетенцией союзных органов, другая — субъектов федерации, третья — совместной компетенцией союза и его членов. Уважение союзным руководством и всеми субъектами федерации прав и полномочий друг друга контролирует независимый суд, а также обычно двухпалатный парламент, верхняя палата которого формируется из представителей штатов (земель).

Члены федерации — соучастники общегосударственного суверенитета — фактически не обладают индивидуальным суверенитетом и правом одностороннего выхода из союзного государства. В большинстве союзных конституций содержится право федеральных органов вмешиваться во внутренние дела членов федерации в случае возникновения там чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или массовых беспорядков.

Федерация как форма территориального устройства государства показала свою жизнеспособность. Этого нельзя сказать о **конфедерации** — постоянном союзе самостоятельных государств для осуществления конкретных совместных целей. Ее члены полностью сохраняют государственный суверенитет и передают в компетенцию союза решение лишь ограниченного числа вопросов, чаще всего в области обороны, внешней политики, транспорта и связи, денежной системы. Конфедерации существовали в США (1776-1787), Швейцарии (до 1848 г.), Германии (1815-1867) и некоторых других странах. Эта форма государственного объединения непрочна и обычно либо эволюционирует в федерацию, либо распадается.

В последние годы на территории бывшего СССР сделана попытка создать Содружество Независимых Государств (СНГ) — союз суверенных государств, координирующих свою деятельность в различных сферах. Такая форма государственных образований не может быть устойчивой и эффективной, поскольку не обеспечивает единство деятельности содружества, не создает властных гарантий выполнения ими своих обязательств. Опыт развития Европейского Союза свидетельствует, что долговременное объединение и сближение государств возможно на пути экономической интеграции и постепенной реализации федеративных принципов.

Формы территориального устройства и формы правления влияют на строение законодательной и исполнительной властей государства. Не менее важную значимость для нормального функционирования всего государственного механизма имеет судебная власть. Независимое правосудие призвано контролировать соблюдение конституции и законов всеми государственными и общественными учреждениями и гражданами, разрешать возникающие между ними споры, обеспечивать стабильность государственного и общественного строя.

Вся деятельность современного демократического государства строится на тесном взаимодействии с такими важнейшими институтами политической системы, как партии и группы интересов.

Глава 15

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПАРТИИ

§ 1. Группы интересов

Понятие групп интересов

В каждой сложнорганизованной политической системе, как правило, существуют определенные механизмы, опосредующие отношения граждан с государством. Существенная роль среди них принадлежит группам интересов и политическим партиям, отличающимся между собой целями и методами деятельности, ресурсами влияния на власть и другими характеристиками.

Понятие «группы интересов» характеризует совокупность сложных общественных образований. Англичанин Р. Доуз относит к ним ассоциации индивидов, сосредоточенные на влиянии на правительство способами, наиболее отвечающими интересам этого объединения. Американские исследователи Г. Алмонд и Дж. Пауэлл считают их группами людей, объединенных особыми связями, выражающими взаимную заинтересованность или выгоду для составляющих их граждан. Если же учесть и ряд других, наиболее типичных подходов к пониманию групп интересов, то коротко их можно определить как **по преимуществу добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.**

Эти объединения, будучи посредниками в отношениях государства с народом, представляют интересы социальных, национальных, региональных и прочих человеческих общностей и являются формой коллективных действий их членов. Участвуя в деятельности групп интересов, граждане делают шаг от социальной к политической активности. Чем шире представительство социальных потребностей группами интересов, тем разностороннее связь между

обществом и государством. Чем оптимальнее осуществление их функций, тем гибче властные институты реагируют на социальные запросы населения. При этом там, где правительство шире вовлечено в управление социальными и экономическими проблемами, группы давления, как правило, обладают большими возможностями и большим влиянием на политические решения. Причем помимо отечественных групп интересов при исполнительных и представительных государственных органах могут действовать и объединения, выражающие интересы зарубежных стран, мировых экономических и финансовых центров и прочих групп, способствующие решению разнообразных международных проблем.

Многообразные группы интересов обладают широким набором ресурсов для воздействия на власть, трансляции нужд и запросов населения до лиц и органов, принимающих политические решения. В качестве таких ресурсов могут выступать их экономические и финансовые возможности, информация или опыт политического участия их членов, организационные структуры и т.д. В зависимости от значимости для той или иной политической системы соответствующих властных ресурсов группы интересов последние обладают тем или иным весом при принятии управленческих решений. Те же группы интересов, которые, используя свои ресурсы, имеют возможность поддерживать постоянные связи с правительством, чаще всего становятся органической частью механизма управления обществом. В противоположность этому «заявки» на власть от ряда маргинальных, нетрадиционных групп интересов, игнорирующих принятые в обществе нормы и ценности, могут обладать разрушительным действием для системы политического управления обществом и отторгаются ею.

В целом же действие разнообразных групп интересов способствует усложнению строения политической системы. В частности, это происходит за счет увеличения предпосылок возникновения партий (особенно мелких) и нарастания фракционности в этих политических институтах; дифференциации функций и рационализации организационного строения правящих структур; стимулирования формирования многопартийных систем и т.д. И напротив, сужение поля действия групп интересов, препятствия для граждан образовывать эти ассоциации ужесточают режим правления, изолируют правящую элиту от населения и создают предпосылки для установления «монолитного» государства, знающего лишь диктат вождей и покорность масс.

Функции групп интересов

Группы интересов прежде всего выполняют функцию **артикулирования** интересов, т.е. преобразования социальных эмоций и ожиданий, чувств неудовлетворенности или солидарности граждан в определенные политические требования. Например, неудовлетворенность граждан своим уровнем жизни может быть трансформирована в призывы к повышению

зарплаты, предоставлению льгот для пенсионеров, отставке отдельных министров или правительства в целом и т.д.

Эти требования, оформляемые обычно в соответствии с принятыми в обществе «правилами игры», доносят до принимающих решения лиц пожелания различных частей населения, т.е. включают последних в политический процесс как равноправных носителей властных прав, субъектов политики. При этом, выдвигая перед правительством массу разнородных, нескоординированных запросов, группы интересов одновременно усложняют, но и оптимизируют процесс принятия решений. Оптимизируют постольку, поскольку правящие структуры получают возможность выделять наиболее типичные проблемы, стоящие в данный период перед государством, определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения.

Артикуляция интересов неразрывно связана с их **агрегированием**, т.е. с согласованием частных потребностей, установлением между ними определенной иерархии и выработкой на этой основе общегрупповых целей. Эта функция предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но и тех, что имеют наилучшие шансы для практического воплощения. Таким образом группы интересов селективируют политические требования, ряд из них отсеивая, а другим придавая принципиальный характер. Такая деятельность предполагает проведение дискуссий, согласование позиций внутри группы, что в свою очередь требует сплоченности между отдельными членами и фракциями, т.е. интегрирование группы для совместно принимаемых решений. Как правило, при осуществлении этой функции наиболее активны группы давления, формирующиеся на базе бюрократических структур. Когда же нарастает многообразие агрегируемых интересов, а их неформальное представительство в политическом процессе становится затруднительным или же группа интересов начинает строить свою деятельность на более общей, концептуальной основе, тогда она постепенно берет на себя выполнение ряда партийных функций, обретая черты и свойства этого политического института.

В качестве отдельной функции часто выделяют уже упоминавшееся нами **информирование** — когда группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы общественной жизни. Иначе говоря, эти объединения осуществляют определенную трансляцию общественного мнения. Выражая точку зрения какой-то части населения на определенную проблему, группа интересов дает государственным органам возможность проводить более эффективный политический курс, отвечающий реальным потребностям граждан и изменяющийся в соответствии с ситуацией.

Так как группы интересов зачастую выступают в качестве объединений, дающих экспертную оценку состоянию тех или иных проблем, они имеют возможность предлагать своих членов для работы в государственных органах,

поддерживать определенных деятелей в правительственных и иных структурах, влиять на отбор кадров, участвующих в процессе принятия решений. Тем самым группы интересов выполняют и функцию **формирования** политических элит, властных структур общества. Осуществление группами интересов своих функций, как правило, развивает прямые формы давления на власть и (в меньшей степени) способствует углублению обратных связей правительства с населением. При этом набор средств реализации своих функций у них значительно уже, чем у политических партий, распространяющих свою активность на все политическое пространство. Для групп давления такие формы деятельности, как отбор кандидатов на предстоящие выборы, издание средств массовой информации, образование фондов поддержки кандидатов и проч., являются, скорее, исключением, чем правилом взаимоотношений с властями.

Характер осуществления функций группами давления прежде всего зависит от того, законны или незаконны способы их деятельности. К первым можно отнести взаимодействие с кандидатами в депутаты и членами исполнительных и представительных органов государства (в виде советов, рекомендаций, убеждения); участие в финансировании подготовки тех или иных законопроектов, экспертиз, заключений правительственных органов; контроль за соблюдением принятых решений (законов), вплоть до обращения в суд на неверную правоприменительную деятельность отдельных органов власти; контроль за деятельностью правительства в отдельных отраслях управления, расходом финансовых средств и т.д. К незаконным формам деятельности групп интересов относятся взяточничество, подкуп чиновников, финансовая поддержка ими нелегальных объединений, контроль за личной жизнью политиков в целях сбора компромата и проч.

В целом приоритет тех или иных способов деятельности групп интересов определяется степенью демократичности, открытости политической системы. С другой стороны, типичные способы взаимоотношений групп интересов с властями способны влиять (а порой и изменять) на определенные тенденции в развитии национальной государственности. Так, в ряде латиноамериканских государств, в Италии, частично в России и некоторых других республиках бывшего СССР деятельность отдельных групп интересов (в частности групп давления, функционирующих в сфере действия органов исполнительной власти) способствует нарастанию теневых форм правления, коррумпированности государственных чиновников, криминализации сферы принятия решений. В других государствах эти политические институты, напротив, делают область государственного управления более открытой для общественности, укрепляют свои связи с другими посредниками между населением и властью (например, в США общенациональные партии представляют собой совокупность гибких ассоциаций, групп интересов граждан, сотрудничающих между собой в процессе выборов в федеральные органы власти).

Типология групп интересов

В политической науке сложилась достаточно разветвленная типология групп интересов, учитывающая разнообразные черты их строения и деятельности. Так, с точки зрения происхождения и степени организованности выделяются **анемические и институциональные** группы интересов. Первый тип характеризует объединения, возникающие стихийным образом как спонтанная реакция на ту или иную ситуацию (например толпы, демонстрации, митинги). По мысли западного политолога П. Шарана, их прежде всего отличает отсутствие постоянных организованных действий членов от имени данной группы. Включение политических групп в политические отношения с государством нерегулярно. Внутренняя их структура, как правило, неустойчива и нередко формируется как бы заново, без сохранения преемственности с прежними формами организации. Недостаточность же организационных возможностей не только снижает эффект их деятельности, но и предопределяет практически постоянное стремление к использованию силы.

В противоположность им институциональные группы — это формальные объединения с определенной организационной структурой, устоявшимися функциями и профессиональным кадровым аппаратом. Их целенаправленная деятельность более эффективна. Группы данного типа (например административные органы церкви, армии, представительства автономий в федеральных центрах и др.) выполняют широкий круг задач, в том числе преследуя и те цели, которые выходят за рамки представительства интересов.

Учитывая специализацию их действий, выделяют **неассоциативные и ассоциативные** группы. Источником возникновения первых выступает неформальное и недобровольное объединение людей на родственной, религиозной, социокультурной основе (научные и студенческие общества, религиозные секты). Их деятельность также, как и у анемических групп, непостоянна, малоструктурирована и не всегда эффективна. Ассоциативные же группы представляют собой добровольные объединения, специализирующиеся на представительстве интересов и нацеленные на решение определенных задач (профсоюзы, предпринимательские ассоциации, движения за гражданские права). Их организационная и кадровая структура, порядок использования финансовых средств стимулируют достижение специальных целей. Органично встроенные в политическую систему, они обладают наибольшей результативностью.

По характеру деятельности группы интересов могут быть разделены на **одноцелевые и многоцелевые**. Например, относящиеся к первому типу лоббирующие структуры, стремящиеся обеспечить принятие какого-либо определенного законодательного акта в парламенте, складываются и существуют только в связи с достижением данной цели. После результативного решения своей задачи они либо распадаются, либо переориентируются на другую, не менее конкретную цель. Деятельность же многоцелевых групп

многопрофильна и не ограничена спецификой задач того или иного рода. Так, например, многие группы давления могут не только взаимодействовать с правительством по поводу принятия решений в какой-либо сфере управления, но и участвовать в избирательных кампаниях и т.д.

С подобного рода классификацией тесно связана и типология французского политолога М. Дюверже, выделявшего **специальные** (занимающиеся только политической деятельностью) и **частичные** (выполняющие более широкий круг социальных функций: организация бизнеса и т.д.) группы интересов.

Весьма распространены и градации групп интересов по **сферам** управления обществом (например союзы потребителей в экономической области, творческие союзы — в сфере культуры и проч.), **территориальным** признакам (группы, формирующиеся и действующие только в определенных регионах), **уровню и масштабам** деятельности (например, группы давления, действующие в центральных или местных органах власти).

§ 2. Политические партии

Происхождение и сущность партий

Партия, будучи таким же посредником в отношениях населения с государством, как и группы интересов, обладает по сравнению с ней значительной спецификой. Более того, функциональные и организационные особенности этой «самой политической» из всех общественных организаций (Р. Доуз) до сих пор служат предметом теоретической полемики относительно ее происхождения и роли в политическом процессе. Возникают ли партии вследствие воплощения естественного для человека духа противоречия (Гоббс) или являются частным случаем политических ассоциаций, формирующихся на основе свободного выбора человека (Токвиль); стремятся ли они подчинить себе все проявления политической активности человека (М. Я. Остро-горский) или же являются механизмами продвижения к власти лидеров (М. Вебер) — все это и сегодня является предметом горячих дискуссий.

Партогенез, т.е. процесс формирования и функционирования партий, уходит корнями в конец XVII — начало XVIII в. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки. Сопровождавшие этот процесс гражданская война в США, буржуазные революции во Франции и Англии показывают, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формирующейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Партии знаменовали собой определенный этап в усложнении политической системы индустриального типа. Они возникли как результат ограничения абсолютной

монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», всеобщего избирательного права (XIX в.), послуживших значительному развитию представительной системы. Оно означало, что не только выполнение управленческих функций стало требовать расширения состава политической элиты, но и само ее рекрутирование превратилось в дело избирательного корпуса. Теперь те, кто хотел сохранить (или приобрести) власть и влияние, должны были обеспечить себе массовую поддержку. Именно партии стали этими законными орудиями артикуляции интересов различных групп избирателей и отбора элиты.

Правда, первоначально партии представляли собой не сплоченные объединения, нацеленные на борьбу за власть, а различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой объединения единомышленников (Клуб кордельеров времен Великой французской революции или «Реформ Клуб», возникший в Англии в 30-е гг. XIX в.). Первые же партии, боровшиеся против феодальной власти, были созданы сторонниками либеральных воззрений (виги в Великобритании, прогрессивная партия Германии, Бельгийская либеральная партия и т.п.).

Таким образом, исторически партии формировались как представительные структуры, выражавшие определенные групповые интересы; как институты, оппозиционные государству и другим политическим объединениям; как союзы единомышленников. Эти черты, выражая относительную самостоятельность и независимость от государства политических позиций известных групп населения, способствовали восприятию партий как источников кризисов и раскола общества. Причиной в основном такого негативного отношения к партиям было повсеместное распространение убеждения в том, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиции). Не случайно, к примеру, Дж. Вашингтон в «Прощальном послании» американскому народу говорил об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации власти правительственной. Отрицательно относились к партиям и другие политики и ученые, среди которых А. Токвиль и Дж. Милль. В то же время, например, Ф. Бэкон и Э. Берк были к партиям более лояльны, а Н. Макиавелли даже считал их по-своему полезными, поскольку «умудренные пагубным опытом других» (уже испытавших порожденные партиями вражду и раздоры) граждане «научились бы сохранять единство».

Только постепенно, по мере развития парламентских, конституционных основ буржуазной государственности, партии укрепили свой политический и правовой статус. И в настоящее время они представляют такой институт власти, без которого не может осуществляться выборное формирование государственности, легальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

Итак, в результате исторического формирования партия заявила о себе как **специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование политической власти.** Воплощая право человека на политическую ассоциацию с другими людьми, партия отображает общегрупповые интересы и цели разнообразных (социальных, национальных, конфессиональных и проч.) слоев населения, их идеалы и ценности, утопии и идеологии. Через этот институт люди выдвигают свои групповые требования к государству и одновременно получают от него обращения за поддержкой в решении тех или иных политических вопросов. Таким образом партия развивает как прямые, так и обратные связи народа и государства.

От всех других политических институтов, в том числе и групп интересов, партию отличают свойственные ей функции и характерные способы их осуществления, определенная внутренняя организация и структура, наличие политической программы действий, та или иная идеологическая система ориентаций, а также ряд других, менее значимых признаков.

Длительная история существования партий выкристаллизовала и типичные для нее внутренние группы и объединения. К ним прежде всего относятся лидеры партии; партийная бюрократия; мозговой штаб, идеологи партии; партийный актив; рядовые члены партии. В том случае, если партия добивается успеха на выборах, в ее составе выделяются «члены партии — законодатели» и «члены партии — члены правительства», которые нередко становятся вторым руководящим звеном партии. Существеннейшую роль в определении судьбы и политического веса партии играют и — находящиеся в общем-то за ее рамками — «партийный электорат», «сочувствующие» партийной программе (т.е. те, кто голосует за нее на выборах), а также «меценаты», оказывающие ее организациям определенную поддержку. Все эти группы специфически влияют на осуществление партией своих функций, способствуют усилению или падению ее авторитета, возможности воздействовать на государственные органы.

Функции политических партий

Будучи звеном вертикальной связи народа и государства, участвующим практически во всех фазах политического процесса, партия выступает одним из важнейших механизмов распределения (перераспределения) в обществе властных статусов. Прежде всего партия нацелена на борьбу за завоевание и использование политической власти в интересах поддерживающей ее группы населения. Иначе говоря, если группы интересов, как правило, пытаются решать те или иные проблемы в рамках сложившегося режима правления, то партии, выдвигая собственную программу решения внутри- и внешнеполитических вопросов, могут выдвигать претензии и на изменение

высшей политической власти (как в центре, так и на местах). Однако и при подобном характере политических требований партии чаще всего обеспечивают мирное перераспределение власти между различными общественными силами. В этом смысле они выступают таким механизмом агрегирования интересов граждан, который дает возможность избежать общественных потрясений при изменении баланса политических сил.

Выдвигая тот или иной набор властных притязаний, партии обеспечивают связь населения с государственными структурами, институционализацию политического участия граждан, заменяют стихийные формы общественно-политической активности населения формами формализованными, подверженными контролю со стороны своих лидеров. В этом отношении партии являются одним из наиболее эффективных средств борьбы с политической апатией и гражданской пассивностью людей.

Одной из важнейших функций партий является отбор и рекрутирование политических лидеров и элит для всех уровней политической системы. Помимо выдвинутых ими профессиональных политиков, в управлении делами общества и государства нередко самое активное участие принимают и партийные эксперты, аналитики, специалисты.

Неотъемлемой задачей деятельности партий является углубление связей и отношений между различными ветвями власти, местными и центральными органами государственного управления, разнообразными политическими институтами. Как правило, это происходит в процессе выдвижения партийных программ, определения союзников и противников среди участников политического процесса, включающих, кстати, и иные партийные образования.

Ну и, наконец, еще одной важнейшей функцией партий является политическая социализация граждан, формирование у них свойств и навыков участия в отношениях власти. Ведя борьбу за избирателя, преодолевая дефицит информированности населения, партии обращают внимание людей на важнейшие конфликты и пути их преодоления, делают ситуацию, сложившуюся в обществе, понятной для рядовых граждан. Главным средством решения этой задачи является формулирование разногласий с другими политическими силами по основным вопросам общественного развития. Как считает американский ученый Е. Шаттшейдер, «формулирование разногласий — ключевой инструмент в борьбе за власть», и партия, которая сумела четко обозначить свои позиции для общественного мнения, «имеет все шансы стать правящей».

Наиболее ярко партии реализуют свои функции в предвыборной и избирательной кампаниях. Выдвигая кандидатов в законодательные органы государства, партии предпринимают активные действия, направленные не только на поддержку своих представителей, но и на распространение определенных идей, внедрение их в массовое сознание граждан. И если, к примеру, небольшие партии не могут выставить конкурентоспособных кандидатов на общегосударственном (региональном) уровне, то они все же используют

выборные кампании в идеологических целях, пытаюсь создать в глазах населения позитивный имидж своим целям и ценностям.

Партии, одержавшие победу на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров, а через них — легитимное право на участие в процессе принятия политических решений и возможность контроля за их исполнением. Послевыборная фаза деятельности партий обычно сопровождается заключением различных межпартийных соглашений, образованием партийных коалиций, союзов и блоков победивших партий. Одновременно это дает возможность и населению объединиться в соответствующую коалицию большинства, чтобы поддерживать правительство.

Но выборы — только самая активная фаза деятельности партий. И после выборов они стремятся увеличить электоральную поддержку правящему или оппозиционному курсам, организуя различные кампании в средствах массовой информации, акции поддержки (недоверия) правящему режиму, другие мероприятия, призванные убедить население в правильности (неверности) сделанного выбора. Они активно борются за расширение своего численного состава, укрепление материального положения центральных и низовых организаций, распространение своих программных целей, налаживание связей с отечественными и зарубежными партиями дружественного толка.

Эффективность решения этих задач в немалой степени зависит от того, придерживаются партии **прагматического** или **идеологического** стиля деятельности. Первый, в частности, предполагает постоянную нацеленность партий на поиск любых возможностей для достижения конкретных целей. Здесь идеологические ограничения не играют существенной роли, и ими легко жертвуют при достижении различного рода соглашений, образовании коалиций и т.д. В конечном счете такой прагматизм всегда предполагает использование по преимуществу консенсусных технологий борьбы за власть, что повышает политическую стабильность общественного развития.

Идеологизированный же стиль партийной деятельности, основываясь на постоянной защите идеалов и принципов, неизбежно приводит к нарастанию конфликтности политического процесса. Если идеологии сформированы на антагонистических ценностных основах, то межпартийная полемика ведет к поляризации и резкой конфронтационности сил, участвующих в отношениях власти.

Как показывает опыт, приверженность партий, получивших статус правящих, идеологическому стилю грозит серьезными изменениями в характере отправления и системе организации политической власти. В частности, как это было, по сути, во всех тоталитарных режимах, постепенное превращение идеологии господствующей партии в монопольную систему идейной ориентации всего общества предопределило срастание этого института с государством.

Тем самым такого рода партии вышли за рамки своего функционального назначения в политическом процессе, утратив общественно-политическую природу и превратившись во всевластного монстра, способного лишь на насилие и административный диктат.

§ 3. Типы партий и партийных систем

Типология партий

Многообразие исторических и социокультурных условий политического развития стран и народов привело к возникновению различных партийных структур, отличающихся друг от друга строением, функциями, чертами деятельности. Исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к моральным (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и количественным (характеризовавшим «большие» и «малые» партии) критериям. Современной же политической наукой разработана гораздо более сложная типологизация партийных институтов.

Наиболее часто встречающийся критерий типологизации партий — идейные основания их деятельности, подразумевающие деление на **доктринальные** (сориентированные прежде всего на защиту своей идеологической чистоты), **прагматические**, или «патронажные» (З. Ньюмен) — ориентирующиеся на практическую целесообразность действий, а также **харизматические**, в которых люди объединяются вокруг лидера. При этом в каждом из этих типов существует дальнейшая дифференциация партийных объединений. В частности, среди доктринальных партий принято выделять религиозные (как, например, Швейцарская евангелическая партия) и идеологические многочисленные социалистические, национальные и др.) объединения.

Весьма характерно для современной политической науки типологизировать партии в зависимости от **социальных** (аграрные партии), **этнических** (ультралевая баскская партия «Эрри батасуна»), **демографических** (женская объединенная партия Бельгии) и **культурологических** (партии любителей пива в Германии и России) оснований образования этих институтов власти. Важное значение имеет и дифференциация партий с точки зрения их организационной структуры. В данном случае принято выделять партии **парламентские** (где в качестве первичных образований выступают территориальные комитеты), **лейбористские** (представляющие собой разновидность парламентских партий, допускающих коллективное членство, в том числе и трудовых коллективов) и **авангардные** (построенные на принципах территориально-производственного объединения своих членов и демократического централизма). Довольно распространена типизация партий с точки зрения их отношения к правящему режиму: **правящие и оппозиционные**,

легальные и нелегальные, партии-лидеры и партии-аутсайдеры, партии, правящие монопольно и правящие в составе коалиции и т.д.

Большое распространение в политологии получила классификация французского ученого М. Дюверже, выделявшего в зависимости от оснований и условий приобретения партийного членства партии **кадровые, массовые и строго централизованные**. Первые из названных отличаются тем, что они формируются вокруг группы политических деятелей, а основой их организационного строения является политический комитет (лидеров, активистов). Кадровые партии формируются, как правило, сверху, на базе различных парламентских групп, групп давления, объединений партийной бюрократии. Они сориентированы прежде всего на участие профессиональных политиков и элитарных кругов, что предопределяет свободное членство и известную аморфность партийной организации. Как правило, такие партии активизируют свою деятельность только во время выборов, когда необходимо организовать поддержку электората.

Массовые партии представляют собой централизованные образования, хорошо организованные и дисциплинированные, с уставным членством. Хотя и здесь важную роль играют лидеры и аппарат партии, большое значение в них придается общности взглядов, идеологическому единству членов. Массовые партии чаще всего формируются снизу, нередко на основе профсоюзных, кооперативных и иных общественных движений, артикулирующих интересы определенных слоев, профессиональных групп, сторонников известных лидеров и идей. Однако в отдельных случаях формирование партий подобного типа возможно и комбинированным путем, подразумевающим соединение усилий элитарных кругов (парламентских комитетов, общественных комитетов в поддержку того или иного депутата и др.) и рядовых граждан (избирателей). Учитывая разнообразие форм деятельности, направленности и иных аспектов функционирования массовых партий, некоторые теоретики, и в частности Ж. Блондель, выделяли среди них представительные партии западного типа, коммунистические и популистские.

И наконец, для строго централизованных партий Дюверже считал характерным превращение идеологического компонента в основополагающее, связующее эти организации начало. Для таких партий — а Дюверже относил к ним коммунистические и фашистские — характерны наличие множества иерархических звеньев, строгая, почти военная дисциплина, высокая организованность действий, уважение и почитание политических вождей.

Сущность и разновидности партийных систем

Устойчивые связи и отношения партий различного типа друг с другом, а также с государством и иными институтами власти образуют партийные системы. Взаимодействуя друг с другом и с государством,

партии так или иначе влияют на принятие решений, выявляя тем самым свое место в политической жизни.

Партийные системы противостоят апартийным, т.е. таким формам организации политической власти, где либо совсем не существует партийных объединений, либо их наличие носит сугубо декларативный характер (как это было, например, в СССР, Албании или происходит и сейчас на Кубе, в Северной Корее).

Собственно партийные системы принято классифицировать прежде всего по качественным аспектам партийно-государственных (межпартийных и проч.) отношений, а также по их количественному составу. Так, в зависимости от числа партий выделяют **однопартийные** (неконкурентные) системы, внутри которых различают деспотические и демократические разновидности, **много-партийные** (конкурентные, состязательные) — с одной доминантной партией, двухпартийные (бипартийные) и мультипартийные. Однако, несмотря на то, что сложившиеся в том или ином государстве партии легко подсчитать, количественный метод типологизации партийных систем несовершенен: демонстрируя численность партийных институтов, он не выявляет, сколько партий действительно включено в процесс принятия государственных решений. (Например, во Франции в избирательных кампаниях участвуют более 20 партий, в то время как реально правят одна-две, предпочитаемые обществом.)

Таким образом, типологизация партийных систем по качественным характеристикам их деятельности предпочтительней. В этом контексте, учитывая характер правления, можно говорить о **демократических, авторитарных и тоталитарных** партийных системах, а учитывая доминирующие в государстве ценности, — о системах **социалистических и буржуазных** и т.д.

Итальянский политолог Дж. Сарторидает более сложную классификацию, основанную на идеологической дистанции («полярности») между партиями. По его мнению, существуют семь типов партийных систем, размещающихся между полюсами: «однопартийной» (моноидеологической) системой и «атомизированной» (идейно разнородной). Промежуточные типы — системы с «партией-гегемоном», «доминирующей партией», «двухпартийные», «ограниченного плюрализма» и «радикального плюрализма» — выражают степень развития и варианты идеологического плюрализма в деятельности одной или нескольких партий.

Чаще всего в формировании партийных систем наибольшую роль играют характер социальной структуры общества, действующее законодательство (и прежде всего избирательные законы), а также социокультурные традиции. Например, в странах, где нет значительных крестьянских слоев, как правило, не возникают аграрные партии. В странах же, где определяющую роль играет какой-либо один, например средний, класс, существуют предпосылки для

создания системы с доминирующей партией. Если социальная структура общества пронизана полярными противоречиями тех или иных страт, то и партийная система будет носить конфликтный характер, лишь подогревая напряженность общественных отношений. Если же социальные группы ориентируются на единую систему ценностей и идеалов, то и партийная система будет характеризоваться более мягкими формами межпартийных и партийно-государственных связей.

Законы также могут влиять на характер партийных систем, накладывая, например, ограничения на деятельность немногочисленных партий, препятствуя допуску к выборам оппозиционных партий определенной направленности, разрешая насильственные действия по отношению к нелегальным партийным объединениям. Там, где действуют избирательные системы мажоритарного типа (определяя одного победителя по большинству полученных голосов), как правило, формируются двухпартийные системы или системы с одной доминирующей партией. Пропорциональные избирательные системы, напротив, давая шансы на представительство в органах власти большему числу политических сил, инициируют создание многопартийных систем и партийных коалиций, облегчают возникновение новых партий.

В обществах с множеством экономических укладов, разнообразием культур и языков, многочисленными каналами и институтами артикуляции социальных, национальных, религиозных и прочих интересов, как правило, больше предпосылок для создания многопартийных систем. Именно последние, как показал мировой опыт политического развития, выступают наиболее оптимальной формой и одновременно условием демократического развития общества.

Правда, ученые и практики расходятся в оценках, какая конкретно система предпочтительнее: с большим числом партий или бипартийная, с доминантной партией или же без нее. Например, Дж. Сартори считает, что появление пяти и более партий создает «крайнюю многопартийность», опасную для существования государства. Опыт Японии, Сирии, Испании и ряда других стран свидетельствует в пользу преимуществ многопартийной системы с монопольно правящей партией. А политически стабильное развитие Нидерландов, Дании, Бельгии, Австрии и некоторых других государств говорит о пользе многопартийности без доминантной партии. Немало преимуществ и у установившейся в США, Англии, Ирландии, Канаде, Австралии и других странах двухпартийной модели, которая предоставляет гражданам возможность выбора, правительствам — смены курса, а обществу — стабильность. Даже оппозиционные партии действуют здесь в русле одних и тех же базовых ценностей. Впрочем, такая система тоже не идеальна, снижая возможности полноправного участия независимых кандидатов или же «третьих сил» в процессе принятия решений. Там же, где «третья» партия все же может внести существенные коррективы в установившийся порядок (т.е. отобрать зна-

чительную часть голосов у партий, которым отдают предпочтение 70—80% избирателей), формируется так называемая «2,5 партийная система» (ФРГ).

Конечно, не существует единого стандарта в оценках эффективности тех или иных партийных систем. В то же время важнейшим основанием сопоставления их деятельности является обеспечиваемая политической системой чуткость к социальным запросам и нуждам населения, возможность включения в процесс принятия решений как можно большего числа властно значимых интересов граждан, способность населения к демократическому контролю за деятельностью правящих элит.

**Основные тенденции
в развитии партий
и партийных систем**

Партогенез по-своему отображает социально-экономическую динамику, эволюцию политических систем. Например, во второй половине — конце XIX в. конфликты между процессами первоначального накопления капитала и становления обществ индустриального типа в Западной Европе и Северной Америке вызвали возникновение массовых социалистических партий. В свою очередь их популярность стимулировала появление партий христианско-демократического типа. Интенсивный передел мира в первой и второй мировых войнах породил мощный источник формирования национальных партий. Характерным ответом на кризис демократии в европейских странах в 20—30-х гг. XX в. стало возникновение фашистских партий.

Однако, несмотря на пестроту и разноречивость общественного развития в нынешнем столетии, все же можно подметить ряд наиболее существенных тенденций в эволюции партийных институтов, обусловивших, в частности, изменение ведущих типов партий и их роли в политическом процессе различных стран.

Так, еще в начале этого века Р. Михельс, М. Вебер, М. Я. Острогорский подметили зарождавшуюся в лоне социалистических партий тенденцию к нарастанию роли партийного аппарата в ущерб рядовому членству, бюрократизации партийных объединений, все возрастающему господству партийных лидеров и элит. В то же время в западных демократиях эти характеристики партийных объединений были подчинены общей линии в развитии партий: их использования для выдвижения кандидатов в законодательные органы, отбора и формирования правящих элит. При таком варианте развития событий идейные принципы, которые ранее привлекали рядовых граждан и стимулировали их членство, стали препятствием для завоевания партийной элитой электоральной поддержки. Поэтому идеология постепенно приносилась в жертву голому прагматизму, успеху на выборах. Партийные лидеры больше ориентировались на завоевание массовой поддержки, опасаясь отождествлять свою партию с определенным классом и определенной

идеологией. Партии превращались в «партии для всех», беря на себя функцию выражения интересов большинства нации.

Таким образом, по мере развития либеральной демократии и, что немаловажно, формирования единых ценностных ориентиров, политических идеалов населения в западных странах произошло постепенное превращение большинства политических партий преимущественно в партии электоральные. Строя свою деятельность в соответствии с избирательным циклом, они стимулировали укрепление парламентского строя, развитие взаимоотношений элиты и электората. Поощряя плюрализм политической жизни, партии стабилизировали систему власти, основанную на устойчивом представительстве интересов граждан.

В то же время длительное функционирование в качестве привычных для населения средств выражения их интересов, органическая встроенность в механизмы государственной власти несколько изменили функции политических партий и отношение к ним со стороны граждан. В частности, укрепив представительную систему власти, партии открыли дверь в политику множеству других участников избирательного процесса, причем не только многочисленным группам интересов, но и успешно конкурирующим с ними независимым кандидатам. Взаимоотношения населения с властью становились все более непосредственными, менее формализованными, сильнее ориентированными на индивидуальные позиции граждан. Как писал С. Хантингтон, чем быстрее росла «приверженность американцев своим политическим убеждениям», тем они равнодушнее относились к групповым формам выражения своих политических интересов.

С другой стороны, многие партии, привыкнув к роли постоянного звена в процессе принятия государственных решений, зачастую свою главную цель усматривают в борьбе против правительства, а не в завоевании электората. А это не может не сказаться на отношении к ним населения.

Сегодня, по мнению немецкого теоретика К. фон Бойме, партии, усилив свою роль в отборе политических элит, в то же время в определенной степени утратили влияние на политическую социализацию граждан. Весьма ощутимой тенденцией во многих западных демократиях стало снижение партийной идентификации. Укрепив демократические ценности в политической жизни, партии кое-где начинают «уходить в тень», повышая шансы менее формализованных и гибких посредников в отношениях между населением и властью. Эти веяния времени и в самих партиях стимулируют тенденции децентрализации и усиления роли местных организаций, способствуют ослаблению требований к партийной дисциплине, обуславливают расширение связей с разнообразными неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества.

В то же время в ряде стран получили развитие иные тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в странах, переживших период

тоталитарного правления, жесткость идеологических требований к членству в правящих партиях, предоставляемые привилегии ее руководящим и рядовым членам, дискриминационные критерии отбора последних превратили эти объединения в идеократические группировки кастового характера. Более того, социальные претензии партийной бюрократии, породив стремление к «перехвату» этими организациями функций всех иных институтов власти, обусловили возникновение партийно-государственных образований, где не было места представительству живых человеческих интересов. В своей совокупности эти тенденции привели к саморазрушению партий как специфических политических институтов.

Длительные традиции существования подобного рода организаций в посткоммунистических странах, вызвав значительное недоверие населения к политическим объединениям, и в настоящее время мешают полноценному использованию партийных институтов для возвращения людей в политическую жизнь. Правда, борьба за выбор направления общественного развития, поиск консолидирующих социум ценностей порождают мощные источники формирования новых политических партий. При этом во вновь образующихся партиях сосуществуют тенденции к их превращению как в идеологически нейтральные организации, рассчитанные на максимально широкую социальную поддержку, так и в объединения с жесткими идейными требованиями к своим членам, централизованной организацией управления и авторитарной ролью лидеров.

Однако партии, группы интересов, да и государство в целом являются «только» несущей конструкцией политики, материализующей интересы элит и неэлит. Для понимания же не только реального механизма функционирования данных институтов, но и характера отправления индивидами своих прав и свобод принципиально важно знание политических идеологии, психологии и культуры. Именно они непосредственно определяют цели политической деятельности людей, субъективное содержание политической жизни.

Раздел VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

Глава 16

МИРОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

§ 1. Понятие политической идеологии

Сущность и функции политической идеологии

Политическая идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений, орудие «духовного княжения»

(Макиавелли) той или иной политической силы. Со времени появления соответствующего термина (его ввел французский ученый А. де Треси в XVIII в.) в науке сложились различные взгляды на это духовное явление. Так, основоположник теории идеологии К. Маркс видел в ней прежде всего форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями производственных отношений. К. Мангейм также понимал ее как совокупность ложных представлений. Однако большее внимание он уделял ее функциональным характеристикам и, в частности, способности сплачивать людей, аккумулировать их политическую энергию.

Американский теоретик Л. Саджент полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник Ф. Уоткинс считал, что идеология всегда противостоит статус-кво и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. Неомакиавеллисты (Р. Моска, Р. Михельс, В. Парето и др.) гиперболизировали политическую идеологию, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы ее проявления, порожденные нуждами легитимизации власти. В то же время, несмотря на признание многими видными учеными весьма высокой роли политической идеологии в обществе, в политической мысли бытуют и представления, характеризующие ее как «служанку власти», не имеющую в политике сколь-нибудь серьезного веса.

И все же большинство ученых трактуют политическую идеологию как **определенную доктрину, оправдывающую притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование) и добивающуюся в соответствии с этими целями подчинения общественного мнения собственным идеям.** Следовательно, политическая идеология — это разновидность корпоративного сознания, отражающая сугубо групповую точку зрения на ход политического и социального развития, отличающаяся склонностью к духовному экспансионизму.

Политическая идеология является по преимуществу духовным орудием элиты. Именно от тактики поведения последней зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов. Однако реальная роль политической идеологии в отношениях власти зависит от характера овладения ею общественным сознанием.

Таким образом, основными функциями политической идеологии являются: овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание позитивного образа в глазах общественного мнения предлагаемых ею целей и задач политического развития. При этом политическая идеология призвана не столько распространять, пропагандировать свои цели и идеалы, сколько добиваться целенаправленных действий граждан во исполнение поставленных ею задач.

С точки зрения политических функций, идеология стремится сплотить, интегрировать общество либо на основе интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и др.) группы, либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма, фашизма). При этом, помимо рациональных — нередко теоретически обоснованных положений, любая идеология предполагает некую дистанцированность от действительности, исповедует те цели и идеалы, которые людям предлагается воспринимать на веру. В меньшей степени таким налетом верований обладает официальная идеология, направляющая реальный курс государственной политики и потому в основном приукрашивающая действительность. Особой же предрасположенностью к утопизму обладают идеологии оппозиционных сил, как правило, ожидающие от власти значительно большего, чем она может дать, и стремящиеся с помощью красивого идеала привлечь к себе массы сторонников.

Уровни политической идеологии

Поскольку политическая идеология представляет собой духовное образование, специально предназначенное для целевой и идейной ориентации политического поведения граждан, необходимо различать следующие уровни ее функционирования:

— **теоретико-концептуальный**, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы определенного класса (нации, государства) или приверженцев какой-то определенной цели политического развития. Иными словами, здесь представлены те идеи и принципы, во имя которых «совершаются государственные перевороты <...> умирают и возрождаются общества».

— **программно-политический**, на котором социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, лозунги и требования политической элиты, формируя таким образом нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования политического поведения граждан. И если политические принципы формируют приверженцев и предполагают дискуссии сторонников разных ценностей, то программы разрабатываются для ведения непосредственной политической борьбы, предполагающей подавление (нейтрализацию) оппонентов. Причем между концептуальным и программным уровнями могут существовать и определенные противоречия, в результате которых некоторые принципы, как писал Б. Чичерин, нельзя узнать в оформлении их «самых рьяных обожателей».

— **актуализированный**, который характеризует степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, меру их воплощения в практических делах и поступках. Данный уровень может характеризоваться довольно широким спектром вариантов усвоения людьми идеологических установок: от легкой смены политических позиций, не затрагивающих

гражданские убеждения, до восприятия людьми своих политических привязанностей как глубинных мировоззренческих ориентиров. Идеологии, обладающие способностью определять принципы социального мышления людей, упорядочивать в их сознании картины мира, являются «тотальными» (К. Мангейм). Те же системы политических требований и воззрений, которые ставят задачи частичного изменения форм правления, функций государства, систем выборов и другие цели, не способные повлиять на мировоззренческие представления граждан, выступают как «частные» (Н. Пуланзас). Падение влияния идеологии на общественное мнение или распространение технократических представлений, отрицающих возможность воздействия социальных ценностей на политические связи и отношения, ведет к **деидеологизации** политики.

§ 2. Основные идеологические течения в современном мире

Либерализм и неолиберализм

Унаследовав ряд идей древнегреческих мыслителей Лукреция и Демокрита, либерализм как самостоятельное идеологическое течение сформировался на базе политической философии английских просветителей Д. Локка, Т. Гоббса, А. Смита в конце XVII—XVIII вв. Связав свободу личности с уважением основополагающих прав человека, а также с системой частного владения, либерализм положил в основу своей концепции идеалы свободной конкуренции, рынка, предпринимательства. Соответственно ведущими политическими идеями либерализма были и остаются правовое равенство граждан, договорная природа государства, а также в более позднее время сформировавшееся убеждение о равноправии соперничающих в политике «профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций, ни одна из которых» не может иметь «морального превосходства и практического преобладания над другими».

С момента своего возникновения либерализм отстаивал критическое отношение к государству, принципы высокой политической ответственности граждан, религиозную веротерпимость и плюрализм, идею конституционализма. Главными проблемами либеральной идеологии всегда были определение допустимой степени и характера государственного вмешательства в частную жизнь индивида, совмещение демократии и свободы, верности конкретному Отечеству и универсальных прав человека.

Попытки решения этих вопросов привели к возникновению в либерализме многочисленных внутренних течений. Так, в XX в. наряду с традиционным либерализмом сформировались направления, пытавшиеся соединить его основные ценности с тотальной опорой на государство, или с социально ориентированными идеями, утверждавшими большую ответственность общества за благосостояние людей, нежели отдельного индивида, либо с пред-

ставлениями, напрочь отрицавшими социальную направленность деятельности государства («консервативный либерализм») и т.д.

В целом же, усиление элементов государственной идеологии и социальных целей, адаптировавших традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в., заставило говорить о его исторически обновленной форме — **неолиберализме**. Важнейшим достоинством политической системы здесь провозглашалась справедливость, а правительства — ориентация на моральные принципы и ценности. В основу политической программы неолибералов легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству, стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль, Ч. Линдблум и другие неоплюралисты считают, что чем слабее правление большинства, тем оно больше соответствует принципам либерализма. Правда, представители праволиберальных течений (Ф. Хайек, Д. Эшер, Г. Олсон) полагают, что при плюрализме способны сформироваться механизмы экспроприации большинством богатого меньшинства, а это может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма.

В то же время сохранившаяся в неолиберализме ориентация по преимуществу на публичные виды человеческой жизнедеятельности (политическую активность, предприимчивость, свободу от предрассудков и т.п.), традиционное отношение к морали как к частному делу человека (что способствует укреплению отнюдь не всех связей и отношений в обществе, а временами несет и опасность атомизации социума) ограничивают электоральную базу этих представлений в современных условиях. С другой стороны, именно основные ценности либерализма обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии. На либеральной основе развились многообразные теории политического участия, демократического элитизма и т.д. И видимо, эти грандиозные исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили ряду зарубежных теоретиков (например, Ф. Фукуяме) полагать, что мировое сообщество уверенно движется к «концу истории», т.е. универсализации государств, воплощающих принципы свободы и равенства граждан и потому способных решить все фундаментальные проблемы человеческого сообщества.

Консерватизм и неоконсерватизм

Консерватизм как политическая идеология является собой не только систему

охранительного сознания, предпочитающую прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания) новой, но и весьма определенные ориентиры и принципы политического участия, отношения к государству, социальному порядку и т.д. Предпосылкой возникновения этих базовых представлений стали «успехи» либерализма после Великой Французской революции 1789 г. Потрясенные попытками радикального политического переустройства, духовные отцы этого направления — Ж. де Местор, Л. де Бональд и особенно Э. Берк — пытались утвердить мысль о противоестественности сознательного преобразования социальных порядков. Их система воззрений базировалась на приоритете преемственности перед инновациями, на признании незыблемости естественным образом сложившегося порядка вещей, предустановленной свыше иерархичности человеческого сообщества, а стало быть, и привилегией известных слоев населения, а также соответствующих моральных принципов, лежащих в основе семьи, религии и собственности. По их мнению, сохранение прошлого способно снять все напряжение настоящего и потому должно рассматриваться как моральный долг по отношению к будущим поколениям. Понятно, что такие принципы отрицали оптимизм либеральной идеологии относительно общественного прогресса, тот дух индивидуальной свободы, который, с точки зрения консерваторов, разрушал целостность человеческого сообщества.

На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности отношение к конституции как к проявлению высших принципов (которые не могут произвольно изменяться человеком), воплощающих неписаное божественное право, убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда, понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т.д. И это заставляло консерваторов сомневаться в ценностях эгалитаризма, препятствовало отождествлению демократии со свободой и эффективным управлением обществом.

Правда, защищая ценности и институты индустриального общества, консерватизм, как и либерализм, стал противиться государственному вмешательству в экономику, способному затормозить развитие свободного рынка, конкуренции, а следовательно, и нарушить привилегии представителей крупного капитала.

Эти основополагающие идеи и принципы, однако, заметно модифицировались в процессе общественного прогресса. Так, кризисное развитие индустриальных держав в начале XX в. спровоцировало появление различного рода реакционных консервативных течений: антисемитизма, расизма, иррационализма, национализма и др., которые выказали полное неприятие демократии и стали проповедовать социальную и национальную дискриминацию. Здесь проявился в целом нехарактерный для консерватизма —

уверенного в способности политики смягчать социальную напряженность — радикализм, стремление к силовым способам разрешения конфликтов.

В послевоенный период, когда консерватизм вынужден был обратиться к более тонкой и сложной апологетике капиталистического образа жизни, возникли новые формы этой идеологии. Так, попытки обосновать «третий» (в отличие от предлагаемых либерализмом и социализмом) путь общественного развития, наряду с традиционными течениями, вызвали к жизни разнообразные национальные формы консерватизма, а также технократический (А. Гелен, Х. Шельски, Г. Фрейер), христианско-католический, «реформаторский» консерватизм и другие типы этой идеологии. Значительно мягче относясь и к государственному регулированию производства, и к участию населения в управлении, эти идейные течения решительно ставили вопрос об укреплении законности, государственной дисциплины и порядка, не признавали инициированных реформ. Консерваторы, в стремлении с собственных позиций пересмотреть идею демократии, предлагали даже дополнить выборность народных представителей выдвижением в органы управления наиболее «достойных» (с точки зрения властей) граждан.

Последние десятилетия обозначили явное стремление консерватизма, с одной стороны, к иррациональным идеям реакционного толка (например «новые правые» во Франции), а с другой — к большей склонности к либеральным ценностям. Второе направление эволюции консервативных идей наиболее ярко проявилось в **неоконсерватизме** — идеологическом течении, сформировавшемся в качестве своеобразного ответа на экономический кризис 1973—1974 гг., массовые молодежные движения протеста в Западной Европе и расширение влияния кейнсианских идей.

В целом неоконсерватизм весьма удачно приспособил традиционные ценности консервативного толка к реалиям позднеиндустриального (постиндустриального) этапа развития общества. Многообразие стилей жизни и усиление всесторонней зависимости человека от технической среды, ускоренный темп жизни и нарушение духовного и экологического равновесия — все это породило серьезный ориентационный кризис в общественном мнении западных стран, поставило под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации. В этих условиях неоконсерватизм и предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважении права и недоверии к чрезмерной демократизации, крепком государственном порядке и стабильности. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, эти ориентиры были четко направлены на сохранение в обществе и гражданином чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое

развитие общества не заполнит образовавшегося в людских душах духовного вакуума.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность сограждан. Такая позиция должна была поддерживать в нем жизнестойкость и инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», развращающую человека своей помощью. Эта модель отличалась от либеральной, сориентированной на предоставленного самому себе индивида, которому надлежит самостоятельно отыскивать смысл бытия, «договариваться» с государством и т.д. Государство неоконсерваторов должно было основываться на моральных принципах и сохранении целостности общества, обеспечивать необходимые индивиду жизненные условия на основе законности и правопорядка, предоставляя возможность образовывать политические ассоциации, развивая институты гражданского общества, сохраняя сбалансированность отношений общества с природой и т.д. И хотя предпочтительным политическим устройством для такой модели взаимоотношений гражданина и государства становилась демократия, все же основные усилия теоретики неоконсерватизма (Д. Белл, З. Бжезинский, Н. Кристолл и др.) тратили на разработку программ, преодолевающих дефицит управляемости обществом (из-за чрезмерного вовлечения в политику населения), защищающих государство от социальных «перегрузок», модернизирующих механизмы защиты элитизма, совершенствующих средства урегулирования конфликтов и проч. При этом в американских версиях неоконсерватизма акценты, как правило, делались на определении путей эволюции государственности и организации власти, в то время как в западноевропейских течениях предпочтение отдавалось сохранению социокультурной среды, усовершенствованию нравственных традиций общества и стимулированию социальной активности индивида.

Конечно, предлагаемые неоконсерватизмом программы экономического роста и сохранения политической стабильности (предполагавшие разрешение проблем, вызванных ростом благосостояния, новое понимание роли планирования, регулирования уровня занятости и т.д.) не могли решить многие вопросы общественного развития государств, втягивавшихся в постиндустриальный период эволюции (например инфляции, обнищания населения). Однако по сравнению с его способностью дать человеку относительно целостную картину мира, отвечающую его основным нуждам и запросам, все эти частности отходили на второй план. Главное, что неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством.

Неоконсерватизм обнажил те черты консервативной идеологии и образа мысли, которые сегодня оказались способными защитить человека на новом технологическом витке индустриальной системы, определить приоритеты индивидуальной и общественной программ жизнедеятельности, очертить облик политики, способной вывести общество из кризиса. Более того, на такой идейной основе неоконсерватизм синтезировал многие гуманистические представления не только либерализма, но и социализма, а также ряда других учений. И хотя неоконсервативной идеологии придерживаются только некоторые крупные политические партии в западных странах (республиканская в США, либерально-консервативная в Японии, консервативная в Англии), круг приверженцев этой идейной ориентации все больше расширяется во всем мире.

Социализм

Идеи социализма известны в мире с древнейших времен, однако теоретическое обоснование и идеологическое оформление они получили только в XIX в. Большое значение для их концептуализации имели эгалитаристские идеи французского мыслителя Ж.Ж. Руссо и воззрения его соотечественника Ф. Бабёфа о классовой принадлежности граждан и необходимости насильственной борьбы за общественное переустройство.

В целом социализм недооценивает, а то и вовсе отрицает, значение экономической свободы индивидов, конкуренции и неодинакового вознаграждения за труд как предпосылок роста материального благосостояния человека и общества. В качестве заменяющих их механизмов рассматриваются нетрудовое перераспределение доходов, политическое регулирование экономических и социальных процессов, сознательное установление государством норм и принципов социального равенства (неравенства) и справедливости. Иначе говоря, главными прерогативами в социалистической доктрине обладает государство, а не индивид, сознательное регулирование, а не эволюционные социальные процессы, политика, а не экономика.

Первые попытки очертить идеал этого общественного устройства предпринимались мыслителями Нового времени Т. Мором и Т. Кампанеллой, а в конце XVIII — начале XIX в. т.н. утопическими социалистами Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс дали теоретическое обоснование социализма, связав его осуществление с процессом исторического становления более отдаленного общества «всеобщего изобилия» — коммунизма. В. И. Ленин, пытаясь соединить эти идеи с рабочим движением в России и разработав учение об этапах социалистической революции, о слове «буржуазной государственной машины», «диктатуре пролетариата» и т.д., рассматривал социализм как непосредственную политическую цель деятельности партии «нового типа».

Однако, пытаясь обосновать, почему революции происходят в менее, а не в более развитых капиталистических странах, стремясь создать новое общество в соответствии с марксистской доктриной, Ленин и его соратники стали проводниками фундаменталистского течения в «научном социализме». В то же время ряд немецких теоретиков (К. Каутский, А. Бебель, Э. Бернштейн), позитивно трактуя роль государства (демократической республики) в общественных преобразованиях и утверждая приоритет мирных, эволюционных средств достижения целей, стали основоположниками теоретического ревизионизма в «научном» обосновании социализма, положив начало социал-демократической идеологии.

Теоретическое противоборство марксистско-ленинской и социал-демократической идеологий на протяжении всего XX столетия породило ряд существенных различий в попытках реализации принципов «социально справедливого общества».

Так, ленинский фундаментализм послужил основой для возникновения сталинского режима, теоретики которого, выдвинув идею об усилении классовой борьбы по мере социалистического строительства, создали идейную основу для обеспечения общественных преобразований (обобществления производства, индустриализации народного хозяйства, коллективизации села и т.д.) средствами террора и геноцида гражданского населения.

Стремление укрепить социалистический строй без присутствия иностранных войск (как это случилось в Восточной Европе) в бывшей Югославии породило т.н. титоизм (И. Тито — генеральный секретарь компартии, а впоследствии Президент Югославской Республики). Эту версию социализма отличали установки на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, признание внутренних конфликтов и противоречий социалистического строительства, необходимости ведения борьбы с главным внутренним врагом — бюрократией, стремление установить рыночные отношения и ограничить роль коммунистической партии.

Попытка реализовать идеи социализма в послевоенном Китае породила еще одну прикладную разновидность социализма — маоизм (по имени генерального секретаря КПК Мао Цзедуня). Отрицая священные для марксистов «общие закономерности» социалистического строительства, Мао тем не менее взял за основу сталинскую идею о необходимости борьбы с внешними и внутренними врагами, раскрасив ее теорией «партизанской борьбы» (сделавшей маоизм весьма популярным в ряде стран Индокитая, Африки и Латинской Америки). При этом главной исторической силой движения к социализму стало крестьянство, призванное «перевоспитывать» интеллигенцию и другие слои населения в революционном духе. Понятно, что эти пути продвижения к «светлому будущему» были оплачены массовыми жертвами китайского населения (особенно во времена «культурной революции»).

Но XX век продемонстрировал не только непрекращающиеся попытки практического воплощения ортодоксальных версий социализма. Характерной и весьма показательной чертой нынешнего столетия были настойчивые стремления многих мыслителей модернизировать и теоретическую основу социалистической идеологии. Так, австро-марксисты М. Адлер и О. Бауэр пытались создать «интегративную» концепцию социализма, объединяющую идеи коммунизма и социал-демократии; А. Шафф и Г. Петрович обосновывали доктрину «гуманистического» марксизма; разрабатывались теории «экологического» и «христианского» социализма и т.д. Однако при всей привлекательности идей социальной справедливости расхождение предписаний теории социализма с реальными тенденциями мирового развития в XX в., а самое главное, их явная склонность к силовым средствам управления, неразрывная связь с имиджем тоталитарных режимов Сталина, Кастро, Чаушеку значительно ослабили политическое влияние этой идеологии в современном мире.

Наибольшее влияние на общественное сознание в XX в. (в основном в европейских странах) оказала **социал-демократическая идеология**, всегда отстаивающая приоритеты социального и межгосударственного мира и связывающая идеалы справедливого общественного устройства с принципами свободы и солидарности. Представления о постепенном реформировании буржуазного общества неразрывно соотносились в ее доктрине с отказом от классовой борьбы, принципами народовластия, социальной защищенности тружеников и поощрением рабочего самоуправления. Проповедуемая социал-демократией концепция «социального партнерства» (заменившая и усовершенствовавшая концепцию классовой борьбы) в условиях стабильного политического развития стала весьма привлекательной программой политического движения. Однако неосуществленность выдвигавшихся ими моделей «демократического социализма», трудности, связанные с реализацией «государства всеобщего благоденствия», смена общественного строя в большинстве стран «реального социализма» и др. негативно сказались на влиянии социал-демократии в мире.

Фашизм

Сегодня в политической науке сложилось двойное понимание фашизма. Одни ученые понимают под ним конкретные разновидности политических идеологий, сформировавшихся в Италии, Германии и Испании в 20—30-х гг. нынешнего столетия и служивших популистским средством выхода этих стран из послевоенного кризиса. Родоначальником фашизма явился бывший лидер левого крыла итальянских социалистов Б. Муссолини. Его теория, базировавшаяся на элитарных идеях Платона, Гегеля и концепции «органистского государства» (оправдывающего агрессивные действия властей во имя блага преданного ему населения), проповедовала крайний национализм, «безграничную волю» государства и элитарность его политических правителей, прославляла войну и экспансию.

Характерной разновидностью фашизма был и национал-социализм Гитлера (А. Шикльгрубера). Немецкая версия фашизма отличалась большей долей реакционного иррационализма («германский миф»), более высоким уровнем тоталитарной организации власти и откровенным расизмом. Используя идеи расового превосходства А. Гобино, а также ряд положений философии И. Фихте, Г. Трейчке, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, теоретики германского фашизма построили свою идеологию на приоритете социальных и политических прав некоего мифического народа — «арии». В соответствии с признанием его привилегированности была провозглашена политика поддержки государств «культуросозидающих рас» (к настоящим ариям были отнесены немцы, англичане и ряд северных европейских народов), ограничения жизненного пространства для этносов, «поддерживающих культуру» (к ним причисляли славян и жителей некоторых государств Востока и Латинской Америки) и беспощадного уничтожения «культуроразрушающих» народов (негров, евреев, цыган). Здесь государству отводилась уже второстепенная роль, а главное место занимала раса, защита целостности которой оправдывала и предполагала политику экспансионизма, дискриминации и террора.

Конкретно-исторические трактовки фашизма позволяют увидеть его политические очертания помимо названных государств также во франкистской Испании, Японии 30—40-х гг., Португалии при А. Салазаре, Аргентине при президенте Пероне (1943—1955), Греции конца 60-х, в отдельные периоды правления в Южной Африке, Уганде, Бразилии, Чили.

Другая точка зрения интерпретирует фашизм как идеологию, не имеющую определенного идейного содержания и формирующуюся там и тогда, где и когда на первый план в идейных и практических устремлениях политических сил выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора заслоняют задачи захвата и использования власти. Таким образом, наиболее предпочтительной идейной основой для фашизма являлись бы доктрины, содержащие признание превосходства тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных групп общества. Поэтому от фашистского перерождения не застрахованы ни национальные, ни коммунистическая, ни религиозные и другие идеологии, стоящие на принципах политического переустройства общества, сохраняющего привилегированное положение для «коренного населения», приверженцев «подлинной веры», «гегемона исторического процесса» и предлагающие радикальные средства для обеспечения этим группам требуемого общественного статуса.

Понимая таким образом фашизм, общество должно крайне внимательно относиться к появлению на политическом рынке идей, стремящихся закрепить чье-либо социальное превосходство в ущерб другим гражданам и не желающих останавливаться ни перед какой социальной ценой для достижения поставленных целей. И хотя такое отношение к фашизму драматизирует авторитарные методы управления в демократических режимах, однако оно

позволяет своевременно увидеть опасность нарастания насилия, национального милитаризма, вождизма и других черт этой агрессивной идеологии, чреватой разрушением цивилизованного облика общества.

Национальные идеологии

В странах, где идет процесс становления национальных общностей, осуществляется консолидация государств на моно- или полиэтнической основе, серьезную политическую роль играют национальные идеологии. Так, например, Западная Европа пережила бум национальных идеологий в конце XIX — первой трети XX в. И в настоящее время процесс европейской интеграции, поддерживаемый соответствующими институтами (Европарламентом, Ев-росоветом и др.), обусловил едва ли не повсеместное — особенно в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге — преобладание евроцентризма над национальными пристрастиями людей. В то же время в Югославии, России, большинстве республик, образовавшихся на месте бывшего СССР, национальные идеологии начинают доминировать в политической жизни общества.

В целом идеологии этого типа выражают политические требования граждан, чьи интересы в повышении своего социального статуса связываются с национальной принадлежностью. Концептуально-теоретические основы этих идеологических течений прежде всего выражают то или иное понимание природы национальной группы, которая может трактоваться либо в качестве общности, складывающейся на основе единых экономических условий жизни людей, территории, языка и определенных черт духовной культуры (марксистская традиция); либо культурной общности, интегрируемой политическими событиями и институтами (М. Вебер); либо воплощения «национального духа», поддерживаемого культурными нормами, ценностями и символами (Дж. Бренд); либо народа, которому ниспослано божественное откровение (исламская традиция), и т.д.

В соответствии с внешними условиями и уровнем национального самосознания населения политические силы могут выдвигать требования либо защиты культурной самобытности национальной диаспоры (вплоть до образования самостоятельной государственности); либо расширения геополитического пространства для жизни нации или, напротив, — защиты собственной территории и национального суверенитета от внешних посягательств; либо создания привилегий для лиц «коренной национальности» или же — интенсивного расширения интернациональных контактов и т.д.

Таким образом, политические движения, стимулируемые национальными идеологиями (национализм), в одних странах могут способствовать разрешению межнациональных конфликтов, усилению культурной однородности и, стало быть, интеграции общества (Швейцария, страны Бенилюкса и др.). В других, создавая очаги сепаратизма и этнического гегемонизма, национализм может

подрывать целостность общества и стабильность политического правления (движение басков в Испании, сербов в Боснии и т.д.). Национальные идеологии могут стать источником укрепления межгосударственных отношений (так, в большинстве стран Западной Европы отстаивание национальных интересов не связывается с усилением враждебности к другим государствам), а могут создавать острые противоречия между государствами, особенно в связи с проведением политики по отношению к своим национальным землячествам на чужих территориях (например, между Боснией и Сербией, Россией и Латвией).

В ряде случаев национальные идеологии используются в качестве прикрытия для решения проблем, не связанных с условиями существования того или иного этноса. Например в конце 80 — начале 90-х гг. Прибалтийские республики под флагом защиты интересов коренных национальностей пытались решить весь комплекс проблем с бывшим союзным государством (в частности вопросы хозяйственных взаимоотношений, усиления экономической самостоятельности, обеспечения оптимальных условий роста уровня жизни граждан и т.д.).

Конечно, ни разнообразие национальных идеологий, ни перечисленные выше идейные течения не исчерпывают всего духовного богатства политической жизни современного мира. Перестроить политическую вселенную на собственных принципах, повлиять на умонастроения людей хотят и доктрины, строящие свои требования на основании религиозных постулатов и ценностей (в том числе и те, что увязывают собственную картину мира с демократическими идеалами — как, например, христианско-демократическая идеология, а также те, которые исповедуют фундаменталистские воззрения: ортодоксальный иудаизм, сикхизм, исламский фундаментализм и др.), различные лево- и пра-ворадикальные идеологии (например, соответственно, неотроцкизм и «новые правые»). Существенное политическое влияние в отдельных странах оказывает идеология «комьюнити» (проповедующая «новый стиль жизни» путем создания различных соседских, профессиональных и прочих общин, построенных в духе братства и локальной солидарности граждан, стремящихся к «немедленному счастью»), феминизм (борющийся за полное равноправие женщин в обществе), различные экологические («зеленые») идеологии (например «комплюралистическое» учение, стремящееся предотвратить самоуничтожение человечества путем сохранения окружающей среды, развития коллективного капитала и прекращения роста населения), многочисленные футурологические концепции и т.д.

Причем, если в социально стабильных странах влияние политических идеологий на общественное сознание по преимуществу снижается, то в государствах, переживающих процесс модернизации, выбора путей дальнейшего развития, эти орудия духовной мобилизации играют все возрастающую роль в борьбе за захват и использование власти.

§ 3. Идеологический дискурс

Идеологический дискурс: основные тенденции

Реальное сосуществование и постоянное взаимодействие разнообразных идеологических течений обозначаются в политической науке понятием «дискурс». С содержательной точки зрения оно предполагает целый спектр возможных вариантов духовного взаимодействия: от взаимного дистанцирования идеологий до их объединения и соответствующего синтеза тех или иных идеалов, норм, политических требований и прочих своих элементов. Причем как в мировом или, предположим, региональном масштабе, так и в рамках отдельно взятой страны могут складываться самые разнообразные и противоречивые тенденции идеологического диалога. Но духовный климат, образовавшийся в том или ином государстве, как правило, всегда испытывает влияние более масштабных идейных веяний, свойственных межгосударственным и мировым политическим процессам.

Реалии XX в. существенно повлияли на характер идеологического взаимодействия как в мире в целом, так и в отдельных странах. Если вторая половина прошлого века, проходившая под знаком интенсивного формирования и развития индустриального общества, несла на себе явный отпечаток идейной конкуренции социалистической и либеральной идеологий, то нынешнее столетие, знаменующее борьбу традиционных и модернизирующихся государств, поменяло и укрупнило акценты идейной дискуссии. Наряду с поощрением самых разнообразных идеологий главный водороздел оно провело между идейными течениями, защищающими идеалы гуманизма, человечности и демократии, а также доктринами, оправдывающими насилие, физическое принуждение и террор как основополагающие методы реализации своих целей.

Такое положение предопределило и соответствующую эволюцию идеологических систем: с одной стороны, сближение и даже синтез определенных положений политических доктрин и философий либерализма, консерватизма, социал-демократии, христианско-демократической идеологии и ряда других учений, и противостояние им фашистских, экстремистских, шовинистических, расистских и иных аналогичных течений — с другой.

Сближение и объединение реакционных идеологий способствует поляризации общества и нарастанию политической напряженности и в тех странах, где они пользуются соответствующим влиянием, и на международной арене в целом. Особенно ярко это проявляется в фактах политического терроризма. Результатом же внутреннего сближения идеологических систем гуманистического направления, в частности, на Западе, стало возникновение ряда новых авторитетных идейных течений (неоконсерватизм) или, к примеру, существенное изменение соотношения между традиционно понимаемыми левыми и правыми политическими течениями. Эти ранее разведенные по

оконечностям политического спектра позиции и ориентации в настоящее время все более **сближаются и объединяются** по вопросам демократии, признания прав человека в качестве главного критерия политики, защиты моральных и семейных ценностей, утверждения социальной открытости обществ и т.д. Таким образом, их различия касаются, по сути, частных вопросов текущей политики и выражаются скорее в разнице предвыборных обещаний, нежели в сфере принципиальных политических вопросов. Такая ситуация однозначно ведет к снижению остроты идеологического противоборства и утрате людьми партийно-идеологической идентичности. Например, многие из тех, кто голосует на Западе за те или иные партии, зачастую не считают себя сторонниками провозглашаемых и поддерживаемых ими идеологий.

Своеобразный оттенок в картину современного идеологического дискурса внесли и сторонники **технократического** направления, отрицающие саму способность социальных доктрин определять движение государств и политическое поведение людей. Единственной силой, способной на такое, признается только техника. Как считал видный представитель этого по существу деидеологизаторского направления Х. Шельски, демократия в обществе становится ненужной из-за увеличивающегося могущества не нуждающейся в узаконении власти техники. Нельзя сказать, что такого рода взгляды получили широкое распространение или существенно влияют на политический рынок. Однако технократические идеи стали неизменными участниками идеологического дискурса, по сути, во всех странах.

В целом для устойчивых, стабильных государств демократической ориентации сегодня в основном характерна приглушенность идеологических споров. Там же, где борьба за выбор направления социально-политического развития продолжается, где различные группы ведут интенсивный диалог за приоритеты национальной политики, там идейное противоборство между идеологиями только обостряется, а внутренняя напряженность такого спора мешает их сближению и внутреннему синтезу. Подобная ситуация, способствующая росту политической напряженности в обществе, характерна, в частности, для современной России.

Основные идеологические направления в современной России

После крушения монопольного статуса коммунистической идеологии в общественном мнении, казалось, установилось нечто наподобие аллергии относительно идейно-целевых течений. Сложилась ситуация, которую специалисты называли идеологическим вакуумом. Но она продолжалась недолго. Активность новых политических элит, пытавшихся отстаивать интересы вступающих в борьбу за власть групп, а главное — стремление широких слоев населения концептуально оформить свои политические чувства, надежды и разочарования, породили всплеск различных идеологических доктрин. Вре-

менное затишье сменилось идеологическим бумом. Однако несмотря на обилие идеологических конструкций в настоящее время доминирующее положение в политико-идеологическом пространстве занимают три идеологических течения: коммунистическое, национально-патриотическое и либерально-демократическое.

В то же время в коммунистической идеологии явно ощущаются две тенденции. Одна из них выражает стремление к **либерализации** этой доктрины, приближение ее к идеалам, разделяемым социал-демократией. Это находит свое выражение в признании права частной собственности, отказе от воинствующего атеизма, более лояльном отношении к правам человека, провозглашении ; норм правовой государственности и т.д. Однако и такие модификации, сочетаясь с идеями приоритетного положения общественной собственности, государственного регулирования экономики, сохранения социально-классовых приоритетов, жесткими геополитическими целями и рядом других традиционных положений, показывают противоречивость и непоследовательность такой обновленческой тенденции.

Наряду с ней существует и **фундаменталистское** течение, опирающееся на хорошо известные политические ценности и цели и исключающее саму возможность развития в стране отношений буржуазного типа. Учитывая же, что реальные социально-экономические и политические процессы в значительной мере связаны именно с такой перспективой развития общества, данное идеологическое течение нередко провоцирует экстремистские требования и формы политического протеста.

Всплеск активности национально-патриотических идеологий, поставивших в центр своих требований образ Родины, обусловлен сложными процессами развития национального самосознания российского народа и особенно «кризисом национальной идентичности, утратой чувств исторической перспективы и понимания уровня самооценки нации». По своему идейному и политическому содержанию — это самое противоречивое и разнообразное течение, собирающее под свои знамена как приверженцев самобытности России и ее культуры, ратующих за их обогащение и развитие в процессе равноправного диалога с иными культурами и цивилизациями, так и сторонников этногегемонизма, направленного против прав иных народов и враждебно настроенных к представителям других национальных групп.

Либерально-демократическая идеология, придерживаясь своих основополагающих ценностей, представлена в виде трех относительно самостоятельных идейных тенденций. Так называемый **радикальный** либерализм настаивает на последовательном уменьшении регулирующей роли государства и поощрении стихийных процессов, видит главную задачу в осуществлении макроэкономических реформ и всемерной адаптации западного опыта, выступает против авторитаризма, но тем не менее допускает возможность преодоления сопротивления архаичных социальных структур

насильственными мерами. В противоположность такой постановке задачи **консервативный** либерализм, испытывая страх перед сопротивлением традиционалистски настроенных слоев, ратует за максимальную ориентацию на сложившиеся хозяйственные связи, большую роль государства в осуществлении намеченных — и главное реальных — преобразований, предполагает учет массовых ценностей и избирательное отношение к западному опыту, достижение большего психологического комфорта для населения при проведении реформ.

Третья версия либерализма — это **социал-либерализм**. По своим установкам он достаточно близок к социал-демократической идеологии. Главной ценностью в нем выступает свобода, понимаемая не только в духе классического либерализма как независимость от государства и других людей, но и как установление примерно равных для всех стартовых возможностей. Это предполагает позитивное отношение к государственным программам в области образования, здравоохранения и социального обеспечения, признание важности принципов социальной справедливости, ценности труда и т.д.

С теоретической точки зрения дискурс отмеченных идеологических течений вполне может предполагать их определенное сближение и даже синтез отдельных положений. Например, требование коммунистов о движении к бесклассовому обществу вполне сочетается с либеральной идеей изживания социальной дихотомии за счет высокой социальной мобильности индивидов. На практике же, хоть и происходит известное сближение позиций между ними, по ряду политических проблем (например, уважению прав человека, защите национальных интересов и некоторым другим вопросам) все же пока доминирует противостояние, оборачивающееся ростом политической напряженности и борьбы.

Как показывает опыт преобразований в обществах с переходными общественными отношениями, одним из важнейших условий стабилизации политической обстановки является выработка долговременной идейно-целевой доктрины, которой руководствуется государство в своей деятельности и которую можно условно назвать **государственной идеологией**. Являясь составной частью процесса развития национального самосознания народа, выработка государственной идеологии обеспечивает интеграцию государства и общества, целостность всей социальной системы.

В свою очередь, условием выработки такого типа идеологии является достижение того минимального компромисса, который отразил бы как согласие основных групп общества относительно характера общественного строя и будущих перспектив развития, так и снял бы остроту противоречий между «верхами» и «низами», управляющими и управляемыми. Здесь особая роль принадлежит позиции властей, их способности выражать интересы граждан и сохранять перед ними свои обязательства.

Существенной предпосылкой выработки ценностей государственной идеологии служит сохранение духовного плюрализма, возможности различных групп излагать собственное мнение относительно общественных целей и программы действий. (Исключение в такой ситуации могут составлять только экстремистские группы и идеологии, перемещаемые на периферию политической жизни.) Однако опыт свидетельствует о том, что труднее всего достигается запрет на идеологическую монополизацию государства, т.е. стремления властей руководствоваться узкогрупповыми идеями, которые жестко и односторонне навязываются населению. Сложная ситуация в обществе складывается и тогда, когда прокламируемые идеалы подменяют ролевые, поведенческие цели и задачи граждан или ведут к преобладанию веры над рациональным и прагматическим отношением к действительности.

Еще одним условием эффективной выработки государственной идеологии является сохранение исторической преемственности поколений, внимательный учет национальных, исторических и географических особенностей страны, обеспечение атмосферы открытого диалога между странами и цивилизациями, преодолевающего — что особенно важно для России — предрассудки и недоверие как к западно-европейскому опыту, так и к нормам и традициям восточного типа.

Глава 17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Понятие политической культуры

Сущность политической культуры

Хотя многое из того, что в настоящее время относится к политической культуре, описывалось еще мыслителями древности (Конфуций, Платон, Аристотель), сам термин появился впервые много позже — в XVIII в. в трудах немецкого философа-просветителя И. Гердера. Теория же, описывающая эту группу политических явлений, сформировалась только в конце 50 — начале 60-х гг. нынешнего столетия в русле западной политологической традиции. Большой вклад в ее разработку внесли американские ученые Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, У. Розенбаум, англичане Р. Роуз и Д. Каванах, немецкий теоретик К. фон Бойме, французы М. Дюверже и Р. Ж. Шварценберг, голландец И. Инглхарт и другие.

Теория политической культуры позволила преодолеть ограниченность институционального анализа в политических исследованиях, не способного объяснить, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному. Сосредоточив же внимание на разделяемых людьми ценностях, локальной мифологии, содержании символов и стереотипов, человеческой ментальности и

прочих аналогичных явлениях, теория политической культуры дала возможность глубже исследовать мотивацию политического поведения граждан и институтов, выявить причины множества конфликтов, которые невозможно было объяснить, опираясь на традиционные для политики причины: борьбу за власть, перераспределение ресурсов и т.д.

В науке сложились два основных подхода к трактовке политической культуры. Одни ученые отождествляют ее с субъективным содержанием политики, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Краснов и др.) и символов (Л. Диттмер). Неудивительно, что понятие политической культуры расценивается некоторыми из них не более чем «новый термин для старой идеи», обобщенно характеризующий субъективный контекст властно-политических отношений.

Другая группа ученых, видя в политической культуре проявление нормативных требований (С. Байт), совокупность типичных образцов поведения (Дж. Плейно), способ политической деятельности (У. Розенбаум) и т.д., считают, что это особый, специфический субъективный ракурс политики.

Наиболее последовательно такой подход выражается в понимании политической культуры как явления, базирующегося на ценностных, т.е. глубинных представлениях человека о политической власти, которые воплощаются в самых типичных для него способах взаимодействия с государством, формах практической деятельности. Характеризуя таким образом неразрывную связь практических действий человека с длительным и подчас мучительным поиском им своих политических идеалов, политическая культура отражает только самые устойчивые и отличительные черты его поведения, не подверженные каким-либо стремительным изменениям под воздействием конъюнктуры или перепада настроений. В силу этого политическая культура выражает воплощаемый на практике внутренний кодекс человеческого поведения и потому выступает как стиль деятельности индивида в сфере политической власти (И. Шапиро, П. Шаран).

Характеризуя самые устойчивые представления человека и наиболее типичные формы его взаимоотношений с властью, стиль его политической деятельности демонстрирует, насколько им восприняты и усвоены общепризнанные нормы и традиции государственной жизни, как в повседневной активности сочетаются творческие и стереотипизированные приемы реализации ими своих прав и свобод и т.д. Тот же разрыв (противоречие), который складывается между освоенными и неосвоенными человеком нормами политической игры, стандартами гражданского поведения, является важнейшим внутренним источником эволюции и развития политической культуры.

В то же время сосуществование ценностной и сиюминутной (чувственной) мотиваций поступков, известное несовпадение намерений и действий человека придают политической культуре внутреннюю противоречивость, позволяют

существовать в ней «логичным», «нелогичным» и «внелогичным» элементам (В. Парето), способствуют одновременному поддержанию ею активных и пассивных форм политического участия индивида.

Особой сложностью отличается стиль массового политического поведения граждан, поддерживаемый строением институтов власти, т.е. политическая культура общества в целом. Эта политическая культура, закрепляя нормы, стереотипы, приемы общения и проч. в политическом языке (соответствующих терминах, символах и т.д.), придает особую значимость атрибутам государственности (флагу, гербу, гимну). Тем самым политическая культура стремится интегрировать общество, обеспечить стабильность отношений элиты и электората.

Там же, где люди отчуждены от власти и не имеют возможности руководствоваться значимыми для себя политическими ценностями и целями, как правило, возникает противоречие между официальной (поддерживаемой институтами государства) политической культурой и теми ценностями (и соответствующими им формами поведения), на которые сориентировано большинство или значительная часть населения. Так, например, в ряде стран Восточной Европы официальные цели «социалистического строительства» в значительной мере внедрялись под давлением государственных инстанций, но по-настоящему не встроились в систему национальных ценностей и традиций. Поэтому и расставание с социалистическим строем прошло там достаточно безболезненно, в виде т.н. бархатных революций.

Однако в разных странах — и даже в тех, где нет существенных противоречий между официальной и реальной политической культурой, — всегда существуют различия в степени признания и поддержки общественными группами и индивидами принятых в политической системе норм и традиций. Это свидетельствует о разной степени культурной оснащенности политических субъектов. Более того, там, где получают распространение идеи, пренебрегающие ценностью человеческой жизни, игнорирующие права граждан, где правящий режим заставляет людей руководствоваться чувствами страха и ненависти друг к другу, утверждает в общественном сознании идеологию насилия, — там распадается ткань политической культуры. Культурные ориентиры и способы политического участия уступают место иным взаимоотношениям граждан с властями. Фашистские, расистские, шовинистические движения и терроризм, охлократические формы протеста и тоталитарный диктат властей неспособны поддерживать и расширять культурное пространство в политической жизни. Напротив, они создают в политике культурный вакуум, порождают процессы, чреватые разрушением человеческого сообщества.

Строго говоря, политическая культура отличается также и от предполитического (потестарного) участия граждан в отношениях власти, основанного не на рациональных, а на иррациональных ориентирах,

направленность которым задает круговая порука этноса, земляческая мифология, «единая кровь» своей общины. Носители подобного рода воззрений, не зная «общего интереса» и дисциплины (И. Ильин), понимая свободу как «бесчинство разнузданности» (С. Франк), служат источником классового и социального эгоизма, способствуют распространению болезненных этнофобий и вспышек насилия в обществе.

Констатируя невозможность построения всех форм участия граждан в политике на образцах культуры, а также разную степень обусловленности институтов власти общепринятыми ценностями, следует признать, что политическая культура способна сужать или же расширять зону своего реального существования. Поэтому в целом она не является универсальным политическим явлением, пронизывающим все фазы и этапы политического процесса. Развиваясь по собственным законам, она способна оказывать влияние на формы организации политической власти, строение ее институтов, характер межгосударственных отношений.

Назначение и функции политической культуры

Воплощая ценностно-смысловую детерминацию политической активности человека, политическая культура характеризует его способность понимать специфику своих властно значимых интересов, действовать при достижении целей в соответствии с правилами политической игры, а также творчески перестраивать свою деятельность при изменении потребностей и внешних обстоятельств. Политическая культура может проявляться в форме духовных побуждений и ориентаций человека, в опредмеченных формах его практической деятельности, а также в институционализированном виде (т.е. будучи закрепленной в строении органов политического и государственного управления, их функциях). Поскольку не все ценности одновременно воплощаются практически (и уж, тем более, институционально), между выше-названными формами проявления политической культуры всегда имеются определенные противоречия.

В целом политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут воспроизводиться традиционные формы политической жизни. Причем такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Так, например, в традиционных обществах (аграрных, построенных на простом воспроизводстве и натуральных связях) политическая культура даже в период реформации, как правило, поддерживает прежнюю архаическую структуру власти, противодействуя целям модернизации и демократизации политической системы. Такая способность политической культуры хорошо объясняет то, что большинство революций (т.е. стремительных, обвальных изменений) чаще всего заканчивается либо возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения адаптировать новые

для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации новых для них принципов политического развития).

Во-вторых, политическая культура способна порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, а, в-третьих, комбинировать элементы прежнего и перспективного политического устройства.

Политической культуре свойственны определенные функции в политической жизни. К важнейшим из них можно отнести следующие:

— **идентификации**, раскрывающей постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности;

— **ориентации**, характеризующей стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе; — **адаптации**, выражающей потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий;

— **социализации**, характеризующей обретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы;

— **интеграции** (дезинтеграции), обеспечивающей различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом;

— **коммуникации**, обеспечивающей взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

В различных исторических условиях — чаще всего при нестабильных политических процессах — некоторые функции политической культуры могут затухать и даже прекращать свое действие. В частности, может весьма значительно снижаться коммуникативная способность политических норм и традиций государственной жизни, в результате чего будет неизбежно обостряться полемика между различными общественными группами и особенно теми из них, которые придерживаются противоположных позиций относительно правительственного курса. С другой стороны, в переходных процессах нередко возрастает способность политической культуры к дезинтеграции систем правления, основанных на непривычных для населения целях и ценностях.

Структура политической культуры
--

Политическая культура — явление полиструктурное, многоуровневое. Многообразные связи политической культуры с различными

социальными и политическими процессами определяют ее сложное строение и организацию. Разнообразные внутренние структуры политической культуры отображают технологию формирования политического поведения субъектов, этапы становления культурного целого (т.е. политической культуры отдельно взятой страны, региона), наличие разнообразных субкультурных образований и т.д.

Одна из структур раскрывает различные способы ценностной ориентации человека на **мировоззренческом** (где он встраивает представления о политике в свою индивидуальную картину мировосприятия), **гражданском** (где, осознавая возможности органов государственной власти и, в соответствии с этим, собственные возможности защищать свои права и интересы, человек вырабатывает качественно новый уровень понимания своего политического статуса), а также на **собственно политическом** уровне ценностных представлений (где человек вырабатывает отношение к конкретным формам правления режима, своим союзникам и оппонентам и т.д.).

На каждом из этих уровней у человека могут складываться довольно противоречивые представления. Причем отношение к конкретным политическим событиям изменяется, как правило, значительно быстрее, нежели мировоззренческие принципы, в силу чего восприятие новых целей и ценностей, переосмысление истории и т.д. осуществляются крайне неравномерно. Все это придает формированию и развитию политической культуры дополнительную сложность и противоречивость. А степень соответствия уровней ценностной ориентации непосредственно определяет характер целостности и внутренней неравновесности политической культуры.

Различия в выборе людьми тех или иных ценностных ориентиров и способов политического поведения в немалой степени зависят от их принадлежности к социальным (классы, слои, страты), национальным (этнос, нация, народ), демографическим (женщины, мужчины, молодежь, престарелые), территориальным (население определенных районов и регионов), ролевым (элита и электорат) и другим (религиозные, референтные и проч.) группам. Выработка людьми ценностных ориентаций (и соответствующих форм поведения) на основе групповых целей и идеалов превращает политическую культуру в совокупность субкультурных образований, характеризующих наличие у их носителей существенных (несущественных) различий в отношении к власти и государству, правящим партиям, в способах политического участия и т.д.

В конкретных странах и государствах наибольшим политическим влиянием могут обладать самые разные субкультуры (например религиозные субкультуры в Северной Ирландии и Ливане или этнические в Азербайджане). В целом же наибольшим значением для жизни и политического развития общества обладает субкультура лидеров и элит, определяющая характер испол-

нения ее носителями специализированных функций по управлению политической системой.

В этом смысле наиболее важными элементами данной субкультуры являются способности лидеров и представителей элиты выражать интересы рядовых граждан (и прежде всего не превращать свое общественное положение в способ достижения сугубо индивидуальных целей), их профессиональные управленческие качества, а также те черты и свойства, которые позволяют им приобрести и поддерживать авторитет, убедить общественность во мнении, что занимаемое высокое место во властной иерархии принадлежит им по праву.

§ 2. Типы политических культур

Критерии типологизации политической культуры

На протяжении развития разнообразных государств и народов выработано множество типов политической культуры, выражающих преобладание в стиле политического поведения граждан определенных ценностей и стандартов, форм взаимоотношений с властями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием географических, духовных, экономических и прочих факторов.

В основании типологии политических культур могут лежать достаточно приземленные факторы, отражающие, к примеру, специфику разнообразных политических систем (Х. Экстайн), стран и регионов (Г. Алмонд, С. Верба), типов ориентаций граждан в политической игре (в частности моралистских, индивидуальных или традиционных — Д. Элазар), открытость (дискурсивность) или закрытость (бездискурсивность) политических ценностей к инокультурным контактам (Р. Шварценберг), внутреннюю целостность культурных компонентов (Д. Каванах), идеологические различия (Е. Вятр и др.).

Особую известность в науке получила классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой в книге «Гражданская культура» (Нью-Йорк, 1963). Анализируя и сопоставляя основные компоненты и формы функционирования политических систем Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, они выделили три «чистых» типа политической культуры: **патриархальный**, для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни; **подданический**, где сильна ориентация на политические институты и невысок уровень индивидуальной активности граждан; **активистский**, свидетельствующий о заинтересованности граждан в политическом участии и о проявлении ими активности в этом. Авторы подчеркивали, что на практике данные типы политической культуры взаимодействуют между собой, образуя смешанные формы с преобладанием тех или иных компонентов. Причем самой массовой и одновременно оптимальной, с точки зрения обеспечения стабильности политического режима, является

синтетическая культура «гражданственности», где преобладают подданнические установки и соответствующие формы участия людей в политике.

В то же время типы политической культуры могут определяться и на более общих основаниях, способных обнажить более универсальные черты разнообразных стилей политического поведения граждан в тех или иных странах. Так, например, можно говорить о **рыночной** политической культуре (где политика понимается людьми как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан) и **этикетской** (которая демонстрирует главенствующую роль государственных институтов в организации политической жизни и определении условий политического участия индивида — Э. Баталов).

Существуют и более общие критерии типологизации, заданные, в частности, спецификой цивилизационного устройства особых полумиров — Востока и Запада, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире политических культур.

Особенности политических культур западного и восточного
--

Идеалы политической культуры западного типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия

граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. Огромное влияние на их содержание оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего протестантской и католической его ветвей. Специфика же восточных норм и традиций коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, формировавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур.

Коротко говоря, наиболее существенные различия этих ценностных ориентаций граждан в политической жизни общества проявляются в следующем:

Запад	Восток
— убежденность, что власть может покоиться на физическом, духовном или ином превосходстве человека над человеком;	— уверенность в божественном происхождении власти, не связанном ни с какими человеческими достоинствами;
— отношение к политике как к разновидности конфликтной социальной деятельности, которая строится на принципах честной игры и равенства граждан перед законом;	— отношение к политике как к подвижнической, недоступной всем деятельности, подчиненной кодексу поведения героев и принципам божественного правления; отрицание

— осознание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, отношение к политическим правам как к условию укрепления права собственности; примат идеалов индивидуальной свободы;

— признание индивида главным субъектом и источником политики, отношение к государству как к институту, зависимому от гражданского общества, гаранту прав и свобод личности, орудию предпринимательской деятельности индивида и группы;

— предпочтение личностью множественности форм политической жизни, состязательного типа участия во власти, плюрализма и демократии; предпочтение усложненной организации власти (наличия партий, разнообразных групп давления и т.д.);

— рациональное отношение к исполнению правящими элитами и лидерами своих функций по управлению обществом, понимание необходимости контроля за их деятельностью и соблюдения правил контрактной этики;

— примат общегосударственных законов и установлений (кодифицированного права) над частными нормами и правилами поведения, понимание различий в моральной и правовой мотивации политических действий граждан;

— достаточно осязаемая идеологизированность политических

случайности политических событий и понимание политики как средства утверждения консенсуса, гармонии и мира;

— отрицание самодостаточности личности для осуществления властных полномочий, потребность в посреднике в отношениях между индивидом и властью; приоритет идеалов справедливости; политическая индифферентность личности;

— признание главенствующей роли в политике элит и государства, предпочтение патроната государства над личностью; признание приоритета над личностью руководителей общин, сообществ, групп; доминирование ценностей корпоративизма;

— предпочтение личностью исполнительских функций в политической жизни и коллективных форм политического участия, лишенных индивидуальной ответственности; тяготение к авторитарному типу правления, упрощенным формам организации власти, поиску харизматического лидера;

— обожествление (сакрализация) правителей и их деятельности по управлению обществом, отсутствие убежденности в необходимости их контроля;

— приоритет местных правил и обычаев (местного права) над формальными установлениями государства, тенденция к сглаживанию противоречий между нравственными традициями общности и законодательными установлениями как мотивами политического поведения;

позиций граждан.	— менее выраженная идеологизированность позиций, веротерпимость (за исключением исламистских течений).
------------------	--

В классическом виде названные ценности и традиции взаимодействия человека и власти формируют органически противоположные политические культуры (например в США и Иране, во Франции и Кампучии). И даже перестройка политических институтов по образцам одного типа культуры не может порой поколебать устойчивость отдельных ценностей прежней культуры. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и проч., по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. И поэтому на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, князей (глав аристократических родов), руководителей религиозных общин и т.д. В то же время и в ряде западноевропейских стран повышенный интерес к религиям и образу жизни на Востоке также никак не сказывается на изменении параметров политической культуры.

Правда, в некоторых государствах все-таки сформировался некий синтез ценностей западного и восточного типов. Так, например, технологический рывок Японии в клуб ведущих индустриальных держав, а также политические последствия послевоенной оккупации страны позволили укоренить в ее политической культуре значительный заряд либерально-демократических ценностей и образцов политического поведения граждан. Весьма интенсивное взаимодействие Запада и Востока протекает и в политической жизни стран, занимающих срединное геополитическое положение (Россия, Казахстан и др.), — там формируется определенный симбиоз ценностных ориентаций и способов политического участия граждан.

И все же качественные особенности вышеназванных мировых цивилизаций, как правило, обуславливают взаимно не преобразуемые основания политических культур, сближение которых произойдет, очевидно, в далеком будущем.

Особенности российской политической культуры

Политическая культура отдельной страны, как правило, формируется в процессе переплетения различных ценностных ориентаций и способов политического участия граждан, национальных традиций, обычаев, способов общественного признания человека, доминирующих форм общения элиты и электората, а также других обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизационного развития общества и государства. Так, например, история государственного развития США, где сумели выработать единые базовые ценности либерализма и демократии, сформировать плюралистическую

организацию власти, обусловила достаточно деидеологизированные ориентации своих граждан, низкую политическую активность последних (вызванную уважением к правящим элитам), склонность к использованию легитимных форм политического участия, законопослушность, высокий патриотизм и т.д. Английскую политическую культуру отличает такая же всеобщность базовых политических ценностей, высокий уровень легитимности властей и ответственности элит за свои действия, особая почтительность граждан к символам государственности, склонность к минимизации конфликтов и поиску согласия между политическими силами. Политико-культурный облик Германии отличает повышенная законопослушность населения, чуткость к правовым регуляторам политического поведения и соблюдению процедур, ответственность элит за исполнение своих обязанностей и т.д.

В России также сложились определенные особенности политической культуры, прежде всего обусловленные ее геополитическим положением, доминировавшими формами коллективного образа жизни, длительной дистанцированностью граждан от реальных рычагов власти, низкой политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации населения. Причем в XX в. ; на характер политической культуры сильнейшее влияние оказали уничтожение тоталитарными режимами целых социальных слоев (купечества, гуманитарной интеллигенции, офицерства) и народностей, отказ от рыночных регуляторов развития экономики, насильственное внедрение коммунистической идеологии. Это не только нарушило естественные механизмы и трансляторы российских традиций, преемственность поколений, развитие ценностей плюралистического образа жизни, но и деформировало межкультурные связи и отношения России с мировым сообществом. В целом же такая политика послужила усеченному воспроизводству и развитию российской цивилизации.

В результате ведущее на сегодняшний день положение в политической культуре российского общества завоевали ценности коммунитаризма (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, а в конечном счете — ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни). В то же время по преимуществу персонализированное восприятие власти, а также нравственный характер требований к ее деятельности определяют стремление большинства граждан к поиску харизматического лидера («спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса), недопонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью. Причем явная непопулярность контроля за властями сочетается у людей со слабым уважением законов государства и предпочтением своей, «калужской законности» (Ленин) перед понятиями кодифицированного права.

Неколебимая уверенность в правоте «своих» принципов (обычаев, традиций, лидеров и проч.) в сочетании с множеством идейных, не допускающих компромисса ориентиров граждан поддерживает в политической культуре российского общества глубокий внутренний раскол. Наличие же многообразных взаимооппонирующих субкультур не дает возможности выработать единые ценности политического устройства России, совместить ее культурное многообразие с политическим единством, обеспечить внутреннюю целостность государства и общества.

В настоящее время политическая культура российского общества является собой культуру внутренне расколотую, в которой преобладают нормы и ценности патриархально-традиционалистского типа, отображающие низкий гражданский статус личности и доминирование государственных форм регулирования жизни над механизмами самоуправления и самоорганизации общества. Характерной чертой сложившегося стиля поведения большинства населения является и склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования.

Доминирование подобных норм и ценностей препятствует утверждению в обществе демократических форм организации власти, а в ряде случаев способствует активизации политических движений националистического и фашистского толка. В целом же сформировавшиеся черты массового стиля политического поведения поддерживают и воспроизводят в нашем обществе черты прежней, тоталитарной государственности, являются прекрасной почвой для распространения социальных мифов, служащих интересам старой и новой элиты.

Таким образом, одна из насущных задач реформирования российского государства и общества — преобразование политической культуры на основе ценностей демократического типа, правовых, взаимоуважительных норм и отношений индивида и власти.

Демократизировать политико-культурные качества российского общества можно прежде всего путем реального изменения гражданского статуса личности, создания властных механизмов, передающих властные полномочия при принятии решений законно избранным и надежно контролируемым представителям народа. Нашему обществу необходимы не подавление господствовавших прежде идеологий, не изобретение новых «демократических» доктрин, а последовательное укрепление духовной свободы, реальное расширение социально-экономического и политического пространства для проявления гражданской активности людей, вовлечение их в перераспределение общественных материальных ресурсов, контроль за управляющими. Политика властей должна обеспечивать мирное сосуществование даже противоположных идеологий и стилей гражданского поведения, способствуя образованию

политических ориентаций, объединяющих, а не противопоставляющих позиции социалистов и либералов, консерваторов и демократов, но при этом радикально ограничивающих идейное влияние политических экстремистов. Только на такой основе в обществе могут сложиться массовые идеалы гражданского достоинства, самоуважение, демократические формы взаимодействия человека и власти.

§ 3. Политическая социализация

Сущность политической социализации

Формирование, воспроизводство и развитие политической культуры осуществляется через усвоение и поддержание людьми ее норм, образцов и стандартов поведения, традиций. Усвоение человеком требований статусного и ролевого поведения, культурных ценностей и ориентиров, ведущее к формированию у него качеств и свойств, позволяющих адаптироваться в данной политической системе и выполнять там определенные функции, называется **политической социализацией**. Человек, лишенный такого рода свойств, включаясь в политику, зачастую не способен адаптироваться к ее требованиям, защитить себя от жестких политических взаимоотношений, эффективно отстаивать свои интересы.

Проблеме социальной и политической адаптации человека, восприятия им традиций и ценностей уделялось повышенное внимание еще с 20-х гг. нынешнего столетия (особенно адаптации этнических групп в больших городах). Однако единого подхода к пониманию процесса политической социализации выработано не было. Так, классическая теория политической социализации, разработанная чикагскими учеными под руководством Д. Истона, трактовала ее как процесс обучения человека специальным ролям, которые ему необходимо выполнять в сфере политики. Большинство поддерживающих эту теорию ученых (Л. Коэн, Р. Липтон, Т. Парсонс), естественно, акцентировали внимание на взаимодействии человека с политической системой и ее институтами.

Другое авторитетное направление в политической науке (М. Хабермас, К. Луман) рассматривает политическую социализацию как аккультурацию (т.е. освоение человеком новых для себя ценностей), выдвигая, таким образом, на первый план внутрилличностные, психологические механизмы формирования политического сознания и поведения человека. Ученые же, работающие в русле психоанализа (Э. Эриксон, Э. Фромм), главное внимание уделяют исследованию бессознательных мотивов политической деятельности (формам политического протеста, контркультурного поведения), понимая политическую социализацию как скрытый процесс политизации человеческих чувств и представлений.

Несмотря на различия в подходах, большинство ученых все же сходятся в том, что важнейшими функциями политической социализации являются достижение личностью умений ориентироваться в политическом пространстве и выполнять там определенные властные функции. В этом смысле политическая социализация представляет собой как бы двуединый процесс: с одной стороны, она фиксирует усвоение личностью определенных норм, ценностей, ролевых ожиданий и проч., требуемых политической системой, а с другой — демонстрирует, как личность избирательно осваивает эти традиции и представления, закрепляя их в тех или иных формах политического поведения и влияния на власть. А из этого в свою очередь следует, что влияние общества на политические качества личности, а также контроль за ходом политической социализации в решающей степени ограничиваются внутренними убеждениями и верованиями человека.

Этапы политической социализации

Политические ценности, традиции, образцы поведения и прочие элементы политической культуры осваиваются человеком непрерывно, и процесс этот может быть ограничен только продолжительностью его жизни. Воспринимая одни идеи и навыки, человек в то же время может поступаться другими ориентирами, избирать новые для себя способы общения с властью. Таким образом, политическая социализация — это процесс одновременного обретения и утраты человеком политических свойств, симбиоз социализации и десоциализации субъекта политики. В силу этого и уровень политической социализированности человека не может оставаться неизменным, особенно при качественных изменениях политической системы, эволюции ее ценностей и требований к политическому поведению субъектов.

Набор политических знаний, умений и навыков человека прежде всего зависит от его субъективного состояния и выполняемых в политике ролей (поскольку, к примеру, лидер и рядовой избиратель не могут руководствоваться одними и теми же образцами политического поведения), а также от деятельности основных агентов политической социализации: семьи, системы образования, политических институтов, религиозных и общественных объединений, средств массовой информации. Действие этих трех переменных политического процесса и предопределяет различия **первичного и вторичного** этапов политической социализации.

Первичная политическая социализация характеризует первоначальное (обычно с трех—пяти лет) восприятие человеком политических категорий, которые постепенно формируют у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политической жизни. По мнению американских ученых Д. Истона и И. Дениса, здесь необходимо различать четыре аспекта процесса социализации: непосредственное «восприятие» ребенком политической жизни, информацию о которой он черпает в оценках родителей, их отношениях,

реакциях и чувствах; «персонализация» политики, в ходе которой те или иные фигуры, принадлежащие к сфере власти (например президент, полицейский, которых он часто ^^

видит по телевизору или возле своего дома), становятся для него образцами контакта с политической системой; «идеализация» этих политических образов, т.е. образование на их основе устойчивых эмоциональных отношений к политике; «институционализация» обретенных свойств, свидетельствующих об усложнении политической картины мира ребенка и его переходе к самостоятельному, надличностному видению политики.

В целом особенности первичного этапа политической социализации состоят в том, что человеку приходится адаптироваться к политической системе и нормам культуры, еще не понимая их сущности и значения. Поэтому для исключения в будущем аномальных, антисоциальных форм поведения необходимо соблюдать определенную последовательность в применении механизмов передачи ребенку политических норм и прошлого опыта. В частности, для сохранения естественного характера включения его в политический мир предпочтительны те социальные формы, где политическая информация неразрывно соединена с авторитетом учителя, примером деятельности старших и ни в коем случае не содержит жестких идеологизированных образов и понятий. Только на этой основе развивающееся детское сознание можно подкреплять императивными суждениями и оценками, а впоследствии и аксиологическими нормами и представлениями (ценностями, идеалами, принципами).

Вторичная политическая социализация характеризует тот этап деятельности человека, когда он освоил приемы переработки информации и осуществления ролей, способен противостоять групповому давлению и выразить свою способность к индивидуальному пересмотру идеологических позиций, переоценке культурных норм и традиций. Таким образом, главную роль здесь играет т.н. обратная социализация, характеризующая влияние самого человека на отбор и усвоение знаний, норм, приемов взаимодействия с властью. В силу этого вторичная социализация выражает непрерывную самокоррекцию человеком своих ценностных представлений, предпочтительных способов политического поведения и идеологических позиций.

Основные типы политической социализации
--

Различия в механизме передачи культурных традиций и норм в тех или иных политических системах позволяют выделить соответствующие типы политической социализации. К ним можно отнести: — гармонический тип политической социализации, отражающий психологически нормальное взаимодействие человека и институтов власти, рациональное и уважительное

отношение индивида к правопорядку, государству, осознание им своих гражданских обязанностей;

— гегемонистский тип, характеризующий негативное отношение человека к любым социальным и политическим системам, кроме «своей»;

— плюралистический тип, свидетельствующий о признании человеком равноправия с другими гражданами, их прав и свобод, о его способности менять свои политические пристрастия и переходить к новым ценностным ориентирам;

— конфликтный тип, формирующийся на основе межгрупповой борьбы и противостояния взаимозависимых интересов и потому усматривающий цель политического участия в сохранении лояльности своей группе и поддержке ее в борьбе с политическими противниками.

Данные типы политической социализации выражают зависимость формирования тех или иных свойств и качеств человека от влияния доминирующих структур и институтов власти, несущих нормы и ценности господствующей (официальной) политической культуры (т.е. это типы т.н. вертикальной социализации). Наряду с этими устойчивыми ориентациями людей на соответствующие способы взаимодействия с властью в обществе складываются и многочисленные модели политического поведения, нормы и ценности которым задают различные группы, ассоциации и объединения граждан (например партии, чьи цели находятся в резкой оппозиции правящему режиму). Такие типы «горизонтальной» политической социализации носят частный характер. Однако переплетение именно этих специфических норм, ценностей и способов включения в политическую жизнь подтверждает сложный и противоречивый характер поиска человеком собственных политических идеалов, предпочтительных способов защиты своих прав и ведения диалога с властью. Эти микромодели политического участия граждан выражают творческий характер политической социализации, а равно сложность воспроизводства и развития политической культуры общества.

В современном обществе важнейшую роль в процессе политической социализации, а также в процессе формирования и развития политической культуры в целом играют средства массовой информации.

Глава 18

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

§ 1. Сущность и особенности политической психологии

Понятие и значение политической психологии

Роль духовных факторов в политике отнюдь не ограничивается воздействием на людей идеологических доктрин и программ. Не менее, а нередко и более существенное значение для

политики имеет другая форма политического сознания — политическая психология.

Политическая психология представляет собой совокупность духовных образований, которые содержат в основном эмоционально-чувственные ощущения и представления людей о политических явлениях и которые складываются в процессе их (людей) непосредственного взаимодействия с институтами власти и своего политического поведения. К политико-психологическим явлениям относятся как универсальные чувства и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и проч.).

В силу неустранимости у человека эмоционально-чувственного восприятия действительности политическая психология опосредует все формы и разновидности его политических взаимодействий и, стало быть, присутствует на всех этапах политического процесса. Таким образом, политическая психология — это универсальный духовный фактор, оказывающий постоянное влияние на политическое поведение людей и институты власти.

Однако политическая психология — не просто важная и влиятельная форма политического сознания. Ее неустранимость из политической деятельности превращает психологию и в своеобразный универсальный измеритель всей политики в целом. Иными словами, власть, государство, партии, разнообразные политические поступки субъектов, а также другие явления политики могут быть представлены как те или иные формы психологического взаимодействия людей.

Такой взгляд на политику позволяет раскрыть ее специфические свойства, продемонстрировать ее новые возможности и законы эволюции. Однако он в же время заставляет порой преувеличивать значение психологических зависимостей.

В политологии сложилось целое направление, абсолютизирующее роль психологических факторов. Его представители однозначно сводят все причины возникновения революций и тираний, демократизации или реформирования к психологическим основам политического поведения людей. Даже массовые политические процессы объясняются психологическими качествами индивида или малой группы (Э. Фромм, Г. Олпорт, Е. Богарус и др.). В таком случае «человек политический» понимается как продукт личностных психологических мотивов, перенесенных в публичную сферу (Г. Ласуэлл). Сама же политика толкуется как «явление психологическое в первую очередь, а потом уже идеологическое, экономическое, военное и др.».

Но взгляд на политику с психологической точки зрения не только заставляет учитывать зависимость осуществления тех или иных ролей

политического субъекта от его чувств и эмоций. Психологические свойства рассматриваются как фактор, который и влияет на его поведение, и предопределяет возникновение самих этих ролей и функций. Например, природа такого явления, как политический экстремизм, зачастую объясняется не столько его социальными причинами (невстроенностью групп в общественную систему или их неумением представлять свои интересы в легальных органах власти), сколько психологическими. Как доказано многочисленными исследованиями, этот тип политического поведения людей всегда базируется на гипертрофированных иррациональных мотивациях, которые в свою очередь чаще всего являются следствием некой психической ущербности человека, тормозящей его рациональный выбор и заставляющей обращаться к подобным видам деятельности. Так, по данным некоторых социологических исследований, у правых и левых экстремистов обнаружено, что, по сравнению со сторонниками других политических течений, они значительно чаще испытывают чувства социальной изолированности, одиночества, бессмысленности жизни, тревоги за свое будущее.

Такого рода примеры показывают, что для анализа политики принципиальное значение имеют представления о **психологических типах** взаимодействующих с государством людей. Ведь от того, является человек более склонным к экзальтации или рационализму, стремится он жестко придерживаться установленных правил (ригидность) или он обладает подвижной, пластично изменяющейся в соответствии с обстановкой системой чувств (лабильность) и другими психологическими свойствами, в значительной мере зависят и содержание политических требований людей к власти, и характер их реального взаимодействия с государством. Классическим примером внутреннего соответствия властных и личных структур в жестких режимах правления стала характеристика американским ученым Т. Адорно «авторитарного» типа личности, поддерживающего систему власти своим догматизмом, ригидностью, агрессивностью, некритическим восприятием групповых ценностей и шаблонным мышлением.

Нельзя не отметить и громадное значение для политики психологических свойств политических лидеров. Например, компульсивность (выражающаяся в навязчивом стремлении все сделать наилучшим образом) или демонстративность (характеризующая стремление лидера прежде всего привлечь внимание общественности к собственной персоне) как доминанты стиля политического лидера могут существенно повлиять на характер принимаемых в государстве решений и даже изменить некоторые параметры политической системы в целом.

Необходимость учета психологических свойств субъектов политики диктуется и тем, что эмоционально-чувственные ощущения существеннейшим, а нередко и решающим образом влияют на восприятие человеком политических явлений. Как показывает опыт, именно психологические компоненты чаще

всего организуют и определяют те субъективные образы лидеров и других политических явлений, государства, власти, которые складываются у человека. Именно чувства заставляют человека оценивать политические явления в зависимости от того, какими они отражаются в его сознании, а не от их реального содержания. Например, недоверие к той или иной партии или режиму в целом может сформироваться у человека не на основе анализа их программы и действий, а за счет негативного отношения, скажем, к неэтичному поступку их лидера или просто на основе неведомым образом возникшей антипатии или симпатии. Таким образом, человек воспринимает политическую реальность чаще всего такой, какой она представляется его чувствам и эмоциям, которые, действуя по собственным законам, вполне могут неадекватно отражать окружающий мир.

Зная законы формирования психологических образов, можно определять их структуру и направленность, тем самым успешно влияя на отношения граждан к государству и на их индивидуальное поведение. В истории немало примеров того, как отдельные правители, создавая очаги временного психологического возбуждения у населения, подавляли структуры его рационального мышления, а также, используя другие приемы манипулирования сознанием, заставляли людей испытывать чувства единения с государством и ненависти к его врагам, объединяться вокруг лидера и переживать при этом массовое воодушевление, утрачивать ощущение реальности или понижать восприимчивость к тем проблемам, которые невыгодны власти имущим.

Особенности политической психологии
--

Отражая и интерпретируя политику в эмоционально-чувственной форме, политическая психология представляет собой т.н. «практический» тип политического сознания. Если, к примеру, идеология является продуктом специализированного сознания, плодом теоретической деятельности группы людей, то политическая психология формируется на основе практического взаимодействия людей друг с другом и с институтами власти. И в этом смысле она характеризует те ощущения и воззрения людей, которыми они пользуются в повседневной жизни.

В теории, чтобы отобразить эту форму «естественного», обыденного мышления, используют понятие «социальные представления» (Московиси). К ее отличительным чертам относят прежде всего отображение людьми политических объектов через призму своих непосредственных интересов и доступного им политического опыта. Повинуясь чувствам, люди подчиняют получаемую ими информацию собственным задачам, логике своих индивидуальных действий. Поэтому политическая психология тем больше влияет на ориентацию людей во власти, чем сильнее политика включается в круг их непосредственных интересов.

С чисто познавательной точки зрения политическая психология является ограниченной формой мышления, которая не в состоянии отразить скрытые от непосредственного наблюдения черты политических явлений. Используя выборочную, избирательную информацию о политических процессах, она отображает лишь те внешние формы и фрагменты действительности, которые доступны эмоционально-чувственному восприятию. Поэтому политическая психология по природе своей не приспособлена для анализа сложных причинно-следственных связей и отношений в политике, хотя в отдельных случаях может угадать суть каких-то политических {взаимоотношений}.

В силу «приземленности», «наивности» своего взгляда на действительность политическая психология демонстрирует и определенные способы интерпретации понятий, зачастую отождествляя последние с формой непосредственного восприятия действительности. Например, «государство» отождествляется с конкретным государством, в котором живет человек, «власть» — с реальными формами господства, «рынок» — с конкретными отношениями экономического обмена, которые он наблюдает, и т.д. Такое конкретизированное освоение действительности упрощает картину политики, лишая при этом научные категории и понятия мотивационного значения и силы.

Познавательная ограниченность политической психологии проявляется и в приписывании непосредственно воспринимаемым ею явлениям разнообразных причин, устраняя таким образом имеющийся у нее дефицит информации. В науке такое явление получило название «каузальной атрибуции» (Ф. Хайдер), отражающее свойство политической психологии умозрительно достраивать политическую реальность, домысливать, искусственно конструировать мир, придумывать недостающие ему звенья. В массовых формах такая черта политической психологии стимулирует возникновение разнообразных слухов и мифов, которые охватывают целые слои населения. Особенно часто это касается принимаемых в государстве решений, кадровых перемещений, отношений в правящей элите и других наиболее закрытых от общественности вопросов.

Противоречивость политической психологии

Политическая психология — внутренне противоречивое явление. В отличие от идеологии, стремящейся подвести политические взгляды людей под некий общий знаменатель, политическая психология отражает политическую реальность во всем ее многообразии, допуская одновременное сосуществование самых разноречивых и даже противоположных эмоций.

Одной из причин такой противоречивости выступает многообразие механизмов идентификации. Ведь человек отождествляет себя с самыми разными группами и ролями. Поэтому в психологии всегда присутствуют

различные и даже противоречивые чувства: долга и желания освободиться от обязательств, потребность в самоуважении и жажда подчинения более сильному, общительность и чувство одиночества, осуждения власти и желания быть к ней поближе и т.д. Как полагают специалисты, только в слое политических профессионалов и приблизительно у одной трети рядовых граждан (как идеологически сориентированной части электората) высок уровень согласованности знаний и их подчиненности какой-то главной идее.

Жизнь изобилует примерами противоречивости обыденного мышления. Так, по результатам проведенного в России в 1995 г. социологического исследования, большинство респондентов, придерживаясь установки «так жить нельзя», все же в 54,6% случаев признало удовлетворенность своей жизнью.

Противоречивость политической психологии выражает противоречивость человека политического. Под влиянием какой-либо информации или события он может быстро поменять направленность своих чувств, а вместе с ними порой и свои политические позиции. Но чаще эмоциональная противоречивость является постоянно действующим фактором политического поведения, иногда усиливающая, а иногда ослабляющая его мотивацию.

Сосуществование разнонаправленных чувств и эмоций обуславливает неравномерный и даже скачкообразный характер развития реальных политических процессов. Благодаря этому свойству политической психологии в политику привносится элемент стихийности, непрогнозируемости событий. Способность же психологии побуждать человека в кратчайшие сроки менять свои оценки придает ей особую силу воздействия на его поведение.

Рациональное и иррациональное в политической психологии
--

Еще одной причиной, обуславливающей внутреннюю противоречивость, а равным образом и особенность политической психологии, является ее сложное внутреннее строение. Прежде всего это связано с тем, что психология содержит в себе как социальные, так и физиологические механизмы воспроизводства чувств и эмоций.

В самом общем и несколько огрубленном виде можно сказать, что политическая психология включает в себя:

- социализированные чувства и эмоции, связанные с отображением интересов человека и формированием мотивов его политической деятельности;
- индивидуально-психические свойства (воля, память и др.); — биохимические и биофизиологические механизмы, обусловленные врожденными свойствами человека (возбуждением, нервными окончаниями, наследственностью) и проявляющиеся в психо-физических свойствах, регулирующих темперамент, демографические и поло-возрастные черты, здоровье и проч. его аналогичные характеристики.

Таким образом, в политической психологии содержатся как осознанно-рациональные, так и бессознательно-иррациональные духовные

элементы. Благодаря этому психология соединяет логику социального взаимодействия с логикой инстинктов, рефлексивность, осмысленность и рефлекторность, характеризующую бессознательные формы мышления. Такой симбиоз показывает, что в политической жизни человек может ориентироваться и адаптироваться к действительности, используя не только приобретенные социально-психологические свойства, но и могучие иррациональные механизмы, первичные чувственные реакции (отличающиеся эмоциогенностью, алогизмом, слабой подверженностью контролю и рядом других черт).

Роль иррациональных механизмов тем больше, чем меньше человек понимает суть и причины политических событий. Более того, в определенных условиях физиологические чувства способны вообще вытеснить все другие формы оценки и регуляции поведения. Например, голод или страх могут стать такими психологическими доминантами, которые способны вызвать мятежи, бунты или революции. Но в ряде случаев социальные чувства способны преодолеть влияние иррациональных влечений. Так, актуализированная потребность в порядке, дисциплине, сплочении в жестко управляемую общность могут помочь преодолеть людям страх, неуверенность в себе, пессимизм.

Из истории известно, что многие системы и правители специально возбуждали в людях иррациональные эмоции и чувства, которые использовали для усиления приверженности властям и идеологическим доктринам. Нацисты, в частности, использовали для этих целей разнообразные театрализованные сборища, ночные факельные шествия, сложную политическую символику, которые своей таинственностью и величием должны были помочь им сформировать безотчетное поклонение обывателей фюреру и рейху. Целям активизации подсознательных чувств и эмоций может служить и чрезмерное насаждение в обществе монументальной скульптуры, величественная архитектура государственных учреждений, устройство пышных политических церемоний и ритуалов, а также другие действия властей, добивающихся такими методами повышения политической лояльности граждан.

Феномен толпы

Еще одна особенность политической психологии состоит в ее способности к формированию специфического политического субъекта — толпы. Г. Тард называл толпу самой «старинной» социальной группой после семьи. Однако суть этого объединения отражают не столько социальные характеристики (например, отсутствие у нее устойчивой внутренней структуры), сколько его психологические механизмы. По сути, группу людей делает толпой объединяющая их психическая связь, какой-то резко переживаемый людьми эмоциональный фактор (вызывающий массовое состояние гнева, радости, агрессии и т.д.). При этом внутреннее единство толпы постоянно укрепляется за счет многократного взаимного усиления коллективных чувств и эмоций. Известный русский ученый В.М. Бехтерев подчеркивал, что взаимовнушение и самовозбуждение людей

гораздо в большей степени движут поведением толпы, нежели какие-либо провозглашаемые ею идеи.

Постоянно поддерживаемый наплыв эмоций, как правило, обуславливает односторонность мышления и действий толпы. Люди в толпе не воспринимают иных позиций или точек зрения, демонстрируя единый волевой настрой. Толпы не возникают для уравнивающих действий. В крайних формах они могут быть либо преступны, либо героичны, устраивать мятежи и погромы или требовать от тиранов прав и свобод. Толпа не терпит ни размышлений, ни возражений. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие — это ярость (Тард). В то же время тот или иной фактор (внезапное событие, выступление яркого оратора на митинге) способен изменить состояние толпы новым внушением, заразить ее свежими эмоциями, вновь придающими ей горячность и импульсивность.

Для индивидов пусть кратковременное, но мощное доминирование коллективных чувств и настроений приводит к потере ими критичности политических воззрений и утрате контроля за своими поступками. Заразительность массовых настроений заставляет людей испытывать резкую потребность в подчинении, поступаться личными интересами и оценками. В толпе человек понимает лишь «волевой язык коллективной воли» и подчиняется ее приказам, «следуя архаичным правилам <...> воли толпы». Лишь в толпе индивид приобретает сознание непреодолимой силы, которая «дозволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, т.к. толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности».

§ 2. Полиструктурный характер политической психологии

Структура политической психологии
--

Участвуя во всех реально существующих политических процессах, политическая психология обладает разнообразной и разветвленной внутренней структурой. Иными словами, множественность ее внутренних компонентов характеризует ее включенность в разнообразные стороны политической жизни. В силу этого ее структурные компоненты могут определяться содержанием политического поведения (предполагающего выделение норм, установок, мотивов и проч.), уже упоминавшимися уровнями психологических потребностей (выделяющими соответственно биофизические, индивидуально-психологические и социально-психологические элементы психологии), национально-цивилизационными чертами «человека политического» (характеризующими особенности российской, американской, китайской и проч. разновидностей психологии) и другими политическими явлениями.

Особое значение для политической психологии имеют индивидуальные и групповые формы сознания, обуславливающие содержание политических чувств и эмоций. Так, к **индивидуальным** психологическим образованиям, порожденным межличностными связями человека с другими субъектами и институтами власти, относятся: персональный опыт, специфика индивидуализированных чувств, специфичность эмоциональных реакций на внешние вызовы среды, та или иная способность к самоанализу, особенности индивидуальной воли и памяти. Эти элементы придают неповторимый оттенок любым формам политического поведения индивидов.

Велико значение для политической психологии и тех эмоционально-чувственных образований, которые опосредуются **групповыми** формами сознания, т.е. представлениями тех или иных социальных и функциональных групп, через которые человек реально включается в политические отношения. Каждая такая группа отличается собственной эмоциональной реакцией на политические события, своим психологическим темпераментом, памятью и традициями, которые образуют некую психологическую ауру, атмосферу соучастия в общих политических делах. При этом любое групповое объединение обладает тем или иным временем своего политического существования, за которое оно успевает сформировать привычные для большинства психические реакции на политические явления.

Таким образом, структурные образования политической психологии группового характера выражают понимание человеком соотношения общих, коллективных и индивидуальных интересов, подчиненность его сознания сформировавшемуся в группе психологическому климату, усвоенность им действующих там привычек и стереотипов в отношении политических явлений.

Как правило, для описания групповых характеристик политической психологии учитывают специфику двух видов групп. Традиционно в качестве ведущих групповых образований выделяют **большие** (или дистантные, с формально опосредованным общением индивидов) группы, к которым можно отнести классы, слои, территориальные образования, нации и проч., а также **малые** (с непосредственным общением индивидов) группы, в частности, микросоциальные объединения людей, неформальные образования, отдельные политические ассоциации и т.д. Каждая из этих групп отличается временным или постоянным характером существования, преобладанием организованных или стихийных связей, специализированным или мультифункциональным назначением и т.д.

Структурные компоненты политической психологии различаются и с точки зрения устойчивости, оформленности эмоционально-чувственных реакций. К наиболее устойчивым, внешне и внутренне оформленным элементам политической психологии обычно относят здравый смысл, психологический склад той или иной группы, нравы и т.д. К более подвижным, динамичным, наиболее чутким к изменениям эмоционально-чувственным образованиям причисляют переживания, ожидания и настроения. Чем же они отличаются друг от друга?

Устойчивые элементы политической психологии
--

Психологические типы (личности, лидера) или психологический склад группы являются результатом длительного формирования стандартных реакций этих субъектов на постоянные и типичные вызовы политической среды. Индивиды или группы сообразно особенностям своего темперамента, характера, архетипам (некритически усвоенным коллективным воззрениям и верованиям) и ролевым назначениям, привычкам и традициям на протяжении достаточно длительного времени вырабатывают свойственные им психологические ответы на политические раздражители в виде устойчивых эмоциональных стандартов и стереотипов мышления и поведения. Эти психологические элементы помогают определить те или иные особенности национально-цивилизационного развития, использования ролей, отдельных исторических периодов (кризисов, революций и др.) и т.д. Поэтому судя по ним можно отличить политико-психологические черты россиянина или канадца, политического лидера или рядового представителя электората, политических деятелей XX или XIX вв. и т.д.

Некоторые специалисты даже утверждают, что вообще существуют некие универсальные чувства (например, агрессии, альтруизма и др.), которые в каждую эпоху лишь проявляются по-разному, повторяясь на новом историческом материале. Именно они, воплощая устойчивые эмоциональные оценки и стереотипы чувствования, и предопределяют характер политических процессов, электоральный выбор людей (А. Юрьев).

Очень ярко устойчивость психологических черт и механизмов проявляется на уровне различных групп. Например, молодежи — как доказано многочисленными исследованиями — как особой социальной группе присущи эмоциональная неустойчивость, максимализм, повышенная возбудимость и подверженность неосознанным психическим реакциям, незавершенность системы функций контроля и самооценки. Такие психологические особенности превращают ее в наиболее «трудного» политического субъекта, чье поведение или партийно-политическая идентификация обладают крайней подвижностью и непредсказуемостью. Молодые люди легко поддаются внушению, становятся жертвами политических спекуляций и манипулирования. Хотя ее наиболее интеллектуально развитая и социально чуткая часть — студенчество — практически всегда принимает участие в акциях политического протеста за идеалы свободы и справедливости.

Весьма устойчивые черты психологического склада существуют и у наций. Причем характер этих чувственных механизмов и черт непосредственно зависит от того, какую роль в социальном самовыражении человека играет национальная идентификация. Ведь главный психологический механизм образования облика нации — межнациональное сравнение. Поэтому люди, не испытывавшие серьезных ущемлений в области изучения родного языка, вероисповедания, приобщения к культурным ценностям, а также участвовавшие в широких инациональных контактах, редко преувеличивают факт национальной принадлежности и страдают национальными предрассудками по отношению к другим народам. В основе их психологического склада лежит усвоенное с детства нейтрально-естественное отношение к ведущим национально-культурным ценностям, выражающееся в их **спокойном** социальном темпераменте по отношению к людям других национальностей. Такие черты не являются психологически доминирующими в поведении человека и их довольно трудно политизировать и уж тем более придать им ярко выраженную агрессивную форму.

Напротив, возникшая по тем или иным причинам гиперболизация национальной идентичности, привлечение национальных чувств для выполнения защитных, компенсаторных функций ведет к преувеличению несходства различных наций, а впоследствии к чрезмерному приукрашиванию собственной нации и преуменьшению достоинств других. В таком случае у людей начинают действовать устойчивые психологические механизмы, которые, к примеру, либо настраивают их на избегание информации, способной внести диссонанс в их воззрения, либо, наоборот, способствуют активному поиску тех сведений, которые эти взгляды подтверждают. Устойчивость таких чувственных стандартов столь высока, что даже при очевидном несоответствии взглядов и действительности люди продолжают верить в их справедливость.

Психологическое доминирование национальной идентичности нередко приводит к тому, что раздражение, вызванное самыми различными

социальными причинами, автоматически переносится на сферу национального восприятия. Такой механизм **психологического переноса** (трансфер) заставляет даже собственные ошибки перекладывать на плечи других («врагов нации»). А чаще всего заставляет человека жить по законам двух стандартов: все, что задевает его национальные чувства, наделять негативным смыслом, а на собственные действия, способные обидеть другого, не обращать внимания.

Политические настроения

Строго говоря, на такой основе возможны и небывалый эмоциональный подъем, воодушевление образом «своей» нации. Но чаще в русле этих устойчивых эмоций формируется откровенная национальная предубежденность и даже враждебность по отношению к представителям других наций. Причем в политическом плане важно иметь в виду, что такая фоновая, скрытая нетерпимость может мгновенно актуализироваться во время кризисов, породив самые разрушительные последствия.

В противоположность устойчивым у политической психологии есть и более динамичные элементы, одним из которых являются политические настроения. По сути, это тот эмоционально-оценочный показатель вовлеченности населения в политику, который демонстрирует уровень его адаптированности к существующему режиму и господствующим ценностям.

Выражая определенное эмоционально-психологическое состояние людей, настроения могут порождать самые разнообразные, в том числе противоположные по направленности политические движения, усиливать спонтанность и импульсивность действий субъектов, изменять психологическую сплоченность групп и населения в целом. Еще Аристотель, отмечая условия успешного правления, писал, что правителям «... нужно знать настроения лиц, поднимающих восстания, ... чем собственно начинаются политические смуты и распри». Макиавелли также указывал на негативный аспект их существования, подчеркивая при этом, что различия настроений выступают основной причиной «всех неурядиц, происходящих в государстве».

Однако чувства массового протеста, отрицательная для государства экзальтация или паника только частично характеризуют роль настроений в политике. Помимо негативных последствий настроения могут обладать и нейтральным (например, состояние апатии, свидетельствующей о снижении притязаний к власти) и положительным значением (люди могут испытывать энтузиазм в результате призывов властей, предвкушения своей близкой победы на выборах, героизировать свои чувства, сопротивляясь врагу, и т.д.).

С содержательной точки зрения настроения представляют собой определенное состояние нервно-психического напряжения, сигнальную реакцию, выражающую ту или иную степень несовпадения человеческих потребностей и притязаний с конкретными возможностями людей и условиями их жизни и деятельности. Короче говоря, такое состояние выражает

психологическую удовлетворенность или неудовлетворенность социально-политическими условиями, способствующими или препятствующими достижению целей. Благодаря своему характеру настроения целиком и полностью зависят как от внешних условий (когда, например, человеческие притязания резко спадают в результате изменения ситуации, неполностью удовлетворившей их или заставившей людей понять всю беспочвенность притязаний), так и от состояния самого субъекта. В последнем случае люди могут не снижать интенсивность своих надежд даже в результате множественных неудач. Они могут отрицать даже явные причины неуспеха, продолжая верить и добиваться своих целей. Политические настроения в таком случае становятся мощным источником политической воли, которая стремится достичь определенных целей даже вопреки реальному положению вещей. Причем интенсивность настроений значительно увеличивается, если люди преследуют цели, соответствующие их внутренним убеждениям и характеризующие позиции, которыми они никогда не поступятся.

Различают настроения, выражающие идеальные требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом) и настроения как реально складывающиеся психологические состояния, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов. Обычно настроения формируются в рамках определенного цикла, включающего стадии: **зарождения** (фиксирующего существующее брожение, смутное недовольство людей, ощущение ими дискомфорта от тех или иных явлений); **поворота** (когда чувства кристаллизуются и рационализируются в определенных политических образах и требованиях); **подъема** (характеризующего достижение той степени усиления чувств, которая требует немедленного разрешения), а также **отлива** (выражающего эмоциональный спад, возникающий в результате разрешения настроений) (Д. Ольшанский). Повторяясь, этот цикл придает динамике настроений вид синусоиды: за подъемом ожиданий следует разочарование, затем упадок снова сменяется подъемом и т.д.

Понимая важность настроений, политические режимы пытаются не только прогнозировать их динамику, но и управлять ими. Инициирование нужных властям настроений чаще всего осуществляется при помощи сложных манипуляций, специфического информирования и дезинформации населения. Например, власти нередко создают «климат завышенных ожиданий», демонстрируя искренность взаимоотношений с населением, или поощряют распространение мифов, создающих у общественности нужные им политические образы. Особенно ярко стремление использовать настроения в своих политических целях наблюдается во время выборов, когда обещания партий и лидеров нередко переходят все рамки реально возможного. Еще более разнообразны и противоречивы настроения в переходных условиях. Здесь в них

объединяются не только надежды на лучшее будущее, но и негативизм, ностальгия по прошлому и другие разноречивые чувства и эмоции.

§ 3. Функции политической психологии

Познавательная и адаптивная функции
--

Роль и влияние политической психологии в политике проявляются прежде всего в осуществляемых ею функциях. Именно последние выражают ее способность влиять и видоизменять политические процессы, состояния субъектов, способы функционирования институтов власти.

Политическая психология выполняет **гносеологическую** функцию, связанную с обеспечением мышления человека. В отличие от других форм политического сознания (например, науки или идеологии), которые также способствуют познанию политической реальности, политические чувства могут не только дополнить информацию, полученную человеком рационально-логическим путем, но и **заменить** ее при выборе им своей политической позиции. Особенно ярко такая роль политической психологии проявляется в условиях кризисов, когда создающийся в обществе духовный вакуум, утрата ведущих ценностей буквально заполняет чувственными оценками все индивидуальные позиции человека. Впрочем, в других условиях чувствами нередко пренебрегают при выработке той или иной позиции.

И все же наиболее распространенной формой осуществления гносеологической функции является дополнение чувственными сведениями той информации, которая формируется рационально-логическим способом. При этом психология чаще всего идет «в ногу со временем», повторяя изгибы ситуации и как бы чувственно оформляя соответствующую эволюцию политических позиций человека. Например, в годы перестройки немало людей в полном соответствии с ходом реформ и их социальными последствиями последовательно эволюционировало от приверженности коммунистическим идеям к ценностям либеральной демократии, а впоследствии к оппозиционным воззрениям по отношению к правящему режиму.

Однако чувственные стереотипы могут оказывать и упорное сопротивление динамике человеческих воззрений, отвергая рациональные формы отражения действительности. В таком случае политические чувства способны провоцировать догматичность мышления, приверженность человека раз и навсегда усвоенным шаблонам и стандартам.

Функция **адаптации** предполагает обеспечение политической психологией приспособления человека к окружающей обстановке. Причем психология осуществляет эту цель как при его пассивном приспособлении к среде, так и при их активном взаимопреобразовании, когда активно видоизменяются свойства и человека, осваивающего, к примеру, новые политические роли, и самих внешних условий под ролевым воздействием.

Для того чтобы заставить человека адаптироваться к окружающей действительности, политическая психология должна подавить воздействие т.н. стрессоров, т.е. тех социальных и политических факторов (например, безработицы, активности оппозиции, бытовых неурядиц и проч.), которые вызывают негативные политические реакции человека. В связи с этим политическая психология должна действовать в двух направлениях: стимулировать его позитивные поведенческие реакции, т.е. вести дело к формированию у него позитивных стереотипов и привычек реагирования на подобные раздражители (что часто бывает затруднительно, ибо требует от человека существенного пересмотра своих изначальных позиций), либо формировать нейтрально-конформистское отношение, т.е. привычку спокойно и относительно беспристрастно реагировать на подобные факторы.

Психология способна обеспечить три типа приспособления человека к среде: **конформность** (означающую принятие сложившегося порядка вещей), **инновационность** (предполагающую сохранение активности и самостоятельности позиции человека по отношению к окружающей среде) и **ритуализм** (выражающий символическую и некритическую позицию человека по отношению к среде) (Р. Мертон). Понятно, что первый и третий типы адаптированности, означающие, по сути, сформировавшуюся привычку и стабильно прогнозируемое поведение человека, наиболее привлекательны для властей. Наиболее часто встречающаяся конформная адаптированность лишает человека каких-либо острых ответных реакций на политическую обстановку, отчасти ритуализируя его связи с государством, но во всяком случае придавая им искомую властями стабильность. Конформистски адаптированная личность часто не замечает промахи властей и нередко прощает ей даже преступления (особенно в тех случаях, когда они непосредственно не затрагивают ее интересов).

Мотивационная функция

Как уже говорилось, политическая психология организует и интегрирует субъективные свойства человека. Тем самым она служит главным механизмом перенесения его политических целей и намерений из сферы сознания в сферу бытия. То есть она не только обеспечивает постоянный контакт сознания и практики, но и выступает достаточно автономным фактором мотивации человеческих действий.

При этом политические чувства и эмоции действуют двояким образом. Первым способом осуществления политической психологией ее мотивационной функции является самостоятельное определение действий групповых и индивидуальных субъектов. При таком варианте удельный вес эмоциональных установок будет доминировать над всеми иными соображениями. В целом преобладание эмоционально-чувственных мотивов проявляется прежде всего

при реализации людьми их политических ролей и функций. Американский ученый Р. Мертон подчеркивал, что это может выражаться в следующем:

— в стремлении человека придавать функционально безличным политическим связям сугубо персональный характер (например, когда он пытается наделить глубоко личностным смыслом свои отношения с государством или драматизировать акт голосования, относясь к нему, как к решающему в своей жизни делу, и т.д.);

— в отождествлении человеческой личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над главными жизненными ценностями человека);

— в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями;

— в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев.

Особенно ярко такая мотивационная способность политической психологии раскрывается в переломные для общества периоды жизни. Например, в условиях революционных изменений на политической арене появляется множество людей с повышенным эмоционально-чувственным фоном, а то и просто неуравновешенных и даже психически больных. Как писал С. Сигеле, «... число сумасшедших всегда велико во время революций или возмущений не только потому, что сумасшедшие принимают в ней участие, но и потому, что общество делает сумасшедшими тех, кто только был предрасположен к сумасшествию».

История дала немало убедительных примеров и того, как психически эволюционировали многие лидеры-революционеры. Например, Робеспьер и ряд других известных его соратников по мере развития революционных процессов превращались из радостных, многоречивых романтиков в подозрительных, неприязненно относящихся к несогласным с ними людям, а затем и вовсе эволюционировали в личностей, не терпящих возражений, замыкающихся в себе, мнящих повсюду заговоры и предательства.

Вторым способом осуществления политической психологией своей мотивационной функции является преломление и дополнение ею действия различных рассудочных и рациональных намерений человека. В этом отношении политические чувства и эмоции играют уже не ведущую, а подчиненную, вторичную роль. Механизм подобного рода мотивации хорошо виден на примере ее взаимоотношения с идеологией. Последняя рационализирует политическую психологию. Однако степень претворения в жизнь идеологических требований зависит от эмоциональной чувствительности человека к ее элементам — идеалам, принципам и нормам. Поэтому в конкретных случаях в мотивации людей могут доминировать либо общие идеологические ценности, либо конкретные нормы и требования к поведению отдельных субъектов, сформулированные теми или иными институтами власти.

Основные типы политического поведения
--

Эмоционально-чувственное преломление идеалов и нормативных требований политической идеологии предопределяет

соответствующие формы целенаправленного политического поведения граждан. Идеино сориентированные поступки последних, как правило, относятся к **автономному** типу политического поведения, отображающему относительно свободный выбор людьми политических целей и средств их достижения. Этот тип поведения противостоит мобилизованным формам активности, характеризующим вынужденность совершаемых человеком поступков под давлением внешних обстоятельств. (Причем, в тоталитарных режимах источником такого прессинга на сознание личности чаще всего выступают постулаты официальной моноидеологии, подчиняющей себе все институты власти.)

В зависимости от типа мотивации можно выделить **открытые** формы поведения граждан (носящие характер прямого политического действия, например участие в выборах, демонстрациях, пикетах и т.п.) и **закрытые** (характеризующие уклонение людей от выполнения своих гражданских и политических обязанностей, например абсентеизм). С точки зрения соответствия направленности гражданских поступков общепринятым в политической системе ценностям и нормам «политической игры» говорят о **нормативных** формах политического поведения (ориентирующихся на господствующие принципы) и **девиантных** (отклоняющихся от них). Там, где воздействие идеологии стимулирует рутинные, постоянно повторяющиеся мотивы и действия граждан, принято выделять **традиционные** формы политического поведения и противостоящие им **инновационные** способы практического достижения политических целей (в которых преобладают творческие формы политической активности).

Идеологии, воплощенные в разнообразных типах политического поведения, эффективно влияют на содержание властных процессов и характер функционирования управленческих институтов. Они составляют ядро политической культуры.

Глава 19

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

§ 1. Понятие и функции СМИ

Роль коммуникаций в политике

Неотъемлемой составной частью политики являются массовые коммуникации. Политика в большей мере, чем другие виды общественной деятельности, нуждается в специальных средствах информационного обмена, в установлении и поддержании постоянных связей между ее субъектами. Если, например, экономика вполне может функционировать на основе рыночного саморегулирования при ограниченных, преимущественно непосредственных формах взаимодействия людей, то политика невозможна без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и гражданами.

Это обусловлено самой природой политики как коллективной, сложно организованной целенаправленной деятельности, специализированной формы общения людей для реализации групповых целей и интересов, затрагивающих все общество. Коллективный характер реализуемых в политике целей предполагает их обязательное осознание разделенными в пространстве членами коллектива (государства, нации, группы, партии и т.п.) и координацию деятельности людей и организаций. Все это обычно невозможно при непосредственном, контактном взаимодействии граждан и требует использования специальных средств передачи информации, обеспечивающих единство воли, целостность и единую направленность действий множества людей. Эти средства называют СМИ, СМК или масс-медиа.

Что такое СМИ!

СМИ представляют собой учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам. Их отличительные черты — публичность, т.е. неограниченный и надперсональный круг потребителей; наличие специальных, технических приборов, аппаратуры; не прямое, разделенное в пространстве и во времени взаимодействие коммуникационных партнеров; однонаправленность взаимодействия от коммуникатора к реципиенту, невозможность перемены их ролей; непостоянный, дисперсивный характер их аудитории, которая образуется от случая к случаю в результате общего внимания, проявленного к той или иной передаче или статье.

К СМИ относятся пресса, массовые справочники, радио, телевидение, кино- и звукозапись, видеозапись. В последние десятилетия средства коммуникации претерпевают существенные изменения вследствие распространения спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, электронных текстовых коммуникационных систем (видео-, экранных и кабельных текстов), а также индивидуальных средств накопления и печатания информации (кассет, дискет, дисков, принтеров).

СМИ обладают различными возможностями и силой воздействия, которые зависят прежде всего от способа их восприятия реципиентами. Наиболее

массовое и сильное политическое влияние оказывают аудиовизуальные СМИ и прежде всего радио и телевидение.

Развитие средств политических коммуникаций

Потребности политической системы в средствах коммуникации прямо зависят от ее функций в обществе, численности агентов политики, способов принятия политических решений, размеров государства и некоторых других факторов. В традиционных государствах прошлого потребности в средствах коммуникации были ограничены. Роль таких средств выполняли главным образом гонцы, курьеры и посланники, передававшие в устной или письменной форме политическую информацию — королевские указы и распоряжения, письма наместников и т.п.

Многие небольшие по территории государства и города в качестве своего рода закодированного СМИ использовали колокола, оповещавшие граждан города и окрестностей об опасности, сборе народного собрания или других важнейших политических и религиозных событиях. Политические и гражданские потребности в коммуникации обслуживала почтовая связь, использовавшая для передачи информации лошадей, а затем и другой транспорт.

Изобретение и распространение в XIX—XX вв. телеграфной и телефонной связи, радио и телевидения не только удовлетворило обострившиеся коммуникационные потребности государств, но и произвело настоящую революцию в политике. СМИ сделали практически возможным осуществление многих демократических и тоталитарных идей, казавшихся ранее утопичными, значительно изменили способы легитимации и осуществления власти, структуру ее ресурсов. Как отмечает О. Тоффлер, высшее качество и наибольшую эффективность современной власти придают знания, позволяющие «достичь искомых целей, минимально расходуя ресурсы власти; убедить людей в их личной заинтересованности в этих целях; превратить противников в союзников».

В постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, отесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Непосредственными носителями и, особенно, распространителями знаний и другой политически важной информации являются СМИ. Какие же политические задачи они решают в современном обществе?

**Функции СМИ.
Информирование граждан**

Функции СМИ разнообразны. В любом современном обществе они в той или иной форме выполняют ряд общих политических функций. Пожалуй, важнейшей из них является информационная функция. Она состоит в

получении и распространении сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях. Добываемая и передаваемая масс-медиа информация включает не только беспристрастное, фотографическое освещение тех или иных фактов, но и их комментирование и оценку.

Конечно, далеко не все распространяемые СМИ сведения (например прогнозы погоды, развлекательные, спортивные и другие подобные сообщения) носят политический характер. К политической информации относятся те сведения, которые имеют общественную значимость и требуют внимания со стороны государственных органов или оказывают на них воздействие. На основе получаемой информации у граждан формируется мнение о деятельности правительства, парламента, партий и других политических институтов, об экономической, культурной и иной жизни общества. Особенно велика роль СМИ в формировании мнения людей по вопросам, не находящим непосредственного отражения в их повседневном опыте, например о других странах, о политических лидерах и т.п.

Образование и социализация

Информационная деятельность СМИ позволяет людям адекватно судить о политических событиях и процессах лишь в том случае, если она выполняет и **образовательную** функцию. Эта функция проявляется в сообщении гражданам знаний, позволяющих адекватно оценивать и упорядочивать сведения, получаемые из СМИ и других источников, правильно ориентироваться в сложном и противоречивом потоке информации.

Конечно, СМИ не могут обеспечить систематическое и глубокое усвоение политических знаний. Это задача специальных образовательных учреждений — школ, университетов и т.п. И все же масс-медиа, сопровождая человека в течение всей его жизни, в том числе и после завершения учебы, в значительной мере влияют на восприятие им политической и социальной информации. При этом под видом политического образования у людей могут формироваться и псевдорациональные структуры сознания, искажающие реальность при ее восприятии.

Образовательная роль СМИ тесно связана с их функцией социализации и по существу перерастает в нее. Однако, если политическое образование предполагает систематическое приобретение знаний и расширяет познавательные и оценочные возможности личности, то политическая социализация означает интер-нализацию, усвоение человеком политических норм, ценностей и образцов поведения. Она позволяет личности адаптироваться к социальной действительности.

В демократическом обществе важнейшая политико-социализационная задача СМИ — массовое внедрение основанных на уважении закона и прав человека ценностей, обучение граждан мирно разрешать конфликты, не ставя

под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства.

Критика и контроль

Информационная, образовательная и социализационная деятельность позволяют СМИ выполнять функцию **критики и контроля**. Эту функцию в политической системе осуществляют не только масс-медиа, но и оппозиция, а также специализированные институты прокурорского, судебного и иного контроля. Однако критика СМИ отличается широтой или даже неограниченностью своего объекта. Так, если критика со стороны оппозиции обычно концентрируется на правительстве и поддерживающих его партиях, то объектом внимания масс-медиа являются и президент, и правительство, и королевские особы, и суд, и различные направления государственной политики, и сами СМИ.

Их контрольная функция основывается на авторитете общественного мнения. Хотя СМИ, в отличие от государственных и хозяйственных органов контроля, не могут применять административные или экономические санкции к нарушителям, их контроль часто не менее эффективен и даже более строг, поскольку они дают не только юридическую, но и моральную оценку тем или иным событиям и лицам.

В демократическом обществе в осуществлении контрольной функции СМИ опираются как на общественное мнение, так и на закон. Они проводят собственные журналистские расследования, после публикации результатов которых порою создаются специальные парламентские комиссии, заводятся уголовные дела или принимаются важные политические решения. Контрольная функция СМИ особенно необходима при слабой оппозиции и несовершенстве специальных государственных институтов контроля.

Артикуляция и интеграция

СМИ не только критикуют недостатки в политике и обществе, но и выполняют конструктивную функцию **артикуляции различных общественных интересов, конституирования и интеграции политических субъектов**. Они обеспечивают представителям различных общественных групп возможность публично выражать свое мнение, находить и объединять единомышленников, сплачивать их общностью целей и убеждений, четко формулировать и представлять в общественном мнении свои интересы.

Артикуляция политических интересов осуществляется в обществе не только СМИ, но и другими институтами, и прежде всего партиями и группами интересов, обладающими не только информационными, но и другими ресурсами политического влияния. Однако без использования СМИ и они

обычно не в состоянии выявить и сплотить своих сторонников, мобилизовать их на единые действия.

В современном мире доступ к СМИ — необходимое условие формирования влиятельной оппозиции. Не имея такого доступа, оппозиционные силы обречены на изоляцию и неспособны получить массовую поддержку, особенно при политике их компрометации со стороны государственных радио и телевидения. СМИ — это своего рода корни, с помощью которых получает жизненные силы любая политическая организация.

Мобилизационная и другие функции СМИ

Все рассмотренные выше функции СМИ прямо или косвенно служат осуществлению ими **мобилизационной** функции. Она выражается в побуждении людей к определенным политическим действиям (или сознательному бездействию), в их вовлечении в политику. СМИ обладают большими возможностями влияния на разум и чувства людей, на их образ мыслей, способы и критерии оценок, стиль и конкретную мотивацию политического поведения.

Круг политических функций СМИ не исчерпывается вышеназванными. Некоторые ученые, подходя к этому вопросу с других позиций, выделяют такие их функции, как **инновационная**, проявляющаяся в инициировании политических изменений путем широкой и настойчивой постановки определенных общественных проблем и привлечения к ним внимания властей и общественности; **оперативная** — обслуживание СМИ политики определенных партий и ассоциаций; **формирование общественности и общественного мнения**.

СМИ и демократия

Наиболее полно различные политические функции СМИ проявляются в демократическом государстве. Масс-медиа являются неотъемлемой составной частью механизма функционирования демократии, а также ее ценностных оснований, демократического идеала.

Нормативная модель современной демократии строится на фундаменте представлений о человеке, как о рационально мыслящей и ответственно действующей личности, сознательно и компетентно участвующей в принятии политических решений. В демократическом государстве, основанном на принятии важнейших решений большинством голосов, обладать такими качествами должны не один человек или привилегированное меньшинство — элита, а массы, устойчивое большинство населения. Добиться же компетентных политических суждений большинства граждан невозможно без СМИ. Без радио, телевидения, газет и журналов даже хорошо образованный человек не сможет правильно ориентироваться в сложной мозаике противоречивых политических

процессов, принимать ответственные решения. СМИ позволяют ему выйти за узкие рамки непосредственного индивидуального опыта, делают обозримым весь мир политики. Свободное учреждение и деятельность СМИ является реальным про-явлением свободы слова, без которой все остальные политические права личности практически не реализуемы.

Хотя демократия невозможна без СМИ, их свобода не должна означать независимости, оторванности от общества и граждан, интересы и мнения которых они призваны выражать. В противном случае они превращаются в орудие политического влияния их владельцев и руководителей, а все остальные граждане лишаются реальных возможностей публичного самовыражения, свободы слова. В силу высокой стоимости СМИ и отсутствия у подавляющего большинства граждан возможности их создания на учредителях масс-медиа, а также их редакторах и журналистах лежит особая ответственность за общественные последствия своей деятельности.

Наличие развитых, демократически организованных СМИ, объективно освещающих политические события, — одна из важнейших гарантий стабильности демократического государства, эффективности управления обществом. И, наоборот, невыполнение СМИ своих функций в политической системе способно коренным образом исказить ее цели и ценности, нарушить ее эффективность и подорвать жизнеспособность, превратить демократию в иллюзию, форму скрытого, манипулятивного господства правящих слоев и классов.

§ 2. Основные каналы и особенности политического влияния СМИ

Рациональное и эмоциональное воздействие СМИ

Хотя масс-медиа призваны решать определенные задачи в политической системе и обществе, в реальной жизни они достаточно самостоятельны, имеют собственные, часто расходящиеся с потребностями общества цели деятельности и используют для их достижения различные методы. Политическое влияние СМИ осуществляют через воздействие на разум и чувства человека.

В демократических государствах явно преобладает рациональная модель массовых коммуникаций, рассчитанная на убеждение людей с помощью информирования и аргументации, построенной в соответствии с законами логики. Эта модель соответствует сложившемуся там типу менталитета и политической культуры людей. Она предлагает состязательность различных СМИ в борьбе за внимание и доверие аудитории. В этих государствах запрещено законом использование СМИ для разжигания расовой, национальной, классовой и религиозной ненависти и вражды, однако и в них различные политические силы для пропаганды своих идей и ценностей широко

применяют методы преимущественно эмоционального воздействия, что особенно ярко проявляется в периоды избирательных кампаний.

Живое слово и зрительный образ обладают большой силой эмоционального влияния на личность, которое нередко может затмить рациональные доводы и аргументы. Этим широко пользуются тоталитарные, авторитарные и особенно этнократические режимы, обильно насыщая свою политическую пропаганду эмоциональным содержанием, подавляющим разум человека. Здесь СМИ широко используют методы психологического внушения, основанные на страхе и вере, для разжигания фанатизма, недоверия или ненависти к политическим оппонентам, лицам других национальностей и всем неугодным.

Влияние СМИ на информационный процесс
--

Несмотря на важность эмоционального воздействия, все же главное влияние на политику СМИ осуществляют через информационный процесс. Основными этапами этого процесса являются **получение, отбор, препарирование, комментирование и распространение сведений**. От того, какую информацию, в какой форме и с какими комментариями получают субъекты политики, очень во многом зависят их последующие действия. «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть», — пишут авторы крупнейшего современного учебного пособия по политологии ФРГ.

Непосредственное обладание такой властью — прерогатива СМИ. Они не только отбирают сведения, поставляемые информационными агентствами, но и сами добывают и оформляют их, а также выступают их комментаторами и распространителями. Поток информации в современном мире настолько разнообразен и противоречив, что самостоятельно разобраться в нем не в состоянии ни отдельный человек, ни даже группа специалистов. Поэтому отбор наиболее важной информации и ее представление в доступной массовой аудитории в форме и комментирование — важная задача всей системы СМИ. Информированность граждан, в том числе политиков, прямо зависит от того, как, с какими целями и по каким критериям отбирается информация, насколько глубоко она отражает реальные факты после ее препарирования и редукции, осуществленных газетами, радио и телевидением, а также от способа и форм подачи информации.

Правила отбора материалов в СМИ
--

Одно из важнейших средств политического влияния СМИ — определение тем и направлений дискуссий, концентрирующих внимание

общественности и правительства. СМИ обычно сами определяют, что нужно и что не нужно выносить на суд общественности. Выбор политических тем и требований осуществляется не только в зависимости от пристрастий и интересов владельцев и руководителей СМИ, но и под влиянием специфических правил, складывающихся в условиях плюрализма информации в современном рыночном обществе. В нем главный критерий успеха СМИ и условие выживания большинства из них — внимание публики. Для того чтобы привлечь это внимание, масс-медиа, подчас даже не осознавая этого, при выборе тем публикаций и передач обычно руководствуются следующими общими принципами:

1. Приоритетность, важность (действительная и мнимая) и привлекательность темы для граждан. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения СМИ касаются таких, например, проблем, как угроза миру и безопасности граждан, терроризм, экологические и иные катастрофы и т.п.

2. Неординарность фактов. Это означает, что информация об экстремальных событиях — голоде, войнах, необычайно жестоких преступлениях и т.д. — доминирует над освещением явлений будничной, повседневной жизни. Этим объясняется, в частности, склонность СМИ к информации негативного характера и сенсациям.

3. Новизна фактов. Привлечь внимание населения в большей степени способны сообщения, еще не получившие широкой известности. Это могут быть новейшие данные о результатах развития экономики или численности безработных, о полете к другим планетам, о новых политических партиях и их лидерах и т.д.

4. Политический успех. Согласно этому принципу, в передачи и статьи попадают сообщения об успехах политических лидеров, партий или целых государств. Особое внимание уделяется победителям на выборах или в рейтинговых опросах. Культ звезд в политике, искусстве, спорте — типичное явление для СМИ в рыночном обществе.

5. Высокий общественный статус. Чем выше статус источника информации, тем значительнее считается интервью или телепередача, поскольку предполагается, что их популярность при прочих равных условиях прямо пропорциональна общественному положению людей, сообщающих сведения. В силу действия этого правила наиболее легкий доступ к СМИ имеют лица, занимающие высшие места в политической, военной, церковной или других иерархиях: президенты, военачальники, министры и т.д. Им посвящаются первые страницы газет и главные радио- и телепередачи.

Следование СМИ правилам, ориентированным лишь на количество аудитории и победу в конкурентной борьбе, обуславливает их склонность к поверхностному освещению политических событий в погоне за сенсациями и известностью. Взятые ими на вооружение принципы отбора материалов плохо совместимы с глубокими аналитическими сообщениями и часто препятствуют

созданию информационной картины мира, более или менее адекватной реальности.

**Способы
информации.**

**распространения
Особенности**

Создание такой картины мира во многом зависит также от способов распространения информации. СМИ пользуются двумя основными способами распространения информации — последовательным и фрагментарным. Первый способ чаще использует пресса, последовательно и разносторонне освещая в статьях и других публикациях ту или иную политическую проблему. Второй способ — фрагментарная подача информации — особенно распространен на телевидении. Он порождает для слушателей ряд трудностей в познании сути того или иного события или процесса.

Дробление информации, создавая видимость ее разносторонности и оперативности подачи, препятствует непрофессионалам (подавляющему большинству граждан) сформировать целостную картину политических явлений или событий. Оно дает коммуникаторам дополнительные возможности манипулировать аудиторией, акцентируя ее внимание на одних сторонах события и умалчивая или затемняя другие. Фрагментарность подачи информации в конечном счете дезориентирует слушателей и либо гасит их интерес к политике и вызывает политическую апатию, либо вынуждает полагаться на оценки комментаторов.

Фрагментарный способ подачи информации многие исследователи считают спецификой телевизионного жанра, следствием присущего ему свойства, называемого «давлением визуальности». Суть этого свойства состоит в том, что в силу своих аудиовизуальных возможностей телевидение ориентировано на передачу главным образом визуализируемой, т.е. имеющей зрительный образ, информации. Поскольку же научная и другая серьезная информация обычно плохо совместима с экранным изображением, то она оставляется для печатных коммуникационных средств и радио.

Такое «разделение труда» между СМИ было бы вполне допустимо и даже целесообразно для демократического общества, если бы сопровождалось соответствующим перераспределением времени аудитории в пользу журналов, газет и книг. Однако общей тенденцией современного мира является растущее влияние телевидения как наиболее привлекательного средства получения политической и иной информации и относительное ослабление воздействия на население печатной продукции и радиопередач. Так, например, в ФРГ граждане тратят в 5,3 раза больше времени на просмотр телепередач, чем на чтение газет. К тому же телевидение лидирует среди других СМИ по силе убеждающего воздействия и доверию граждан, поскольку люди обычно склонны больше верить увиденному, чем услышанному или прочитанному.

Присущее телевидению «давление визуальности» проявляется не только во фрагментарной подаче информации в соответствии с возможностями ее экранизации, но и в ритуализации и персонализации политических сведений. Телевидение обычно предпочитает передавать информацию, которая может быть заснята телекамерой, т.е. показывать конкретных лиц, предметы и т.п. Поэтому на экранах доминируют легкодоступные для телеобъектива дипломатические и иные ритуалы, официальные встречи, визиты, пресс-конференции и т.д. Абстрактные же положения, раскрывающие наиболее глубокие причины тех или иных политических явлений, не поддаются видеозаписи и, как правило, не попадают в передачи.

В результате такой подачи информации политика чрезмерно персонализируется, внимание зрителей концентрируется главным образом на политических лидерах, которые обычно даже не получают возможности подробно изложить свои взгляды и цели политики.

Фрагментация, ритуализация и персонализация информации уводят телевидение на путь показа внешней, поверхностной стороны политических явлений. Сущностные же взаимосвязи в этом случае не раскрываются. Без должного внимания остается и сам процесс политического волеобразования и принятия решений, составляющий стержень политики.

СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий, но и на их отношения к политике в целом. Как политическая пассивность населения в каком-либо вопросе, так и его массовая активность непосредственно связаны с позицией СМИ в этом вопросе.

Противоположность оценок роли СМИ в современном
--

Огромные возможности активного воздействия СМК на политическое сознание и поведение граждан свидетельствуют о важнейшей роли «четвертой власти» в современном обществе. Некоторые исследователи массовых коммуникаций говорят даже о грядущей эпохе «медиаократии» — власти СМИ, которые не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению.

Оценки растущего влияния СМИ на политику и общество прямо противоположны. Некоторые авторы, например О. Тоффлер, видят в нем ростки новой, более высокой и гуманной цивилизации, информационного общества, усматривают реальное движение к «гетерогенному, личностному, антибюрократическому, ищущему, мыслящему, творческому государству», способному разрешить наиболее острые сегодняшние конфликты.

Другие же мыслители, констатируя опустошающее и разрушающее воздействие на личность и культуру масс-медиа, и особенно телевидения, оценивают возрастающую роль информационной власти весьма пессимистично.

Так, знаменитый итальянский кинорежиссер Федерико Феллини считал, что «с помощью гипнотической внушающей силы зрелища, которое и днем и ночью без всякого перерыва приходит к людям в дом, телевидение разрушило не только кино, но также отношение индивида к действительности. Вся жизнь — природа, наши друзья, литература, женщины — все постепенно угасает под воздействием этого маленького экрана, который становится все большим и проникает повсюду. Он поглотил все: реальность, нас самих и наше отношение к действительности».

Опыт истории показывает, что СМИ способны служить различным политическим целям: как просвещать людей, развивать в них чувство собственного достоинства, стремление к свободе и социальной справедливости, способствовать и помогать компетентному участию в политике, обогащать личность, так и духовно поработать, дезинформировать и запугивать, разжигать массовую ненависть, сеять недоверие и страх.

§ 3. Политическое манипулирование и пути его ограничения

Что такое манипулирование

Наибольшую опасность для граждан и демократического государственного устройства представляет использование СМ И для **политического манипулирования** — **скрытого управления политическим сознанием и поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам.** Манипулирование основано на лжи и обмане. Причем это — не «ложь во спасение», а корыстные действия. Без должной борьбы с манипулированием оно может стать главной функцией СМИ и свести на нет официально провозглашаемые государством демократические принципы.

Требую большей гибкости в политике, манипулирование как способ социального управления имеет для его субъектов ряд преимуществ по сравнению с силовыми и экономическими методами господства. Оно осуществляется незаметно для управляемых, не влечет за собой прямых жертв и крови и не требует больших материальных затрат, которые необходимы для подкупа или успокоения многочисленных политических противников.

Социальные мифы как основа манипулирования

В современном мире теория и практика политического манипулирования получили достаточно глубокую научную разработку и практическое применение. Общая технология глобального, общегосударственного манипулирования обычно основывается на систематическом внедрении в массовое сознание социально-политических мифов — иллюзорных идей, утверждающих определенные ценности и нормы и

воспринимаемых преимущественно на веру, без рационального, критического осмысления.

Мифы составляют фундамент всей иллюзорной картины мира, создаваемой манипуляторами. Так, несущими конструкциями коммунистической системы манипулирования выступали мифы о частной собственности как о главном источнике социального зла, о неизбежности краха капитализма и торжества коммунизма, о руководящей роли рабочего класса и его коммунистической партии, о единственно верном социальном учении — марксизме-ленинизме.

В США, по мнению американского профессора-либерала Герберта Шиллера, главными идеями, утверждающими господство правящей элиты, выступают пять социальных мифов: об индивидуальной свободе и личном выборе граждан; о нейтралитете важнейших политических институтов: конгресса, суда и президентской власти, а также СМИ; о неизменной эгоистической природе человека, его агрессивности, склонности к накопительству и потребительству; об отсутствии в обществе социальных конфликтов, эксплуатации и угнетения; о плюрализме СМИ, которые в действительности, несмотря на их обилие, контролируются крупными рекламодателями и правительством и представляют собой единую индустрию иллюзорного сознания.

Способы манипулирования

Для укоренения социальных мифов технология манипулирования предполагает использование богатейшего арсенала конкретных методов воздействия на сознание людей. К ним относятся не только прямая подтасовка фактов, замалчивание неудобной информации, распространение лжи и клеветы, но и более тонкие, рафинированные способы: **полуправда** (когда, чтобы обеспечить доверие аудитории, объективно и подробно освещаются конкретные, малозначительные детали и умалчиваются более важные факты или же дается общая ложная интерпретация событий), **наклеивание ярлыков** (когда для отторжения слушателями и компрометации лиц или идей им без доказательств дается неблагоприятное определение, например «империалист», «фашист», «красно-коричневый», «шовинизм» и т.п.) и др.

Существует множество приемов лингвистического, языкового манипулирования, предполагающих использование для обозначения одних и тех же явлений эвфемизмов, а также слов, имеющих иной оценочный оттенок. Так, например, человека, ведущего вооруженную борьбу за создание самостоятельного национального государства, различные СМИ в зависимости от политических пристрастий, называют борцом за свободу, сепаратистом, террористом, партизаном, боевиком.

Для каждого информационного жанра, наряду с общими приемами манипулирования, существуют и специальные. Телевидение, например, для

формирования у зрителей отталкивающего чувства по отношению к неугодным политикам использует непривлекательные ракурсы их показа или соответствующим образом монтирует заснятые кадры. Для скрытого внушения массам определенных политических идей оно нередко организует шумные развлекательные шоу и т.д.

Современные манипуляторы умело используют закономерности массовой психологии. Так, один из широко распространенных и внешне безобидных манипуляционных приемов, называемый «спираль умолчания», состоит в том, чтобы с помощью ссылок на сфабрикованные опросы общественного мнения или другие факты убедить граждан в поддержке большинством общества удобной манипуляторам политической позиции, в ее победе. Это заставляет людей, придерживающихся иных взглядов, из опасения оказаться в социально-психологической изоляции или каких-то санкций умалчивать о своем мнении или изменять его. На фоне умолчания о позиции оппонентов голос настоящего или мнимого большинства становится еще громче, и это еще сильнее вынуждает несогласных или колеблющихся к принятию «общепринятого» мнения или к глубокому утаиванию своих убеждений. В результате «спираль умолчания» закручивается еще круче, обеспечивая победу манипуляторам.

Манипулирование широко используется не только в тоталитарных и авторитарных государствах, где часто является доминирующим методом деятельности СМИ, но и в современных западных демократиях, особенно в партийной пропаганде и во время избирательных кампаний. Сегодня ни одна президентская или парламентская избирательная кампания в странах Запада и многих других государствах не обходится без использования приемов манипулирования и рекламы, которые, тесно переплетаясь между собой, создают у зрителей весьма далекие от реальности представления об определенном политике.

Как показывают эмпирические исследования, «средний» избиратель обычно судит о кандидате в президенты или парламент по тому имиджу (образу), который создает ему телевидение и другие масс-медиа. В странах Запада, а в последние годы и в России, успешно развивается целое направление рекламного бизнеса — имидж-мейкинг, т.е. создание привлекательных для избирателей образов политических деятелей. Нанимаемые за большие деньги профессионалы имидж-мейкеры и организаторы избирательных кампаний диктуют претендентам не только форму одежды и манеры поведения, но и содержание выступлений, которые изобилуют множеством заманчивых обещаний, обычно забываемых сразу после победы на выборах.

За искусно изготовленной СМИ блестящей рекламной упаковкой избирателю трудно бывает различить истинные деловые и нравственные качества кандидатов, определить их политические позиции. Такого рода рекламно-манипулятивная деятельность превращает выбор граждан из

свободного сознательного решения в формальный акт, заранее запрограммированный специалистами по формированию массового сознания.

Пределы манипулирования

Возможности манипулятивного использования СМИ велики, но не безграничны. Пределы манипулирования общественным мнением определяются прежде всего уже сложившимся массовым сознанием, стереотипами и взглядами людей. Для того чтобы быть эффективным, манипулирование должно опираться на менталитет и бытующие представления населения. Хотя под воздействием пропаганды эти представления постепенно могут измениться.

Существенными препятствиями для манипулирования является собственный опыт людей, а также не контролируемые властью системы коммуникаций: семья, родственники, знакомые и друзья, интеракционные группы, складывающиеся в процессе производственной и иной деятельности и т.д. Однако политическое манипулирование, особенно при монополии его инициаторов на СМИ, экономическую и политическую власть, способно обходить эти барьеры, поскольку верификационные возможности индивидуального и группового опыта применительно к политике ограничены и допускают различные интерпретации.

Так, например, провал экономической политики правительства можно объяснять по-разному: его некомпетентностью или коррумпированностью, тяжелым наследием прошлого режима, неизбежностью трудностей в период реформирования, происками оппозиции или враждебных государств и т.п. Наиболее слабы у населения защитные механизмы против манипулирования в области новой проблематики, по отношению к которой у него еще не сложилось мнение.

Общественная организация СМИ

Негативные последствия деятельности СМИ могут быть надежно и эффективно ограничены их общественной организацией.

Важнейшим принципом демократической организации масс-медиа являются **плюрализм властей в обществе и плюрализм самих СМИ**. Плюрализм властей означает разделение в обществе экономической социальной, собственно политической (принудительной) и духовно-информационной властей. Подпадание главных СМИ под контроль экономически и (или) политически господствующих групп означает конец демократии или, по меньшей мере, ее существенную деформацию.

Независимость масс-медиа могут обеспечить соответствующие формы их общественной организации. Существуют три главных формы современной организации СМИ: частная (коммерческая), государственная и общественно-правовая. При коммерческой организации, господствующей,

например, в США, СМИ находятся в частном владении и финансируются исключительно за счет доходов от рекламы и частных пожертвований. Для них характерна жесткая конкуренция за рекламные доходы и аудиторию. Важнейший недостаток коммерческой организации масс-медиа — их прямая зависимость от рекламодателей и владельцев, а также частое забвение общественных интересов и этических норм в погоне за успехом.

В условиях **государственной** организации СМИ принадлежат государству и прямо финансируются и контролируются им. Преимуществом этой формы организации, преобладающей, например, во Франции, является независимость СМИ от крупного капитала, подконтрольность парламенту и правительству. Однако государственное финансирование СМИ может снижать их конкурентоспособность и использоваться для их подчинения власти имущим и бюрократии. К тому же, это тяжелое бремя для государственного бюджета.

Общественно-правовая организация СМИ стремится освободить их от государственной и частной зависимости. По этой модели они финансируются главным образом за счет специального налога, выплачиваемого гражданами, имеют права юридического лица и самоуправления, хотя в целом контролируются общественными советами, состоящими из представителей важнейших общественных групп и организаций. Эта модель организации радио и телевидения преобладает в ФРГ, хотя здесь существует и частное теле- и радиовещание. Пресса же полностью находится в частном владении.

Ни один из трех рассмотренных выше способов общественной организации СМИ не является универсальным, лишенным недостатков. По всей вероятности, наилучшим образом гарантировать независимость СМИ от узковедомственных влияний и срастания с экономической или государственной властью можно лишь на основе сочетания всех трех форм, с учетом особенностей конкретной страны.

Плюрализм СМИ

Эффективному выполнению масс-медиа своих функций в обществе способствует их разнообразие и соревновательность в завоевании внимания и доверия аудитории. Плюрализм СМИ может обеспечиваться как их многообразием, наличием в обществе многих информационных агентств, газет, радио- и телестанций, так и с помощью редакционной независимости теле- и радиопрограмм. Кроме того, этому служит осуществляемое во многих странах предоставление времени вещания всем политическим силам, пропорционально количеству голосов, полученных ими на выборах.

В современном мире под воздействием жесткой конкуренции наметилась тревожная для демократии тенденция концентрации СМИ. Она проявляется в резком сокращении численности местных газет, в образовании мощных национальных и транснациональных корпораций, контролирующих обширные информационные пространства, в усиливающейся зависимости мелких теле- и

радиостанций от информационных гигантов. Чтобы не допустить монополизации СМИ, многие государства принимают специальные законы, ограничивающие возможности поглощения мелких масс-медиа крупными корпорациями.

Контроль за СМИ

СМИ управляются и контролируются определенными лицами или же специальными органами. В коммерческих СМИ функции такого контроля выполняют прежде всего их собственники, в государственных — государственные службы, в общественно-правовых — общественность, политические организации и объединения. При этом во всех случаях предполагается, что СМИ действуют в рамках закона.

В большинстве стран мира существуют специальные органы общего контроля за СМИ, следящие за соблюдением ими этических и правовых норм. Так, во Франции такой инстанцией является Высший совет по аудиовизуальной коммуникации. Он не только контролирует государственные и частные теле- и радиостанции, но и выдает им государственные лицензии на право выхода в эфир. В Великобритании общие направления деятельности радио и телевидения определяют правительство и парламент. За соблюдением прессой этических норм следит специальная комиссия по самоконтролю.

Демократический контроль со стороны общества за масс-медиа, конечно, не имеет ничего общего с предварительной цензурой, существующей в тоталитарных и авторитарных государствах, и не является нарушением свободы слова и выражения мнений. Информационная, политическая и любая другая свобода одних людей требует ограничений в тех случаях, когда она нарушает свободу и права других граждан и целых государств.

В современном мире с развитием спутникового телевидения и некоторых других СМИ, обладающих почти безграничным радиусом действия, расширились возможности культурно-информационной экспансии мощных информационных корпораций ведущих стран Запада. Располагая новейшей техникой и технологией, богатым опытом радио- и телевидения и опираясь на свою экономическую мощь, они непосредственно подчиняют или вовсе вытесняют национальное радио, телевидение и кинематограф и навязывают более слабым странам свои культурные и потребительские стандарты. Как неоднократно отмечалось на конференциях ЮНЕСКО, под предлогом свободы распространения информации транснациональные информационные корпорации формируют неадекватные социально-экономическим реальностям этих стран потребности и ценностные ориентации, культивируют роскошь и «потребительство в мире бедности» и тем самым дестабилизируют политическую ситуацию, разрушают культурную самобытность народов. Такая свобода информации нуждается в ограничениях. **Информационная власть,**

подобно власти политической и экономической, нуждается в контроле со стороны общества.

Педагогика СМИ

Помимо специальных органов государственного или общественного контроля использовать СМИ в интересах граждан и предотвратить негативные последствия их деятельности помогает коммуникационное воспитание населения и, особенно, молодого поколения. Теоретической основой такого воспитания является специальная наука и учебная дисциплина — педагогика СМИ. Ее главная цель — научить граждан критически относиться к масс-медиа, компетентно и ответственно их использовать. Изучение этой дисциплины призвано ознакомить граждан с центральной ролью СМИ в демократическом государстве и в современной политике в целом, с их позитивным и негативным воздействием на реципиентов, сформировать способность ориентироваться в сложном потоке информации и выработать иммунитет к манипулированию и низкопробной, оглуляющей человека печатной, видео- и иной продукции.

Политико-коммуникационное воспитание молодого поколения получает все большее распространение в западных демократиях. Очевидно, что оно еще более необходимо России и другим посткоммунистическим странам, в которых грамотность населения в области массовых коммуникаций низка, а возможности их использования в манипулятивных целях высоки. Лишь комплексно решая различные проблемы в области массовых коммуникаций на основе учета мирового опыта и собственных общественных реальностей, эти страны смогут создать эффективную и жизнеспособную демократию.

Особенно велика роль СМИ в переходные периоды общественного развития, поскольку без их активной деятельности невозможно изменить политическое сознание, ценностные ориентации и цели широких слоев населения и добиться массовой поддержки политики социальных преобразований.

Раздел VII

ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ

Глава 20

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1. Сущность и значение конфликтов в политике

Место и роль конфликтов в политике

Идея внутренней противоречивости, конфликтности политики утвердилась в науке с XIX в. А. Токвиль, К. Маркс, Г. Зиммель, а впоследствии К. Боулдинг, Л. Козер, А. Бентли и

другие теоретики рассматривали конфликт как ведущий источник политики, лежащий в основе происходящих в ней изменений и определяющий тем самым границы и характер существования данной сферы общественной жизни.

Правда, в политической науке существует и противоположная точка зрения. Э. Дюркгейм, М. Бебер, Д. Дьюи и ряд других ученых исходят из вторичности конфликта для понимания сущности политики и его подчиненности базовым общественным ценностям, объединяющим население и интегрирующим социум и политическую систему. С их точки зрения, единство идеалов и социокультурных ценностей позволяет разрешать существующие конфликты и обеспечивать стабильность режима правления. В связи с этим многие конфликты рассматривались ими как аномалии политического процесса, а политика, в свою очередь, наделялась целями поддержания «социальной солидарности» (Э. Дюркгейм) или оказания «педагогического воздействия» на общество (Д. Дьюи) для воспрепятствования конфликтам.

Очевидно, что представления подобного рода, уверенность в способности человека воспрепятствовать противоречиям и кризисам политического развития могут быть соотнесены только с реальностью отдельных государств, обладающих прочными традициями длительного существования власти на основе единых для общества политических идеалов. Впрочем, и здесь эти представления вряд ли отражают достоверную картину. Ибо политические ценности по-разному усваиваются различными поколениями, не всегда органично вписываются в реальную политическую динамику и потому неизбежно сопровождаются конфликтами, ряд из которых ставит под сомнение универсальность привычных для общества политических идеалов. Более того, даже институты власти, сформированные на базе единых ценностей, не всегда их отстаивают и укрепляют. Как справедливо отмечал С. Липсет, политические институты демократии могут быть использованы не только как орудия достижения консенсуса, но и как средства нагнетания напряженности и нарастания конфликтов.

В действительности реальное политическое сообщество людей всегда формируется через их взаимодействие, предполагая как сотрудничество, так и соревновательность. В целом политический конфликт и представляет собой не что иное, как **разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия двух и более сторон (групп, государств, индивидов), оспаривающих друг у друга распределение властных полномочий или ресурсов.** Конфликт — один из возможных вариантов взаимодействия политических субъектов. Однако из-за неоднородности общества, непрерывно порождающего неудовлетворенность людей своим положением, различия во взглядах и иные формы несовпадения позиций, чаще всего именно конфликт лежит в основе поведения групп и индивидов, трансформации властных структур, развития политических процессов.

Важно также и то, что конфликты, означая соперничество тех или иных субъектов (институтов) с одними силами, как правило, выражают их сотрудничество с другими, стимулируя формирование политических коалиций, союзов, соглашений. Тем самым политические конфликты предполагают четкое формулирование позиций участвующих в политической игре сил, что благоприятно воздействует на рационализацию и структуризацию всего политического процесса.

Конфликты, сигнализируя обществу и властям о существующих разногласиях, противоречиях, несовпадении позиций граждан, стимулируют действия, способные поставить ситуацию под контроль, преодолеть возникшие возбуждения в политическом процессе. Поэтому дестабилизация власти и дезинтеграция общества возникают не потому, что возникают конфликты, а из-за неумения урегулировать политические противоречия, а то и просто элементарного игнорирования этих коллизий. Как справедливо считает немецкий ученый Р. Дарендорф, человеческая свобода и свобода политического выбора в частности «существует лишь в мире регулируемого конфликта». Поэтому только непрерывное выявление и урегулирование конфликтов может считаться условием стабильного и поступательного развития общества. (Конфликтологи подметили: если энергия людей распылена на решение множества властно значимых задач, а не концентрируется на каком-либо одном конфликте, такие социальные и политические системы, как правило, сохраняют больше возможностей поддерживать стабильность своего развития. Л. Козер полагал: неоднородные внутренние конфликты, налагаясь друг на друга, способны предотвратить глобальный раскол общества, чреватый для последнего полной утратой жизнестойкости.)

Таким образом, можно утверждать, что только отдельные разновидности политических конфликтов носят действительно разрушительный для общества характер. В основном же (и прежде всего в странах с гибкой, развитой системой социального представительства) выявление и урегулирование конфликтов дает возможность эффективно поддерживать целостность политической системы, сохранять приоритет центростремительных тенденций над центробежными.

Как подчеркивал Р. Дарендорф, позитивная роль конфликтов особенно заметна в современную эпоху, поскольку непримиримые конфликты (в частности раннеклассовые противоречия между буржуазией и пролетариатом, о которых писал К. Маркс) относятся к политическому контексту XIX в. Нынешнее же столетие не только исчерпало условия, в которых собственность превратилась бы в предмет непримиримых противоречий между людьми, но и вооружило последних могучими средствами обуздания агрессивных политических сил. И подлинными знаменами нашего времени становятся гуманизация, постепенный переход приоритетов от групповых к индивидуальным ценностям, увеличивающие предпосылки для согласования и примирения позиций конфликтующих сторон.

Источники политических конфликтов
--

Источники политических конфликтов ученые, как правило, видят в действии либо внесоциальных, либо социальных факторов. Чаще всего к внесоциальным факторам относятся многочисленные — в духе К. Лоренца — интерпретации различных видов политической напряженности, базирующиеся на признании сходства внутривидовой враждебности животных и агрессивности человека. Однако данные современной науки не подтвердили, что люди обладают повышенной склонностью именно к конфликтам, а не к, положим, альтруизму или солидарности с себе подобными.

Более достоверно объясняет природу политических конфликтов признание ведущей роли **социальных** факторов. Среди данного рода детерминант, как правило, выделяют три основные причины, лежащие в основе политической конфронтации. Прежде всего — это разнообразные формы и аспекты общественных отношений, определяющие несоответствие статусов субъектов политики, их ролевых назначений и функций, интересов и потребностей во власти, недостаток ресурсов и т.д. Эти, условно говоря, объективные источники политических конфликтов чаще всего детерминируют противоречия между правящей и контрэлитой, различными группами давления, представляющими интересы определенных сил и ведущими борьбу за части государственного бюджета, а равно и между всеми иными политическими субъектами системы власти. Внешнюю напряженность такого рода конфликтов, как правило, удается погасить достаточно легко. Однако искоренить источники конфликтной диспозиции сторон, различным образом включенных в политическую игру, можно только путем преобразований, либо меняющих саму организацию власти в обществе, либо реформирующих социально-экономические основания политической деятельности конкурирующих субъектов.

Ко второму основному источнику политических конфликтов относятся расхождения людей (их групп и объединений) в базовых ценностях и политических идеалах, в оценках исторических и актуальных событий, а также в других субъективно значимых представлениях о политических явлениях. Такие конфликты наиболее часто возникают в тех странах, где сталкиваются качественно различные мнения о путях реформирования государственности, закладываются основы нового политического устройства общества, ищутся пути выхода из социального кризиса. В разрешении таких конфликтов найти компромисс порой весьма трудно. Если же, как, к примеру, в современной России, идейные расхождения касаются основополагающих ценностей и приоритетов политического развития, достижения согласия между конфликтующими сторонами (например приверженцами коммунистических и либерально-демократических идей) приходится добиваться в течение весьма и весьма длительного времени.

В последние годы ряд западных теоретиков (Дж. Бергон, К. Ледерер, Дж. Дэвис и др.) выдвинули еще одну версию, объясняющую природу политических конфликтов — т.н. теорию человеческих потребностей. Эта концепция утверждает, что конфликты возникают в результате ущемления или неадекватного удовлетворения потребностей, составляющих самое человеческую личность. Сторонники этой позиции относят к базовым источникам конфликтов разные ценности: О. Надлер — идентичность, экономический рост, трансценденцию (внутреннее самораскрытие); Р. Инглхарт — безопасность, общественное признание, нравственное совершенствование и проч. Удовлетворение такого рода стремлений не может быть предметом купли-продажи, торга с властью, которая должна лишь видоизменять и совершенствовать политические структуры в целях наиболее полного и адекватного удовлетворения этих универсальных человеческих потребностей.

И, наконец, третьим источником политических конфликтов в политической науке рассматриваются процессы идентификации граждан, осознания ими своей принадлежности к социальным, этническим, религиозным и прочим общностям и объединениям, что определяет понимание ими своего места в социальной и политической системе. Такого рода конфликты характерны прежде всего для нестабильных обществ, где людям приходится осознавать себя гражданами нового государства, привыкать к нетрадиционным для себя нормам взаимоотношений с властью (как это, к примеру, происходит в современной России после распада Советского Союза). Такого же характера противоречия возникают и в тех странах, где напряженность в отношениях с правящими структурами вызывает защиту людьми культурной целостности своей национальной, религиозной и т.п. группы, стремление повысить ее властный статус (например католиками Северной Ирландии, франкоязычным населением Канады и т.п.).

Типология политических конфликтов

Характер изменений политических процессов, темпы и направленность эволюции системы правления самым непосредственным образом зависят от типа доминирующих политических конфликтов. В самом общем виде в политической науке принято классифицировать конфликты по следующим основаниям:

— с точки зрения зон и областей их проявления. Здесь прежде всего выделяются внешне- и внутривнутриполитические конфликты, которые, в свою очередь, подразделяются на целый спектр разнообразных кризисов и противоречий. Так, среди международных конфликтов могут выделяться кризисы типа «балансирования на грани войны» (Д. Даллес), отражающие выдвижение одним государством требований и притязаний к другому в надежде, что противник скорее уступит, чем будет бороться; «оправдания враждебности» (Р. Лебоу), характеризующие провокационную деятельность

государства против потенциального противника с тем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию для выдвижения ему неприемлемых требований (так, к примеру, действовал Гитлер, инсценировав нападение на радиостанцию в Гляйвице для оправдания развязывания войны против Польши) и т.д. Внутриполитические конфликты также подразделяются на кризисы и противоречия, раскрывающие взаимодействие между различными субъектами власти (правлящей и оппозиционной элитами, конкурирующими партиями и группами интересов, центральной и местной властью и т.д.), отражающие характер политических процессов, по которым разгорается спор групп и индивидов (в сфере государственного управления или массового участия граждан в политике) и т.д.;

— по степени и характеру их нормативной регуляции. В данном случае можно говорить о (целиком или частично) институализированных и неинституализированных конфликтах (Л. Козер), характеризующих способность или неспособность людей (институтов) подчиняться действующим правилам политической игры;

— по их качественным характеристикам, отражающим различную степень вовлеченности людей в разрешение спора, интенсивность кризисов и противоречий, их значение для динамики политических процессов и проч. Среди конфликтов данного типа можно выделить «глубоко» и «неглубоко укорененные» (в сознании людей) конфликты (Дж. Бертон); конфликты «с нулевой суммой» (где позиции сторон противоположны, и потому победа одной из них оборачивается поражением другой) и «не с нулевой суммой» (в которых существует хотя бы один способ нахождения взаимного согласия — П. Шаран); антагонистические и неантагонистические конфликты (К. Маркс), разрешение которых связывается с уничтожением одной из противоборствующих сторон или — соответственно — сохранением противоборствующих субъектов и т.д.;

— с точки зрения публичности конкуренции сторон. Здесь имеет смысл говорить об открытых (выраженных в явных, внешне фиксируемых формах взаимодействия конфликтующих субъектов) и закрытых (латентных) конфликтах, где доминируют теневые способы оспаривания субъектами своих властных полномочий. Если первый тип подобных конфликтов хорошо различим в разнообразных формах массового участия граждан в политической жизни (например в виде манифестаций, забастовок, участия в выборах и т.д.), то второй более характерен для скрытых от глаз обывателя процессов принятия решений (в частности взаимодействий внутри правящей элиты, отношений между различными ветвями власти);

— по временным (темпоральным) характеристикам конкурентного взаимодействия сторон — долговременные и кратковременные конфликты. Так, возникновение и разрешение отдельных конфликтов в политической жизни может завершиться в течение предельно короткого времени (например отставка министра в связи с публикацией сведений о его предосудительных действиях),

но может быть соотнесено с жизнью целых поколений (противоборство диссидентов с коммунистическими режимами в странах Восточной Европы и бывшем СССР, военно-политические конфликты между Израилем и рядом арабских государств и т.д.);

— в соотнесении со строением и организацией режима правления. В данном случае, как правило, выделяют конфликты вертикальные (характеризующие взаимоотношения субъектов, принадлежащих к различным уровням власти: между центральными и местными элитами, органами федерального и местного самоуправления и т.д.) и горизонтальные (раскрывающие связи однопорядковых субъектов и носителей власти: внутри правящей элиты, между неправящими партиями, членами одной политической ассоциации и т.д.).

Каждый тип конфликта, обладая теми или иными свойствами и характеристиками, способен играть разнообразные роли в конкретных политических процессах, стимулируя отношения соревновательности и сотрудничества, противодействия и согласования, примирения и непримиримости.

§ 2. Управление политическими конфликтами

Общее и особенное в технологиях урегулирования конфликтов

В современной политической науке первостепенное внимание уделяется поиску форм и способов контроля за протеканием конфликтов, выработке эффективных технологий управления ими. К контролю за конфликтом стремятся даже те силы, которые заинтересованы не в урегулировании, а в перманентном его обострении, консервации, что, по их расчетам, могло бы породить ситуацию, которую можно использовать более эффективно, чем противники. В этом случае оппозиционные силы могут постоянно оспаривать предлагаемые властями правила игры, ставя их перед необходимостью ужесточать свои требования, что дает повод обвинить их в недемократизме. В свою очередь и правящие элиты нередко выдвигают неприемлемые условия для сотрудничества с оппозицией, надеясь на истощение ее сил или на компрометацию в глазах общественного мнения (как не стремящейся к общественному согласию).

Однако в большинстве случаев политические силы стремятся к контролю за конфликтами именно с целью их урегулирования. При этом в качестве субъекта управления конфликтом могут выступать как одна из его сторон, так и, условно говоря, третья сила, не участвующая в нем, но заинтересованная в его урегулировании (например ООН в разрешении арабо-израильского конфликта). Особым значением для политической жизни обладают те случаи, когда стремление управлять развитием конфликта исходит со стороны правящих структур, центральных властей государства.

Но кто бы ни выступал субъектом управления конфликтом, поиск технологий регулирования конкурентных взаимоотношений неизбежно опирается на решение ряда универсальных задач:

— воспрепятствовать возникновению конфликта либо его разрастанию и переходу в такую фазу и такое состояние, которые значительно увеличивают социальную цену за его урегулирование;

— вывести все теневые, латентные, неявные конфликты в открытую форму с тем, чтобы уменьшить неконтролируемые процессы и следствия данного взаимодействия, избежать внезапных, обвальных потрясений, на которые невозможно будет правильно и оперативно отреагировать;

— минимизировать степень социального возбуждения, вызываемого течением политического конфликта в смежных областях политической (общественной) жизни, чтобы не сдетонировать более широкие, дополнительные потрясения, на регулирование которых будет необходимо тратить дополнительные ресурсы и энергию.

Эти универсальные цели, лежащие в основании стратегии управления конфликтами, неизбежно конкретизируются в соответствии с основной установкой — либо на **урегулирование**, либо на **разрешение** спорных ситуаций. Урегулирование, в частности, предполагает снятие остроты противоборства сторон, а также стремление субъекта управления избежать наиболее негативных последствий конфликта (для себя, государства, общества в целом). Оно может быть полным или частичным. Однако в любом случае достигаемый между сторонами компромисс не может устранить причин конфликта, сохраняя тем самым определенную вероятность нового обострения уже урегулированных отношений. Разрешение же конфликта предполагает исчерпание самого предмета спора или такое изменение ситуации и обстоятельств, которое породило бы бесконфликтные отношения сторон, отношения партнерства, исключило опасность рецидива разногласий.

Для управления конфликтами политический субъект должен учитывать наиболее принципиальные внешние и внутренние факторы их формирования и протекания. К характеристикам, влияющим на формы и методы деятельности субъекта управления, можно отнести: степень открытости политической системы (отражающей, к примеру, наличие или отсутствие в ней «предохранительных клапанов», способных защитить правящие структуры от наиболее агрессивных форм политического протеста); уровень сплоченности конфликтующих групп и интенсивность внутренних взаимоотношений их членов; характер вовлеченности широких социальных слоев в спорные взаимоотношения; эмоциональную насыщенность политического поведения групп и граждан и их способность к самоограничению своих властных притязаний и т.д.

Для выработки технологий контроля за конфликтом особенно важен учет субъектом управления не общих (условно говоря — макрополитических)

факторов его протекания, а специфики целей, выбираемых в соответствии с особенностями **этапа** его формирования и развития. Как правило, в науке выделяются этапы возникновения, развития и окончания политических конфликтов. В то же время особенности поведения субъекта управления конфликтом могут как определяться постановкой комплексных задач, учитывающих специфику каждого этапа в целом, так и зависеть от более узких, специализированных целей, которые он ставит перед собой на каждом этапе в отдельности. Поэтому в науке могут разрабатываться технологические модели поведения лидеров, правительств, государств и прочих субъектов управления конфликтами не только применительно ко всем (или отдельным) этапам их протекания (например «трехпериодная модель» М. Брегера деятельности правительств в условиях международного кризиса), но также и касающиеся отдельных сторон или аспектов их деятельности внутри каждого из этапов (в частности тактика переговорного процесса).

Этап возникновения конфликта

Конфликтные отношения зарождаются, когда складывается атмосфера напряженности между оппозиционными сторонами, выражающая наличие определенного предмета спора и конкуренции, несовпадения позиций политических субъектов. На этом этапе пружина конфликтного взаимодействия еще сжата и контуры будущего развития противоречия могут только угадываться.

Таким образом, главной задачей субъекта, стремящегося контролировать течение этого конфликта, является раскрытие его подлинных причин, а следовательно, и истинных целей, преследуемых его участниками. Сложность такого анализа в значительной степени усугубляется частым стремлением сторон скрыть, замаскировать настоящие причины противоречия со своим оппонентом (нередко это вызывается желанием использовать не вполне законные методы для реализации своих интересов или же опасением, что обнародование причин спора вызовет негативную реакцию общественности).

Отыскивая подлинные причины конфликтных отношений, субъект управления должен уметь отличать их от повода, толчка к началу событий (например недовольство социально-экономическим курсом властей со стороны оппозиции и начало проведения ею акций протеста в ответ на конкретные действия правительства, воспринятые как угроза своему существованию). Правильный анализ позволит не только выявить источник политического напряжения, но и предотвратить возможный «отрыв» конфликта от своих первоначальных причин и переключение активности сторон на новые политические цели, консервирующие прежние поводы для конкуренции и, тем самым, переводящие противостояние в закрытую форму существования, чреватую внезапными социальными потрясениями. Так, например, длительное нежелание властей видеть в ряде районов СССР национальную подоплеку некоторых экономических, культурных и прочих противоречий в значительной

степени спровоцировало там серьезнейший кризис межнациональных отношений и лишило государственные органы многих средств и возможностей эффективно влиять на развитие событий.

Таким образом, чем строже определен предмет спора, тем у субъекта управления больше шансов локализовать его развитие, направить конкуренцию сторон в выгодное для себя русло. Если же в качестве субъекта управления конфликтом выступают правящие структуры, то поиск ими причин напряженности и выработка технологии ее урегулирования должны неизбежно дополняться определением своей ответственности за возможное развитие событий. В этом смысле, как подчеркивал французский конфликтолог Ж. Фаве, власти могут выбрать одну из трех моделей поведения: игнорировать возникновение конфликта, давая ему возможность тлеть, самовозбуждаться и перемещаться в другие сферы властных отношений; избегать четкой публичной оценки его природы, стараясь таким образом «понравиться» разнообразным слоям населения, высказывающим различные точки зрения относительно данной проблемы (попытки взять под контроль развитие ситуации будут в таком случае весьма робкими и непоследовательными); активно участвовать в урегулировании или разрешении конфликта.

В последнем случае стремление управлять развитием конфликта должно опираться на точный анализ сложившейся в целом «социально-политической конфигурации» в обществе, предусматривающий оценку установившегося соотношения сил, накала противостояния сторон, прогнозирование их возможных действий. Властям необходимо проработать различные сценарии развития конфликта и своих собственных действий, определить возможные ответные ходы на акции противников, очертить проблематику потенциальных переговоров и круг явно неприемлемых действий в любых ситуациях.

От первоначальных оценок ситуации будет непосредственно зависеть, станут ли власти стремиться сохранить паритет конфликтующих сторон или поддержат одну из них, будут способствовать уменьшению или повышению напряженности отношений и т.д. Однако при любом варианте власти обязаны установить определенные нормы и правила взаимодействия конфликтующих сторон, что должно способствовать институционализации конфликта с самого начала, введению его в рамки, позволяющие контролировать его ход и развитие. Институционализация конфликта не только увеличивает защищенность общества и безопасность государства в этой ситуации, но нередко переводит состязательность сторон в такие формы, которые создают предпосылки самозатухания конфликта.

Неотъемлемой стороной деятельности властей, стремящихся поставить конфликт под свой контроль, является и т.н. конструирование социального окружения данного спора. Эти меры подразумевают соответствующую ориентацию и мобилизацию общественного мнения, что позволяет создать в государстве климат осуждения или поощрения одной (или всех) из

конфликтующих сторон, сужают поле для маневров противников правящего режима, способствуя повышению стабильности государственной власти.

Определяя стратегические и тактические цели регулирования конфликта, власти должны подготовиться «технически»: убедиться в компетентности привлекаемых экспертов и аналитиков, специалистов в соответствующей сфере государственного управления (т.е. в специфической области политики, где возник конфликт, — социальной или налоговой политики, управления наукой и проч.); проверить надежность коммуникаций, центров обработки информации о текущих событиях, их материальной обеспеченности; улучшить взаимосвязь между различными уровнями и звеньями власти, вовлеченными в регулирование конфликта; приспособить структуру институтов власти для осуществления эффективного контроля событий; проверить готовность механизмов власти для решительного применения силы. Вся совокупность этих мер должна адекватно соответствовать ресурсам, имеющимся в распоряжении верхов, а также способствовать поддержанию имиджа властей — формировать у населения убежденность, что власти не боятся развития конфликта и способны держать его под контролем.

Этап развития конфликта

С развитием конфликта круг деятельности субъекта, пытающегося контролировать его протекание, расширяется. На данной стадии более отчетливо проявляются силы, поддерживающие каждую из конфликтующих сторон или противостоящие им; становится очевидным, расширяется или сужается область распространения спора, какова степень его интенсивности и т.д. Таким образом увеличивается число факторов, которые необходимо отслеживать для сохранения контроля над развитием конкурентных отношений.

Принимая решение, субъект управления конфликтом должен опираться на более широкий круг информации, повышая ее оперативность, строго отбирать достоверную информацию из массива поступающих сведений. Причем информацию следует собирать не только о «видимом слое» поведения сторон, но и об их скрытых, а порой и тщательно скрываемых замыслах и намерениях. Особое значение в таких ситуациях приобретает борьба с дезинформацией, так как стремление той или иной стороны исказить сведения о своих целях, по мнению французских ученых Фюстье и Амираля, нередко провоцирует субъект управления конфликтом на весьма безрассудные действия.

Расширяя информационное поле контроля, власти, как правило, уточняют образы конфликтующих сторон (позиции, склонность к компромиссам, допустимые возможности изменения целей и т.д.) и собственные оценки, выработанные ранее. Специалисты в области международных отношений американцы Г. Снайдер и П. Дизинг в связи с этим различают изменения, происходящие в т.н. фоновых образах (отражающих оценку конфликтующих сторон через призму долговременной перспективы их эволюции), а также

«текущих» образах (выражающих изменения во взглядах на их актуальные, сиюминутные позиции).

Уточняя такого рода оценки, власти должны непрерывно сопоставлять изменяющиеся позиции сторон, стараться проникнуть в тактику поведения конфликтующих, нащупать точки соприкосновения оппонентов. В конечном счете оценка различного рода макро- и микрофакторов, обуславливающих протекание конфликта, должна дать четкое представление о его интенсивности: обладает ли он тенденцией к спаду или к нарастанию. В соответствии с выводами должна скорректироваться и тактика действия властей.

Так, при спаде интенсивности внимание правящих структур, как правило, ослабевает, а количество ресурсов, направляемых на регулирование конфликта, уменьшается. Власти даже могут попытаться повернуть конфликт в такое русло, где бы он не решался, но и не оказывал неблагоприятного воздействия на политические отношения. Нарастание же напряженности конфликта предполагает иную тактику действий.

Вообще, как подметили конфликтологи, противоречия нарастают с увеличением численности конфликтующих групп, повышением эмоциональной вовлеченности людей в эти взаимоотношения. Особенно высоко напряжение в конфликтах, ведущихся на уровне ценностей, и прежде всего тех, что касаются нравственной самооценки сторон, представлений о чести и достоинстве. (В этом случае стороны воспринимают предположительное окончание конфликта как персонально значимый выигрыш или проигрыш и потому зачастую отказываются даже рассматривать варианты соглашения, чтобы не поступиться принципами.) Так или иначе, но усиление напряженности (увеличение «политического стресса») должно побудить власти прежде всего позаботиться о недопущении крайних, разрушительных форм конкурентного взаимодействия, и особенно тех, которые могут повлечь дестабилизацию и нарушение функций основных органов государственного управления. В то же время установление этих предельных рамок для разрастания конфликта должно ориентироваться на законные методы регулирования политических отношений, поддерживать конвенциональный стиль политического диалога. Однако сказанное отнюдь не отвергает право властей использовать предусмотренные законом акции устрашения или применения насильственных мер против наиболее агрессивных и опасных для общества сил.

Для направления интенсивного конфликта в нужное русло власти должны постоянно «конструировать социальное окружение» — информировать общественность о выработанных оценках поведения сторон, об изменении их позиций, обнародовать точки зрения на развитие ситуации, способные обеспечить благоприятный эмоциональный настрой граждан и навязать сторонам собственные критерии оценки соотношения сил, способы выхода из кризиса и т.д. Опираясь на общественное мнение, власти могут эффективнее

влиять на тактику поведения сторон, поддерживать или препятствовать доминирующим установкам их поведения.

В самом общем плане принято выделять три основных типа взаимоотношений между сторонами конфликта: конкурентный, предполагающий постоянное воспроизведение соперниками оппозиционных отношений друг к другу; индивидуалистический, характеризующий стремление какой-то стороны получить односторонние преимущества, игнорируя права и интересы соперника; кооперативный, выражающий готовность участвующих в споре сторон уважать чужие интересы и совместно искать выход из противоречий.

Таким образом, для поддержания оптимальных, с точки зрения властей, форм взаимоотношений между конфликтующими сторонами необходимо целенаправленно искать выигрышную тактику, изменяя структуру и способы собственных действий; совершенствовать коммуникационные процессы для оптимизации режима принятия решений; поддерживать нормы и правила политического противоборства, способствующие повышению сплоченности и интегрированности общества. В целом эффективность действий властей на этапе развития конфликта определяется их способностью законными методами обеспечить снижение напряженности в отношениях сторон и поворот их к примирению позиций.

Этап окончания конфликта

Это наиболее сложная фаза, ибо от результата окончания спорных отношений зависит заново складывающийся баланс политических сил.

Обычно в конфликтологии рассматривают два основных варианта окончания конфликта — достижение примирения сторон либо их непримиримость (т.е. создание тупиковой ситуации, неразрешимости конфликта). Между этими полюсами пролегает целый ряд вариантов эволюции конфликта, отражающих его рутинизацию (сохранение прежней интенсивности), снижение или, напротив, нарастание взаимооппозиционности сторон. Конфликт может оказаться и неразрешимым, тогда создается положение, которое ведет не к его окончанию, а как бы к «круговому движению». Это требует от субъекта управления конфликтом пересмотра и повторения своих действий и операций, соответствующих двум первым этапам конфликтного взаимодействия. Иными словами, такая ситуация предполагает совершенствование или поиск новой стратегии и тактики контролирования, управления конфликтом.

Примирение же участвующих в конфликте сторон, как уже говорилось, может носить характер полного или частичного урегулирования (т.е. изменения поведения одной или нескольких сторон конфликта без исчерпания предмета спорных отношений) либо разрешения конфликта (уничтожающего сам повод для такого взаимодействия сторон). При этом нельзя сбрасывать со счетов и то, что конфликт может разрешиться сам по себе, без попыток его сознательного

регулирования (например из-за утраты актуальности предмета спора, усталости политических субъектов, истощения ресурсов и проч.).

Для достижения примирения субъекту управления конфликтом необходимо найти средства, способные обеспечить такое развитие событий. Уже упоминавшийся Ж. Фаве считает, что добиваться примирения необходимо через соглашение, компромисс, подчинение, уступку и разрыв (с прошлым). Среди принципов урегулирования, о которых говорит Е. Нордлингер, можно отметить создание стабильной коалиции сил, соблюдение пропорциональности усилий, обеспечение взаимного права вето. Р. Даль (исключая тупиковый путь развития событий) предпочитает говорить о принудительных и мирных средствах примирения сторон.

Учитывая наиболее типичные средства, можно выделить два наиболее общих пути примирения сторон:

1. Мирное урегулирование конфликта в результате: достижения компромисса на основе сохранения исходных позиций; соглашения, основанного на взаимных уступках; истощения ресурсов одной или нескольких сторон, что делает невозможным продолжение соперничества; обретенного в ходе спора взаимоуважения сторон, понимания прав и интересов соперника.

Чаще всего этот путь примирения связан не с односторонним навязыванием воли, а с обоюдной активностью конфликтующих сторон. Так, в Совете Безопасности ООН принцип единогласия предполагает учет позиций каждого из его членов;

2. Примирение на основе принуждения или, другими словами, использования «командного стиля» (П. Шаран) взаимоотношений, позволяющего одной из сторон игнорировать аргументы соперника. В основе этого навязываемого одной из сторон (или третьей силой всем сторонам) характера взаимодействия может лежать:

— явное превосходство (сохраненных, приобретенных) сил и ресурсов с одной стороны и их дефицит с другой;

— изоляция одной стороны конфликта, понижение ее статуса, а также другие состояния, свидетельствующие об ослаблении ее позиций, о поражении, нанесенном ей в соответствии с правилами игры;

— уничтожение, «тотальное истребление противника» (Х. Шпей-ер), в результате чего мир устанавливается в отсутствие врага.

Ориентация субъекта управления на те или иные средства примирения сторон должна корректироваться и спецификой политических процессов, в которых протекают конфликты. Например, ограниченность во времени и периодичность возобновления избирательных кампаний заставляет многие партии, стремящиеся использовать выборы для реального проникновения в сферу принятия государственных решений, образовывать различные коалиции, идти на компромиссы даже со своими политическими оппонентами. В этом

смысле компромисс выступает более предпочтительной целью стратегии, нежели конфронтация.

В условиях же радикального преобразования общества, выбора качественно новых путей будущего развития ориентация исключительно на согласительные методы взаимодействия со своими соперниками вряд ли приведет к устранению напряженности и примирению идейных позиций. В этих случаях целесообразно применять более изощренную тактику поведения, включающую методы как мирного, так и принудительного примирения сторон.

Таким образом, выбираемые субъектом управления средства урегулирования конфликтов должны непременно соответствовать культурно-историческим, цивилизационным особенностям политического развития страны (региона, субъекта), учитывать временные обстоятельства ведения спора, коррелироваться с психическими чертами действующих лиц.

Наиболее распространенным средством достижения примирения сторон в технологиях управления конфликтом являются переговоры. В процессе переговоров (нередко длительном) стороны обмениваются мнениями, что неизбежно снижает остроту конфликта, помогает понять аргументы оппонента и, следовательно, более адекватно оценить истинное соотношение сил, условия примирения. Переговоры дают возможность уравнивать уступки, спокойно рассмотреть альтернативные ситуации, продемонстрировать открытость позиций, ослабить эффективность «нечестных трюков» соперника. Именно в этих условиях легче найти т.н. срединную точку конфликта, обозначающую суть взаимных претензий.

Переговорный процесс основан на специальной технологии «торга», т.е. использовании специфических приемов, позволяющих сохранить исходные позиции или достичь преимуществ, добиться взаимопонимания оппонентов или завести их в тупиковое русло, обеспечить односторонние преимущества или взаимное удовлетворение сторон.

Американские специалисты М. Дейч и С. Шикман считают, что эффективность переговоров, а равно и взаимное удовлетворение сторон, повышаются, если последовательно отделять существующие проблемы от субъективной заинтересованности участвующих в споре людей; фокусировать внимание не на принципах, а на реальных противоречиях; вырабатывать несколько возможных вариантов решений; учитывать по преимуществу объективные критерии соотношения сил, а не партийные или идеологические позиции. Обещание уступок, внимательность к партнеру значительно увеличивают шансы прийти к соглашению. Угрозы же, давление на оппонента с позиций силы такую возможность снижают, нередко переводя переговорный процесс в «замороженное» состояние.

По окончании конфликта важно так представить результаты переговоров (компромиссов, соглашений, силового давления), чтобы массы восприняли их адекватно, не посчитав, к примеру, это унижительным миром, проигрышем и

проч. Таким образом будут исключены реакции, которые могли бы поставить под вопрос принятые решения.

В этом смысле особую роль играет умение субъекта управления конфликтом использовать типичные для общественного сознания политические символы, стереотипы, стандарты мышления, олицетворяющие победу, поражение или другие оценки, стимулирующие массовую активность людей. (Например, в военных действиях неудачу чаще всего символизирует падение столицы или пленение лидера.)

Только найдя нужный образ, символ примирения и соответствующую тональность диалога с согражданами, можно обеспечить сохранение результатов переговоров и воспрепятствовать обострению постконфликтных отношений.

Из сказанного видно, что способность властей, а равно и всех иных политических субъектов, решать насущные задачи на каждом из этапов протекания конфликтов дает им дополнительные возможности для эффективной реализации своих целей и интересов в политическом процессе.

Реальной средой, тканью, в которой зарождаются и развиваются конфликты, являются политические процессы. Что же представляют собой данные явления?

Глава 21

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

§ 1. Сущность и структура политического процесса

Понятие политического

Политический процесс — одна из центральных и, вместе с тем, весьма специфическая категория политической науки. Правда, некоторые ученые отождествляют ее с понятием политики в целом (Р. Доуз). Другие же, напротив, видят специфику политических процессов либо в результатах функционирования политической системы (Т. Парсонс), либо в динамике борьбы и соперничества групп за статусы и ресурсы власти (Р. Дарендорф), либо в поведенческих аспектах реализации субъектами своих интересов и целей (Ч. Мэрриам).

В рамках этих различных подходов политический процесс обнажает свои важнейшие источники, состояния, элементы. В то же время, при всех различиях теоретической интерпретации политического процесса, считается общепризнанным, что он отображает **реальное** взаимодействие субъектов политики, сложившееся не в соответствии с намерениями лидеров или программами партий, а в результате действия самых разнообразных внешних и внутренних факторов. Иначе говоря, политический процесс показывает, как индивиды, группы, институты власти со всеми своими стереотипами, целями,

предвзвещениями взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя свои специфические роли и функции. А так как ситуации, стимулы и мотивы человеческого поведения постоянно изменяются, политический процесс исключает какую-либо **заданность** или предопределенность в развитии событий и явлений.

Раскрывая содержание политики через сложившиеся формы исполнения субъектами своих ролей и функций, политический процесс демонстрирует, как их осуществление воспроизводит одни элементы политической системы, разрушает другие, развивает и творит третьи. Тем самым политический процесс раскрывает как поверхностные, так и глубинные **изменения** политической системы, характеризует ее переход от одного состояния к другому. При этом важнейшим значением для политического процесса обладает продолжительность или краткосрочность временных периодов данных изменений в формах отправления власти, соотношения сил, способах принятия решений и т.д.

Учитывая названные черты политического процесса, можно сказать, что он раскрывает движение, динамику, эволюцию политической системы, изменение ее состояний во времени и пространстве. Политический процесс представляет собой **совокупность действий институционализированных и неинституционализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций (дисфункций) в сфере власти**, и в конечном счете ведущих к развитию или упадку политической системы общества.

Применительно к обществу в целом политический процесс раскрывает взаимодействие социальных и политических структур и отношений, т.е. показывает, как общество формирует свою государственность, а государство, в свою очередь, «завоевывает» общество. С точки же зрения внутреннего содержания политический процесс выражает как бы технологию осуществления власти, представляя собой совокупность относительно самостоятельных, локальных взаимодействий субъектов, структур и институтов, связанных теми или иными специфическими целями и интересами в поддержании (или изменении) системы правления.

Структура и особенности политического процесса

По значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений политические процессы можно подразделить на **базовые и периферийные**. Первые из них характеризуют разнообразные способы включения широких социальных слоев в отношения с государством, формы преобразования интересов и требований населения в управленческие решения, типичные приемы формирования политических элит и т.д. В этом смысле можно говорить о процессах политического участия и

государственного управления (принятии решений, законодательном процессе и др.). Периферийные же политические процессы раскрывают динамику формирования отдельных политических ассоциаций (партий, групп давления и т.д.), развитие местного самоуправления, другие связи и отношения в политической системе, не оказывающие принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти.

В то же время и базовые, и периферийные политические процессы различаются по времени и характеру осуществления, сориентированностью своих субъектов на нормы соперничества или сотрудничества, могут протекать явно или в скрытой форме. К примеру явный (открытый) политический процесс характеризуется тем, что интересы групп и граждан систематически выявляются в их публичных притязаниях к государственной власти, которая в свою очередь делает доступной для общественного контроля фазу подготовки и принятия управленческих решений. В противоположность открытому теневой процесс базируется на деятельности публично не оформленных политических институтов и центров власти, а также на властных притязаниях граждан, не выраженных в форме обращения к официальным органам государственного управления.

Каждый из политических процессов обладает и собственным внутренним ритмом, т.е. цикличностью, повторяемостью основных стадий взаимодействия своих субъектов, структур, институтов. Например, электоральный процесс формируется в связи с избирательными циклами, и потому политическая активность населения развивается здесь в соответствии с фазами выдвижения кандидатов в законодательные (исполнительные) органы, обсуждения их кандидатур, избрания и контроля за их деятельностью. Как правило, пик такой активности приходится на время выборов, после чего политическая жизнь как бы затихает, а осуществление контрольных функций за управляющими рутинизируется.

Циклы государственного управления может задавать деятельность правящих партий. К примеру в бывшем СССР очередные съезды КПСС, определяя «исторические» задачи, рубежи пятилеток и проч., обуславливали ритм деятельности всех институтов власти на внутри- и внешнеполитической арене. В то же время сегодня — в период реформации общественных отношений — решающее влияние на ритмы функционирования государственных учреждений, способы политического участия населения оказывают уже не решения высших органов управления, а отдельные политические события, изменяющие расстановку и соотношение политических сил (например августовский «путч» ГКЧП в 1991, апрельский референдум в 1993, кризис в октябре 1993 г.). Аналогичный «рваный» ритм задавали политическому процессу военные перевороты в ряде афро-азиатских государств, менявшие как институциональные структуры управления, так и условия включения населения в политическую жизнь.

В конечном счете все частные политические процессы объединены одной и той же потребностью их субъектов повлиять на принимаемые государственной властью политические решения. Поэтому главная задача всех участников различных по значению политических процессов состоит в том, чтобы включить свои интересы и требования в принимаемые институтами государственной власти управленческие решения.

Институты государственной власти являются важнейшим инструментом учета групповых требований и выработки общеколлективных целей политического развития (политической воли общества). Таким образом, в их деятельности все частные политические процессы выражают тот или иной аспект выработки, принятия и осуществления управленческих решений. От деятельности государственных институтов зависит степень централизации власти и распределения полномочий между группами, участвующими в выработке целей политического развития. Используя свою устойчивость и мобильность, институты государственной власти способны поддерживать даже те нормы и цели (а следовательно, и связанные с ними частные политические процессы), которые не отвечают интересам основной части общества, расходятся с политическими традициями социума и противоречат гражданскому менталитету.

Режимы протекания политического процесса

С изменением форм, методов и функций, осуществляемых институтами государственного управления, изменяются базовые и периферийные политические процессы. Чаще всего различают три режима их протекания. Первый — это режим **функционирования**, не выводящий политическую систему за рамки сложившихся взаимоотношений граждан и институтов государственной власти. В этом случае политические процессы отражают простое воспроизводство структурами власти рутинных, повторяющихся изо дня в день отношений между элитой и электоратом, политическими партиями, органами местного самоуправления и т.д. Традиции и преемственность в развитии связей участников политических процессов обладают при этом неоспоримым приоритетом перед любыми инновациями.

Второй режим протекания политических процессов — это режим **развития**. В этом случае структуры и механизмы власти выводят политику государства на уровень, который позволяет адекватно отвечать на новые социальные требования населения, вызовы времени. Такой характер политических изменений означает, что институты государственной власти, правящие круги нащупали цели и методы управления, соответствующие происходящим изменениям в социальной структуре, меняющемуся соотношению сил внутри страны и на международной арене. Политическое развитие сопровождается интенсивным взаимодействием макро- и микрофакторов власти, ведущим к повышению соответствия политической системы

другим сферам общественной жизни, нарастанию сложности ее строения, повышению способности применять гибкие стратегии и технологии властвования с учетом разнообразных интересов групп и граждан.

И, наконец, третьей разновидностью режима существования политических процессов является режим **упадка**, распада политической целостности. Как говорил П. Б. Струве, — это «регрессивная метаморфоза» политики. В данном случае политические изменения (в способах артикулирования интересов, отбора элит, принятия решений и проч.) имеют негативный характер по отношению к нормам и условиям целостного существования политической системы. Энтропия и центробежные тенденции преобладают здесь над интеграцией, атомизация политических субъектов и распад режима правления носят необратимый характер. В результате принимаемые режимом решения утрачивают способность управлять и регулировать социальные отношения, а сам режим теряет стабильность и легитимность.

Классическим примером такого протекания политических процессов является судьба большинства бывших социалистических стран в европейском и азиатском регионах, где правящие круги так и не отыскали адекватных мер и способов управления, чтобы отреагировать на социально-экономические и духовные запросы времени.

§ 2. Политическое участие

Сущность политического участия

В каждом государственно организованном обществе складывается та или иная вовлеченность граждан в политику. Однако сама идея необходимости участия людей в политической жизни понимается учеными по-разному. Так, многие последователи руссоистских, марксистских и ряда иных традиций в политической мысли настаивают на необходимости практически поголовного участия граждан в политической жизни. Например, Ленин неоднократно говорил о неизбежности при социализме «прямого, обеспеченного законами <...> участия всех граждан в управлении государством». Некоторые теоретики т.н. новых левых (Л. Гудмен, Т. Хейден, Ф. Фоллон) также убеждены в недостаточности участия граждан в «символической» политике (т.е. голосовании) и требуют обязательного вовлечения населения в процесс принятия решений. В значительной мере подобного рода идеи представлены и в современных теориях партисипаторной демократии.

В то же время теоретические (и идеологические) оппоненты данной точки зрения полагают, что «единственными средствами участия, доступными для граждан <...> являются голосование за лидеров и дискуссии». Еще более пятидесяти лет назад американский ученый Липманн высказал мысль, что ожидать от среднего американца интереса к делам государства, значит

предполагать у него едва ли не патологическую потребность в политических знаниях и действиях.

Видимо, следует признать, что потребность и степень вовлеченности граждан в политику зависят от конкретной ситуации, духовного климата в обществе, а также от состояния и политической системы, и самого человека. Однако понятно и то, что в целом в реальной жизни большинство граждан не имеют ни средств, ни возможностей для постоянного участия в политике. Для людей, не желающих делать профессиональную карьеру политика, эта область жизни, требуя дополнительных сил, знаний, психологической готовности к соперничеству и других внутренних свойств и усилий, чаще всего не является внутренне притягательной. Напротив, зачастую она становится сферой выброса негативных эмоций человека, социального перевозбуждения, кризиса личности, проявлением чего служат различные формы незаконопослушного поведения, политического терроризма, коррупции и т.д.

Чаще всего в теории указываются следующие причины включения индивида в политику: те или иные состояния сознания человека (например ощущение угрозы своему общественному положению — Ласуэлл; рациональное и расчетливое осознание своих интересов и необходимости завоевания нового статуса — Лэйн; желание жизненного успеха и общественного признания — Доунс; понимание общественного долга и реализация собственных прав, страх за самосохранение в общественной системе и т.д.), достижение определенного культурно-образовательного уровня; доступность информации и ряд других факторов. В качестве особой причины рассматривается способность государства (политических структур и институтов) к принудительному включению граждан в сферу политики.

В совокупности все эти мотивы выражают соотношение представлений индивида о своем гражданском статусе и реальных, предоставленных государством возможностей для укрепления или изменения этого общественного положения. Таким образом, политическое участие раскрывает процесс включения индивида (групп граждан) в механизмы артикулирования и агрегирования его (их) властно значимых интересов. Оно характеризует все действия отдельных лиц и групп граждан, стремящихся повлиять на содержание и характер политических решений органов и институтов государственной власти в общенациональном масштабе или на местном уровне.

Формы и разновидности политического участия
--

Многообразие форм и разновидностей политического участия зависит от определенных свойств действующего субъекта (пол, возраст, род занятий, религиозная принадлежность, образование и т.д.), режима правления (и, следовательно, набора тех средств, которые государство предоставляет гражданам для защиты их прав и интересов), а также от конкретной политической ситуации.

В соответствии с этими условиями американские политологи С. Верба и Л. Пай выделяют следующие разновидности политического участия: совершенно пассивные формы политического поведения граждан; участие людей только в выборах представительных органов; вовлеченность индивидов только в решение местных проблем; политическое поведение активных участников предвыборных кампаний; поведение политических активистов, распространяющих свою активность на всю сферу политики; участие как форма профессиональной деятельности политика.

Их соотечественник Милбэрт предпочитает говорить об «активных» формах политического участия (руководство государственными и партийными учреждениями, деятельность кандидатов в представительные органы власти, организация предвыборных кампаний и т.д.), «промежуточных» (участие в политических собраниях, поддержка партий денежными пожертвованиями, контакты с официальными лицами и политическими лидерами и т.д.), «наблюдательной» (ношение на демонстрациях транспарантов, попытки вовлечь других граждан в процесс голосования или дискуссии и т.д.), а также об «апатичном» отношении граждан к политике.

При всем многообразии форм и разновидностей политического участия очевидно, что все они различаются по **масштабности**, сфере социального распространения. Иначе говоря, обращение индивида к политическим средствам защиты своих интересов может либо предполагать его участие в решении вопросов общенационального характера, либо касаться местных проблем, быть ограниченным рамками локального производственного коллектива, территориального самоуправления и проч. При этом сами формы политического участия могут быть как прямыми, выраженными непосредственными действиями индивида, так и косвенными, характеризующими его включение в политику через различные группы, организации и структуры.

Существенной характеристикой является степень **интенсивности** политического участия. Если одной его крайностью является деятельность активистов партий, политических движений, групп интересов и проч., то другую характеризуют апатия, отчужденность людей от политики, полное равнодушие к этой сфере общественной жизни. В равной степени причинами аполитичности граждан могут выступать разочарование в проводимом властями политическом курсе, отторжение от социальной системы в целом (например различных люмпенизированных слоев), сориентированность на сугубо личные, бытовые потребности или — полное доверие к правящим элитам и лидерам. В свою очередь столь же многообразны и причины, заставляющие людей значительную часть жизни проводить в политических баталиях. Однако в любом случае крайности политического участия весьма опасны. Так, излишняя вовлеченность в политические отношения абсолютизирует состязательный стиль социального существования в целом, увеличивает нервную нагрузку, придает нравственным принципам человека излишнюю целевую направленность, заставляя смотреть на

жизнь через призму групповых взаимоотношений. С другой стороны, длительная отчужденность от власти, а следовательно, и отсутствие навыков ведения дискуссий, поиска компромиссов создает у людей предрасположенность к радикализации своих социальных требований и даже экстремизму, провоцирует взрывоопасные формы отношений населения и властей.

Основной и, как показывает опыт, оптимальной формой политического участия для большинства населения являются выборы в представительные органы власти. Эта форма взаимодействия индивида и государства очерчивает ясные сферы компетенции элит и неэлит, предоставляет возможности для проявления людьми самой различной степени активности и, что весьма важно, обладает временной протяженностью, не требующей чрезмерных психологических нагрузок. Характеризуя наиболее распространенные формы политического участия, следует сказать, что они могут быть организованными и неорганизованными, систематическими и периодическими, сориентированными на традиционные и нетрадиционные формы взаимоотношений индивида и власти. С точки зрения мотивации политических действий можно говорить об **автономных** (выражающих сознательно обусловленные формы включения индивида в политику) и **мобилизованных** формах политического участия (характеризующих вынужденное вхождение граждан в политику под давлением государства или других политических структур). В плане отношения к действующим в государстве законам необходимо различать **конвенциональные** (т.е. легальные, соответствующие законодательству) и **неконвенциональные** (незаконные) формы политического участия.

Политический протест

Особым значением для политической системы, действующего режима правления обладают формы и способы политического участия, выражающие политический протест населения. Политический протест представляет собой разновидность негативной реакции индивида (группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретное действие отдельных органов государства и политических оппонентов.

Как правило, политический протест возникает там, где действуют неэффективные стратегии и технологии осуществления власти (подавляются права меньшинств, невелики права индивида на предъявление претензий властям, действуют системы ограничений — например в виде имущественных, образовательных и иных цензов на участие в голосовании и т.д.). Его наиболее распространенным источником является слабая приверженность граждан господствующим в обществе ценностям, низкая солидарность с провозглашенными политическими целями режима (из-за признания их неверными, несправедливыми или устаревшими), психологическая неудовлетворенность сложившейся системой взаимоотношений гражданина и

государства, страх за свое будущее (ожидание репрессий, преследований за политические убеждения).

В зависимости от причин, вызвавших протест, граждане могут добиваться своих целей либо путем корректировки правительственного курса, не меняя при этом основ и принципов сложившейся политической системы и режима правления, либо борясь за изменение базисных основ и способов существования власти. В этом смысле формы политического протеста могут быть как конвенциональными, так и неконвенциональными.

К первым, в частности, можно отнести разрешенные властями демонстрации, пикеты, политические резолюции партий и запросы парламентариев, возражающих против того или иного решения правительства, отдельные акты гражданского неповиновения. Типичным примером законного политического протеста может служить и деятельность различных молодежных, женских, экологических движений, демонстрирующих «неадекватность традиционных политических форм в условиях современной жизни». Такие движения соседских, территориальных, религиозных и прочих общин (т.н. альтернативные движения, обладающие определенным политическим весом во многих странах Запада), не только пытаются найти свой уникальный, новый стиль жизни, но и выдвигают вполне определенные политические требования, в частности борясь за идеал «демократического ответственного государства». Однако при всей нестандартности проповедуемого ими образа жизни, как правило, они действуют только в рамках закона, не скатываясь к противоправным политическим акциям.

В качестве незаконных, неконвенциональных форм политического протеста могут рассматриваться запрещенные властями антиконституционные демонстрации и шествия, деятельность подпольных политических партий, политический терроризм, а также самые разрушительные для общества формы политического участия — революции. Стремясь предотвратить подобные действия, государства определяют процедуры совершенствования конституционных основ политического строя, предполагающих даже видоизменение фундаментальных, базисных черт действующей системы власти (т.е. определяют условия и границы политического воздействия групп и граждан), но в то же время формируют структуры и механизмы, пресекающие несанкционированные формы политического участия населения.

§ 3. Процесс принятия политических решений

Специфика и структура процесса принятия политических решений

Принятие политических решений — центральный элемент преобразования политических требований различных групп и граждан в приемлемые для всего общества средства и методы регулирования социальных отношений. Коротко говоря, принятие решений — это технологи-

ческое преобразование политической власти в управление социальными процессами.

По существу, данный процесс присутствует как на «входе», так и на «выходе» политической системы. При этом увеличение требований населения, социальное «возмущение» среды расширяют масштаб управления и повышают его роль в организации политической жизни. С другой стороны, эффективность реализации принятых решений непосредственно влияет на степень поддержки и авторитет режима правления.

В настоящее время в политической науке сложилось два основных подхода к пониманию процесса принятия решений. Так, **нормативная** теория трактует его как процесс рационального выбора политических целей в сложных ситуациях. В качестве важнейших средств оптимизации такого выбора предлагаются различные математические модели, исследование операций и другие инструментальные приемы. **Поведенческая** теория, рассматривающая данный процесс как специфическое взаимодействие людей, сориентирована на описание разнообразных факторов, которые влияют на принятие решений в конкретной ситуации.

Такого рода подходы отражают двойкий характер управленческого процесса. С одной стороны, они подчеркивают громадную роль и прерогативы институтов и органов управления, регламента и процедур принятия решений, роль технического персонала и материального обеспечения деятельности всех лиц, занятых в этом процессе, или, одним словом — значение тех внешних и внутренних факторов, которые выражают рациональность, технократизм этой формы политической деятельности людей. С другой стороны, несмотря на большую роль, которую играют в этом деле регламенты и институты, как правило, в процессе принятия решений господствуют неформализованные процедуры, зависящие от личного опыта лиц, определяющих цели и средства их достижения, от интуиции и персональных знаний управляющих, их межличностных связей. Более того, поскольку в обществе, как правило, не существует какой-либо одной группы, способной целиком и полностью контролировать принятие решений, то этот процесс всегда представляет собой «компромисс и примирение соперничающих ценностей», что только усиливает роль субъективизма в этом деле.

Таким образом, следует признать, что политическая власть реализуется через личное влияние управляющих и, несмотря, на регламентирующую роль правил и процедур принятия решений, привносит в этот процесс непредсказуемость и непрогнозируемость. В конечном же счете процесс принятия решений представляет собой симбиоз рациональности и иррациональности, рационально организованного взаимодействия структур и институтов власти и значительного субъективизма управляющих.

Эти два начала соотносятся и взаимодействуют на различных этапах принятия решений — подготовительном, собственно принятия решений, реализации принятых решений.

Подготовительный этап принятия решений

На этом этапе из общего социального контекста выбирают те требования и конфликты, которые носят политический характер. Таким образом формируется т.н. повестка дня, т.е. совокупность проблем, которые необходимо решать политическими средствами и методами регулирования.

От умения определять насущные проблемы зависит, способен ли правящий режим предвосхитить политические события, сможет ли он препятствовать возникновению кризисов или вынужден будет реагировать на них постфактум. Как правило, на этом этапе различные группы отстаивают собственное понимание того, в какой очередности следует решать важные общественные проблемы. Избирательное отношение к актуальности тех или иных социальных вопросов может определяться идеологическими требованиями, ролевыми ожиданиями представителей правящих кругов, личными симпатиями, прошлым опытом и другими причинами. Например, невнимательное отношение к важным социальным проблемам может определяться т.н. мобилизационным наклоном (А. Бахрах), т.е. традиционным недопониманием или неприязнью властей к тем или иным нуждам населения, нежеланием нанести ущерб правящим группам, ошибочным представлением элит о собственных интересах и т.д.

Активную роль в этом процессе играют различные структуры — формальные (парламентские комитеты, комиссии, лоббирующие группы) и неформальные (межличностные объединения политиков, экспертов и т.д.). При этом большое значение имеет тот факт, готовится ли решение крупных, стратегических или обычных, рутинных вопросов. В первом случае значительно острее ведется явная или неявная полемика политических групп и сил, растет напряженность в правящих кругах, усиливается воздействие теневых рычагов власти. Но в целом возможность включать те или иные проблемы в «повестку дня» или «удерживать какие-то вопросы вне сферы политики» и означает обладание властью.

Главным условием выработки «повестки дня» является получение информации, которая, собственно, и создает для управляющих проблемную ситуацию: как отнестись к тому или иному вопросу. При этом, как отмечает известный специалист в области принятия решений Э. Квейд, информация должна быть получена о тех принципиальных моментах, которые должны быть учтены при принятии решений. Такая необходимость предполагает наличие у органов принятия решений возможностей для накопления достоверных сведений о социальных процессах и для их переработки.

Прежде чем стать «сырьем» для принятия решений, полученная информация должна быть соотнесена с ценностными предпочтениями лиц,

принимающих решения, а также с действующими правилами и регламентами рассмотрения вопросов. Эти регламенты могут носить макрохарактер (т.е. воплощать конституционно закрепленный порядок принятия решений, например требовать наличия не менее 50% голосов законодателей для того, чтобы включить вопрос в повестку заседания парламента) или учитывать действие факторов, условно говоря, микрополитики (устанавливающих, к примеру, порядок представления мнения экспертов политикам, говорящим от лица государства). И те и другие правила действуют для всех, кто не просто участвует в принятии решений, но и пытается сохранить и укрепить свой властный статус. При переходе властей на резервную систему принятия решений в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций (войн, серьезных внутривластных кризисов) эти регламенты и правила могут быть отменены и заменены новыми.

Ряд проблем и противоречий, возникших на подготовительном этапе, могут быть разрешены на следующих фазах принятия решений. Сюда можно отнести проблему идентификации субъекта принятия решений (является ли им тот, кто уполномочен принимать решения, или тот, кто оказывает наибольшее влияние на отбор политически значимых задач), противоречия между правящей и оппозиционными элитами, лидерами и техническим персоналом аппарата управления, между отраслевыми сегментами правящей элиты (военной, административной, аграрной, промышленной, торговой) и т.д.

Этап принятия решений

На основе выработанной и скорректированной «повестки дня» формулируются политические цели развития и средства их достижения. Цели могут ставиться краткосрочные и долгосрочные, промежуточные и окончательные, первостепенные и второстепенные (А. Нагель). При этом главным является формулирование **фактических** целей, которые могут существенно отличаться от декларируемых правительством и предназначенных в основном для общественного мнения, борьбы с контрэлитой и других подобных задач. Фактические цели должны соответствовать требованиям допустимости, эффективности и оптимальности. (Правда, надо учитывать, что часто формулировка целей страдает «ограниченной рациональностью» (Г. Симон), т.е. отражает неспособность управленцев предвидеть все, порой даже самые крупные последствия их реализации. К тому же в переходные периоды, в условиях неопределенности социальных процессов, эффективных решений может в принципе не существовать.)

Как правило, политические цели формулируются как бы на пересечении действия трех типов институтов: официальных органов государственной власти, групп интересов и механизмов общественности (например независимых средств массовой информации). Но центральную роль в этом процессе всегда играют высшие институты государства, где сходятся все формы давления политических

сил. Понятно поэтому, что механизм формулирования политических целей существенно различается в унитарных государствах, странах с полупрезидентско-унитарным правлением, в обществах с парламентско-федеральным устройством и т.д.

Учитывая влияние разнообразных политических сил, а также сложное строение институтов государственного управления (в которых различные сегменты исполнительной и законодательной власти зачастую обладают далеко не единым видением проблем), политические цели формулируются, как правило, в виде альтернатив, предлагающих несколько вариантов достижения необходимых результатов или предусматривающих возможность реализации одной цели разными способами. Как отмечал Д. Дьюи, «разумная политика» имеет дело с выбором вариантов (предполагающих оценку возможных выгод и затрат в каждом отдельном случае), а не с ситуацией «да—нет».

В целом формулирование и принятие решений на данном этапе зависит от уровня централизации (децентрализации) верховной власти и соотношения ее прерогатив с правами местных органов правления, от взаимодействия партийных и государственных структур, степени разделения исполнительной и законодательной властей и уравниваемости полномочий их элит, развитости форм общественного контроля за деятельностью государственной бюрократии и т.д. Характер и своевременность выбранного варианта действий зависят от конкретного лица, принимающего решения, и длительности проблемной ситуации.

Принимать решение могут как определенные индивиды (политики, государственные служащие), так и групповые субъекты (формальные и неформальные). И у тех, и у других есть свои плюсы и минусы.

Так, групповые решения, как правило, отличаются большей взвешенностью, но одновременно и замедленностью реакции на проблемную ситуацию, что особенно негативно сказывается в кризисных обстоятельствах. Для группового субъекта характерно также рассредоточение ответственности, что, впрочем, с успехом используется при принятии непопулярных решений. Специальные исследования показывают, что управленческая группа должна отвечать соответствующим количественным стандартам, нарушение которых чревато возникновением внутренних клик, соревнование которых может привести к устойчивому непринятию решений.

Отдельные же политики, неся персональную ответственность за принимаемые решения, способствуют росту целеустремленности¹ в достижении целей. В то же время деятельность конкретного человека всегда открывает больше возможностей для разнообразных теневых влияний на принимаемые им профессиональные решения. Более того, отдельным политикам выгоднее заниматься своим имиджем, лавированием между группами (с целью сохранить свое положение в структуре власти), нежели заниматься управленческой рутинной. Как отмечает Р. Вагнер, политики вообще больше склонны участвовать в

распределительных процессах, а не принимать крупные политические решения, мало влияющие на их властный статус. При принятии конкретных политических решений у конкретного лица сильнее проявляется и противоречие между представительством и компетентностью.

В определенной степени различия в деятельности группового и индивидуального субъектов управления нивелируют структуры интеллектуальной поддержки (советники, помощники, консультанты), выполняющие научно-аналитические функции и способствующие принятию оптимальных решений.

Методы принятия решений

Методы принятия решений на данном этапе политического процесса зависят от специфики решаемых задач и традиций, сложившихся в структурах управления. Как отмечал американский ученый Р. Говард, в политической жизни, как правило, решаются рискованные, вероятностные задачи, отличающиеся низкой просчитываемостью результатов и принимаемые в условиях социальной неопределенности. Несмотря на сложность такого рода задач, в истории длительное время господствовал, по сути, один метод их решения — метод прецедента. Но чаще политики шли путем проб и ошибок, полагаясь на свой здравый смысл, ум и интуицию. Конечно, ум и интуиция важны и сегодня, но интенсивность политических процессов, социальная цена ошибочных действий стимулируют субъектов власти руководствоваться при принятии решений более надежной методикой.

Признанные авторитеты в области управления, в частности Ч. Линдблум, считают, что в настоящее время существуют два основных метода принятия решений: рационально-универсальный и метод последовательных ограничений («метод ветвей»). Первый из них предполагает рациональное вычленение проблемы и выбор путей ее решения, наиболее соответствующих поставленным целям. Это — как бы идеальный план решения вопроса, результат «правильного мышления», предполагающий сбор всесторонней информации, минимизацию издержек при формулировке целей и выборе средств их реализации и т.д.

В то же время понятно, что на практике политики исходят не столько из оптимального, сколько из возможного образа действий. «Способность человека оперировать информацией гораздо меньше, чем требуется по этой модели <...> Вполне возможно, что каждый участник управленческого процесса <...> рационален в своей деятельности, однако при столкновении множества участников процесса рациональность их коллективной деятельности при выработке решения становится призрачной». Иными словами, в практической политике правительство часто не следует логически предписанной схеме: постановка проблемы и ее решение. Реальные проблемы, требующие политического вмешательства, зачастую возникают внезапно, и правящие элиты

вынуждены начинать действовать еще до того, как определяют свои цели и предпочтения.

Таким образом, на практике более применим «метод ветвей», который исходит из необходимости внесения в обычную управленческую деятельность т.н. инкрементальных поправок (*англ. increment — приращение*), дающих возможность реализовать частичные цели. Допуская даже действия, противоречащие общей стратегии управления, правящие элиты способны таким путем добиваться постепенного успеха в своей политике. Однако, избегая больших ошибок в управлении государством, элиты при такой тактике не могут обеспечить каких-либо крупных прорывов в политическом реформировании общества.

Учитывая плюсы и минусы того и другого методов принятия решений, ряд ученых, и в частности А. Этциони, настаивают на большей продуктивности т.н. смешанно-сканирующего метода, который предполагает, с одной стороны, широкий рациональный взгляд на политические проблемы общества и выделение их общих, типических свойств, а с другой — использование представлений, раскрывающих глубинные основы противоречий, для разработки какой-то одной проблемы, возникшей в конкретной обстановке. Последовательно применяя общетеоретические, рациональные знания для урегулирования конкретных вопросов, и можно достичь эффективного политического управления.

Этап реализации управленческих решений

На этом этапе центры власти воплощают в жизнь принятые ими решения. В целом этот этап характеризуется нарастанием конфликтов, ибо решения, которые устраивают далеко не всех субъектов политики, должны быть тем не менее в той или иной степени приняты ими для исполнения. При этом противодействие властям будут оказывать не только оппозиция, но зачастую даже нижестоящие органы власти, стремящиеся приспособить принимаемые наверху решения для защиты своих нужд и интересов. Существенно и то, что реализация решений резко повышает роль исполнительных органов, а это может провоцировать их на превышение своих полномочий и даже нарушение законов.

Органам, реализующим решения, необходимо «знать, когда начинать, что предложить, как действовать», чтобы достигнуть необходимого политического согласия вокруг сформулированных целей. Все предлагаемые решения должны быть как минимум облечены в директивную и правомочную (узаконенную) форму. Они также должны предусматривать ответственность конкретных лиц за исполнение (неисполнение) решений и обладать определенной адресностью (т.е. быть сориентированы на исполнение либо всеми группами, либо отдельными слоями населения, конкретными лицами и т.д.). В соответствии с этим решения следует облекать в определенные формы выражения (например они должны

быть выдержаны в моральных терминах, т.е. содержать призывы к гражданским чувствам, предполагать самопожертвование и проч.).

Воплощению управленческого замысла способствуют и определение властями общей стратегии, выбор ими характера действий (т.е. настроенности на конфликт или сотрудничество, применение насильственных или консенсусных методов, использование средств политического торга или прямого давления, манипулирование, обман общественного мнения и т.д.). Выбор стратегии должен опираться на рациональную оценку собственных ресурсов, их достаточности для осуществления намеченной линии поведения, реализации того, что желательно, или того, что достижимо на деле. Необходимо правильно оценить и возможную степень сопротивления принятым решениям; на случай неудачных действий правительство должно выработать планы, способные сохранить его статус и не вызвать дестабилизации системы правления; иметь варианты перехода на резервную систему принятия решений при изменении ситуации. Условиями реализации гибкой политической стратегии и технологии использования ресурсов являются интенсивный сбор информации о первых результатах в достижении целей, отслеживание промежуточных результатов, корректировка принятых решений при выявлении расхождения целей и средств их достижения.

Как правило, принято выделять несколько основных типов реализации решений: популизм, элитизм, консерватизм, демократизм и радикализм. Каждому из этих типов осуществления политического курса соответствуют определенные методы властного регулирования, характер взаимоотношений властей и населения, информационный режим властвования.

Так, **популизм** в качестве основного средства достижения властных целей предполагает прямую апелляцию к общественному мнению, непосредственную опору на массовые настроения. Поэтому он неизбежно сориентирован на упрощение, а в ряде случаев и вульгаризацию предлагаемых обществу целей. Правящие элиты пытаются выработать какой-то лозунг, призыв к населению, реализация которого, по их мнению, обеспечит преодоление всех противоречий и быстрое продвижение к успеху. Нередко в таких случаях используются лезть («коммунисты — во главе общественного прогресса»), запугивание внешней или внутренней угрозой («правлящие круги — во власти мафии»), необоснованные посулы и обещания («радикальные реформы быстро приведут к подъему экономики»). Наиболее ярко популизм проявляется при харизматическом правлении. Но популистские меры могут выступать составной частью политического курса и при демократических и другого типа режимах, придерживающихся рациональных методов управления.

Отличительная черта **элитизма** — курс на предотвращение сколько-нибудь значительного участия граждан не только в выработке, но и корректировке решений, на поощрение различных посреднических форм взаимодействия с электоратом, усечение политического информирования

общественности, закрытый характер принятия и осуществления политических решений на всех этапах.

При **консервативной** политике в деятельности властей доминирует установка на сохранение структуры и функций государственных органов власти, традиционных форм и методов политического регулирования. Такие методы управления характерны для стабильных политических режимов, культивирующих внутреннюю приверженность граждан к хранимым и почитаемым в данном обществе ценностям и идеалам. Это неизбежно усиливает патриотические настроения и способствует сохранению целостности общественного и политического организмов.

К прямо противоположным результатам приводит **радикализм** политического правления. Даже когда стремление революционизировать общество, добиться его качественного переустройства не является самоцелью властей, социальные и политические последствия, вызванные радикальными методами преобразований, редко несут гражданский мир, порядок и улучшение жизни населения. Насилие — основной метод управления революционных режимов — неизбежно превращает власть в смертоносное орудие преобразований, чреватое массовой гибелью граждан.

В отличие от радикализма, пренебрегающего во имя глобальных будущих целей насущными правами и интересами людей, **демократизм** ориентируется на реальные потребности и запросы граждан, воплощение их неотъемлемых прав и свобод. Культивируя атмосферу взаимоответственных отношений между рядовыми гражданами и элитой, демократическая политика добивается доверия людей, желания лояльно сотрудничать с властями. Соблюдение процедур избирательных циклов, принципа разделения властей, цивилизованных отношений с оппозицией, как правило, исключает из арсенала политического управления средства жесткого социального принуждения, поощряет механизмы «самодисциплины и самопринуждения» граждан (Н. Элиас).

Умение использовать основные требования теории принятия решений приобретает особую значимость в периоды интенсивных изменений политических систем, их трансформации и модернизации, поскольку в этих условиях нельзя в полной мере опереться на традиции политической жизни и испытанные методы управления государством и обществом.

Глава 22

ВЫБОРЫ

§ 1. Роль выборов в демократической политической системе

**Понятие выборов и их место
в демократическом государстве**

Выборы — важнейший компонент современной политики. Они представляют собой **способ формирования органов власти и управления с помощью выражения по определенным правилам (в соответствии с избирательной системой) политической воли граждан.** В результате выборов избранные кандидаты наделяются властными полномочиями. Выборы используются в различных демократических организациях: партиях, профсоюзах, добровольных ассоциациях, кооперативах, акционерных обществах и т.д. В данной главе речь идет главным образом о выборах в масштабах государства, всей политической системы.

Выборы всегда связаны с голосованием. Однако при всей близости этих понятий они имеют и существенные отличия. Выборы обычно понимаются как закрепленный в конституции и других законах относительно регулярный, периодичный процесс избрания состава органов государства. Голосование же не всегда связано с выборами. Оно используется и в различных формах прямой демократии: в референдумах, опросах, принятии коллективных решений на собраниях и т.п.

Выборы как неотъемлемый элемент демократии несут на себе отпечаток ее различных форм и играют в ее различных моделях неравноценную роль. Сравнительно низка значимость выборов в политических системах, базирующихся на прямых формах демократии, непосредственном участии граждан в подготовке и принятии важнейших государственных решений. В таких случаях властные полномочия избираемых гражданами руководителей государства сильно ограничены, что снижает и политическую значимость самих выборов. Примером такого рода государств являлась древнегреческая Афинская республика в периоды непосредственного правления большинства, решения плебсом на площадях вопросов размера налогов, войны и мира, смены судей и военачальников и т.д.

В условиях современных демократий выборы — их стержневой механизм, главная форма проявления суверенитета народа, его политической роли как источника власти. Они служат также важнейшим каналом представления в органах власти интересов различных общественных групп. Всеобщие выборы предполагают право участия в них каждого гражданина. Для многих, а в некоторых странах и для большинства граждан они являются единственной формой их реального участия в политике. Они позволяют осуществлять наибольшее влияние на власть: сохранять или сменять парламенты и правительства, обеспечивать их ответственность перед народом, изменять политический курс и т.д.

Выборы — достаточно частое в политической и общественной жизни явление, поскольку они распространяются на различные институты и уровни правления: парламент, президента, представительные, а часто и исполнительные

органы субъектов федерации, местные органы власти. Так, в США один раз в четыре года проводятся федеральные, общенациональные президентские выборы, каждые два года — выборы в палату представителей — нижнюю палату конгресса. В эти же сроки — раз в два года, но не на два, а на шесть лет, избирается одна треть членов верхней палаты конгресса — сената. На уровне штатов регулярно избираются губернаторы, законодательные собрания, генеральные прокуроры и другие должностные лица, на местном уровне — мэры, советники, казначеи, клерки, судьи, шерифы, констебли, надзиратели школ и т.д. Общую картину дополняют выборы в партиях, профсоюзах и многочисленных добровольных ассоциациях. Многообразие электоральных форм открывает перед гражданами достаточно широкие возможности для проявления политической активности и влияния на государственные и общественные дела.

Функции выборов в условиях демократии
--

Влияние выборов на жизнь современного общества разнообразно и проявляется в их важнейших функциях. В научной литературе выделяются следующие функции выборов:

— **артикуляция, агрегация и представительство разнообразных интересов населения.** В период выборов создаются наиболее благоприятные возможности для осознания гражданами своих интересов и включения их в избирательные программы партий и отдельных депутатов. Во время выборов, стремясь получить массовую поддержку, депутаты и участвующие в избирательной кампании СМИ особенно восприимчивы к запросам и пожеланиям населения. Это активизирует процесс осознания и представления гражданами своих интересов. В избирательных платформах интересы артикулируются, получают четкую формулировку и агрегируются, освобождаются от крайностей и усредняются, приобретают непротиворечивую, пригодную для реализации форму. И хотя после победы на выборах многие депутаты забывают о своих обещаниях, депутатский корпус в целом, не только руководствуясь нравственными мотивами, но и заботясь о престиже партии и поддержке избирателями на будущих выборах, ориентируется на свои обязательства и запросы электората;

— **контроль за институтами власти.** В результате выборов создается важнейший институт контроля за правительством — парламент, а также оформляется оппозиция, обычно ревностно следящая за соблюдением конституции и закона. Парламентский контроль опирается как на собственные права, судебные инстанции, так и непосредственно на мнение избирателей. Опасаясь поражения на ближайших выборах, правительство обычно вынуждено прислушиваться к критике. Кроме того, сами выборы представляют собой важнейший институт контроля, поскольку они позволяют избирателям

регулярно выносить свой вердикт о правительстве и оппозиции, изменять состав органов власти, корректировать политический курс;

— **интеграция разнообразных мнений и формирование общей политической воли.** Плюрализм современного общества имеет свои границы. Чтобы не привести к анархии, хаосу и острым разрушительным конфликтам, он нуждается в государственном регулировании, отражающем общие ценности и интересы граждан: С помощью выборов обеспечивается объединение большинства граждан вокруг определенной политической платформы и представляющих ее лидеров, формируется доминирующая в государстве политическая воля. Выражение этой воли обеспечивает правительству авторитет и поддержку, что повышает его дееспособность;

— **легитимация и стабилизация политической системы,** а также **легитимация конкретных институтов власти: парламента, правительства, президента и т.п.** Участие граждан в выборах обычно означает принятие ими данного типа политической системы, политического режима, правил формирования органов власти, независимо от отношения населения к конкретным должностным лицам, правительству и правящим партиям. Выборы дают гражданам шанс переизбрать неудобное правительство или депутатов, заменить их людьми, пользующимися доверием. Тем самым кризис конкретного правительства и его политики не приводит к отторжению гражданами всего политического строя и дестабилизации политической системы, не перерастает в стремление разрушить существующий политический порядок путем революции. Неслучайно выборы нередко уподобляют предохранительному клапану, выпускающему накопившийся пар народного недовольства и предохраняющему весь политический «котел» от перегрева и взрыва. С помощью выборов легитимируется не только политическая система в целом, но и конкретный состав парламента, правительства и некоторых других структур власти, признается их право руководить государством;

— **расширение коммуникаций, отношений представительства между институтами власти и гражданами.** В ходе избирательного процесса кандидаты регулярно встречаются с гражданами, выслушивают их мнения и просьбы, вносят коррективы в свои избирательных платформы. Выборы — важнейший канал обратных связей между гражданами и властью. От их действенности очень во многом зависит характер отношений между руководителями государства и населением, возникновение доверия или недоверия, политического участия или отчуждения, поддержки или борьбы;

— **канализация, перевод политических конфликтов в русло их институционализованного мирного урегулирования.** Выборы позволяют открыто и публично представить противоречивые интересы, ценности, идеи на суд народного мнения, определить реальную поддержку позиций той или иной стороны конфликта, с помощью авторитета общественного мнения и

государственных институтов убедить конфликтующих отказаться от наиболее радикальных требований и незаконных форм борьбы. Уже сама ориентация участников конфликта на его электоральное разрешение как правило побуждает их к отказу от крайностей, смягчению позиций, компромиссам, поиску приемлемых для большинства решений;

— **мобилизация избирательного корпуса на решение актуальных общественных задач.** Разъясняя гражданам собственные программы, убеждая людей в необходимости принятия и поддержки определенных политических ценностей и целей, указывая пути их реализации, партии и отдельные депутаты тем самым мобилизуют широкие слои населения и общественное мнение на важные для страны политические действия;

— **политическая социализация населения, развитие его политического сознания и политического участия.** В ходе избирательного процесса граждане особенно интенсивно усваивают политические ценности и нормы, приобретают политические навыки и опыт. В это время резко расширяется поток политической информации и пропаганды, активизируется разнообразная политико-образовательная работа, концентрируется внимание людей на актуальных политических проблемах и альтернативных путях их решения. Широкие слои активистов непосредственно включаются в пропагандистско-агитационную и организационную работу партий и отдельных депутатов. Делая выбор, избиратели в большей или меньшей степени отождествляют себя с определенными политическими силами. Все это повышает их политическую ангажированность и активность;

— **рекрутирование политической элиты.** Выборы — важнейший канал вхождения граждан в состав политической элиты, делания политической карьеры, утверждения и заката политических лидеров. В результате выборов обновляется состав правящей и оппозиционной элит, изменяется политический вес партий и их представителей;

— **генерирование обновления общества посредством конкурентной борьбы альтернативных политических программ.** Выборы — это своеобразное окно, открытое для упорядоченных, институционализированных влияний на государство и общество. Они дают возможность различным политическим силам представить собственное видение общественных проблем и выдвинуть программы их решения. Тем самым стимулируется поиск оптимальных путей развития, обеспечивается конкурентный отбор политических ценностей и альтернатив, создаются благоприятные возможности для преодоления неэффективной политики и утверждения новых, жизнеспособных идей и политических платформ;

— **конституирование эффективной оппозиции и ее подготовка к выполнению функций политического руководства.** Эффективность оппозиции предполагает выполнение ею функций критики и контроля за

правительством, а также способность к выработке альтернативной политики. Выборы, побуждая различные политические силы к открытому сопоставлению своих программ, компромиссам и коалициям, способствуют консолидации оппозиции. Кроме того, будучи представленной в результате выборов в парламенте, а нередко и возглавляя правительства в субъектах федерации, оппозиция подготавливается к ответственному и компетентному руководству государством после прихода к власти.

Вышеназванные функции выборы выполняют лишь в том случае, если сами они организованы демократически. Выборы изначально призваны служить демократии, неразрывно связаны с ее общей концепцией и ценностями. Их **главное социальное назначение — адекватно отражая мнение и волю граждан, обеспечить представительство основных общественных групп в органах власти, а также сформировать эффективное правительство.**

§ 2. Основные принципы свободных демократических выборов

Принципы избирательного права

Соответствовать своему социальному назначению выборы могут лишь в том случае, если они базируются на определенных принципах. Можно выделить две группы таких принципов: во-первых, принципы избирательного права, определяющие статус, положение каждого гражданина на выборах; во-вторых, общие принципы организации выборов, характеризующие основополагающие организационные, в том числе социальные, условия их демократичности. Демократические **принципы избирательного права** включают: 1. Всеобщность — все граждане, независимо от пола, расовой, национальной, классовой или профессиональной принадлежности, языка, уровня дохода, богатства, образования, конфессии или политических убеждений, имеют активное (в качестве избирателя) и пассивное (в качестве кандидатов) право на участие в выборах. Всеобщность ограничивается лишь крайне небольшим количеством цензов, т.е. условий допуска граждан к участию в выборах. Возрастной ценз разрешает участие в выборах лишь с определенного возраста, как правило, по достижении совершеннолетия. Возраст кандидатов должен быть несколько выше. Ценз недееспособности ограничивает избирательные права психически больных, что должно быть подтверждено судебным решением. Моральный ценз ограничивает или лишает избирательных прав лиц, находящихся по приговору суда в местах лишения свободы. Широко распространен также ценз оседлости, выдвигающий в качестве условия допуска к выборам определенный срок проживания в данной местности или в стране.

В странах Запада длительное время существовал имущественный и целый ряд других цензов, не допускавших к выборам лиц наемного труда, бедные слои

населения, женщин (во Франции этот ценз отменен в 1944 г., Италии и Японии — 1945, Греции — 1956, Швейцарии — 1971, Португалии — в 1974 г.), негров (в США последние ограничения на их участие в выборах сняты в законах 50-х — 70-х гг.). Всеобщее избирательное право утвердилось в демократических странах мира непосредственно после второй мировой войны. Это открыло новый этап в развитии демократии, положило начало эпохе «массовой политики», привело к складыванию партийных и политических систем современного типа.

2. Равенство — каждый избиратель имеет только один голос, который оценивается одинаково, независимо от его принадлежности тому или иному человеку. При этом ни имущественное положение, ни должность, ни какие-либо другие статусные или личные качества не должны влиять на положение гражданина как избирателя. Равенство избирательных прав предполагает также примерное равенство избирательных округов, которое необходимо, чтобы голоса избирателей имели приблизительно одинаковый вес при избрании депутата. На практике постоянно обеспечивать точное равенство избирательных округов достаточно сложно и дорого, поэтому некоторые отклонения от этого принципа допускаются. Так, по избирательному закону ФРГ избирательные округа могут отличаться по численности населения на одну треть.

3. Тайна выборов — решение конкретного избирателя не должно быть кому-либо известно. Этот принцип обеспечивает свободу выбора, предохраняет граждан от возможных преследований, а также подкупа. Он действует применительно лишь к пассивному избирательному праву. Практически тайна выборов обеспечивается закрытой процедурой голосования, наличием специальных кабин для голосования, стандартной формой, одинаковостью бюллетеней для голосования, включением в них имен всех кандидатов или же использованием вместо бумажных бюллетеней специальных машин, сохраняющих тайну избирательного решения и облегчающих технику голосования и подсчет его результатов, опечатыванием избирательных урн, строгим наказанием за нарушение избирательной тайны и т.д.

4. Прямое (непосредственное) голосование — избиратель принимает решение непосредственно о конкретном кандидате на выборную должность, голосует за реального человека. Между избирателями и кандидатами нет каких-либо инстанций, опосредующих их волеизъявление и непосредственно определяющих персональный состав депутатов. В случае, если граждане выбирают лишь выборщиков или специальный орган, непосредственно избирающий кандидата, имеют место не прямые (косвенные) выборы. Такие выборы из-за деперсонализации, абстрактности выбора гасят интерес граждан к участию в голосовании и способствуют развитию абсентеизма. Они искажают волю избирателей в пользу крупных партий или блоков, поскольку на каждом уровне выборов теряются голоса, полученные партиями-аутсайдерами. В наши дни не прямые выборы используются редко.

Общие демократической выборов	принципы организации
--	---------------------------------

На базе демократических избирательных прав сформировались принципы, характеризующие организацию избирательного процесса. К таким принципам относятся:

1. Свобода выборов, предполагающая прежде всего отсутствие политического, административного, социально-экономического, психологического и информационного давления на избирателей, активистов, кандидатов и организаторов выборов. Примеры политического давления — расправы с противниками, с активистами или сторонниками партий-конкурентов; административного — угроза снятия с руководящей должности руководителей и других должностных лиц, не сумевших «организовать» победу правящей партии, запугивание увольнением работников, отказывающихся ставить подписи в поддержку выдвижения удобного кандидата и т.п.; социально-экономического — подкуп, угрозы или реальные санкции, в том числе по отношению к целым категориям населения с помощью повышения оплаты труда, выплаты задержанных зарплат, пенсий, пособий и т.п., обещания льгот и привилегий для отдельных регионов и т.п., психологического — запугивание избирателей угрозой гражданской войны, массовыми репрессиями и т.п. в случае прихода к власти на выборах партии-оппонента; информационного — систематическая односторонняя и (или) искаженная подача информации. Кроме того, свобода выборов предполагает свободу, конечно, в рамках закона с некоторыми этическими и иными ограничениями предвыборной агитации;

2. Наличие выбора, альтернативных кандидатов. Сам термин «выборы» предполагает отбор из различных предложений. В случае, если есть лишь один кандидат (или партия), речь может идти о его (ее) одобрении или неодобрении избирателями, но не о выборах в полном смысле этого слова. Конечно, на практике, особенно в странах с еще не сложившейся многопартийностью, иногда создается ситуация, когда из-за высокого авторитета, мощной организационной и материальной поддержки национального политического лидера оппозиционные силы, не имея сколько-нибудь реальных шансов на успех, не решаются выставлять своих кандидатов. В таком случае демократический потенциал выборов существенно ограничивается. В условиях же политического плюрализма наличие альтернативных кандидатов — важный показатель демократизма выборов.

3. Состязательность, конкурентность выборов. Различные политические силы должны иметь возможность бороться за доверие избирателей на выборах, знакомить и убеждать их в правильности, преимуществах своей предвыборной программы, недостатках электоральных платформ конкурентов. Известно, что истина рождается в споре. И в этом смысле «политическая истина» — наиболее

приемлемые для большинства граждан программы, партии и кандидаты — обычно определяется в электоральном споре за властные позиции в государстве. В западных демократиях чрезмерную остроту политической конкуренции призван сдерживать принцип лояльности, обязывающий терпимо, без нарушения этических норм относиться к политическим конкурентам, не допускать оскорблений в их адрес, фальсификаций и т.п.;

4. Периодичность и регулярность выборов. Выборы способны выполнять конструктивные функции, служить инструментом демократии при условии, что носители мандатов избираются на определенный, не слишком большой срок. Это необходимо для того, чтобы избиратели могли контролировать своих представителей, предотвращать злоупотребления властью и корректировать политический курс правительства.

5. Равенство возможностей политических партий и кандидатов. Оно предполагает прежде всего примерное равенство их материальных и информационных ресурсов. Обеспечить такое равенство возможно за счет установления максимального для любой партии уровня расходов на проведение выборов, ограничения размера взносов организаций и отдельных лиц в избирательные фонды партий и кандидатов, предоставления им на принципах равенства бесплатного времени на государственном телевидении и радио и др. В некоторых странах, рассматривающих выборы как «государственно-политическое» дело, существует государственное финансирование избирательных кампаний. Так, в ФРГ каждой партии, получившей на выборах в бундестаг и в Европарламент не менее 0,5 % голосов, выделяется из государственного бюджета по 5 марок за каждый голос. Кроме того, слабые в финансовом отношении партии получают от государства немалые средства для «выравнивания шансов». В других же странах, например, в США, финансирование выборов — частное дело. Реализация на практике равенства возможностей — пожалуй, наиболее часто нарушаемый на выборах принцип, что в большей или меньшей степени искажает их результаты и демократический характер.

§ 3. Выборы в тоталитарных, авторитарных и переходных обществах

Выборы как орудие политического манипулирования
--

Соблюдение указанных принципов свободных выборов непосредственно зависит от типа политической системы, в частности, от наличия или отсутствия в обществе системных гарантий их демократичности: распространенности благоприятной для демократии политической культуры, разделения властей, организованной и влиятельной оппозиции, независимого и авторитетного суда и т.п.

В некоторых случаях важной или даже решающей гарантией соблюдения демократических принципов выборов могут выступать внешние факторы:

международный контроль, оккупационные войска демократических государств, как это было, например, в ФРГ после второй мировой войны и т.п. Однако такого рода ситуации — редкое явление. Обычно характер выборов определяется внутренними для страны условиями. **Без системной обеспеченности — наличия целого комплекса взаимосвязанных факторов — выборы как относительно самостоятельная политическая процедура могут использоваться в далеких от демократии и даже прямо противоположных ей целях.**

В современном мире выборы широко применяются авторитарными и тоталитарными режимами. Помимо тех, сравнительно редких случаев, когда они служат инструментом перехода к демократии, **главным социальным назначением выборов в условиях ав-торитаризма или тоталитаризма является укрепление соответствующих типов политического господства с помощью манипулирования сознанием собственных граждан и (или) международным общественным мнением.** Хотя в таком случае выборы не определяют состав правительства, они, выступая утонченным по сравнению с методами прямого принуждения инструментом стабилизации и сохранения власти, выполняют в политической системе важные функции. При всем сходстве социального назначения выборов, их функции в тоталитарных и авторитарных политических системах значительно различаются.

Тоталитарные режимы используют неконкурентные выборы, главной особенностью которых является наличие одного кандидата (или одного избирательного списка), выставляемого правящей группой или партией. Такие выборы не ставят под сомнение существующий политический режим и даже персональный состав власть имущих. В тоталитарных политических системах коммунистического типа они выполняют главным образом функции политической пропаганды, разъяснения официальных целей и ценностей политики; мобилизации масс на их достижение; упрочения «морально-политического единства» общества; демонстрации сплоченности партии и народа, вождей и масс посредством единодушной поддержки и всеобщего участия в выборах, формирования массовых иллюзий участия в политике и демократизма политического строя.

В авторитарных государствах выборы выступают демократическим фасадом, красивой декорацией, прикрывающей монополию на власть узкой группы лиц или одного человека. Здесь применяются как неконкурентные, так и полуконкурентные выборы. Последним обычно присущи такие черты, как допущение к выборам лишь угодных или по крайней мере лояльных к властям кандидатов и партий, ограничение компетенций избираемых с помощью выборов институтов власти и т.п. На практике это часто проявляется, например, в проведении выборов в фактически бесправные парламенты, которыми окружают себя многие авторитарные правители в Латинской Америке, Африке,

Азии, а также в государствах бывшего СССР. Современные недемократические режимы обычно используют целый комплекс способов, фальсификации результатов выборов и превращение их в инструмент манипулирования, средство организации самообмана собственных граждан и введения в заблуждение международного общественного мнения.

В авторитарных политических системах выборы выполняют функции укрепления легитимности существующего режима; повышения его репутации внутри страны и особенно за рубежом; ослабления политической напряженности в государстве; выявления оппозиции и ее приручения или создания по инициативе властей лишь формально оппозиционных им партий; стабилизации режима с помощью интеграции оппозиции и частичного учета ее требований.

Выборы как инструмент перехода к демократии
--

Значение выборов для утверждения (или предотвращения) демократии непосредственно зависит от общественно-политических условий каждой конкретной страны. В тех авторитарных государствах, где складывается благоприятное для нее соотношение сил и хотя бы в основном обеспечиваются принципы свободных выборов, они являются наилучшим инструментом демократизации общества.

Выборы обеспечивают **наиболее безболезненный** для граждан и всего общества мирный переход к демократии. По самой своей сути они исключают политическое насилие. Осуществляемые с их помощью изменения власти не требуют пролития крови, человеческих жертв, разрушений и т.п. Кроме того, выборы — **наиболее эффективное** средство ликвидации авторитарного режима и прихода к власти демократических сил. Такие режимы, как правило, опираются на военных, армию, полицию и спецслужбы, хорошо обученные для вооруженной борьбы и обладающие монополией на военную технику и наиболее эффективное оружие. Поэтому методы вооруженной борьбы за власть (сооружение баррикад, вооруженные нападения, партизанская война и т.п.) в современных условиях имеют очень мало шансов на успех без поддержки силовых структур, которые обычно находятся в относительно привилегированных условиях, повышающих их лояльность к власти. Осознавая это, сегодня даже радикальная оппозиция обычно выдвигает требование свободных выборов в качестве главного лозунга борьбы за власть.

Предпочтительность выборов как мирного средства борьбы за демократию не отрицает важности опоры ее сторонников на силу и прежде всего на поддержку демократически настроенных военных. Лишь в редких случаях смена авторитарных режимов обходится без актов политического насилия: попыток запретить оппозиционные партии, запугать или устранить, в том числе с помощью террора, их лидеров, разогнать неугодный парламент и т.п. От поддержки демократических сил военными очень часто зависит само согласие

авторитарных правителей на проведение демократических выборов и признание их результатов.

Важное достоинство выборов как инструмента демократизации общества состоит в том, что они сами по себе выступают **крупным шагом на пути демократизации**: либо вообще означают утверждение демократического режима, либо кладут начало процессу интенсивной демократизации политической системы, завершающемуся принятием демократической конституции.

Революционные насильственные формы борьбы даже в случае успеха непосредственно не приводят к возникновению демократических институтов, а завершаются лишь сменой авторитарной власти. Политическое насилие обычно имеет свою логику. Порождая многочисленный слой привыкших к использованию силы и отвыкших от созидательного труда людей, стремление победителей получить привилегии в качестве компенсации за понесенные жертвы и лишения, нетерпимость к побежденным, оно может провоцировать ожесточенное сопротивление последних. Вообще политическое насилие плохо совместимо с демократическим строем, тормозит его утверждение даже тогда, когда к власти приходят последовательные сторонники демократии. Выборы же исключают негативные для демократизации общества последствия смены власти.

Важнейшее значение выборов как инструмента перехода к демократии связано также с **утверждением ими основополагающих прав и свобод личности, общечеловеческих ценностей**. Свободные выборы сами по себе предполагают уважение правящим режимом (и оппозицией) свободы слова, собраний и объединений, равноправия граждан и других политических прав граждан. Они утверждают в обществе атмосферу осуждения насилия, уважения достоинства личности, мнения большинства народа, что способствует развитию демократического сознания граждан, повышению их политической активности, стремления к демократическим переменам.

Значение выборов как инструмента перехода общества к демократии и важнейшего условия ее жизнеспособности и эффективности, реализация рассмотренных выше основных принципов свободных выборов непосредственно зависят от организации избирательного процесса.

§ 4. Основные стадии избирательного процесса

**Нормативные основы выборов.
Мажоритарная избирательная система**

Избирательный процесс осуществляется по определенным правовым нормам, правилам, содержащимся в конституции и избирательном законе. Главным регулятором выборов является избирательная система, определяющая общие принципы организации выборов,

а также способы перевода голосов избирателей в мандаты, властные должности. Главное назначение избирательной системы — обеспечить представительство воли народа, а также сформировать жизнеспособные и эффективные органы власти.

Существует два **основных типа избирательных систем: мажоритарная** (альтернативная) и **пропорциональная** (представительная). При мажоритарной, системе для избрания кандидат или партия должны получить большинство голосов избирателей округа или всей страны, собравшие же меньшинство голосов никаких мандатов не получают. В зависимости от того, какое большинство требуется, мажоритарные избирательные системы делятся на системы **абсолютного большинства**, которые чаще используются на президентских выборах и при которых победитель должен получить больше половины голосов (минимум 50 % плюс один голос), и системы **относительного большинства** (США, Великобритания, Канада, Франция, Япония и др.), где для победы достаточно хотя бы на немного опередить других претендентов. При применении принципа абсолютного большинства в случае, если ни один кандидат не получил свыше половины голосов, проводится второй тур выборов, на котором представлены лишь два кандидата, получивших наибольшее число голосов (иногда во второй тур допускаются все кандидаты, набравшие в первом туре голосов больше установленного минимума).

Каждая из основных избирательных систем имеет свои сильные и слабые стороны. К числу **достоинств** мажоритарной системы обычно относят: 1) сравнительную легкость формирования правительства и его большую стабильность. Это достигается за счет распределения парламентских мандатов в основном среди крупных партий-победителей, отсеивания мелких партий, которые обычно не в состоянии обеспечить своим кандидатам большинство в избирательных округах, а также побуждения партий к коалициям или слиянию еще до начала выборов; 2) формирование устойчивых связей между избирателями и депутатами. Поскольку депутаты непосредственно избираются гражданами определенного округа и обычно рассчитывают на свое переизбрание, то они больше ориентируются на свой электорат, который, в свою очередь, лучше знает депутатов, чем при их избрании в общем партийном списке при пропорциональной системе.

Наряду с определенными достоинствами, мажоритарная избирательная система имеет и ряд существенных **недостатков**. Она во многом искажает реальную картину предпочтений и волю избирателей. При ней возможна ситуация, когда партия, пользующаяся меньшей поддержкой избирателей, одержит победу над партией, получившей в целом по стране большинство голосов. Это может быть достигнуто за счет различной степени концентрации в избирательных округах сторонников различных партий. Так, например, партия А может провести больше депутатов в парламент, чем партия Б, победив с

минимальным отрывом в 51 избирательном округе, в то время как за партию Б проголосует подавляющее большинство избирателей в 49 избирательных округах и большинство избирателей в целом по стране.

Непосредственная зависимость результатов выборов от распределения избирателей по округам создает опасность манипулирования посредством тенденциозного нарезания избирательных округов. Такая практика искажения воли избирателей получила название «избирательной географии» или «джерримендеринг» (по имени ее изобретателя — американского губернатора штата Массачусетс Джерри).

Создавая возможность формирования правительства, не пользующегося поддержкой большинства населения и сильно ограничивая доступ в депутатский корпус представителей меньшинств, в том числе небольших партий, мажоритарная система может ослаблять легитимность власти, вызывать у граждан недоверие к политическому строю, абсентеизм или даже склонность к радикальным, недемократическим методам политической борьбы. Непосредственная зависимость депутатов от населения определенного избирательного округа побуждает их к местничеству, недостаточному учету общенациональных интересов.

В условиях остроконфликтного общества мажоритарная система достаточно опасна для демократии, поскольку полярно разделяя и противопоставляя кандидатов, она может ориентировать соперников, особенно при близости их программ, не на поиск позитивного решения общественных проблем, а на критику и прямое очернение противника, разжигание атмосферы ненависти. Это может привести к политической поляризации общества, забвению демократических правил игры и разрушению самого демократического строя.

Пропорциональная система

На преодоление этих и некоторых других недостатков мажоритарной системы претендует пропорциональная избирательная система. Ее суть состоит в распределении мандатов пропорционально голосам, полученным партиями или избирательными коалициями. Главное **достоинство** этой системы — представительство партий в выборных органах в соответствии с их реальной популярностью среди избирателей, что позволяет полнее выражать интересы всех групп общества, активизировать участие граждан в выборах и политике в целом.

Однако пропорциональная система имеет и определенные **недостатки**. Важнейший из них — относительно меньшая стабильность правительства. Характерное для этой системы широкое представительство в парламенте различных политических сил очень часто не позволяет какой-нибудь одной партии иметь устойчивое большинство и побуждает к образованию коалиций. Объединение же во многом разнородных по своим целям партий часто

приводит к обострению противоречий между ними, к распаду межпартийных коалиций и правительственному кризису. Кроме того, политика правительства, сформированного на базе межпартийной коалиции, отличается большей эклектичностью и меньшей последовательностью.

Для того чтобы преодолеть чрезмерное партийное дробление состава парламента, ограничить возможность проникновения в него представителей крайне радикальных или даже экстремистских сил многие страны используют т.н. заградительные барьеры, или оговорки, устанавливающие необходимый для получения депутатских мандатов минимум голосов. Обычно он составляет от двух (Дания) до пяти (ФРГ) процентов всех поданных голосов. Партии, не собравшие необходимого минимума голосов, не получают ни одного мандата.

К недостаткам пропорциональной системы нередко относят и непосредственную зависимость выдвижения депутатов от позиций партийного аппарата, бюрократии, которая может, руководствуясь своими узкогрупповыми интересами, включать в партийные списки и непопулярных людей. Однако возможность такого рода действий зависит от характера внутривнутрипартийных отношений. В партиях с развитой внутривнутрипартийной демократией она минимальна. Кроме того, предотвращение вхождения в состав выборных органов непопулярных людей зависит от принятой в стране разновидности списков для голосования.

Существуют три основных вида **списков** для **голосования**: жесткие списки, когда голосуют за партию в целом и кандидаты получают мандаты в той последовательности, в которой они представлены в партийных списках; полужесткие — в этом случае обязательно мандат получает кандидат, возглавляющий партийный список, распределение же остальных полученных партией мандатов осуществляется в зависимости от полученных кандидатом голосов (преференций); свободные — распределение всех депутатских мест происходит в соответствии с преференциями избирателей.

Смешанная и консенсусная системы

В современном мире применяются различные модификации как мажоритарной, так и особенно пропорциональной систем. Многие страны, стремясь максимально использовать достоинства каждой из них и смягчить их недостатки, применяют **смешанные системы**, сочетающие элементы мажоритарной и пропорциональной избирательных систем. Так, в ФРГ одна половина депутатов бундестага избирается по мажоритарной системе относительного большинства, вторая половина — по пропорциональной системе. Подобная избирательная система использовалась и в России на выборах в Государственную Думу в 1993 и 1995 гг.

В последние десятилетия некоторые организации (ООН, партии «зеленых» и др.) используют **консенсусную систему** выборов. Она имеет позитивную

направленность, т.е. ориентирована не на критику противника, а на нахождение наиболее приемлемого для всех кандидата или избирательной платформы. Практически это выражается в том, что избиратель голосует не за одного, а за всех (обязательно больше двух) кандидатов и ранжирует их список в порядке собственных предпочтений. Так, например, если на пост президента претендуют 5 кандидатов, то голосующий определяет место каждого из них. За 1-е место дается 5 баллов, за 2-е — 4, за 3-е — 3, за 4-е — 2, за 5-е — 1 балл. После голосования полученные баллы суммируются и по их количеству определяется победитель.

Ориентируя субъектов политики на определенный порядок борьбы за власть, различные избирательные системы непосредственно влияют на характер партийных систем и всю избирательную кампанию.

Основные стадии избирательного процесса. Подготовка выборов
--

В зависимости от временной последовательности и особенностей решаемых задач избирательный процесс делится на несколько этапов, стадий: 1) подготовительный этап, характеризующий ту общественно-политическую почву, из которой «вырастают» выборы, а также организационные мероприятия, делающие возможным проведение выборов; 2) выдвижение кандидатов, завершающееся их регистрацией; 3) агитационно-пропагандистская кампания; 4) голосование и подведение итогов выборов. Строго говоря, лишь последние три этапа характеризуют непосредственно сам избирательный процесс. Однако подготовительный этап также оказывает важное влияние на все его стадии.

Выборы всегда осуществляются в конкретной общественно-политической среде, которая во многом определяется их подлинно демократический или манипулятивный характер. Эта среда (исторический контекст) включает ряд параметров, отражающих ее влияние на избирательный процесс, к ним относятся:

— наличие в обществе ценностного консенсуса, атмосферы доверия, готовности политических партий подавляющего большинства граждан уважать результаты выборов. В частности поэтому свободные выборы либо вообще невозможны, либо становятся инструментом манипулирования в странах, политические элиты и основные общественные группы которых видят в выборах не средство примирения и нахождения баланса политического влияния, а орудие укрепления своего господства и принуждения противников к повиновению;

— уважение в государстве прав человека. Это необходимо для того, чтобы избиратели и кандидаты чувствовали себя свободными, не подвергались разного рода угрозам, чтобы в обществе существовала атмосфера уважения личности, воли большинства и прав меньшинства;

— электоральная (гражданская) просвещенность избирателей. Она предполагает знание назначения и процедур выборов, основных политических партий, их программ и кандидатов, информированность и т.д. Гражданская просвещенность обеспечивает сознательность и компетентность решений, без которых выборы являются не волеизъявлением народа, а инструментом массового манипулирования, используемым элитами;

— демократический характер регистрации избирателей. Это означает прежде всего отсутствие любого рода дискриминации: по национальному, расовому, имущественному или какому-либо другому признаку. В большинстве демократических стран мира составлением списков избирателей занимаются местные органы власти, которые автоматически вносят в них изменения в связи с переездом гражданина на другое место жительства, достижением им избирательного возраста и т.п. В США участие в выборах рассматривается как сугубо личное дело и заботиться о регистрации должен сам голосующий. Точность и полнота списков избирателей, а также наличие документов, позволяющих идентифицировать каждого человека, предотвращают возможность фальсификаций с помощью лишения одних людей права голоса и многократного голосования других;

— демократический порядок регистрации и взаимоотношений партий. Партии — главный субъект электоральной активности, политического участия, организации и мобилизации граждан. Они — основной претендент на формирование парламента и правительства. Во всех стабильных демократических государствах характер отношений между партиями определяет общую канву и атмосферу выборов. Для свободных выборов крайне важно, чтобы все признающие демократическую конституцию партии имели возможность регистрации, выдвижения депутатов и электоральной борьбы. Удержать партии от нарушений закона и этических норм и тем самым укрепить общую атмосферу доверия помогают межпартийные соглашения о кодексе поведения партий, для контроля над соблюдением которых обычно создаются специальные комиссии, представляющие всех участников избирательного процесса;

— формирование независимых, беспристрастных и компетентных органов управления избирательным процессом. К ним относится прежде всего избирательная комиссия. Ее функции разнообразны, хотя и не одинаковы в различных странах. Обычно это: толкование избирательного закона, определение правил и процедур проведения выборов, организация избирательных участков, проверка подлинности собранных в поддержку кандидатов подписей, регистрация избирателей и кандидатов, подготовка предвыборных материалов и подбор аппарата, необходимого для проведения выборов, урегулирование возникающих споров, проведение мероприятий по электоральному просвещению граждан, подсчет и сведение результатов выборов и их объявление, общий контроль за процессом выборов. Беспристрастность и независимость членов избирательных комиссий призвано гарантировать

наделение их особыми правами (привилегиями) и иммунитетом, как это имеет место у судей. Избирательные комиссии могут оказывать большое влияние на протекание и характер выборов, в том числе служить инструментом их фальсификации. Помимо избирательных комиссий важные функции по организации выборов выполняют местные органы власти, оказывающие им разностороннюю практическую помощь;

— наличие доступных для всех механизмов подачи и рассмотрения жалоб и разрешения споров, а также эффективных и независимых органов контроля за соблюдением избирательного закона всеми участниками электорального процесса, в том числе членами избирательных комиссий. К этим органам относятся специальные (избирательные трибуналы) или общие суды, а в некоторых странах — избирательная прокуратура. Такая прокуратура была создана, например, во время избирательной реформы в Мексике в 1994 г. для расследования электоральных преступлений: в частности использования государственными служащими служебного имущества и средств, в том числе транспортных, для поддержки определенной партии или кандидатов, для давления на подчиненных с целью побуждения их к определенному электоральному решению и т.п. Эффективность судебного контроля за выборами предполагает суровые санкции за противоправные действия: тюремное заключение, штрафы, отмену регистрации кандидатов или партий и т.п.

Выдвижение кандидатов

После проведения подготовительных мероприятий и официального назначения сроков выборов начинается избирательная кампания. Сам этот термин применяется по отношению как ко всему государству, так и отдельным кандидатам или партиям. В первом случае **избирательная кампания представляет собой комплекс организационных, политических, информационно-пропагандистских и агитационных мероприятий по непосредственному обеспечению избирательного процесса в государстве, во втором — систему мероприятий, направленных на успех конкретного кандидата или партии.**

Первый шаг избирательной кампании — выдвижение кандидатов и (или) партий (движений). Существуют различные способы их выдвижения и регистрации: 1) сбор подписей в поддержку кандидата или партии; 2) предоставление регистрационного взноса или денежного залога, а также документов, свидетельствующих о наличии у кандидата определенной поддержки, например списка партийных активистов или членов группы поддержки; 3) автоматическая регистрация кандидатов в случае занятия ими оспариваемых на предстоящих выборах постов.

Наибольшее распространение имеет выдвижение кандидатов партиями, общественными движениями и организациями, группами граждан, собравшими

определенное количество подписей в их поддержку. Число подписей, необходимых для регистрации кандидата, зависит от уровня выборов (президентские, парламентские, региональные и т.п.), а также от особенностей избирательного закона страны. В одних государствах требуется миллион и более подписей; в других же, например в Великобритании, для формальной регистрации в качестве кандидата достаточно подать личное заявление, подписанное несколькими избирателями. Большое число подписей, а также короткий срок их сбора могут служить серьезным препятствием для претендентов, представляющих малообеспеченные слои населения, которые обычно не обладают большими финансовыми (деньги), информационными (СМИ) и организационными (поддержка партии и (или) других организаций) ресурсами. Поэтому для обеспечения демократизма выборов процедура выдвижения кандидатов не должна быть чрезмерно сложной и дорогой и в то же время должна ограждать избирательную комиссию от претендентов, не пользующихся значительной общественной поддержкой. Слишком большое количество претендентов и депутатов может затруднять проведение выборов, дезориентировать избирателей и требует больших финансовых затрат со стороны государства. Международно признанные нормы свободных выборов предполагают ограничения для баллотировки кандидатов лишь по признакам гражданства, возраста, срока проживания в стране, судимости по уголовным делам, психической и физической полноценности.

Стадия выдвижения депутатов непосредственно определяет возможности и диапазон электорального выбора. История, в том числе новых государств, образовавшихся на территории СССР, знает немало примеров, когда власть имущие отсеивали неугодных кандидатов еще на этапе их выдвижения, оставляя в списках для голосования лишь «своих людей». В таких случаях создается иллюзия выбора, а само народное волеизъявление превращается в фарс.

Агитационная кампания

Выдвижение кандидатов завершается их регистрацией, после чего начинается агитационная (предвыборная) кампания. На этой стадии наблюдается максимальная активность конкурирующих партий и кандидатов, они получают широкие возможности убеждать избирателей в своих преимуществах с помощью СМИ, рекламы, наглядной агитации, непосредственного личного общения кандидатов и их доверенных лиц с гражданами в ходе многочисленных поездок по стране или электоральному округу. Агитационная кампания оказывает большое влияние на решения избирателей, во многом предопределяет успех или неудачу претендентов. Поэтому ее организации и проведению уделяется особое внимание.

Для ведения избирательной кампании и главным образом для ее агитационного этапа создается специальный штаб, куда обычно входят главный распорядитель, финансовый агент, пресс-секретарь, политический организатор,

координатор графика кампании, технический секретарь и помощники. К этому штабу примыкают доверенные лица, группа поддержки кандидата, группа социально-политологического обеспечения, состоящая из профессиональных политологов, социологов, психологов, юристов, имиджмейкеров (специалистов по политической рекламе), а также активисты-добровольцы и агитаторы, спонсоры кампании и некоторые другие ее активные участники.

Современные агитационные кампании обычно ведутся в соответствии с научными рекомендациями по четко разработанному плану, состоящему из таких основных элементов, как анализ и оценка политической ситуации и уязвимых для кандидата мест, стратегия, тактика и график кампании, структура управления ею и ее бюджет.

Любые выборы требуют наличия немалых **материальных** (деньги, помещения и т.п.), **временных** (время, необходимое для подготовки и проведения выборов, обучения аппарата, печатания бюллетеней и предвыборных материалов, выработки программы и избирательной стратегии, сбора средств и т.п.) и **человеческих** (люди, участвующие в избирательной кампании) ресурсов. Без таких ресурсов выборы либо вообще не состоятся, либо дадут явные преимущества обладателям электоральных ресурсов: представителям правящей группировки, крупного капитала, владельцам СМИ и т.п.

Главное условие демократического характера агитационной кампании — примерное равенство или хотя бы справедливое распределение ее ресурсов среди всех основных конкурентов. Это предполагает **выравнивание избирательных фондов** с помощью государственного финансирования, ограничения частных взносов, запрета поступлений со стороны корпораций и иностранных граждан, а также с помощью других средств; **обеспечение приблизительно равного доступа к СМИ**, особенно электронным — без этого выборы превращаются в инструмент манипулирования; **строгий запрет использовать государственные средства для получения преимуществ на выборах**. Последнее, в частности, предполагает недопущение использования для ведения собственной кампании (в том числе для привлечения внимания прессы) руководителями государства и высшими чиновниками своего служебного положения, государственных служащих, а также помещений, транспорта, техники, телефонов и т.п.; запрет принятия в период избирательной кампании незапланированных социальных мер и программ, призванных повысить популярность правительства на выборах и др. Нарушениями подобного рода явно изобиловали президентские выборы в России в 1996 г.

Голосование и подведение итогов выборов
--

Агитационная кампания, завершаясь за одни или несколько суток до голосования, оставляет избирателям возможность самостоятельно, без

давления извне обдумать свой выбор и принять окончательные решения, которые они выражают непосредственно в день выборов. Голосование и подведение его итогов — кульминационный этап избирательного процесса. В этот период непосредственно выражается воля граждан, определяющая состав органов власти.

В наши дни голосование осуществляется с помощью либо специальных избирательных машин (их первые образцы уже в конце XIX в. начали использовать в США), либо избирательных бюллетеней. Последний способ голосования распространен гораздо шире. Основным местом голосования служат избирательные участки, хотя в некоторых странах, например в Швеции, разрешается голосовать дома и по почте. В одних государствах (Австрия, Австралия, Бельгия, Италия, ФРГ и др.) голосование рассматривается не только как право, но и как обязанность граждан, а за неучастие предусматриваются денежные штрафы, общественное порицание или другие наказания. В других же странах (США) голосование — дело добровольное.

Сразу же после завершения голосования избирательная комиссия или другой специальный избирательный орган начинают подсчет его результатов. Между голосованием и подсчетом голосов не должно быть перерыва или задержки, поскольку это может быть использовано для различного рода фальсификаций. В международной практике наиболее часто встречаются такие нарушения правил голосования и подсчета, как изготовление и учет лишних избирательных бюллетеней, прямая приписка голосов одному из депутатов, изъятие бюллетеней, поданных за негодного кандидата, и др.

Для того чтобы предотвратить подобные фальсификации и обеспечить доверие граждан к результатам выборов, необходим надежный контроль за голосованием и подведением его итогов. Это обеспечивается формированием пользующейся доверием конкурирующих партий избирательной комиссии; использованием независимых, в том числе международных, наблюдателей; независимое параллельное подведение итогов голосования, которое могут осуществлять совместно или раздельно представители партий, СМИ, церкви, авторитетные отечественные или международные наблюдатели. Отсутствие надежного контроля за ходом и результатами выборов может превратить их в инструмент манипулирования, скомпрометировать их в глазах граждан, породить массовые протесты и обострить политическую ситуацию. Поэтому прозрачность выборов, предполагающая открытость всего избирательного процесса для наблюдения и контроля со стороны общественности, самих политических конкурентов и независимых наблюдателей, — важнейшее условие их демократичности.

§ 1. Политическое развитие

Понятие политического развития

Эволюция политических систем и режимов правления в каждый отдельный момент отличается тем или иным состоянием структур управления, степенью включенности граждан в отношения с государством и другими показателями, выражающими качественные особенности и характер политических изменений. Оценка этих параметров дает возможность говорить о степени политической развитости данных систем власти.

В политической мысли различные идейные течения сформулировали собственные критерии политического развития. Так, в либеральных представлениях политическое развитие выражает воплощенность основополагающих прав человека, подконтрольность государства гражданскому обществу, плюрализм, духовную свободу и т.д. Консерваторы делают упор на преобладании моральных стимулов политического поведения, на обеспечении преемственности с предыдущими формами правления, сохранения базовых норм и принципов организации власти. Марксизм связывает критерии развитости политических систем с обеспечением ими господства коллективных форм собственности, гегемонии рабочего класса и лидирующей роли коммунистической партии. Следование данным принципам оценки политической реальности дает возможность говорить о предпочтительности, к примеру, демократии над тоталитаризмом или — в марксистском понимании — социализма над капитализмом.

Однако в переходных обществах, в условиях незавершенных политических процессов использование данных критериев не только затруднительно, но нередко противостоит самой идее развития. К примеру, институализация демократических процедур отправления власти, расширение плюрализма могут вести в этих условиях к установлению деспотических форм правления, потере управляемости обществом и другим, явно негативным последствиям. Теоретическое решение этой проблемы было сформулировано в трудах Ф. Тенниса, М. Бебера, Т. Парсонса, заложивших основы т.н. социологии развития. Сторонники этого направления рассматривали все модификации политических систем в рамках обширного перехода от традиционного к современному обществу. При этом первое понималось по преимуществу как аграрное, основанное на простом воспроизводстве и отличающееся закрытой социальной структурой, низким индивидуальным статусом гражданина, жестким патронажем государственного правления. Современное общество трактовалось как индустриальное (постиндустриальное), базирующееся на открытости социальной структуры и рациональной организации власти.

Поскольку в переходных условиях всегда существует то или иное соотношение элементов традиционной и современной организации власти, было

предложено различать два типа политических изменений. Первый тип изменений означает нарушение соотношения элементов, которые выражают равновесие системы и не затрагивают основных структур общества и власти. Например могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве. Второй же тип изменений касается модификации несущих элементов, трансформирующих базовые институты, нормы и коммуникации, которые в совокупности способствуют достижению системой нового качественного состояния.

Ученые, конкретизировавшие эту теоретическую схему, пришли к выводу, что политическое развитие осуществляется в той мере, в какой политические структуры, нормы и институты способны к оперативному, гибкому реагированию на новые социальные, экономические и прочие проблемы, к восприятию общественного мнения. Иными словами, формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией звеньев управления, способные к учету мнений населения и реализации решений, политическая система превращается в гибкий механизм для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти. И в этом смысле не имеет никакого значения, какую конкретную национально-государственную форму обретут эти политические изменения (унитарную, федеративную или другую), какая партия получит статус правящей, какая идеология будет определять политику будущего. Главное, что способность политических институтов решать все новые и новые проблемы, их открытый характер отношений с обществом будут выражать позитивную динамику данной системы власти, обозначать ее переход на качественно новый уровень своего существования.

Таким образом, политическое развитие можно определить как нарастание способностей политической системы к гибкому приспособлению к изменяющимся социальным условиям (требованиям групп, новому соотношению сил и ресурсов власти) при сохранении и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством.

Основные условия политического развития
--

Повышение адаптируемости политической системы к новым социальным требованиям на основе рационализации ее строения и организации предполагает нарастающую дифференциацию структур и функций органов управления. Чтобы иметь возможность учесть интересы социальных групп, чье положение может достаточно быстро меняться в связи с территориальными перемещениями, ростом образования, профессиональной подготовки и т.д., политическая система должна формировать соответствующие каналы для

артикулирования и агрегирования этих потребностей (в частности, расширяя возможности действия групп интересов, партий, институализируя прямую демократию и т.д.). Важным условием для осуществления этих изменений является формирование и совершенствование нормативной (прежде всего — законодательной) базы, способной обеспечить равенство политического участия традиционных и новых социальных групп, а также усилить влияние ценностей, предполагающих интеграцию социума и идентификацию граждан.

Из сказанного непосредственно вытекает требование к росту компетентности политических — как правящих, так и оппозиционных — элит. По сути, именно от их способности использовать консенсусные, правовые технологии властвования зависит возможность избежать насилия при проведении реформ, исключить издержки политического радикализма. Понятно, что такое требование предполагает создание условий для свободной конкуренции элит в борьбе за поддержку населением. В свою очередь, и рядовые граждане должны обладать возможностью контролировать своих избранников, отслеживать, соответствуют ли их профессиональные и личные качества занимаемому общественному положению. Селекция компетентных элит важна и для формирования рациональной управленческой бюрократии, ответственной перед правящими элитами и населением, выполняющей свои обязанности на основе действующего законодательства и профессиональной этики.

Одним из основных условий успешного эволюционного политического развития является своевременное выделение по преимуществу кратковременных задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед. В противоположность этому проекты, сориентированные на длительную историческую перспективу, не могут учесть динамизм текущих изменений и при последовательном их воплощении превращаются в фактор, усиливающий сопротивление реформам и ведущий к обвальному, неконтролируемому развитию событий. В результате государство, как считал Э. Бёрк, не только лишается средств проведения реформ, но и прекращает свое существование.

§ 2. Политическая модернизация

Сущность и этапы
политической модернизации

Проблемы политического развития стран в переходных условиях наиболее полно описываются теорией модернизации, которая представляет собой **совокупность различных схем и моделей анализа, раскрывающих динамику преодоления отсталости традиционных государств**. Теоретическая основа этих концепций заключена в идейном наследии Дж. Локка, А. Смита, а также в трудах уже упоминавшихся

основоположников «социологии развития». Многие ученые рассматривают теорию модернизации как альтернативу учению К. Маркса.

Несмотря на различие подходов к описанию переходных процессов, все эти теории и модели анализа основываются на признании неравномерности общественного развития, наличия досовременного периода в развитии государств, реальности существования современных сообществ, а также на понимании необходимости преобразования (модернизации) отсталых стран в индустриальные (постиндустриальные). Таким образом, термин «модернизация» означает одновременно и стадию (состояние) общественных преобразований, и процесс перехода к современным обществам.

Неся в себе нормативность, заданность перехода к «модерну», эти теории вынуждены определять критерии современного общества, которые необходимо учитывать недостаточно развитым странам в процессе своего реформирования. При этом страны, достигшие высокого уровня развития естественным путем, рассматриваются как носители «спонтанной модернизации», а те, которым еще предстояло пройти этот путь, — как государства «отраженной модернизации».

Поскольку первые теории подобного рода возникли в 50—60-е гг. XX в., когда приоритет западных стран, и прежде всего США, в области управления, стандартов потребления и многих других аспектов был бесспорен, то в качестве прообраза «современного» государства поначалу признавалось «свободное» американское общество. Иными словами, модернизация понималась как вестернизация, т.е. копирование западных устоев во всех областях жизни (а в политической сфере предполагала воспроизведение парламентских и партийных институтов, разделение властей, выборность законодательных и исполнительных органов власти и т.д.). В этом смысле модернизация была предварительным условием социально-экономического и политического развития стран, ибо само развитие становилось возможным только после укоренения основных черт организации общественной жизни западного образца.

Понимаемая как последовательное движение к заданному состоянию через ряд промежуточных этапов, модернизация выступала формой «догоняющего развития», выражающей зависимость осуществляемых реформ от образцов — стран, уже совершивших подобный переход. Главным же средством осуществления преобразований считалась экономическая помощь западных государств. Предполагалось, что достижение определенного уровня дохода на душу населения вызовет такие же, как на Западе, изменения в социальной и политической системах общества. Иначе говоря, основным модернизирующим фактором признавался капитал, способный, якобы, транслировать социальные технологии, ценности, демократические институты и тем самым победить низкие стандарты потребления, нарушение прав человека, деградацию культуры и т.д.

Однако взгляд на модернизацию как на линейное движение и последовательное освоение афро-азиатскими, латиноамериканскими и рядом других стран ценностей и стандартов западной организации власти, отношений государства и гражданина не выдержал испытания жизнью. В реальности демократизация, институализация либеральных ценностей, установление парламентских систем и прочих стандартов западной организации власти оборачивались не повышением эффективности государственного управления, а коррупцией чиновничества, произволом бюрократии, занятой собственным обогащением, катастрофическим расслоением населения и его политической аморфностью, нарастанием конфликтности и напряженности в обществе. Многие ученые объясняли это неподготовленностью этих стран к демократическому пути развития. Но односторонность, искусственность данных теоретических схем модернизации была, тем не менее, очевидной.

В результате в 70—80-е гг. связь между модернизацией и развитием была пересмотрена: первая стала рассматриваться не как условие второго, а как его функция. Приоритетной целью было названо изменение социальных, экономических, политических структур, которое могло проводиться и вне западной демократической модели. При этом сам факт существования традиционных институтов и ценностей политологи уже не рассматривали как препятствие к «модерну». При сохранении приоритета универсальных критериев и целей будущего развития главный упор стал делаться на национальную форму их реализации.

Переход к «модерну» стали представлять как целостный, относительно длительный этап, на котором возможно не только развитие, но и простое воспроизводство ранее существующих структур, а также и упадок. Кроме «догоняющей», стали говорить о модернизации «частичной», «рецидивирующей», «тупиковой» и т.д.

Главным элементом, от которого зависит характер переходных процессов и преобразований, по мнению ведущих теоретиков этого направления политической мысли, служит социокультурный фактор, а еще точнее — тип личности, ее национальный характер, обуславливающий степень восприятия универсальных норм и целей политического развития. Стало общепризнанным, что модернизация может осуществиться только при изменении ценностных ориентаций широких социальных слоев, преодолении кризисов политической культуры общества. Некоторые теоретики (М. Леви, Д. Рюшемейер) даже пытались вывести некий закон глобальной дисгармонии, раскрывающий несовпадение социокультурного характера общества и потребностей его преобразования на основании универсальных целей.

**Пути модернизации общества
и политической системы**

Обобщая условия модернизации различных стран и режимов, многие ученые настаивали на необходимости определенной

последовательности преобразований, соблюдения известных правил при их осуществлении. Так, У. Мур и А. Экстайн полагали необходимым начинать реформирование с индустриализации общества; К. Гриффин — с реформ в сельском хозяйстве; М. Леви настаивал на интенсивной помощи развитых стран, С. Эйзенштадт — на развитии институтов, которые могли бы учитывать социальные перемены; У. Шрамм считал, что главная роль принадлежит политическим коммуникациям, транслирующим общие ценности; Б. Хиггинс видел главное звено модернизации в урбанизации поселений и т.д.

В более общем виде проблема выбора вариантов и путей модернизации решалась в теоретическом споре либералов и консерваторов. Так, ученые **либерального** направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) полагали, что появление среднего класса и рост образованного населения приводят к серьезным изменениям в природе и организации управления. Это не только кладет предел вмешательству идеологии в регулирование социальных процессов, но и ставит под сомнение эффективность централизованных форм реализации решений (поскольку политически активное население способствует возникновению дополнительных центров властного влияния). В целом же характер и динамика модернизации зависят от открытой конкуренции свободных элит и степени политической вовлеченности рядовых граждан. От соотношения этих форм, которые должны обязательно присутствовать в политической игре, и зависят варианты развития общества и системы власти в переходный период.

В принципе возможны четыре основных варианта развития событий:

— при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан складываются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ;

— в условиях возвышения роли конкуренции элит, но при низкой (и отрицательной) активности основной части населения складываются предпосылки установления авторитарных режимов правления и торможения преобразований;

— доминирование политического участия населения над соревнованием свободных элит (когда активность управляемых опережает профессиональную активность управляющих) способствует нарастанию охлократических тенденций, что может провоцировать ужесточение форм правления и замедление преобразований;

— одновременная минимизация соревновательности элит и политического участия масс ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, что также может провоцировать приход третьей силы и установление диктатуры.

В русле этого подхода американский политолог Р. Даль выдвинул теорию полиархии (о которой уже говорилось в гл. II). По его мнению, применительно к слаборазвитым странам полиархия обеспечивает открытое политическое

соперничество лидеров и элит, высокую политическую активность населения, что и создает политические условия и предпосылки осуществления реформ. При этом полиархическая политическая система не всегда легко достижима для стран,двигающихся от «закрытой гегемонии» к системе,исключающей произвол элиты и дающей возможность гражданам контролировать деятельность власть предержажших.

Роберт Даль выделял семь условий, влияющих на движение стран к полиархии: последовательность в осуществлении политических реформ; установление сильной исполнительной власти для социально-экономических преобразований в обществе; достижение определенного уровня социально-экономического развития, позволяющего производить структурные преобразования в государстве; установление определенных отношений равенства—неравенства; субкультурное разнообразие; наличие интенсивной иностранной помощи (международного контроля); демократические убеждения политических активистов и лидеров.

По мнению этого американского ученого, переход к полиархии должен быть постепенным, эволюционным, избегающим резких, скачкообразных движений и предполагающим последовательное овладение правящими элитами консенсусной технологии властвования. Авторитаризм же, понимаемый им как неизбежное установление гегемонии лишь одной из сил, участвующих в политическом диалоге, может не только иметь отрицательные последствия но и негативно сказаться на достижении целей модернизации. Поэтому эффективность полиархического режима власти, нарастание его политической результативности зависят от обеспечения взаимной безопасности конкурирующих элит, установления сильной исполнительной власти и развития центров самоуправления на местах.

Теоретики же **консервативной** ориентации придерживаются иной точки зрения на процесс модернизации. По их мнению, главным источником модернизации является конфликт между мобилизованностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институализацией, наличием необходимых структур и механизмов для артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти, а следовательно, и неосуществимость их ожиданий от включения в политику способствуют дестабилизации режима правления и его коррумпированности. Таким образом из-за опережающего участия масс модернизация вызывает «не политическое развитие, а политический упадок». Иначе говоря, в тех странах, где промышленный, индустриальный скачок не ложится на почву демократических традиций, на приверженность населения праву, идеи компромисса, любые попытки реформирования системы власти будут иметь негативные для общества последствия.

Если, полагают консерваторы, для экономики главным показателем реформирования является рост, то для политики — стабильность. Поэтому для модернизируемых государств необходим «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией, способной сдерживать тенденцию к дестабилизации. Таким образом, в противоположность тем, кто, как К. Дейч, призывал укреплять интеграцию общества на основе культуры, образования, религии, философии, искусства, С. Хантингтон делает упор на организованности, порядке, авторитарных методах правления. Именно эти средства приспособления политического режима к изменяющейся обстановке предполагают компетентное политическое руководство, сильную государственную бюрократию, возможность поэтапной структурализации реформ, своевременность начала преобразований и другие необходимые средства и действия, ведущие к позитивным результатам модернизации.

Ученые консервативного направления указывали на возможность вариантов модернизации, ибо авторитарные режимы весьма неоднородны. Так, американский ученый Х. Линдз полагал, что, во-первых, авторитарные режимы могут осуществлять частичную либерализацию, связанную с определенным перераспределением власти в пользу оппозиции (т.е. устанавливая т.н. полусостязательный авторитаризм), чтобы избежать дополнительного социального перенапряжения, но сохранить ведущие рычаги управления в своих руках; во-вторых, авторитарные режимы могут пойти на широкую либерализацию в силу ценностных привязанностей правящих элит; в-третьих, режим правления может развиваться по пути «тупиковой либерализации», при которой жесткое правление сначала заменяется политикой «декомпрессии» (предполагающей диалог с оппозицией, способный втиснуть недовольство в законное русло), а затем выливается в репрессии против оппозиции и заканчивается установлением еще более жесткой диктатуры, чем прежде. В принципе не исключался и четвертый вариант эволюции авторитарного режима, связанный с революционным развитием событий или военной катастрофой и приводящий к непредсказуемым результатам.

В целом, несмотря на подтверждение целесообразности установления авторитарных режимов в ряде стран (например в Южной Корее, Тайване, Чили), отрицание значения демократизации несет в себе серьезную опасность произвола элит и перерастания переходных режимов в откровенные диктатуры.

Современное значение теории модернизации

Рассматривая теорию модернизации как специфическую логику политологического анализа, следует признать, что она помогает адекватно описывать сложные переходные процессы. Многочисленные исследования, формирующиеся в этом русле, подтверждают общую направленность развития мирового сообщества к индустриальной (постиндустриальной) фазе своей эволюции. Этот глобальный процесс

развивается в тесной связи с расширением экономического сотрудничества и торговли между странами, распространением научных достижений и передовых технологий, постоянным совершенствованием коммуникаций, ростом образования, урбанизацией.

Считается общепризнанным, что модернизация носит альтернативный характер. Однако мировой опыт позволил уточнить тот некогда интуитивно формировавшийся образ «современного государства», чьи стандарты в организации экономики, политики, социальных отношений выражают необходимые цели переходных преобразований. К таким универсальным требованиям в сфере экономики следует отнести, например, товарно-денежные регуляторы производства, увеличение затрат на образование, рост роли науки в рационализации экономических отношений и т.д. В социальной сфере можно говорить о необходимости формирования открытой социальной структуры с неограниченной мобильностью населения. В области политики — это плюралистическая организация власти, соблюдение прав человека, рост политических коммуникаций, консенсусная технология реализации управленческих решений и проч.

Признание приоритета универсальных норм и требований модернизации, тем не менее, не является основанием для умозрительного навязывания некоей «обязательной» программы для всех развивающихся государств. Универсальные критерии «модерна» — это тот комплекс целей, ориентируясь на воплощение которых страны могут создать политические, экономические и прочие структуры, позволяющие им гибко реагировать на вызовы времени. Однако средства, темпы, характер осуществления данных преобразований целиком и полностью зависят от внутренних факторов, национальных и исторических способностей того или иного государства.

В этом смысле можно сказать, что главным противоречием модернизации является конфликт между ее универсальными целями (или нормами «мировой политической культуры» — Л. Пай) и традиционными, национальными ценностями и традициями развивающегося государства. Цели и ценности модернизации, проникая в сложившийся менталитет того или иного государства, порождают мощные социальные дисфункции, перенапряжение структур и механизмов управления. Поэтому правящие структуры, заинтересованные в реализации реформаторской политики, должны максимально снижать взрывную реакцию политического поведения граждан, искать способы встраивания социокультурной архаики в логику общественных преобразований. Только последовательность и постепенность использования национальных культурных стереотипов могут способствовать позитивному решению стоящих перед обществом проблем. Ни игнорирование прежних традиций, ни гоночный темп реформ психологически непосильны для человека традиционного общества. В противном случае протест «массы рассерженных индивидов» (Х. Арендт) — даже не возражающих против модернизации как таковой — может быть

направлен против реформаторского режима и, как показал опыт ряда стран Восточной Европы и России, вызвать достаточно серьезную дестабилизацию в обществе, поставить под вопрос реализацию принципиально необходимых целей.

Не менее серьезное значение для процесса модернизации имеет и противоречие между дифференциацией ролей в политической системе, императивами равенства граждан (на участие в политике, перераспределение ресурсов) и возможностями власти к интеграции социума. В этом смысле, как свидетельствуют многочисленные исследования, правящие режимы должны акцентировать внимание на правовых способах решения конфликтов, соблюдении равенства всех граждан перед законом, решительно пресекать политический радикализм, противодействовать терроризму.

Важным выводом теории модернизации является положение о двух этапах этого переходного процесса — условно говоря, первичном, когда развитие осуществляется по преимуществу за счет внутренних ресурсов и источников, и вторичном, предполагающем более активное привлечение зарубежной помощи.

Модернизируемые страны, будучи смешанными обществами, т.е. сочетающими элементы традиционного и современного устройств, обладают мощными источниками как внутренних, так и внешних конфликтов. Поэтому характер и интенсивность внешней помощи могут определяться не исчерпанием тех или иных внутренних ресурсов преобразований, а соображениями зарубежных партнеров о собственной безопасности.

Повышенная конфликтность социальных и политических процессов в условиях модернизации определяет весьма высокую вероятность немирных способов урегулирования общественных преобразований. Более того, как показывает опыт, после непродолжительных периодов либерализации нередко устанавливаются диктатуры левого или правого толка. Так, например, в России столыпинскую оттепель сменила диктатура большевиков; приход Муссолини завершил в Италии либеральную эру правления Джолитти; гитлеровский режим разрушил Веймарскую республику; диктатор Франке пришел на смену либерально-демократическому правлению Примо де Риверы и т.д. Таким образом, в модернизируемых государствах не только проблематична институализация демократических норм и принципов власти, но и достаточно высока вероятность попятных политических процессов.

В целом для успешного реформирования модернизируемых государств необходимо достичь трех основных консенсусов (между правящими и оппонирующими политическими силами): по отношению к прошлому развитию общества (избежать «охоты на ведьм», стремиться к примирению побежденных и победителей, относительному затишью полемики по поводу переоценки прежних режимов правления); в установлении временных норм при обсуждении в условиях политической свободы целей общественного развития; в определении правил «политической игры» правящего режима. Достижение подобного рода

социально-политических консенсусов зависит не только от искусства правящих и оппозиционных элит, их способности вести заинтересованный диалог и находить точки соприкосновения с оппонентами, но и от степени ценностной и идеологической дифференциации общества. Так, например, в России традиционный для общества ценностный раскол существенно затрудняет решение этих задач, постоянно провоцируя подрыв достигнутого гражданского согласия.

Если же удастся достичь этих трех компромиссов, то реорганизация политических структур и институтов (обновление функций органов управления, рост партий, укрепление самоуправления на местах и т.д.), обладает значительно большим социальным эффектом, растет способность власти мобилизовать на проведение реформ человеческие и материальные ресурсы, укрепляется стабильность режима правления, шире используются правовые технологии подготовки и осуществления управленческих решений и т.д.

Раскрывая пути развития переходных систем, теория модернизации выделяет специфические кризисы, которые обуславливают исполнение политическими субъектами своих функций в отношениях власти.

§ 3. Кризисы политического развития

Кризис идентичности

Кризис идентичности наступает тогда, когда распад идеалов и ценностей, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры заставляет людей искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в обществе и своих связей с государством.

Необходимость поиска новой духовной связи с социальными и иными группами вынуждает людей пересматривать отношение к традициям, прошлому опыту, символам государственности, господствовавшей идеологии. Осознавая значимость сохранившихся или новых идей, человек определяет и свои возможности политического участия в изменившемся государстве, использования механизмов власти для защиты своих ценностей и интересов. Особо острые проблемы встают перед людьми в связи с пониманием ими своей общности с большими, макросоциальными, группами — классами, народами, государствами, которые претерпевают в этот период наиболее существенные изменения. Весьма ощутимо это сегодня в России, где народ — как полиэтническая и мультисоциальная общность — формируется не только в связи с появлением новых слоев, развивающихся на базе возникновения частного уклада, товарных отношений, но и на основе массовой миграции населения, вызванной изменениями в национально-государственном устройстве. В результате во многих районах изменяется соотношение местного и некоренного населения, возникают этнические диспропорции, усложняются конфессиональные и прочие связи.

Явно негативную окраску идентичность приобретает у граждан, усматривающих в новых формах социальной и политической жизни не дополнительные возможности для личного существования, а «обман» государством населения, невыполнение им своих обязательств, а то и «заговор» против «трудящихся». Осознание отсталости своей страны нередко стимулирует чувство социальной замкнутости, склонность к радикализму, усиливает недоверие к государству и демократическим ценностям. Эти разрушительные эмоции препятствуют развитию более рациональных взглядов на положение человека в обществе и на характер государства.

Наиболее простым способом обретения идентичности является чувство принадлежности к той или другой нации. В то же время национальное самосознание способно принимать в переходных условиях любые формы: от роста потребности в освоении культурных ценностей этноса до активного отрицания равных прав других наций в данном государстве. У маргинальных слоев такие чувства нередко окрашены резким этноцентризмом и шовинизмом, что провоцирует определенные политические силы на этнические чистки, террор и другие насильственные средства решения политических противоречий (как, например, в Боснии, Абхазии, Чечне).

Типичное средство разрешения кризиса идентичности — поиск харизматического лидера, способного взять на себя всю тяжесть морального выбора, снять с людей индивидуальную ответственность за их выбор политической позиции. В то же время правление харизматического лидера дает человеку определенное время для оценки ситуации, включения в новые связи с государством.

Снизить остроту кризиса идентичности могут открытый характер режима правления, развитие коммуникаций, системы образования, поощрение вертикальных и горизонтальных политических связей населения и другие методы, позволяющие устранить предубежденность людей в чужеродности демократических форм для данного общества.

Кризис распределения материальных и культурных благ
--

Объем и характер потребляемых благ — один из ключевых факторов, от которого зависит поддержка или отрицание населением реформ и осуществляемых их режимов. Далеко не всегда власти в переходный период способны обеспечить населению устойчивый рост материального благосостояния, причем в приемлемых для людей формах стимулирования и распределения. Поэтому переходные правительства часто сталкиваются с протестом населения, вызванным изменением стандартов и способов потребления, а также ростом социальных ожиданий граждан от предложенных новых методов хозяйствования, развития отношений с другими странами и т.д.

Властям приходится сталкиваться с позициями тех, кто: 1) положительно относится к прежним принципам социального контракта с государством (ненапряженный труд — стабильность социального существования), но считает привлекательными для себя новые стандарты потребления; 2) положительно оценивает прежние принципы распределения и отрицательно — новые; 3) отрицательно относится к ранее доминировавшим нормам и способам получения продукта и положительно воспринимает новые принципы получения материальных и культурных благ.

Носители разных социальных пристрастий сориентированы на различные модели взаимоотношений с государством. Первые выступают за централизованные пути распределения благ, социальную помощь государства и другие методы, по сути лишаящие смысла структурные экономические преобразования и сохраняющие разрыв между трудом и денежным эквивалентом. Сторонники второй точки зрения, испытывая симпатии к централизованному распределению благ, активно выступают против рыночных стратегий, мешая укоренению новых принципов. Представители третьей группы могут выступать за распределение материальных и духовных благ в зависимости от интенсивности индивидуального труда как основы добывания необходимых жизненных средств. Однако без определенных социальных корректив такая позиция может привести к массовому распространению бедности, оставить «за бортом» многие недостаточно жизнеспособные слои (пенсионеров, студентов). Сторонники быстрых, решительных изменений в этой сфере нередко переоценивают роль правящих элит, точнее, — их способность повернуть «кран материального обеспечения» в любую сторону. Столь же поверхностны и иллюзорны их надежды на иностранную помощь, отодвигающую на неопределенное время перестройку отечественной инфраструктуры, их уверенность в возможности быстрого изменения стереотипов и предрассудков населения, касающихся социальных отношений с государством.

Правительства, таким образом, должны выработать стратегию, которая, с одной стороны, была бы сориентирована на структурные изменения в экономике, на преобразование принципов распределения материальных и культурных благ, а с другой — учитывала бы реальные возможности государства и населения перейти к нетрадиционным формам поддержания социальных взаимоотношений. Необходимыми элементами такой стратегии, как показал опыт, должны стать эффективная система налогообложения, способная поощрять отечественного производителя; формирование массовых структур переобучения работников; создание разнообразных компенсационных механизмов (например адресная социальная помощь), обеспечивающих не столько сокращение разрыва в доходах, сколько сохранение стабильности социального статуса для определенных категорий населения; всемерное поощрение мелкого и среднего бизнеса и т.д.

Кризис участия

Кризис участия обусловлен ломкой привычных форм и механизмов вовлечения граждан в политику при увеличении числа стремящихся к участию в управлении и создании нового баланса политических сил.

В условиях модернизации интенсивно растут специализированные группы интересов, соревнующиеся за доступ к рычагам власти. Политическая система — путем формирования новых и совершенствования функций традиционных институтов власти, придания стабильности отношениям управляющих и управляемых и т.д. — должна уметь впитывать и интегрировать эти «заявки» на политическое участие. Но при этом строго пресекать все агрессивные формы артикулирования и агрегирования интересов. Агрегированность может сопровождать претензии на участие во власти как тех традиционных групп, которые достаточно быстро становятся социальными аутсайдерами, так и тех формирований, что отрицают любые цивилизованные формы достижения цели.

Чаще всего кризис участия усугубляется слабой развитостью системы представительства социальных интересов, несоответствием политических структур и институтов запросам и чаяниям населения (в результате чего политический протест может «обходить» предлагаемые государством каналы и механизмы учета мнений, порождая непредсказуемые последствия для органов управления), а также нерешительностью властей в пресечении деятельности политических радикалов и террористов. Препятствия для урегулирования данного типа отношений создают и нарастание сопротивления оппозиции, сепаратистские тенденции и национально-территориальные конфликты, бюрократизация элиты, попытки ее отдельных звеньев и образований перехватить несвойственные им функции в процессе принятия решений. Свою лепту в ужесточение кризиса участия вносит и индифферентизм населения, обесценивающий попытки властей преобразовать политические структуры, нежелание (и неумение) широких социальных слоев отбирать достойных и компетентных представителей своих интересов в органы управления.

Чтобы преодолеть кризис участия, правящий режим должен стараться не форсировать преобразования, вызывающие взрывные реакции больших групп населения, придерживаться принципов равенства политического участия различных групп населения и в то же время стараться не доводить социальные или идеологические разногласия граждан до политических форм их разрешения. Власти обязаны строго следовать предложенным ими правилам политической игры, создавать прецеденты правового выхода из ситуаций, связанных с их нарушением, всемерно поддерживать идеалы и ценности, способные интегрировать общество и государство.

Кризис «проникновения»

Кризис «проникновения» отражает противоречия, которые возникают при стремлении правящих сил

(прежде всего высших органов государственной власти) реализовать свои решения во всех сферах общественной жизни. В условиях модернизации соперничество групп за ресурсы власти, господство своих ценностей, властные полномочия, приводит к появлению множества центров влияния, обладающих возможностью изменять в свою пользу содержание управленческих решений (законов, установлений) центральных властей. Например местные элиты апеллируют к местным нормам, обычаям и интересам, что при распаде хозяйственных и иных связей позволяет им сохранить и усилить свое влияние. На изменение характера принятых решений могут претендовать не только местные правящие элиты, стремящиеся к дополнительным полномочиям и прерогативам при решении политических вопросов, но и оппозиция. Снижают эффективность политического регулирования также и разнородность позиций различных групп и слоев населения, отсутствие у граждан политического опыта, иррациональные черты массового сознания, влияющие на неадекватное восприятие решений центра.

В результате законы, постановления и иные нормативные распоряжения властей во многом теряют свою регулируемую способность, т.е. не проникают в достаточной мере в социальные и политические отношения. Понижение эффективности решений центральных властей принижает авторитет не только режима, но и исповедуемых им ценностей. Попытки исправить положение, любой ценой «продать» необходимые решения нередко заставляют режим перешагивать допустимые границы в политическом торге с оппонентами, толкают правящие круги к популизму, способствуют нарастанию коррупции, усиливают теневые механизмы власти.

Чтобы решения исполнялись, несмотря на сопротивление, правящие круги должны прежде всего формировать рациональную организацию власти. С одной стороны, к прерогативам центра следует относить только те вопросы, которые необходимо решать в масштабах всего государства (соблюдение равенства всех граждан перед законом, охрана границ, обеспечение стабильности валюты и т.д.), способствуя тем самым активному перераспределению полномочий между центром и местами, возлагая на территориальные органы управления ответственность за принятие конкретных решений по вопросам реформ в их регионах. С другой стороны, такая реорганизация власти должна сохранять вертикальную ответственность нижестоящих органов управления, препятствовать их атомизации и обеспечивать надежные формы контроля за деятельностью всех структур, задействованных в принятии и осуществлении решений. Таким образом можно будет не только сохранить необходимую обществу централизацию управления, но и решить более общую задачу — обеспечение зависимости государства от гражданского общества.

Кризис легитимности

Кризис легитимности возникает в результате рассогласования целей и ценностей правящего режима с представлениями основной части граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования, нормах справедливого правления и с другими ценностями массового сознания. Соответствие целей режима и массовых представлений способствует поддержке и росту легитимности правящих структур, а несоответствие — падению легитимности и дестабилизации государственности.

Достижение необходимой степени поддержки массами правящих структур, соответствующего консенсуса между элитой и неэлитой заставляет их вступать в различного рода переговоры, торги, взаимостимулировать поведение друг друга. Нередко степень поддержки властей населением даже не зависит от эффективности управления и применения власти (например в ряде африканских государств население отказывало в поддержке эффективно действующим властям только по причине их колониального происхождения). Иными словами, режимы могут быть неэффективными, но легитимными, и наоборот.

Тем не менее, при прочих равных условиях эффективность экономических или социальных реформ, правовых или политических преобразований служит наиболее серьезной основой для обеспечения поддержки режима правления со стороны населения. Но достигнуть эффективного функционирования экономики в условиях ее структурного реформирования крайне сложно, если вообще возможно. В любом случае для этого требуется время, которого переходные правительства чаще всего не имеют. Поэтому нередко вместо позитивного социально-экономического и политического строительства правящие режимы выбирают иные методы обеспечения массовой поддержки, способные даже привлечь на их сторону политических оппонентов, консервативные круги общества. Речь идет о попытках интеграции общества под флагом противоборства с внешним (или внутренним) противником, стимулирования патриотических чувств и даже гражданского самопожертвования. Однако такие методы обеспечения легитимности режима, как правило, не носят долговременного характера.

В целом наиболее продуктивными средствами обеспечения легитимности правящего режима является способность элиты обеспечивать постепенное реформирование общества, достигать консенсуса и соглашения с политическими противниками (что означает согласие меньшинства в той или иной степени присоединиться к выполнению принимаемых большинством решений), образовывать разнообразные политические коалиции, согласительные комитеты и проч. для поддержания гарантий гражданского мира, формировать позитивный образ своих лидеров в глазах населения. Наиболее благоприятные последствия от ведения такой политики наступают при доминировании в об-

ществе толерантности, доброжелательности, ассоциативном перенесении авторитета лидеров на структуры и институты правящего режима.

* * *

В настоящем учебном пособии освещены лишь наиболее общие проблемы политической науки, и прежде всего те из них, которые имеют непосредственную значимость для жизни общества и отдельных граждан. Практическое применение политических знаний в России требует внимательного учета специфики страны. Наша противоречивая действительность далеко не всегда укладывается в рамки классических, политических теорий и поддается однозначным научным оценкам. Во многом это объясняется переходным состоянием общества, наличием в нем самых различных, порою трудно совместимых явлений. Однако и здесь без политического образования невозможно правильно ориентироваться в сложном лабиринте событий.

Материалы учебного пособия призваны помочь студенту понять основы политики и демократического государственного устройства, компетентно анализировать реальные политические процессы и активно участвовать в строительстве новых, гуманных и цивилизованных отношений между гражданами. Конечно, более глубокое знакомство с миром политики требует дальнейшего изучения политической теории и практики.